

**ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена»**

На правах рукописи

Хрусталёв Вячеслав Константинович

**Судебные процессы по уголовным делам как инструмент политической
борьбы в Римской республике в 78-49 гг. до н.э.**

Специальность: 07.00.03 – всеобщая история

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

**Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Кудрявцева Татьяна Владимировна**

**Санкт-Петербург
2013**

Введение	3 -
Глава 1. Система уголовного судопроизводства в Поздней римской республике	26 -
1.1 Органы уголовного суда и их состав	26 -
2.2 Процедура уголовного судопроизводства в Поздней римской республике	56 -
Глава 2. Эволюция уголовного законодательства в 78-49 гг. до н. э. как отражение политической борьбы в Римской республике.....	85 -
2.1 Борьба с злоупотреблениями на выборах и законодательство о подкупе избирателей (<i>de ambitu</i>)	86 -
2.2 Позднереспубликанское законодательство по делам о вымогательстве (<i>de repetundis</i>) и о насильственных действиях (<i>de vi</i>).....	114 -
Глава 3. Судебные процессы в <i>quaestio de maiestate</i> : пример использования уголовного суда в политических целях	126 -
3.1 Понятие « <i>maiestas</i> » и эволюция уголовного законодательства по делам об оскорблении величия римского народа (<i>crimina laesae maiestatis</i>)	126 -
3.2 Уголовные процессы над народными трибунами Гаем Корнелием и Гаем Манилием (66-65 гг. до н.э.)	139 -
3.3 Судебный процесс над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 58 г. до н.э.....	163 -
3.4 Судебный процесс по обвинению в оскорблении величия над Авлом Габинием, консулом 58 г. до н.э.	179 -
Заключение.....	197 -
Список сокращений	201 -
Источники.....	203 -
Литература.....	209 -
Приложение 1	229 -
Приложение 2	231 -
Приложение 3	235 -

Введение

Последние несколько десятилетий существования Республики – безусловно, один из наиболее интересных и важных периодов римской истории. Римская держава стоит на перепутье: старые ценности уходят в прошлое, происходит ломка традиционных институтов. В этих условиях политическая борьба в Республике, и ранее отличавшаяся остротой, достигает особого накала. Соперничающие между собой группировки и отдельные политики не стесняются прибегать к любым приёмам и ухищрениям, в том числе весьма неблагоприятным, для достижения своих задач: подкупу избирателей, запугиванию конкурентов, вооружённому насилию. Важное место среди этих технологий занимает использование в политических целях уголовных судебных процессов.

Актуальность темы. Изучение заявленной проблемы позволяет уточнить роль, которую сыграли амбиции и неразборчивость в средствах отдельных политиков, в трансформации республиканского общественно-политического строя, в его постепенном перерождении в авторитарный; определить, какое значение в этом процессе имели методы и способы политической борьбы, использовавшиеся борющимися за власть группировками нобилитета. При этом сформулированная исследовательская задача: рассмотрение того, как в политических целях использовался уголовный процесс, – отсылает нас не только к римской истории. Подобные явления имеют место в большинстве государств мира и во все эпохи.

Объектом нашего исследования являются римские уголовные суды в период Поздней республики. Соответственно, **предмет** исследования – это использование уголовных судов в политических целях, т.е. в качестве средства борьбы с политическими противниками.

Целью настоящей диссертации является анализ организации и функционирования римского уголовного суда в период от смерти диктатора

Луция Корнелия Суллы (78 г.¹) и до начала гражданской войны между Цезарем и Помпеем (49 г.) с точки зрения использования его как инструмента политической борьбы. Постановка данной цели обуславливает следующие конкретные задачи, которые решались нами по ходу исследования:

- рассмотрение действовавших в указанный период органов римского уголовного суда, а именно – изучение истории их возникновения, эволюции, способов формирования и социального состава;
- подробный анализ существовавшей в эпоху Поздней республики процедуры уголовного судопроизводства с точки зрения тех возможностей, которые она открывала для использования суда в политических целях;
- изучение эволюции уголовного законодательства в тех сферах, которые были наиболее тесно связаны с политической жизнью римского государства (это, прежде всего, законодательство по делам о подкупе избирателей, о вымогательстве, о насильственных действиях и об оскорблении величия);
- анализ конкретных обстоятельств некоторых, наиболее значимых с политической точки зрения судебных процессов по обвинению в оскорблении величия (*de maiestate*), представляющих собой яркие образцы использования уголовного суда в политических целях.

Источниковая база нашего исследования весьма обширна. В отличие от многих других периодов античной истории, I в. до н.э. сравнительно хорошо освещён в источниках. При этом, что особенно важно, мы располагаем не только информацией, которую сообщают позднейшие авторы, но и прямыми свидетельствами современников. Безусловно, на первое место по своему значению для разработки поставленных проблем необходимо поставить многочисленные произведения Марка Туллия Цицерона (106-43 гг.) –

---

¹ Все даты в настоящей работе, относящиеся к античной истории, – до н.э., если не указано иное.

политического деятеля, философа и, что для нас особенно важно, опытного судебного оратора.

Полностью сохранились 58 судебных и политических речей Цицерона. Ещё 17 дошли во фрагментах, иногда довольно значительных по объёму². Судебные речи Цицерона являются единственным уцелевшим памятником судебного красноречия, относящимся к периоду Поздней республики. Почти все они – защитительные; лишь две речи против Гая Верреса, знаменитые «Веррины», Цицерон подготовил, выступая в качестве обвинителя.

Так как судебные речи Цицерона являются одним из главных наших источников, кажется правомерным задаться вопросом, насколько дошедшие до нас их письменные варианты соответствуют тому, что действительно говорилось в суде великим оратором. Можем ли мы рассматривать эти тексты как более или менее точную передачу реально произнесённых речей, или же они представляют собой исключительно литературные произведения? От ответа на этот вопрос зависит и метод работы с этими текстами, и степень нашего доверия к ним.

Сам факт записи произнесённой в уголовном суде речи в Риме I в. неувидителен. Хорошо известно, что ко времени Цицерона для ораторов уже давно стало обычным издавать письменные версии своих речей после выступлений. Безусловно, Цицерону были доступны записи речей как греческих, так и римских ораторов – его предшественников. Они читались, прежде всего, как литературные произведения и использовались в качестве образцов молодыми людьми, которые обучались красноречию³. К слову, письменные варианты речей могли иметь хождение и без разрешения и желания их автора, как это случилось, например, с произнесённой Цицероном в сенате речью «In Clodium et Curionem» (*Cic. Att.* III, 12, 2; III, 15, 3). Степень соответствия этих «самиздатовских»

---

² См., напр., издания: M. Tulli Ciceronis orationum deperditarum fragmenta / Ed. G. Puccioni. Mediolani, 1963; M. Tullius Cicero. The fragmentary speeches / Ed. and comm. by J.W. Crawford. Atlanta, 1994.

³ О мотивах, которыми мог руководствоваться Цицерон, публикуя свои судебные речи, см.: *Stroh W.* Taxis und Taktik. Die advokatische Dispositionskunst in Ciceros Gerichtsreden. Stuttgart, 1975. S. 50-52; *Crawford J.W.* M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. Hypomnemata: Untersuchungen zur Antike und zu ihrem Nachleben. H. 80. Göttingen, 1984. P. 1-7; *Powell J., Paterson J.* Introduction // Cicero the advocate / Ed. by J. Powell, J. Paterson. N.Y., 2004. P. 52-53.

сочинений авторскому оригиналу зачастую оставляла желать лучшего (ср.: *Quintil. Inst. orat. VII, 2, 24*).

Вопрос о том, насколько близки между собой произнесённые Цицероном речи и их записанные варианты волновал уже античных писателей. Римский писатель и историк I в. Корнелий Непот рассказывает, что слышал речь Цицерона «Pro Cornelio de maiestate», а потом читал её уже изданной. По его наблюдениям, тексты произнесённой и опубликованной речей практически совпадали (*Nep. De vita Cic. Fr. 2 Peter*). Квинтилиан пытается доказать, что произнесённые оратором и записанные варианты речей должны быть если не идентичны, то, во всяком случае, очень похожи (*Quintil. Inst. orat. XII, 10, 54*). Он также оставил интересное свидетельство о том, как Цицерон готовился к выступлениям. Согласно Квинтилиану, великий оратор почти никогда не записывал всю свою речь целиком. Он набрасывал только вступление и заключение, а также делал отдельные краткие заметки (*Quintil. Inst. orat. X, 7, 30*). Лишь в очень редких случаях Цицерон произносил речь *ex scripto*, т.е. имея перед глазами уже записанный её текст⁴. Таким образом, письменный вариант произнесённой речи создавался *post factum*, с использованием этих конспектов и по памяти (*Cic. Tusc. IV, 55; De sen., 38; Brut., 91*). При публикации речь могла быть сокращена, какие-то эпизоды судебного процесса (например, допрос свидетелей) оратор зачастую опускал (*Cic. Brut., 164; Plin. Min. Ep. I, 20, 6-8*). Иногда несколько ораторских выступлений объединялись в одно. Так, Асконий сообщает, что, защищая в 65 г. бывшего народного трибуна Гая Корнелия в течение четырёх дней, Цицерон соединил материалы слушаний в две речи (*Ascon. 62 Clark*). Сложнее с вопросом, имел ли оратор привычку вносить в текст более или менее значительные добавления. Нам известен только один такой пример, но и он относится не к судебной, а к политической речи (*Cic. Att. I, 13, 5*). Поэтому вряд ли Цицерон прибегал к данной практике часто.

---

⁴ Самый известный пример – это речь «В сенате по возвращении из изгнания» («*Post reditum in senatu habita*») (*Cic. Planc., 74*), но даже она была произнесена не в суде, а в сенате.

Особняком стоит речь «Pro Milone», о которой известно, что её опубликованный вариант оратор подверг некоторой переработке. Наряду с ним, в древности существовала также запись действительно произнесённой речи Цицерона, известная, в частности, Асконию и Квинтилиану (*Ascon.* 42 Clark; *Quintil.* Inst. orat. IV, 3, 17; ср. *Schol. Bob.* 112 Stangl). Дж. Сеттл⁵ считает её фальшивкой, сфабрикованной врагами Цицерона с целью его дискредитировать, но аргументы этого исследователя не представляются нам убедительными⁶. Причины, по которым Цицерон решил переработать речь для публикации, по видимому, заключаются в том, что выступление оратора оказалось не слишком удачным, а его подзащитный был осуждён (*Ascon.* 42 Clark)⁷. Плутарх (*Plut.* Cic. 35, 2-4) и Дион Кассий (*Dio* XL, 54, 2) пишут о полном провале защиты Цицерона, но их сообщения нам не кажутся достоверными: оба они явно следуют враждебному по отношению к оратору источнику⁸. Тем не менее, мы всё же полагаем, что произнесённая и опубликованная речи отличались не слишком сильно, а сохранённый Дионом анекдот⁹ есть просто сплетня, распушенная недругами Цицерона¹⁰.

Исходя из приведённых выше соображений, можно сделать вывод: дошедшие до нас речи Цицерона, очевидно, не являются дословной передачей того, что действительно говорилось великим оратором в суде. Однако нет оснований не верить античным авторам, которые практически в один голос утверждают, что произнесённый и опубликованный вариант были в целом очень

---

⁵ *Settle J.N.* The trial of Milo and the other *Pro Milone* // TAPhA. 1963. Vol. 94. P. 274-280.

⁶ См. по этому поводу: *Powell J., Paterson J.* Introduction... P. 55; *Dyck A.R.* The 'other' *Pro Milone* reconsidered // *Philologus.* 2002. Bd. 146. S. 182-185.

⁷ О том, почему Цицерон всё-таки решился на публикацию речи с проигранного процесса, см.: *Powell J., Paterson J.* Introduction... P. 55.

⁸ См.: *Settle J.N.* The trial of Milo... P. 272-274; *Lintott A.W.* Cicero and Milo // *JRS.* 1974. Vol. 64. P. 74 n. 135; *Marshall B.A.* *Excepta oratio*, the other *Pro Milone* and the question of shorthand // *Latomus.* 1987. T. 46. P. 730-731; *Fotheringham L.* Cicero's fear: multiple readings of *Pro Milone* 1-4 // *MD.* 2006. № 57. P. 63.

⁹ Якобы Милон, которому Цицерон переслал текст опубликованной речи, написал в ответ: хорошо, что Цицерон не произнёс этой речи на суде, иначе ему, Милону, не пришлось бы лакомиться такими замечательными устрицами в Массилии, где он жил в изгнании (*Dio* XL, 54, 3).

¹⁰ См.: *Marshall B.A.* A historical commentary on *Asconius.* Columbia, 1985. P. 190-191.

близки друг к другу, даже если различались в деталях. Поэтому мы приходим к заключению, что дошедшие до нас опубликованные обвинительные и адвокатские речи Цицерона должны рассматриваться (с небольшими оговорками) как записи подлинных судебных выступлений, но ни в коем случае – как политические памфлеты или риторические описи, не имеющие никакого отношения к реальной жизни.

Также нельзя упускать из виду, что речи Цицерона отнюдь не могут быть признаны сколько-нибудь объективными свидетельствами. Автор их – не пассивный наблюдатель, но активный участник судебного процесса, чаще всего адвокат. Соответственно, он делает всё возможное, чтобы оправдать своего подзащитного. Разумеется, произнося свои защитительные речи, едва ли Цицерон часто прибегал к откровенной лжи. Члены суда должны были быть знакомы со многими фактами, относящимися к процессу, и, если бы адвоката уличили в обмане, это могло полностью подорвать доверие к нему и его подзащитному. Поэтому правильнее говорить скорее о манипулировании фактами, о стремлении представить их с наиболее благоприятной для обвиняемого стороны. Если невиновность подсудимого была сомнительна, то Цицерон стремился всеми способами запутать сущность дела, отвлечь внимание судей на посторонние предметы, в общем, выражаясь его собственными словами, как передаёт их Плутарх, навести «тень на ясный день» (πολὸ σκότος ἐν φωτὶ τῷ δικάστηρίῳ) (*Plut. Cic. 25, 1*)¹¹. Всё это требует особенно осторожного и критического отношения к речам Цицерона как историческому источнику.

Помимо речей, огромное значение для нас имеет сохранившаяся переписка Цицерона с братом Квинтом, лучшим другом Титом Помпонием Аттиком и ещё рядом лиц, охватывающая период с 67 по 43 гг. О значении этих писем для исследователя Поздней республики нельзя сказать лучше, чем это сделал две тысячи лет назад друг Аттика Корнелий Непот: «Кто их прочтёт, тому не понадобится историческое повествование о тех временах. В них так подробно описаны политические страсти вождей, развращённость военачальников и

---

¹¹ См.: *Robinson O.F.* Penal practice and penal policy in ancient Rome. L.-N.Y., 2007. P. 31.

перемены, происходившие в государстве, что всё становится ясным» (*quae qui legat, non multum desideret historiam contextam eorum temporum. Sic enim omnia de studiis principum, vitiis ducum, mutationibus rei publicae perscripta sunt, ut nihil in eis non appareat*) (*Nep. Att. 16, 3-4* – пер. Н.Н. Трухиной). Находясь в Риме, Цицерон сообщает своим адресатам последние новости, передаёт городские слухи и сплетни, рассказывает обо всех перипетиях римской политической жизни. Большое внимание он уделяет также громким уголовным процессам, в которых зачастую сам принимал участие в качестве адвоката. В письмах Цицерон куда откровеннее, чем в речах, так что в целом они должны считаться более аутентичным источником.

Кроме того, перу Цицерона принадлежит несколько трактатов по ораторскому искусству («*Orator*», «*De oratore*», «*Brutus*»), которые содержат весьма ценные сведения об истории развития римского красноречия и об отдельных судебных процессах. Необходимо назвать также некоторые философские произведения Цицерона – «*О государстве*» («*De re publica*»), «*Об обязанностях*» («*De officiis*»), «*О законах*» («*De legibus*») и др., – к которым нам также доводилось обращаться.

Чрезвычайно важны для нас такие, сравнительно редко привлекаемые отечественными исследователями произведения, как схолии (комментарии исторического и филологического характера) к речам Цицерона. На первое место среди них следует поставить, конечно, учёный труд Квинта Аскония Педиана, датируемый 54-57 гг. н.э.¹² Асконий, по всей видимости, написал комментарии ко многим (возможно, даже ко всем) опубликованным речам Цицерона, но до нашего времени дошли только пять из них. Это схолии к речам «*In Pisonem*» (произнесена в 55 г.), «*Pro Scauro*» (54 г.), «*Pro Milone*» (52 г.), «*Pro Cornelio de maiestate*» (65 г.) и «*In toga candida*» (64 г.). «Комментарии» Аскония ценны не только потому, что включают фрагменты из несохранившихся речей великого римского оратора («*Pro Cornelio de maiestate*» и «*In toga candida*»), но и потому, что сами по себе являются источником уникальной информации. При составлении

---

¹² Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A.C. Clark. Oxonii, 1907. P. V-VI.

своих «Комментариев» Асконий опирался на многочисленные труды других писателей, большинство из которых не дошло до нашего времени. Он довольно часто называет свои источники, среди них – произведения самого Цицерона; исторические сочинения Валерия Антиата, Целия Антипатра, Фенестеллы, Тита Помпония Аттика, Тита Ливия, Саллюстия и др.; биография Цицерона, составленная его вольноотпущенником Тироном. Привлекает Асконий и такой источник как «Acta diurna» – своеобразную римскую ежедневную «газету», учреждённую Цезарем в его первое консульство в 59 г. Комментарий Аскония носит исключительно исторический характер; особенности грамматики, лексического употребления, риторические приёмы Цицерона его не интересуют. В целом труд Аскония следует назвать весьма информативным, надёжным и достоверным источником.

Меньшую ценность имеет ряд сохранившихся позднеантичных комментариев. Долгое время приписывались Асконию схолии к речам против Верреса, пока датский исследователь Й. Мадвиг¹³ не доказал, что они принадлежат неизвестному автору, который жил в IV или V в. н.э.; в литературе тот получил имя Псевдо-Аскония. В 1814 г. итальянец А. Май открыл палимпсест с ещё одним позднеантичным комментарием к речам Цицерона, происходившим из итальянского монастыря Боббио. Он также первоначально приписал его Асконию, но вскоре, после обнаружения другой части текста, понял свою ошибку. Обнаруженные А. Май схолии получили наименование «Scholia Bobiensia»; они содержат комментарии к двенадцати речам великого оратора. Насколько мы можем судить, схолиаст из Боббио во многом опирался на комментарий Аскония, однако он значительно уступает последнему в точности и достоверности излагаемых фактов.

Интересную информацию о судебной теории и практике содержат римские учебники по ораторскому искусству. До нашего времени от эпохи Поздней республики сохранилась «Риторика к Гереннию» («*Rhetorica ad Herennium*»)

---

¹³ *Madvig J.N. De Q. Asconii Pediani et aliorum veterum interpretum in Ciceronis orationes commentariis disputatio critica. Copenhagen, 1828.*

(начало I в.), авторство которой долгое время приписывалось Цицерону. От периода Империи до нас дошло сочинение Марка Фабия Квинтилиана «О воспитании оратора» («*Institutio oratoria*») в 12 книгах, опубликованное около 95 г. н.э. Труд Квинтилиана содержит как рассуждения о теории ораторского искусства, так и практические советы судебным ораторам, сопровождаемые многочисленными примерами из реальной жизни. Очень часто источником этих примеров служит богатая судебная практика Марка Туллия Цицерона и некоторых других республиканских ораторов. Благодаря этому «О воспитании оратора» является ценнейшим источником для изучения некоторых крупных уголовных процессов периода Поздней республики и римской судебной процедуры в целом.

Сохранившиеся труды римских историков позднереспубликанской и императорской эпох для исследования заявленной темы имеют второстепенное значение. Среди них следует отметить произведение Гая Саллюстия Криспа «О заговоре Катилины» («*De coniuratione Catilinae*») (ок. 41 г.), которое содержит ценные сведения о политической борьбе в Римской республике в 60-ые гг. К сожалению, до нашего времени не дошли посвящённые Поздней республике книги титанического труда Тита Ливия «*Ab urbe condita*». Однако сохранились развёрнутые оглавления этих книг – периохи, составленные неизвестным автором предположительно во II в. н.э. Из историков Ранней империи можно назвать также Веллея Патеркула, перу которого принадлежит «Римская история» в двух книгах («*Historiae Romanae libri duo*»).

Разумеется, изучая уголовное судопроизводство, нельзя пройти мимо сохранившихся памятников римского права. Однако сочинения юристов позднереспубликанского периода безвозвратно утрачены; от них остались лишь небольшие фрагменты. Поэтому мы вынуждены опираться в основном на труды правоведов императорской эпохи, начиная с II-III в. н.э. Во II в. н.э. были созданы «Институции» («*Institutiones*») Гая, одного из крупнейших римских юристов. Этот труд предназначался для преподавания права и пользовался в древности широкой популярностью. На первую половину III в. н.э. приходится период жизни и

творчества другого известного правоведа, Юлия Павла. До нас дошла значительная часть его сочинения «Сентенции к сыну» («Sententiae ad filium») в 5 книгах, в котором дано краткое изложение действующих юридических норм. Огромное значение для изучения римского права имеют «Дигесты» («Digestae»), вошедшие в «Свод гражданского права» («Corpus iuris civilis»), который был создан по повелению византийского императора Юстиниана в первой половине VI в. н.э. «Дигесты» представляют собой собрание отрывков из сочинений ведущих римских юристов, посвящённых различным вопросам частного и публичного права и расположенных в систематическом порядке. Именно из них мы узнаём о конкретном содержании ряда республиканских уголовных законов, продолжавших действовать и во времена Империи.

Сведения об отдельных эпизодах римской политической истории и некоторых громких судебных процессах мы также можем почерпнуть из сочинений справочного и энциклопедического характера, к которым относятся «Девять книг достопамятных деяний и изречений» («Factorum et dictorum memorabilium libri novem») Валерия Максима (написаны вскоре после 31 г. н.э.), «Естественная история» («Historia naturalis») Плиния Старшего (ок. 77 г. н.э.) и «Аттические ночи» («Noctes Atticae») Авла Геллия (середина II в. н.э.).

Кроме латинских источников, большое значение имеют сочинения греческих писателей эпохи Римской империи. На первое место среди них, безусловно, следует поставить «Римскую историю» («Ρωμαϊκὴ ἱστορία») Диона Кассия Коккеяна, написанную в первой половине III в. н.э. Данное сочинение включало в себя 80 книг, из которых до нашего времени полностью или с небольшими лакунами сохранились книги с XXXVI по LX; остальные дошли во фрагментах, пересказах и сокращениях византийских писателей. Сохранившиеся книги содержат изложение событий с 69 г. до н.э. по 46 г. н.э. В своём повествовании Дион опирается на многочисленные источники, среди которых он называет, например, Тита Ливия и Плутарха. В целом Диона Кассия можно считать добросовестным и серьёзным историком, однако его сочинение несвободно от неточностей и ошибок. Порой Дион необъективен в угоду личным

симпатиям и антипатиям. В частности, к Цицерону он испытывает неприязнь и никогда не упускает случая выставить того в неблагоприятном свете. Цезаря, напротив, Дион ценит очень высоко. Тем не менее, «Римская история» является чрезвычайно важным источником по истории Поздней республики.

Греческий писатель II в. н.э. Плутарх из Херонеи включил в свои «Параллельные жизнеописания» («Οἱ βίοι παράλληλοι») биографии ряда важнейших политических деятелей эпохи Поздней республики: Цезаря, Помпея, Цицерона, Катона Младшего, Лукулла. Плутарх не ставил себе целью дать систематическое изложение исторических событий. Он сам честно предупреждал об этом читателей: «Мы пишем не историю, а жизнеописания (οὔτε γὰρ ἱστορίας γράφομεν, ἀλλὰ βίου), и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность (ἀρετῆς ἢ κακίας), но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека (ἦθους), чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов» (*Plut. Alex. 1, 2* – пер. М. Ботвинника и И. Перельмутера). Всё же сочинение Плутарха содержит рассказ об очень многих фактах (хотя, как правило, и без точной хронологической привязки), не нашедших отражения в других источниках, но весьма интересных для исследователя Поздней республики.

Также ко II в. н.э. относится труд «Римская история» («Ῥωμαϊκά»), принадлежащий Аппиану из Александрии. В центре внимания Аппиана находятся войны Рима с окружающими народами и державами, что нашло своё отражение в делении сочинения на части («Ганнибалова война», «Ливийские войны», «Митридатовы войны» и т.д.); не все из них сохранились. Для нас же наиболее интересна часть, посвящённая гражданским войнам, которая содержит обширный материал по политической истории данного периода.

Особую ценность имеют эпиграфические источники. Именно в виде надписей до нас дошли подлинные тексты ряда сохранившихся позднереспубликанских законов, в том числе такой бесценный памятник, как закон Ацилия (Семпрония) о вымогательстве 122 г.

Обращаясь к истории изучения вопроса, нельзя не отметить, что проблемы римского уголовного права и римского уголовного законодательства были предметом тщательного рассмотрения антиковедов и историков юридической науки ещё в XIX-начале XX вв. Ведущее место здесь, безусловно, принадлежало немецким исследователям, работы которых до сих пор сохраняют своё научное значение¹⁴. Блестящий итог их изысканиям подвёл Т. Моммзен в своём фундаментальном труде «Римское уголовное право»¹⁵. Исследованием тех же проблем в других странах Европы занимались англичане А. Гринидж¹⁶, Дж. Страчан-Дэвидсон¹⁷, француз П.Ф. Жирар¹⁸. Общими характеристиками всех этих трудов являются обилие фактического материала, критический анализ практически всех доступных источников (как данных литературной традиции, так и эпиграфики), сосредоточение главным образом на юридических аспектах деятельности римских уголовных судов.

С именем Т. Моммзена также неразрывно связана концепция «полярности» римской политической борьбы, рассмотрение её как противостояния между аристократической (оптиматы) и демократической (популяры) партиями. Эти взгляды ранее высказывались другим немецким исследователем, В. Друмманом¹⁹, но именно Т. Моммзен оформил их в стройную и привлекательную теорию. Таким образом, великий немецкий учёный характеризовал реалии политической жизни Поздней республики, перенося на Рим терминологию своего, девятнадцатого, столетия. Теория Т. Моммзена о двухпартийном характере римской политической жизни, подкреплённая высочайшим научным авторитетом

---

¹⁴ Напр.: *Rein W.* Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus. Leipzig, 1844; *Zumpt A.W.* Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 1-2. Berlin, 1868-1869; *Idem.* Der Criminalprocess der römischen Republik. Leipzig, 1871.

¹⁵ *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899.

¹⁶ *Greenidge A.H.J.* The legal procedure of Cicero's time. Oxf., 2004 (репринт издания 1901 г.).

¹⁷ *Strachan-Davidson J.L.* Problems of the Roman criminal law. Vol. I-II. Oxf., 1912.

¹⁸ *Girard P.F.* Histoire de l'organisation judiciaire des Romains. Vol. I. Paris, 1901.

¹⁹ *Drummann W.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd. II. S. 433-434. Bd. IV. S. 517-518. Königsberg, 1834-1844.

своего автора, была принята многими исследователями²⁰ и долгое время сохраняла ведущие позиции в антиковедении.

В качестве одной из альтернатив этой концепции в 1910-20-е гг. возникает просопографическое направление, быстро завоевавшее популярность и вскоре занявшее господствующее положение в западной науке²¹. Основополагающими для данного направления работами явились исследования немецких историков М. Гельцера и Ф. Мюнцера. Их труды, посвящённые римскому нобилитету и «личным группировкам» римских политиков, стали классическими²². М. Гельцер и Ф. Мюнцер пришли к выводу, что лицо республиканской политики определяли не абстрактные партии «аристократов» и «демократов», а группировки внутри правящей элиты, объединённые не столько общей политической платформой, сколько личными связями и родственными узами. Они обращают внимание на персональный характер римских политических объединений, которые, как правило, даже не имели устойчивой политической программы.

В результате распространения данной концепции в литературе формируется точка зрения, что уголовные суды являлись одним из важнейших инструментов политической борьбы. Всё большее внимание начинает уделяться именно политической, а не юридической, стороне уголовных процессов. Историки просопографического направления анализируют персональный состав участников каждого конкретного судебного процесса и рассматривают его в общем контексте политической жизни Республики в тот период времени. Хотя ни один из этих авторов не утверждал, что все уголовные процессы имели политическую подоплёку, они, тем не менее, заранее были ориентированы на поиск связей между политическими группировками и уголовными судами.

---

²⁰ См., напр.: *Ferrero G.* Величие и падение Рима. Т. I-II. СПб., 1997 (на итальянском языке данный труд впервые появился в 1901-1907 гг.); *Meyer Ed.* *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius.* Stuttgart-Berlin, 1922.

²¹ Подробнее о применении просопографического метода по отношению к римской истории см. в статье: *Barnes T.D.* *Prosopography and Roman history // Prosopography approaches and applications: a handbook / Ed. by K.S.B. Keats-Rohan.* Oxf., 2007. P. 83-94.

²² *Gelzer M.* *Die Nobilität der römischen Republik.* Stuttgart, 1912; *Münzer F.* *Römische Adelparteien und Adelsfamilien.* Stuttgart, 1920; см. также многочисленные статьи, написанные этими авторами для «Реальной энциклопедии» Паули-Виссоны.

Таким образом, в 1930-70-ые гг. в западной историографии постепенно начинает господствовать взгляд на римские уголовные суды прежде всего как на арену политических баталий. Эта точка зрения отразилась в трудах по политической истории Республики таких историков как Р. Сайм²³, Л.Р. Тэйлор²⁴; наиболее полное выражение данная концепция нашла в работах американского учёного Э. Груэна²⁵. В сжатой форме лучше всего взгляды этих авторов, на наш взгляд, характеризует следующее высказывание Р. Сайма: «Суды были средством для политического выдвижения через предъявление обвинений, полем битвы для проявления личной вражды и политических распрей, театром для ораторского искусства»²⁶. Римская политика, утверждает Л.Р. Тэйлор, состояла из «нескончаемых обвинений, инициируемых политическими противниками по политическим мотивам»²⁷. «Крупный (great) уголовный процесс был заметным политическим событием, – полагает американская исследовательница. – ... Речи защиты и обвинения могли затрагивать непосредственно проблемы сегодняшнего дня»²⁸. Значение судов как юридического инструмента в трудах этих авторов, как правило, затушёвывалось, и на него почти не обращалось внимания. Дальше всех в этом отношении пошёл Э. Груэн, который полагает, что уголовные суды в период Поздней республики стали едва ли не главным орудием в политической борьбе: «Поражение на выборах было только временным затруднением; провал законодательной инициативы можно было компенсировать впоследствии; но обвинение в уголовном преступлении могло повлечь за собой полное изгнание с

---

²³ *Syme R. The Roman revolution. Oxf., 1939.*

²⁴ *Taylor L.R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley-L.A., 1949.*

²⁵ *Gruen E. Roman politics and the criminal courts, 149-78 B.C. Cambridge, 1968; Idem. The last generation of the Roman Republic. Berkeley-L.A.-L., 1974.* К ним следует прибавить также многочисленные статьи данного автора.

²⁶ *Syme R. The Roman revolution. P. 149.*

²⁷ *Taylor L.R. Party politics... P. 7.* Убедительные аргументы против этого тезиса см.: *Alexander M.C. How many Roman senators were ever prosecuted?: the evidence from the late Republic // Phoenix. 1993. Vol. 47. P. 243-244.*

²⁸ *Taylor L.R. Party politics... P. 98.*

политической сцены»²⁹. Политический процесс (political trial) Э. Груэн определяет как уголовный процесс, инициированный с политическими целями³⁰.

Следующий этап в исследовании интересующей нас темы начинается в 1980-90-е гг. и продолжается вплоть до нашего времени. Новое поколение историков – в их числе М. Александер³¹, П. Брант³², Д. Эпштейн³³, Дж. Пауэлл и Дж. Пэтерсон³⁴ – отказывается от категоричных оценок своих предшественников. Они высказывают сомнения в том, что воздействие политической жизни Поздней республики на уголовные суды было решающим. Эти исследователи отмечают отсутствие у нас независимых свидетельств о позднереспубликанских политических альянсах и группировках; поэтому, с их точки зрения, историки просопографического направления зачастую неправомерно «конструируют» эти группировки исходя из того, кто на чьей стороне выступал и кого поддерживал в судах. Затем они интерпретируют политическую жизнь в свете этих предполагаемых группировок и, соответственно, рассматривают другие судебные процессы как отражение борьбы между ними. В качестве доказательства искусственности подобных построений приводятся примеры того, как, в частности, Цицерон защищал в суде тех людей, политические симпатии которых он отнюдь не разделял и с которыми до этого не раз открыто конфликтовал, – Авла Габиния и Публия Ватиния³⁵. П. Брант убедительно доказывает, что объектами судебных атак становились, как правило, политики «второго эшелона»; обвинения же против «*principes civitatis*» в эпоху Цицерона выдвигались очень редко³⁶. Как замечает Д. Эпштейн, «самые могущественные римляне, которые располагали наиболее широкими возможностями для того, чтобы сокрушить

---

²⁹ Gruen E. The last generation... P. 260.

³⁰ Gruen E.S. Roman politics... P. 6.

³¹ Alexander M.C. The case for the prosecution in the Ciceronian era. Ann Arbor, 2002; *Idem*. Oratory, rhetoric and politics in the Republic // A companion to Roman rhetoric / Ed. by W. Dominik, J. Hall. Oxf., 2007. P. 98-108.

³² Brunt P.A. The fall of the Roman Republic and related essays. Oxf., 1988.

³³ Epstein D.F. Personal enmity in Roman politics, 218-43 B.C. L.-N.Y., 1989.

³⁴ Cicero the advocate / Ed. by J. Powell, J. Paterson. N.Y., 2004.

³⁵ Powell J., Paterson J. Introduction... P. 41.

³⁶ Brunt P.A. 'Amicitia' in the late Roman Republic // Brunt P.A. The fall of the Roman Republic and related essays. Oxf., 1988. P. 372 ff.

своих врагов, обычно не были объектами обвинения». Те выгоды, какие можно было бы извлечь из подобной судебной атаки, не могли компенсировать последствий вражды с человеком, имевшим достаточно возможностей и влияния, чтобы жестоко отомстить. Д. Эпштейн не соглашается с мнением Л.Р. Тэйлор, считающей, что большинство обвинений были вызваны причинами политического характера³⁷. Он также критикует и Э. Грузна за то, что последний всегда старается обнаружить политическую подоплёку конкретного уголовного процесса, даже если она не кажется очевидной. Д. Эпштейн не отрицает, что борьба между политическими группировками зачастую играла важную роль в римской судебной системе, но он призывает не абсолютизировать это обстоятельство и учитывать также другие факторы. На роль такого дополнительного фактора он предлагает «*inimicitiae*» – личную вражду между участниками процесса, которая очень часто и руководила действиями обвинителя и подсудимого, защитника и обвинителя и т.п.³⁸.

Канадский исследователь М. Александер, в отличие от Э. Грузна, выделяет несколько значений, которые могут вкладываться в понятие «политический судебный процесс» (*political trial*). Первое – это процесс, инициированный обвинителем по *политическим мотивам*; второе – процесс, имевший *политические последствия* (осуждение и изгнание влиятельного политика, политическое выдвижение успешного обвинителя). Но ключевым М. Александер считает следующий вопрос: имели ли уголовные процессы под собой *политический базис* (*political basis*); другими словами, что играло главную роль в определении судьбы обвиняемого – чисто юридические или же политические соображения. При анализе конкретных уголовных процессов он чаще склоняется именно к первому варианту³⁹.

Дж. Пауэлл и Дж. Патерсон также не выступают против того, что многие процессы имели политическую подоплёку, но они не ставят данный факт на

---

³⁷ *Epstein D.F. Personal enmity... P. 94.*

³⁸ *Epstein D.F. Personal enmity... P. 100-102.*

³⁹ *Alexander M.C. How many Roman senators... P. 239-240.*

первое место. В частности, эти авторы указывают, что одна из соперничающих сторон часто сама всячески подчёркивала политическое значение процесса, даже если оно и было неочевидным, для того, чтобы добиться своих целей. Так, процесс Верреса проходил в свете борьбы за реформирование состава судов, поэтому Цицерон демонстративно заявляет, что судьи-сенаторы имеют последнюю возможность доказать свою неподкупность и приверженность справедливости, осудив Верреса (*Cic. Verri. I, 42* и дальше). Наоборот, защищая в 63 г. Мурену, Цицерон использовал во многом им же и созданную истерию вокруг Катилины, убеждая судей, что осуждение Мурены, которое повлечёт за собой новые выборы консулов, может способствовать победе на них Катилины (*Cic. Murg., 48* и дальше)⁴⁰.

Французский исследователь Ж.-М. Давид в своей монографии «Судебный патронат последнего века Римской республики»⁴¹ и ряде статей⁴² даёт, в числе прочего, исчерпывающий анализ такого института как древнеримская адвокатура. В данных работах учёный рассматривает, в том числе, и связи между судебным патронатом и политической жизнью Римского государства.

Таковы на сегодняшний день основные этапы изучения заявленной нами темы в зарубежной историографии. Но помимо работ, непосредственно затрагивающих проблему использования уголовных судов в политических целях, безусловно, для нас представляют большой интерес труды зарубежных авторов, исследующие другие аспекты политической жизни Поздней римской республики, в том числе различные политические технологии. Так, А. Якобсон обращается к исследованию римских выборов и республиканской избирательной системы⁴³. В

---

⁴⁰ *Powell J., Paterson J.* Introduction... P. 42.

⁴¹ *David J.-M.* Le patronat judiciaire au dernier siècle de la République romaine. Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. T. 277. Rome, 1992.

⁴² См., напр.: *David J.-M.* Die Rolle des Verteidigers in Justiz, Gesellschaft und Politik: der Gerichtspatronat in der späten römischen Republik // Große Prozesse der römischen Antike / Hrsg. U. Manthe, J. von Ungern-Sternberg. München, 1997. S. 28-47; *Idem.* L'exercice du patronat à la fin de la République, entre la compétition des pairs et la hiérarchie des puissances // Eine politische Kultur (in) der Krise? Schriften des Historischen Kollegs. Kolloquien 73 / Hrsg. K.-J. Hölkamp. München, 2009. S. 73-86.

⁴³ *Yakobson A.* Elections and electioneering in Rome: a study in the political system of the Late Republic. Stuttgart, 1999.

монографии А. Линтотта рассматривается насилие как одно из средств ведения политической борьбы в республиканский период⁴⁴. Крайне любопытная работа Л. де Либери посвящена применению в римской политике такой технологии как обструкция⁴⁵. Нельзя не упомянуть также многочисленные биографии заметных римских политических деятелей эпохи Поздней республики – Гнея Помпея⁴⁶, Публия Клодия⁴⁷, Марка Туллия Цицерона⁴⁸.

Изучение политической истории Римской республики невозможно без изучения истории социальной. Среди работ, посвящённых исследованию социальной структуры поздне-республиканского римского общества, отдельным его сословиям и социальным группам, выделяются труды Х. Хилла⁴⁹, Г. Альфельди⁵⁰, К. Николе⁵¹, С. Трежжиари⁵².

Из современных исследований, касающихся общих вопросов римского уголовного права, стоит перечислить труды А. Джонса⁵³, Р. Баумана⁵⁴, А. Риггсби⁵⁵, О. Робинсон⁵⁶. История создания системы римских постоянных уголовных комиссий (*quaestiones perpetuae*) привлекла внимание В. Кункеля⁵⁷. Обширная литература посвящена проблемам эволюции римского уголовного законодательства и деятельности отдельных постоянных уголовных комиссий: по

---

⁴⁴ *Lintott A.W. Violence in Republican Rome. Oxf., 2004 (первое изд. – 1968).*

⁴⁵ *de Libero L. Obstruktion. Politische Praktiken im Senat und in der Volksversammlung der ausgehenden römischen Republik (70-49 v.Chr.). Hermes: Einzelschriften. N. 59. Stuttgart, 1992.*

⁴⁶ *Seager R. Pompey the Great. A political biography. Oxf., 2002 (первое изд. – 1979).*

⁴⁷ *Tatum W.J. The patrician tribune: Publius Clodius Pulcher. Chapel Hill, 1999.*

⁴⁸ *Smith R.E. Cicero the statesman. Cambridge, 2010 (первое изд. – 1966 г.); Gelzer M. Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden, 1969; Stockton D. Cicero. A political biography. Oxf.-N.Y., 1988 (первое изд. – 1971 г.).*

⁴⁹ *Hill H. The Roman middle class in the Republican period. Oxf., 1952.*

⁵⁰ *Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975.*

⁵¹ *Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312-43 av. J.C.). T. I. Paris, 1966.*

⁵² *Treggiari S. Roman freedmen during the late Republic. Oxf., 1969.*

⁵³ *Jones A.H.M. The criminal courts of the Roman Republic and Principate. Oxf., 1972.*

⁵⁴ *Bauman R.A. Crime and punishment in ancient Rome. L.-N.Y., 2005 (первое изд. – 1996).*

⁵⁵ *Riggsby A. Crime and community in Ciceronian Rome. Austin, 1999.*

⁵⁶ *Robinson O.F. Penal practice and penal policy in ancient Rome. L.-N.Y., 2007.*

⁵⁷ *Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit. München, 1962.*

делам об оскорблении величия (*de maiestate*)⁵⁸, о вымогательствах (*de repetundis*)⁵⁹, о незаконном домогательстве (*de ambitu*)⁶⁰, о насильственных действиях (*de vi*)⁶¹. В многочисленных статьях рассматриваются конкретные громкие уголовные процессы, имеющие политическую подоплёку⁶².

В дореволюционной России, как и в Европе, история римского уголовного права была объектом самого пристального внимания исследователей (как собственно историков, так и юристов), о чём свидетельствует наличие ряда работ по данной проблематике⁶³. Однако вопрос об использовании уголовного суда в качестве политического инструмента ни дореволюционными, ни советскими исследователями специально не разрабатывался. Тем не менее, сама политическая борьба в последние десятилетия существования Римской республики притягивала взоры советских историков. Широкое распространение в отечественной литературе того периода получила схема Т. Моммзена; социально-политическая борьба в римском поздне-республиканском обществе рассматривалась как

---

⁵⁸ *Pollack E.* Der Majestätsgedanke im römischen Recht. Leipzig, 1908; *Brecht Ch.* *Perduellio* und *crimen maiestatis* // ZRG. 1944. Bd. 64. S. 354-360; *Chilton C.W.* The Roman law of treason under the early Principate // JRS. 1955. Vol. 45. P. 73-81; *Gruen E.S.* The *lex Varia* // JRS. 1965. Vol. 55. P. 59-73; *Bauman R.A.* The *crimen maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate. Johannesburg, 1967; *Ferrary J.-L.* Les origines de la loi de majesté à Rome // CRAI. 1983. N. 4. 1983. P. 556-572; *Pesch A.* *De perduellione, crimine maiestatis et memoria damnata*. Aachen, 1995; *de Castro-Camero R.* El *crimen maiestatis* a la luz del *senatus consultum de Cn. Pisone patre*. Sevilla, 2000.

⁵⁹ *Balsdon J.P.* The history of the extortion court at Rome, 123-70 B.C. // PBR. 1938. Vol. 14. P. 98-114; *Eder W.* Das vorsullanische Repetundenverfahren. München, 1969; *Lintott A.W.* The *leges de repetundis* and associate measures under the Republic // ZRG. 1981. Bd. 98. S. 162-212.

⁶⁰ *Husband R.W.* *Lex Cornelia de ambitu* // CJ. 1915. Vol. 10. P. 377-378; *Idem.* The law of Poetelius on corrupt practices at elections // CJ. 1915. Vol. 10. P. 376-377; *Linderski J.* Ciceros Rede *Pro Caelio* und die Ambitus- und Vereinsgesetzgebung der ausgehenden Republik // Hermes. 1961. Bd. 89. S. 106-119; *Fascione L.* Crimen e quaestio ambitus nell' età repubblicana. Milano, 1984; *Lintott A.W.* Electoral bribery in the Roman Republic // JRS. 1990. Vol. 80. P. 1-16.

⁶¹ *Hough J.* The *lex Lutatia* and the *lex Plautia de vi* // AJPh. 1930. Vol. 51. P. 135-147.

⁶² Напр.: *Phillips E.J.* Cicero and the prosecution of C. Manilius // Latomus. 1970. T. 29. P. 595-607; *Gruen E.S.* Some criminal trials of the late Republic: political and prosopographical problems // Athenaeum. 1971. Vol. 49. P. 54-69; *Idem.* The trial of C. Antonius // Latomus. 1973. T. 32. P. 301-310.

⁶³ Напр., *Зелинский Ф.Ф.* Римский уголовный процесс // *М. Туллий Цицерон.* Полное собрание речей в русском переводе. Т. 1. СПб., 1901. С. 755-761; *Покровский И.А.* Частная защита общественных интересов в древнем Риме // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / Под ред. М.Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 27-43; соответствующие главы в труде: *Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1999 (впервые изд. в 1913 г.).

противостояние имущих слоёв и плебса, выразителями интересов которых выступали, соответственно, оптиматы и популяры. Подобных взглядов придерживались, например, Н.А. Машкин⁶⁴, В.С. Сергеев⁶⁵, С.И. Ковалёв⁶⁶. Напротив, один из ведущих советских специалистов по республиканскому Риму, С.Л. Утченко подверг данную концепцию Т. Моммзена и его последователей справедливой критике⁶⁷.

К сожалению, нельзя сказать, что в новейшей российской историографии ситуация с изучением деятельности римских уголовных судов серьёзно изменилась. Эта тема лишь попутно затрагивается в некоторых трудах, касающихся истории Поздней республики⁶⁸, научно-популярных биографиях крупнейших римских республиканских деятелей⁶⁹. Одним из немногих авторов, который обращался к проблемам функционирования римского суда в позднереспубликанскую и императорскую эпохи (используя наработки коллег-эллинистов и проводя параллели с греческим материалом), является А.Л. Смышляев⁷⁰. Выходят научные статьи, посвящённые отдельным вопросам римского уголовного права⁷¹. Можно назвать также несколько диссертационных исследований, в той или иной степени касающихся данной проблематики⁷².

---

⁶⁴ Машкин Н.А. Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н.э. // ВДИ. 1947. №3. С. 126-140.

⁶⁵ Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. Ч. 1-2. М., 1938.

⁶⁶ Ковалёв С.И. История Рима. Л., 1948.

⁶⁷ Напр.: Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 49. См. также другие его работы, затрагивающие проблемы политической жизни Поздней республики: Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики (из истории политических идей I в. до н.э.). М., 1952; Он же. Кризис и падение Римской Республики. М., 1965; Он же. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969; Он же. Цицерон и его время. М., 1972; Он же. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.

⁶⁸ Чеканова Н.В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005.

⁶⁹ Бобровникова Т.А. Цицерон. Интеллигент в дни революции. М., 2006; Циркин Ю.Б. Гражданские войны в Риме. Победённые. СПб., 2006; Короленков А.В., Смыков Е.В. Сулла. М., 2007.

⁷⁰ Смышляев А.Л. «Добрые нравы» и «суровые законы» в древнеримском суде // ДП. 2008. №2. С. 76-95.

⁷¹ Александровская С.В. Стратегия борьбы с коррупцией в сочинениях Марка Туллия Цицерона // ДП. 2003. №2. С. 113-118; Она же. Юлиев закон о казнокрадстве: проблема соотношения функций и целей юридической ответственности // ДП. 2005. №2. С. 201-206; Щёголев А.В. Судебный процесс об оскорблении величия по комментарию Аскония к речи Цицерона «Pro Cornelio» // ДП. 2000. №1. С. 160-163; Он же. Закон Аппулея 103 г. до н.э. о величии римского

Таким образом, приходится констатировать, что данная проблема оказалась почти полностью обойдена вниманием отечественных антиковедов. В западной романистике заявленная нами тема исследуется достаточно давно и плодотворно; тем не менее, ещё остаётся обширное поле для исследования. Продолжаются оживлённые дискуссии, выходят всё новые и новые работы, так что эта проблема отнюдь не потеряла своей актуальности. Несмотря на пересмотр современными исследователями многих позиций своих предшественников, в последние десятилетия пока не создано ни одного монографического труда, целиком посвящённого использованию позднереспубликанского уголовного суда в политических целях.

Хронологические рамки нашей работы ограничиваются примерно тремя десятилетиями – периодом с 78 по 49 гг. до н.э. В 78 г. умер диктатор Луций Корнелий Сулла, и хотя он ещё годом ранее сложил с себя полномочия и удалился в частную жизнь, влияние его на политику сохранялось. Лишь после смерти Суллы вновь открыто поднимает голову безжалостно подавленная диктатором оппозиция его курсу. Разворачивается ожесточённая политическая борьба, в которой немалую роль играют и уголовные суды. 49 г. – это год начала очередной гражданской войны в Риме, на сей раз между Цезарем и Помпеем. Перифразируя Цицерона, можно сказать, что «*toga cedit armis*». Обычная политическая жизнь в Республике замирает: важнейшие политические вопросы решаются теперь не на Форуме или в сенате, а на полях сражений. Соответственно, также прекращается нормальное уголовное судопроизводство.

Географически работа охватывает всю территорию Римской державы в указанный период, но в первую очередь, конечно, нас интересуют события в самом городе Риме, в котором, собственно, и функционировали уголовные суды.

народа // ДП. 2002. №2. С. 114-120; *Мякин Т.Г.* Судебный закон Гая Семпрония Гракха: документальный первоисточник и литературная традиция // ВДИ. 2007. №4. С. 27-47.

⁷² *Щёголев А.В.* Закон об оскорблении величия в политической истории Рима (I в. до н.э. – I в. н.э.) // Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Александровская С.В.* Антикоррупционная концепция в праве Древнеримской республики (V-I вв. до н.э.) // Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

Методологической основой данного исследования являются принцип историзма и системный подход, подразумевающий изучение явлений в их целостности, в их взаимосвязи с другими явлениями, в их развитии. При исследовании политической борьбы в рамках рассматриваемого периода обосновано также использование просопографического метода, подразумевающего рассмотрение проблемы римских политических группировок с точки зрения личных связей, основанных на отношениях родства, дружбы, клиентелы и т.п., взаимных услуг и обязательств. Интерес для нас представляют также методы и подходы, разработанные в рамках интеллектуальной истории. Они позволяют учитывать специфику римского общественного сознания, влияние традиционной идеологии и её модификаций на политическую борьбу и используемые в ней политические технологии, варианты восприятия и интерпретаций явлений политической жизни представителями различных политических сил.

Положения, выносимые на защиту:

- в Римской республике в период с 78 по 49 гг. уголовные суды активно использовались в качестве инструмента для борьбы с политическими противниками;
- особенности организации римского уголовного судопроизводства и процедура разбирательства в постоянных судебных комиссиях (*quaestiones perpetuae*) создавали благоприятные условия для использования уголовного суда в политических целях;
- при вынесении судебных приговоров по уголовным делам зачастую большое, если не решающее, значение имели не только юридические аспекты дела, но и сложившаяся на тот момент ситуация на политической арене;
- разработка и принятие новых законов по борьбе с уголовными преступлениями в данный период также несли на себе следы противостояния между отдельными влиятельными политиками и политическими группировками;

- наиболее часто политическая подоплёка обнаруживается в процессах, проходивших в судебной комиссии об оскорблении величия (*quaestio de maiestate*), поскольку преступления, которые попадали под её юрисдикцию, сами по себе носили политический характер;
- тем не менее, нельзя переоценивать политическую роль уголовных судов и отводить им решающее место в политической жизни Римской республики в постсулланскую эпоху.

Глава 1. Система уголовного судопроизводства в Поздней римской республике

1.1 Органы уголовного суда и их состав

Рассуждая об уголовном суде вообще и о римском уголовном суде в частности, необходимо, прежде всего, определиться с используемой терминологией. Следует уточнить, какой смысл мы вкладываем в понятия «уголовное право» и «уголовное преступление» и какой смысл в них вкладывали римляне. Под уголовным преступлением в самом общем виде современная отечественная юриспруденция понимает деяние (действие или бездействие) лица, пренебрегающего установленными государством пределами должного поведения. Совершение преступления влечёт за собой наступление негативных последствий для виновного – наказания. Система норм, определяющих, какие именно деяния признаются преступными и каким наказаниям подвергается преступник, составляет область уголовного права¹. Сочинения римских юристов периода Поздней республики дошли до нас лишь в отрывках. Поэтому для того, чтобы выяснить римскую точку зрения на поставленные вопросы, мы вынуждены обращаться главным образом к трудам правоведов императорской эпохи (начиная с II в. н.э.), которые аккумулировали и сохранили достижения своих предшественников, систематизировали понятия и нормы, возникшие ещё в предыдущие столетия. Юристы периода Империи, рассуждая о гражданском праве, *ius civile*, подразделяют его на две области: *ius privatum* (частное право) и *ius publicum* (публичное право) (*Dig. I, 1, 2*). В зарубежной исследовательской литературе довольно широко распространена точка зрения, что именно *ius publicum* (как в республиканскую, так и императорскую эпоху) включало в себя,

---

¹ См., напр.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула, 2001. С. 27; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2-х тт. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 9-10.

выражаясь современным языком, государственное и уголовное право². Особое мнение высказывается американским учёным Дж. Гоэн, которая предупреждает об опасности перенесения на Римскую республику реалий современной юриспруденции. Анализируя латинскую юридическую терминологию республиканского периода, она приходит к выводу об отсутствии в ней точных эквивалентов нашим терминам «преступление» (англ. crime, нем. Verbrechen), «уголовные суды» (англ. criminal courts, нем. Strafgerichte) и «уголовное право» (англ. criminal law, нем. Kriminalrecht, Strafrecht). Поэтому, пишет она, не будет ошибкой сказать, что уголовного права в современном понимании этого слова у римлян в республиканский период вообще не существовало³. Нам представляется, что с этим мнением нужно согласиться. Поэтому более верным будет такое утверждение: в эпоху Республики римское понятие «*ius publicum*» включает в себя *отдельные элементы*, которые новейшая юридическая наука относит к сфере уголовного права.

В соответствии со своим разделением гражданского права, римские юристы различали два вида преступлений: *delicta privata*, т.е. направленные против частных лиц и затрагивающие их права и интересы, и *delicta publica*, т.е. непосредственно затрагивающие интересы общества в целом (*utilitas rei publicae, utilitas publica*). Первые считались исключительно частным делом самого потерпевшего, который мог подать гражданский иск к лицу, совершившему преступление, с требованием уплатить штраф или, по крайней мере, возместить убытки. К *delicta privata* относились и такие правонарушения, которые, с современной точки зрения, являются уголовными преступлениями: *iniuria* (в широком смысле – нанесение обиды: оскорбление словом или действием, нанесение телесных повреждений) и *furtum* (также в широком смысле – кража; сюда относились также и присвоение чужого имущества, и растрата, и т.п.). *Delicta publica* подлежат суду государственной власти и влекут за собой

---

² В качестве примера: *Nicholas B.* Introduction to Roman law. Oxf., 1962. P. 4; *Cloud D.* The constitution and public criminal law // САН. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge, 1992. P. 499.

³ *Gaughan J.* Murder was not a crime: homicide and power in the Roman Republic. Austin, 2010. P. 2-5. См. также *Robinson O.F.* Penal practice and penal policy in ancient Rome. L.-N.Y., 2007. P. 36.

уголовное наказание – *roena capitalis*⁴. Как уже отмечалось, это преступления, направленные против общества и государства в целом, и лишь немногие, наиболее опасные, преступления против частных лиц – такие как убийство и поджог⁵. Процедуры рассмотрения дел уголовных и дел гражданских отличались друг от друга, однако отметим, что римляне не проводили столь чёткой границы между двумя этими областями права, как это делает современная юридическая наука. Например, кража сама по себе относилась к *delicta privata*, и потерпевший должен был добиваться удовлетворения своих претензий частным иском. Но в случае, если воровство у своих подчинённых совершал человек, находившийся при исполнении государственных обязанностей, это деяние уже квалифицировалось как казнокрадство (*peculatus*) и рассматривалось как преступление уголовное⁶. Таким образом, можно согласиться с мнением Э. Риггсби, который считает, что предметом ведения римских уголовных судов вообще было не само по себе уголовное преступление, а лишь ущерб, нанесённый Республике⁷. Учитывая всё вышесказанное, в дальнейшем в настоящей работе, используя термин «уголовное преступление», мы будем понимать под ним именно «*delictum publicum*». Соответственно, римские уголовные суды – это суды, занимающиеся рассмотрением исключительно *delicta publica*. При этом, так

---

⁴ Латинский термин «*capitalis*» происходит от слова «*caput*» – 1) голова, жизнь и 2) совокупность гражданских прав (Oxford Latin dictionary. Oxf., 1968. P. 274-275). Соответственно, уголовное наказание, *roena capitalis*, в древнейшую эпоху – это смертная казнь. В последующие столетия римской истории, в том числе и в интересующий нас период, смертная казнь применяется всё реже, но осуждение уголовным судом так или иначе остаётся связано с *deminutio capitis* – полной или частичной утратой гражданской правоспособности (*Gaius Inst. I, 160-162*).

⁵ Тем не менее, заметим, что в условиях достаточно тесной застройки города Рима, когда от любого пожара могли выгорать целые кварталы, поджог также становился чрезвычайно общественно-опасным деянием. Интересно, что дела о поджогах рассматривались в той же судебной комиссии, что и дела об убийствах и отравлениях, – в *quaestio de sicariis et veneficiis* (*Dig. XLVIII, 8, 1*).

⁶ См.: *Lintott A.W. Legal procedure in Cicero's time // Cicero the advocate / Ed. by J. Powell, J. Paterson. N.Y., 2004. P. 62.*

⁷ *Riggsby A. Crime and community in Ciceronian Rome. Austin, 1999. P. 5 ff.* Исключение, как мы уже упомянули, делалось только для убийства. Это обстоятельство позволило Дж. Гоэн сделать провокационное заявление: «Murder was not a crime» – «Убийство не было преступлением» (т.е. уголовным преступлением в специфически римском понимании). Стало оно им только при Августе (*Gaughan J. Murder was not a crime... P. 4-5*).

как *ius publicum* есть составная часть *ius civile*, естественно, что подсудимыми в таких судах могли быть только римские граждане. Судебные инстанции, разбиравшие уголовные преступления, совершённые негражданами, останутся вне поля нашего внимания.

С установлением Римской республики судьями по уголовным делам первоначально выступали высшие магистраты – консулы и преторы. Их право выносить судебные приговоры обеспечивалось наличием у них империя. Но уже довольно рано принимаются закон о *provocatio* (*lex Valeria de provocatione*, 509 г.⁸) (*Liv.* II, 8, 2; *Dig.* I, 2, 2, 16; *Plut. Popl.*, 11; *Val. Max.* IV, 1, 1) и закон о пределах административного штрафования (*lex Aternia Tarpeia*, 454 г.) (*Dionys. Hal.* X, 50, 1-2; *Fest.* 268 Lindsay; *Gell.* XI, 1, 2). В соответствии с этими законами, магистрат привлекает к ответственности за любое деяние, которое ему покажется преступным, и судит по своему свободному усмотрению. Магистрат же определяет и предполагаемое наказание для подсудимого. Однако если его приговор постановит смертную казнь или штраф свыше указанной нормы, он может быть обжалован в народном собрании (право *provocatio ad populum*)⁹. Благодаря этому обстоятельству приговор магистрата мало-помалу теряет свое значение, и органами уголовного суда становятся комиции: центуриатные, если речь идёт о смертной казни, и трибутные, если о взыскании штрафа¹⁰. Всё

---

⁸ Некоторые учёные отвергают сам факт существования *lex Valeria* 509 г., считая его плодом воображения позднейших римских анналистов (напр., *Lintott A.W. Provocatio from the struggle of the orders to the Principate // ANRW. T. I. Bd. 2. 1972. S. 230-231*). Аргументы в защиту достоверности сохранившейся традиции см.: *Кофанов Л.Л. Lex Valeria de provocatione 509 г. до н.э. и начало разделения римского права на публичное и частное // ДП. 2001. №1. С. 31-32.*

⁹ Теория, связывающая переход судебных функций к народному собранию с правом *provocatio ad populum*, была впервые подробно разработана Т. Моммзенем (*Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1887-1888. Bd. I. S.149-150; Bd. II. S. 109-110; Bd. III. S. 351-354; Idem. Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 163-171, 473-478*). Общая идея немецкого учёного нам представляется верной, несмотря на то, что отдельные аспекты его теории были подвергнуты критике, иногда обоснованной, рядом последующих исследователей. См., например, следующие работы: *Greenidge A.H.J. The legal procedure of Cicero's time. Oxf., 2004. P. 305-331; Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit. München, 1962. S. 9-17; Martin J. Die Provokation in der klassischen und späten Republik // Hermes. 1970. Bd. 98. S. 72-96; Bauman R.A. The *lex Valeria de provocatione* of 300 B.C. // Historia. 1973. Bd. 22. S. 34-47; Cloud D. The constitution... P. 501-502.*

¹⁰ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 357-358; Idem. Römisches Strafrecht. S. 168; Cloud D. The constitution... P. 502-503.*

производство у магистрата, таким образом, приобретает характер предварительного следствия. При вынесении решения народное собрание руководствуется своим свободным усмотрением и для него не существует никаких формальных норм.

Уголовный суд народных собраний действует в течение всей первой половины Республики, изредка заменяясь для тех или других отдельных случаев, по специальному назначению, особыми чрезвычайными комиссиями – т.н. *quaestiones extraordinariae* (напр., *Liv.* VIII, 18; XXXIX, 17-18; XL, 37)¹¹. Однако уже с середины II в. суд народного собрания постепенно утрачивает своё значение. Исследователи по-разному решают вопрос о причинах этого процесса. Например, И.А. Покровский считает, что в этот период суд народных собраний начинает терять свой престиж в связи с общим падением их авторитета; кроме того, отмечает он, «всё более и более дают себя знать все неудобства процесса перед таким огромным судилищем, легко поддающимся соображениям политики и настроениям минуты»¹². Р. Бауман выделяет целый комплекс причин. Во-первых, это объективные сложности в организации судебного процесса перед комициями и большие временные затраты. Но ключевыми факторами, с его точки зрения, являются общее несоответствие старой полисной системы управления возросшим во II в. размерам римской державы и попытка создания новых, более эффективных в изменившейся ситуации институтов: «Ещё 150 лет потребовалось для появления подходящего государственного устройства, но суды приспособились быстрее»¹³.

---

¹¹ В античных источниках нет устойчивого термина для обозначения подобных комиссий; конструкция «*quaestio extraordinaria*» или «*quaestio extra ordinem*», принятая в современной историографии, является созданием учёных нового времени (см.: *Cloud D. The constitution... P.* 504). Однако, например, Т. Моммзен для обозначения такого порядка судопроизводства предпочитает термин «*privilegium*», который встречается у Аскония (*Ascon.* 36 Clark; ср. *Gell.* X, 20, 3) (*Mommsen Th. Römisches Strafrecht.* S. 196). Дж. Страчан-Дэвидсон (на наш взгляд – довольно убедительно) полемизирует с ним по этому поводу: *Strachan-Davidson J.L. Problems of the Roman criminal law. Vol. I. Oxf., 1912. P.* 229-230.

¹² Покровский И.А. История римского права. СПб., 1999. С. 169-170.

¹³ Bauman R.A. Crime and punishment in ancient Rome. L.-N.Y., 2005. P. 21.

Выход был найден в создании специальных постоянных судебных комиссий – *quaestiones perpetuae* – для рассмотрения различных отдельных видов уголовных преступлений. Первой была создана такая комиссия для разбора дел о вымогательствах в провинциях (*quaestio de pecuniis repetundis*, или сокращённо *quaestio de repetundis*); она была организована в 149 г. по закону народного трибуна Луция Кальпурния Пизона Фруги (*Cic. Brut.*, 106; *De off. II*, 75)¹⁴. Затем появляются такие комиссии по делам *de sicariis et veneficiis* (об убийцах и отравителях), *de peculatu* (о казнокрадстве), *de falsis* (о подделке завещаний и фальшивомонетничестве), *de ambitu* (о подкупе избирателей), *de maiestate* (об оскорблении величия [римского народа]), *de vi* (о вооружённом насилии). Решающую роль в развитии системы *quaestiones perpetuae* сыграли, безусловно, уголовные законы Суллы, которые вобрали в себя и систематизировали всё предыдущее уголовное законодательство. Стоит особо подчеркнуть, что процесс замены суда народного собрания (*iudicium populi*) на суд постоянных уголовных комиссий (*iudicium publicum*)¹⁵ был постепенным и растянутым во времени. Принятие закона, направленного против какого-либо уголовного преступления,

---

¹⁴ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 190. В. Эдер отрицает, что quaestio, организованная на основании закона Кальпурния, была постоянно действующей уголовной комиссией: Eder W. Das vorsullanische Repetundenverfahren. München, 1969. S. 58-74. Однако нам его аргументация не представляется достаточно убедительной, чтобы пренебречь прямым свидетельством Цицерона: «...был учреждён постоянный уголовный суд, которого до этих пор не существовало, – разбирал он дела о лихоимстве, а произошло это в консульство Цензорина и Манилия по предложению народного трибуна Луция Пизона» («quaestiones perpetuae ... constitutae sunt, quae antea nullae fuerunt; L. enim Piso tr. pl. legem primus de pecuniis repetundis Sensorino et Manilio cos. tulit») (*Cic. Brut.*, 106 – пер. И.П. Стрельниковой).*

¹⁵ Представляется необходимым дать некоторое разъяснение используемой здесь латинской терминологии. Обычным термином для обозначения суда постоянных судебных комиссий для периода Поздней республики в источниках является *iudicium publicum*, для обозначения суда народного собрания – *iudicium populi*. Тем не менее, иногда выражение «*iudicium publicum*» может использоваться и по отношению к суду, осуществлявшемуся комициями (ср. *Vell. II*, 7, 3: «*Orpimum ... damnatum postea iudicio publico...*»), однако такие случаи следует всё же признать исключением из общего правила. Это терминологическое разделение используется и в современной литературе (*Cloud D. The constitution... P. 503*). Э. Линтотт, однако, доказывает, что выражение «*iudicium populi*» имело более общий смысл и могло обозначать вообще любое решение народного собрания («*judgement of the people*»); «*iudicium publicum*» в древнейшую эпоху называлось судебное разбирательство перед комициями, а позднее, с возникновением *quaestiones perpetuae*, данный термин был перенесён на них (*Lintott A.W. Provocatio from... S. 246-249*).

сопровождалось созданием соответствующей *quaestio perpetua*, которая исходя из положений данного закона и осуществляла свою деятельность.

В исторической литературе общим местом является признание тесной связи между уголовным процессом в *quaestiones perpetuae* и гражданским судопроизводством. По мнению английского историка А. Гриниджа, процесс в *quaestiones perpetuae* представлял собой сочетание элементов гражданского судопроизводства с элементами старого уголовного суда, причём первые явно преобладали¹⁶. Сходную точку зрения высказывает Ф.Ф. Зелинский. Он полагает, что прообразом нового римского уголовного процесса было гражданское судопроизводство претора, разбиравшего тяжбы римских граждан с иноземцами (т.н. *praetor qui ius inter peregrinos dicit*)¹⁷. Косвенным подтверждением этого мнения служит то обстоятельство, что первой из постоянных судебных комиссий была организована именно *quaestio de repetundis*. Нам представляется, что она была создана в первую очередь для защиты провинциалов, не являвшихся римскими гражданами, от произвола наместников (см. *Cic. Div. in Caec.*, 17-18; *Verr. II*, 2, 15)¹⁸: римские граждане обычно добивались возмещения убытков посредством обыкновенного частного иска в гражданском суде. Для провинциалов, живших далеко от Рима, такая возможность защиты своих интересов была менее доступна и, очевидно, не слишком эффективна.

Основанием для подобных выводов служит бросающееся в глаза присутствие в новом уголовном процессе многих элементов гражданского

---

¹⁶ *Greenidge A.H.J.* The legal procedure... P. 415.

¹⁷ *Зелинский Ф.Ф.* Римский уголовный процесс // М. Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. Т. 1. СПб., 1901. С. 755. Об истории возникновения уголовного процесса в *quaestiones perpetuae* подробнее см.: *Mommsen Th.* Römische Strafrecht. S. 180-185. Магистратура, именуемая в латинских источниках «*praetor qui ius inter peregrinos dicit*» и другими подобными описательными конструкциями (см. по этому поводу, например: *Власова О.А.* Эволюция римской магистратуры преторов (367 г. до н.э. – 122 г. до н.э.) // ПИФК. 2009. №1. С. 30; 40 прим. 5, 7), в исследовательской литературе иногда обозначается термином «претор перегринов»; им мы и будем впредь пользоваться.

¹⁸ *Bauman R.A.* Crime and... P. 168; *Idem.* Human rights in ancient Rome. L.-N.Y., 2000. P. 57-62; против – *Richardson J.S.* The purpose of the *lex Calpurnia de repetundis* // *JRS.* 1987. Vol. 77. P. 1-11. Дж. Ричардсон считает, что главной целью, которую преследовал *lex Calpurnia de repetundis*, была защита от злоупотреблений магистратов и промагистратов интересов (прежде всего, экономических) римских граждан как в Италии, так и в провинциях.

судопроизводства. Наиболее важный из них – это принцип состязательности, в соответствии с которым стороны обвинения и защиты выступали равноправными участниками судебного заседания. Кроме того, председателем на процессе, как правило, являлся претор, исполнявший также обязанности судьи по гражданским делам. Дело слушалось перед комиссией выборных судей, которых А. Гринидж считает аналогом рекуператоров в гражданском процессе¹⁹. Помимо всего вышеперечисленного, уголовный процесс при разбирательстве дел в *quaestio de repetundis* и *quaestio de peculatu* был непосредственно соединён с гражданским иском. Обвинительный приговор давал потерпевшей стороне право на возмещение причинённых ей убытков. Разбор этого гражданского иска, однако, производился не по формам гражданского судопроизводства, а в той же уголовной комиссии посредством специальной процедуры *litis aestimatio* («возмещение убытков») (*Lex Acilia*, 3)²⁰.

Система *quaestiones perpetuae* в более или менее окончательном виде, который не изменился и в эпоху Раннего принципата, сложилась к концу 60-началу 50-х гг. Это обстоятельство дало Цицерону основание в 56 г. заявить, защищая Луция Корнелия Бальба: «...Существуют суды для рассмотрения всех провинностей...» («...*omnium peccatorum quaestiones sint...*») (*Cic. Balb.*, 65). Система эта, однако, была далеко несовершенной. Как мы уже отмечали выше, каждая из судебных комиссий действовала на основании особого закона (ср.: *Dig. XLVIII, 1, 1*). Единый законодательный акт (*lex iudiciaria*), который бы регламентировал деятельность всех постоянных уголовных судов, по крайней мере, в первые несколько десятилетий их существования отсутствовал²¹. Но даже

---

¹⁹ *Greenidge A.H.J.* The legal procedure... P. 416. Рекуператоры (*recuperatores*) – присяжные в римском республиканском суде по гражданским делам. Подробнее о них см., напр.: *Berger A., Nicholas B. Recuperatores* // *OCD. Oxf.*, 1976. P. 910; *Wenger L. Reciperatio* // *RE. 1914. Bd. IA. Sp. 405-433*.

²⁰ Подробнее о *litis aestimatio* в римском уголовном процессе см., напр.: *Leonhard R. Aestimatio litis* (2) // *RE. 1894. Bd. I. Sp. 690-691*.

²¹ Вопрос о времени появления *lex iudiciaria* является в историографии дискуссионным. Т. Моммзен сделал предположение о существовании такого закона уже в досулланский период (*Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 530-532*). Дж. Страчан-Дэвидсон одним из первых усомнился в выводах, сделанных Т. Моммзеном (*Strachan-Davidson J.L. Problems of the Roman criminal law. Vol. II. P. 81-84*). В позднейшей историографии точку зрения Т. Моммзена

и после его появления отдельные *quaestiones perpetuae* сохраняли некоторые свои характерные особенности²². Нередко практически идентичные преступления могли рассматриваться на основании разных законов, – и, соответственно, в разных судебных комиссиях. То, какое обвинение будет предъявлено в том или ином случае, зависело в этой ситуации исключительно от свободной воли обвинителя²³. Такое положение вещей создавало благоприятную почву для разного рода махинаций и интриг. Как правило, обвинители отдавали предпочтение тому закону, по которому было легче добиться осуждения²⁴. В сравнительно редких случаях одному и тому же лицу за одно и то же преступное деяние могли быть предъявлены несколько обвинений на основании разных законов. Так, Тит Анний Милон в 52 г. был обвинён одновременно и в насильственных действиях (*de vi*), и в подкупе избирателей (*de ambitu*), и в участии в незаконных товариществах опять-таки с целью подкупа избирателей (*de sodaliciis*) (*Ascon.* 38 Clark).

Подобная юридическая неопределённость объясняется также и тем, что в эпоху Республики так и не удалось осуществить систематизации римского законодательства, хотя необходимость этого шага вполне осознавалась самими римлянами. В частности, возможно, что проект кодификации римского публичного права обдумывал Гней Помпей. Об этом упоминает единственный и

поддержали В. Кункель, Р. Бауман, П. Брант, Э. Грузн и многие другие авторы (ссылки на их работы см.: *Griffin M.* The '*leges iudicariae*' of the pre-Sullan era // *CQ.* 1973. Vol. 23. P. 108 n. 2). Тем не менее, в данном вопросе мы солидарны с мнением М. Гриффин, которая в своей статье доказывает, что у нас нет достаточных оснований говорить о существовании *lex iudiciaria* вплоть до принятия Аврелиева закона в 70 г. Все законы более раннего времени, которые в источниках обозначаются как «*leges iudicariae*», на самом деле являются законами *de repetundis* (*Griffin M.* The '*leges iudicariae*'... P. 108-126). Однако говорить об окончательном решении данного вопроса, по-видимому, пока ещё рано.

²² В первую очередь это касается *quaestio de repetundis*. Подробнее об этом будет сказано в §2 главы I настоящей диссертации.

²³ *Rein W.* Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus. Leipzig, 1844. S. 63-64.

²⁴ См.: *Cloud D.* The constitution... P. 514. Классический пример – сравнительно малое количество в интересующий нас период обвинений *de maiestate*, поскольку само определение этого понятия было расплывчатым, и поэтому было трудно доказать наличие состава преступления. По данной причине обвинители в эпоху Республики, если у них была такая возможность, предпочитали прибегать к другим законам (чаще всего – о вымогательстве: *Bauman R.A.* The *crimen maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate. Johannesburg, 1967. P. 27–30, 85–87).

очень поздний источник – Исидор Севильский: «Первым же свести законы в книги пожелал консул Помпей, но не стал настаивать [на этом], опасаясь недоброжелателей. Затем это начал делать Цезарь, но был убит прежде, [чем успел завершить]» («Leges autem redigere in libris primus consul Pompeius instituere voluit, sed non perseveravit obtreptatorum metu. Deinde Caesar coepit id facere, sed ante interfectus est») (*Isid. Orig. V, 1, 5*)²⁵. Скорее всего, подобный проект относится к знаменитому консульству Помпея *sine collega* в 52 г. Аутентичность данного сообщения, несмотря на его очень позднее происхождение, защищается некоторыми исследователями²⁶.

Помимо *quaestiones perpetuae*, в начале III в.²⁷ были учреждены также особые магистраты – триумвиры по уголовным делам (*tresviri capitales*). Они судили за уголовные преступления рабов (*Plaut. Asin., 131; Aul., 416*), а также, возможно, и римских граждан из низших слоёв общества²⁸; они же следили за приведением в исполнение смертных приговоров и осуществляли надзор за тюрьмами²⁹.

Создание *quaestiones perpetuae* не означало упразднения всех других видов уголовных судов. Народное собрание по-прежнему рассматривалось как высшая судебная инстанция, которая может выносить приговор римскому гражданину. Однако на практике *iudicium populi* фактически перестал функционировать. Для 70-50-ых гг. известны лишь редкие случаи, когда уголовное дело выносилось на суд комиций. Марк Терренций Варрон Лукулл, консул 73 г., в 66 г. предстал перед судом трибутных комиций по обвинению в хищениях государственных

---

²⁵ Здесь и далее переводы цитат из античных авторов, если не указано имя переводчика, выполнены автором диссертации.

²⁶ *Pólay E. Kodifizierungsplan des Pompeius // Acta Ant. Hung. 1965. Vol. 13. P. 85-95; Paricio J. Los proyectos codificadores de Pompeyo y César en san Isidoro de Sevilla // Labeo. 2004. Num. 50. P. 31-43.*

²⁷ Около 288 г. – *Liv. Per., XI.*

²⁸ По этому поводу в историографии нет единого мнения. В поддержку тезиса о том, что *tresviri capitales* могли судить римских граждан, высказывается, например, Д. Клауд (*Cloud D. The constitution... P. 500-501*); против – В. Кункель (*Kunkel W. Untersuchungen zur... S. 71-79*) и Дж. Гоэн (*Gaughan J. Murder was not a crime... P. 7*).

²⁹ По мнению Т. Моммзена (*Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 180 Anm. 1*), *tresviri capitales* могли выступать также в качестве судей по гражданским делам; против этого возражает Д. Клауд (*Cloud D. The constitution... P. 500 n. 31*).

средств, совершённых им в период сулланской диктатуры, и был оправдан (*Plut. Luc.*, 37)³⁰. В 63 г. Гай Рабирий, осуждённый специальной судебной комиссией за государственную измену (*perduellio*), обратился к центуриатным комициям, но собрание было распущено до того, как оно вынесло свой вердикт (*Cic. Rab. Perd.*; *Pis.*, 4; *Suet. Div. Iul.*, 12; *Dio XXXVII*, 26-28)³¹.

Для разбора особенно громких преступлений, которые, строго говоря, не попадали под действие ни одного из существующих законов, могли, как и прежде, создаваться *quaestiones extraordinariae*. В каждом конкретном случае принимался особый закон для учреждения такой комиссии. Для рассматриваемого периода мы располагаем более или менее надёжными сведениями только о двух *quaestiones extraordinariae*. Одна из них была организована в 61 г. на основании *lex Fufia* для суда над Публием Клодием, обвинённым в святотатстве (*Cic. Att. I*, 14, 5; *I*, 16, 2; *Ascon.* 45 Clark); вторая – в 52 г. для суда над Титом Аннием Милоном по обвинению в насильственных действиях (*de vi*), а точнее, в убийстве Клодия (*Ascon.* 38 Clark). По-видимому, в первом случае судебная процедура была точно такой же, как и в *quaestiones perpetuae*; на процессе Милона мы подробнее остановимся далее. Высказывается мнение, что, возможно, специальная судебная комиссия была создана для процесса над девами-весталками, обвинёнными в нарушении обета безбрачия (т.е. в *incestum*), и их предполагаемыми любовниками в 73 г.³²

Были случаи, когда преступления, подсудные уголовному суду, рассматривались в гражданском процессе, если предполагаемым наказанием для обвиняемого было не изгнание, а денежный штраф. Например, народный трибун Квинт Опимий в 74 г. обвинялся в нарушении *lex Cornelia tribunicia*, а именно – в незаконной интерцессии. Эти действия попадали под действие закона об оскорблении величия римского народа; тем не менее, дело рассматривалось в

---

³⁰ Подробнее: *Alexander M.C. Trials in the late Roman Republic, 149 B.C. to 50 B.C.* Phoenix. Suppl. 26. Toronto, 1990. P. 102-103; *Gruen E.S. Some criminal trials of the late Republic: political and prosopographical problems* // *Athenaeum*. 1971. Vol. 49. P. 57-58.

³¹ *Alexander M.C. Trials in the late...* P. 110 (с ссылками на литературу).

³² *Lintott A. Legal procedure...* P. 77.

гражданском процессе перед городским претором Гаем Верресом. Опимий был признан виновным и приговорён к крупному штрафу; по словам Цицерона, этим приговором он был лишён всего своего состояния (*Cic. Verr. II, 1, 155*).

Но все изложенные выше примеры следует признать скорее исключениями из общего правила. Безусловно, для интересующего нас периода 78-49 гг., после принятия сулланского уголовного законодательства, бóльшая часть всех уголовных дел разбиралась в постоянных судебных комиссиях. После Суллы римлянин, говоря об уголовных судах, почти всегда имел в виду именно *quaestiones perpetuae*. Поэтому мы, оставив в стороне прочие судебные органы, перейдём теперь к рассмотрению организации исключительно данного института. При этом вопрос о социальном составе республиканских *quaestiones perpetuae* и способе назначения судей представляется одним из важнейших для их характеристики.

Приступая к анализу эволюции римских уголовных судов, нельзя не отметить неполноту имеющихся в нашем распоряжении источников. Содержание большинства законов, прежде всего досулланского периода, реконструируется по фрагментарным упоминаниям разных авторов, которые порой прямо противоречат друг другу; некоторые законы известны лишь по названиям. Это обстоятельство приводит к многочисленным дискуссиям в историографии, а некоторые вопросы на сегодняшний день следует признать неразрешимыми.

Тем не менее, даже на основании столь ограниченной источниковой базы можно с полной уверенностью утверждать: состав и организация постоянных судебных комиссий на протяжении существования Римской республики менялись неоднократно. Эти изменения сопровождались вспышками и обострениями политической борьбы, что само по себе свидетельствует о политическом значении римских уголовных судов. Ожесточённая «борьба за суды», начавшаяся, по видимому, с момента создания *quaestiones perpetuae*, велась между двумя высшими сословиями римского государства – сенаторским и всадническим³³.

---

³³ См.: *Cloud D. The constitution...* P. 509-510.

Как нами уже отмечалось выше, первой на основании *lex Calpurnia*, проведённого в 149 г. народным трибуном Луцием Кальпурнием Пизоном Фруги, была образована *quaestio de repetundis*, которая, по крайней мере, на протяжении нескольких десятилетий оставалась единственной в Риме постоянной судебной комиссией³⁴. Согласно Кальпурниеву закону, судьи в *quaestio de repetundis* назначались только из числа сенаторов (*Dio fr. 88; Plut. Gracchi, 16*). Однако в 122 г. по инициативе народного трибуна Гая Гракха принимается *lex Acilia (Sempronia) de iudiciis repetundarum*³⁵; предложил закон его сподвижник и коллега по трибунату, Маний Ацилий Глабрион. Текст этого закона обнаружили в конце XV в. на 12 фрагментах бронзовой таблицы, которая была найдена в окрестностях итальянского города Урбино и получила в литературе наименование *tabula Bembina* (*Bruns. I, 10 = CIL. I², 583 = RS. I, p. 65-84, №1*)³⁶. Закон полностью передал уголовное судопроизводство по делам о вымогательстве в руки всаднического сословия (*Cic. Verr. I, 38; Varr. De vita pop. Rom. IV. Fr. 114 apud Non.Marc. 728 Lindsay; Vell. II, 32, 3; App. Bel. civ. I, 22; Diod. XXXIV, 25, 1, 1*)³⁷.

---

³⁴ Строго говоря, для досулланского периода источниками абсолютно надёжно фиксируются лишь две постоянные судебные комиссии – *de repetundis* и *de maiestate*. Тем не менее, большинство авторов относят к этому времени также учреждение *quaestiones de sicariis et veneficiis, de ambitu* и *de peculatu*, хотя они и спорят между собой относительно возможной датировки этих событий. См.: *Brunt P.A. Judiciary rights in the Republic // Brunt P.A. The fall of the Roman Republic and related essays. Oxf., 2004. P. 219-222; Gruen E.S. Roman politics and the criminal courts, 149-78 B.C. Cambridge, 1968. P. 124-125, 261-263; Kunkel W. Quaestio // RE. 1963. Bd. XXIV. Sp. 738-739.*

³⁵ В литературе существуют разные варианты наименования данного закона; мы придерживаемся версии, предложенной Т.Г. Мякиным: Закон Ацилия (Семпрония) о судах по взысканию денег, полученных незаконным путём (122 г. до н.э.). Пер. с лат. и комм. Т.Г. Мякина // ВДИ. 2007. №4. С. 225 прим. 1.

³⁶ К.А. Кленце, подготовивший в 1825 г. первое издание этого источника, идентифицировал его как судебный закон Гая Сервилия Главции, соратника народного трибуна Луция Аппулея Сатурнина. Однако позднее А.Ф. Рудорфф, К.Т. Цумпт и Т. Моммзен неопровержимо доказали, что найденный текст следует отождествить с законом Гая Гракха и Мания Ацилия Глабриона. См.: *Мякин Т.Г. Судебный закон Гая Семпрония Гракха: документальный первоисточник и литературная традиция // ВДИ. 2007. №4. С. 28-31 (со ссылками на соответствующую литературу).*

³⁷ Фрагментарность и противоречивость дошедшей до нас литературной традиции способствует совершенно различному толкованию имеющихся данных разными авторами. Например, П. Брант, опираясь на сообщения неизвестного составителя периодов труда Тита Ливия (*Liv. Per., LX*) и Плутарха (*Plut. Gracchi, 26-27*), приходит к выводу, что существовали два судебных закона Гая Гракха – *lex de repetundis* и собственно *lex iudiciaria*, принятый позднее. Согласно этим законам, во всех постоянных судах, кроме суда за вымогательства, стали заседать как

Кроме сенаторов, из числа потенциальных судей исключались их близкие родственники и все бывшие магистраты (*Lex Acilia*, 22)³⁸. В 106 г. консул Сервилий Цепион попытался вернуть сенаторам право заседать в судебных комиссиях, проведя *lex Servilia de repetundis*³⁹. Точное содержание этого закона неизвестно. Согласно одним источникам, Сервилиев закон разделил суды между сенаторами и всадниками (*Obseq.* 101; *Cassiod. Chron. ad ann.* 106); по другим, контроль над судами полностью вернулся к сенаторам (*Tac. Ann.* XII, 60)⁴⁰.

всадники, так и сенаторы (*Brunt P.A. Judiciary rights...* P. 195 ff.). Однако Т.Г. Мякин убедительно показывает необходимость критического отношения к информации Плутарха и эпитомы Тита Ливия; он доказывает, что судебный закон Гракха был всего один – *lex Acilia (Sempronia) de iudiciis repetundarum* 122 г. (*Мякин Т.Г. Судебный закон...* С. 39-47).

³⁸ При ссылках на *lex Acilia (Sempronia) de iudiciis repetundarum* здесь и далее нами используется разбивка на рубрики по изданию М. Кроуфорда (*Roman statutes / Ed. by M. Crawford. Vol. I. L., 1996. P. 65-84, №1*).

³⁹ Предпринимавшиеся иногда попытки оспорить существование данного закона (напр.: *Hendrickson G.L. The memoirs of Rutilius Rufus // CPh. 1933. Vol. 28. P. 156-158*) следует признать бесосновательными (см.: *Gruen E.S. Roman politics...* P. 158 n. 8). Дж. Страчан-Дэвидсон (*Strachan-Davidson J.L. Problems of the Roman criminal law. Vol. II. P. 80 n. 2*) ошибочно датирует *lex Servilia Caepionis* 111 г. См. по этому поводу: *Balsdon J.P. The history of the extortion court at Rome, 123-70 B.C. // PBSR. 1938. Vol. 14. P. 103 n. 27*. Цицерон (*Cic. De inv. I, 92*) называет этот закон «*Caepionis legem iudiciariam*», т.е. законом, относящимся ко всем судам, а не к какой-то конкретной судебной комиссии. Э. Груэн рассматривает данное сообщение римского оратора как прямое указание на то, что закон Цепиона являлся *lex iudiciaria* (*Gruen E.S. Roman politics...* P. 166). Однако, как первым верно отметил П. Фраккаро (*Fraccaro P. Opuscula. Vol. II. Studi sull' età della rivoluzione romana. Scritti di diritto pubblico. Militaria. Pavia, 1957. P. 255 f.*), Цицерон мог употребить этот термин и в более широком смысле (ср. *Cic. Phil. I, 19*: «*omnes iudiciariae leges Caesaris*» – о комплексе уголовных законов Цезаря). Этой точки зрения на сегодняшний день придерживается большинство историков: *Badian E. From the Gracchi to Sulla (1940-59) // Historia. 1962. Bd. 11. S. 206-207*; *Griffin M. The 'leges iudiciariae' ... P. 114-116*; *Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312-43 av. J.C.). Vol. I. Paris, 1966. P. 478-480 n. 32*; *Ferrary J.-L. Recherches sur la législation de Saturninus et de Glaucia (II) // MEFRA. 1979. T. 91. P. 86*. Поэтому закон Сервилия, с нашей точки зрения, всё-таки являлся законом о вымогательствах. Другое дело, что установленный им порядок судопроизводства мог быть затем постепенно распространён и на другие судебные комиссии.

⁴⁰ И та, и другая точка зрения приводятся сравнительно поздними авторами. Сведения Юлия Обсеквента и Кассиодора восходят, с большой долей вероятности, к Титу Ливию (*Brunt P.A. Judiciary rights...* P. 204). Дж. Бэлсдон, П. Брант, М. Гриффин, Э. Груэн и Ж.-Л. Феррари отдают предпочтение этим источникам (*Balsdon J.P. The history of the extortion court... P. 103-105*; *Brunt P.A. Judiciary rights...* P. 204-205; *Griffin M. The 'leges iudiciariae'... P. 111*; *Gruen E.S. Roman politics...* P. 158; *Ferrary J.-L. Recherches sur la législation... P. 85*); Д. Клауд склонен больше доверять Тациту (*Cloud D. The constitution... P. 511-512*). Нам также представляется более достоверным сообщение Тацита: оно согласуется в том числе и с замечанием Цицерона в речи «*Pro Cornelio de maiestate*» о том, что вплоть до принятия *lex Plautia* в 89 г. сенаторы и всадники никогда не заседали вместе в судах (*Cic. Corn. I, fr. 54 P apud Ascon. 79 Clark*; аргументы против см.: *Balsdon J.P. The history of the extortion court... P. 101*). А. Гринидж пытается разрешить это противоречие следующим образом: он предполагает, что Цепион, как это пытались сделать до

Сколько лет действовал данный закон, неизвестно, но, очевидно, недолго. Уже к 100 г. закон Сервилия Цепиона был отменён (*Cic. Rab. Perd.*, 20), – очевидно, после принятия *lex Servilia Glaucia de repetundis*⁴¹; согласно этому закону в судах вновь стали заседать исключительно всадники⁴². Очередную судебную реформу в 91 г. попытался провести народный трибун Марк Ливий Друз, но его судебный закон, предусматривавший разделение судов между двумя сословиями и уже принятый комициями, был аннулирован из-за несоблюдения формальных процедур (*Ascon.* 68-69 Clark).

В 89 г. по инициативе народного трибуна Марка Плавтия Сильвана принимается *lex Plautia*. Сведения об этом законе исчерпываются кратким сообщением Аскония, которое, на наш взгляд, будет не лишним процитировать: «Народный трибун Марк Плавтий Сильван в консульство Гнея Помпея Страбона и Луция Порция Катона, на второй год Италийской войны, когда всадническое сословие господствовало в судах (*cum equester ordo in iudiciis dominaretur*), внёс закон при поддержке знати (*adiuvantibus nobiles*). <...> По этому закону каждая триба из своего числа голосованием избирала по пятнадцати [человек], которые будут судить в этом году. Благодаря этому получалось, что в их числе оказывались также и сенаторы, и даже кое-кто из самого плебса (*quidam etiam ex ipsa plebe*)» (*Ascon.* 79 Clark). Нужно сказать, что большинство исследователей

него Гай Гракх, а после него – Друз, одновременно с внесением своего закона предложил ввести в сенат некоторое количество всадников (*Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 431-432*). Данная гипотеза представляется интересной, но при нынешнем состоянии источниковой базы она недоказуема.

⁴¹ Дискуссию по поводу предполагаемой даты принятия данного закона см. в работах: *Balsdon J.P. The history of the extortion court... P. 106-107*; *Gruen E.S. Roman politics... P. 166-167*; *Sumner G.V. The orators in Cicero's Brutus: prosopography and chronology. Toronto, 1973. P. 101 ff.*; *Ferrary J.-L. Recherches sur la législation... P. 101-105*; *Lintott A.W. The leges de repetundis and associate measures under the Republic // ZRG. 1981. Bd. 98. S. 189.*

⁴² Как совершенно верно замечает Дж. Бэлдон, в источниках нет прямых указаний на то, что порядок судопроизводства и состав судей, установленный законом Главции, относился и ко всем остальным уголовным комиссиям (*Balsdon J.P. The history of the extortion court... P. 106*). С другой стороны, о них мы вообще не имеем никаких данных. Нам кажется вполне вероятным, т.к. *quaestio perpetua de repetundis* была организована раньше других и достаточно долго существовала в единственном числе, что другие судебные комиссии создавались и функционировали по её образцу. Так считают, например, Э. Бэдиан (*Badian E. From the Gracchi to Sulla... P. 207-208*) и Э. Линтотт (*Lintott A.W. Judicial reform and land reform in the Roman Republic. Cambridge, 1992. P. 27*).

полагают, будто *lex Plautia* представляет собой общий судебный закон⁴³. Однако нам более близка точка зрения М. Гриффин; она убедительно доказывает, что закон Плавтия всего лишь устанавливал состав чрезвычайных судебных комиссий, созданных на основании закона Вария *de maiestate* (на нём мы подробнее остановимся в §1 главы III)⁴⁴.

Крупнейшей вехой в истории развития системы постоянных судебных комиссий стали диктатура Суллы и принятие сулланского законодательства. Большая часть *quaestiones perpetuae* (*de sicariis et veneficiis, de peculatu, de ambitu et de maiestate*), вероятно, появились ещё до Суллы; вновь организована была только *quaestio de falsis* (о подделке завещаний и фальшивомонетничестве). Заслуга диктатора состоит, прежде всего, в упорядочении предыдущего законодательства и создании целостной системы уголовного судопроизводства. Законы Суллы установили общие принципы организации и состава *quaestiones perpetuae*⁴⁵. При этом, как мы уже отмечали, скорее всего, единый судебный закон (*lex iudiciaria*) так и не был принят.

Одним из главных изменений, внесённых Суллой, было то, что уголовные суды вновь были полностью переданы в руки сенаторского сословия (*Vell.* II, 32, 3). Список судей, составлявшийся городским претором на текущий год (*album iudicum*), делился на декурии. Такое разделение являлось искусственным⁴⁶; ни одна из декурий не была строго закреплена за какой-либо определённой судебной комиссией⁴⁷. Претор выбирал одну из декурий для ведения данного конкретного дела, исходя из её порядкового номера в списке; именно из этой декурии и

---

⁴³ *Zumpt A.W.* Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 1. Berlin, 1868. S. 264; *Lange L.* Römische Alterthümer. Bd. III. Berlin, 1876. S. 134; *Rotondi G.* *Leges publicae...* P. 342; *Badian E.* From the Gracchi to Sulla... P. 208; *Gruen E.S.* Roman politics and the criminal courts... P. 221. По мнению Л. Ланге, закон Плавтия отменил Цинна в 88 г., с точки зрения А. Цумпта, его упразднил Сулла в 82 г., однако всё это не более, чем гипотезы.

⁴⁴ *Griffin M.* The '*leges iudiciae*'... P. 111-112, 120.

⁴⁵ По мнению Т. Моммзена, они составили «первый после Двенадцати таблиц римский свод законов и вообще первый специально изданный уголовный кодекс» (*Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. М., 1937. С. 339).

⁴⁶ Ср. с делением афинского суда на дикастерии: *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 157 слл.

⁴⁷ Данная мера, по-видимому, имела своей целью снизить вероятность предварительного подкупа судей одной из тяжущихся сторон.

назначались судьи. Выбор судей на процесс осуществлялся по жребию. После жеребьёвки происходила процедура отвода судей (*reiectio*) (*Schol. Gronov. 392 Orelli*). Обвиняемый, не принадлежащий к сословию сенаторов, мог отвести не более трёх судей⁴⁸. Сенаторы в этом отношении пользовались более широкими правами⁴⁹. Возможно, для сенатора это, установленное законом, число было вдвое большим: известно, что Веррес отвёл, по крайней мере, шесть судей (*Cic. Verr. II, 1, 18; Verr. II, 3, 97; Verr. II, 5, 114*). Данное правило, по-видимому, действовало только в период существования сенаторских судов. Во всяком случае, после принятия в 70 г. *lex Aurelia iudiciaria* свидетельств о каких-либо преимуществах, предоставляемых сенаторам во время отвода судей, нет; можно поэтому предположить, что этим законом они были упразднены⁵⁰.

Случались также ситуации, когда количество судей в декурии было меньше необходимого для данного процесса (сенаторы могли быть уже заняты в других судах, находиться за пределами Рима с официальными поручениями или исполнять магистратуры). В таком случае проводилась дополнительная жеребьёвка (*subsortitio*) из числа судей следующей декурии. За правильность этой процедуры несли обоюдную ответственность председатель судебной комиссии и городской претор: первый занимался непосредственно проведением жеребьёвки, второй – вносил имена вновь избранных судей в свой список (*codex*) (*Cic. Cluent., 91; 96; Verr. I, 39; 157*). Необходимо заметить, что практика *subsortitio* оставляла место для различных злоупотреблений, о механизме которых нам известно из

---

⁴⁸ *Cic. Verr. II, 2, 77*: «...Люди, не принадлежащие к этому [т.е. сенаторскому. – В.Х.] сословию, которым превосходные Корнелиевы законы дают право отвести не более, чем трёх судей, не желают, чтобы их судил этот человек – столь жестокий, столь преступный, столь нечестивый» («...de se homines, si qui extra istum ordinem sunt, quibus ne reiciendi quidem amplius quam trium iudicum praeclarae leges Corneliae faciunt potestatem, hunc hominem tam crudelem, tam sceleratum, tam nefarium nolunt iudicare»).

⁴⁹ А. Гринидж объясняет эту норму попыткой «восстановить справедливость»: у сенаторов в силу их более высокого положения могло быть больше врагов из числа членов их же собственного сословия (*Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 440*). Мы предпочитаем более тривиальное объяснение: Сулла просто желал ещё раз подчеркнуть привилегированный статус сенатора и урезать права всадников.

⁵⁰ *Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 441.*

процесса Верреса (*Cic. Verr. II, 1, 158*)⁵¹. Таким образом, назначение судей на конкретный процесс частью находилось в руках городского претора (ведь именно он определял декурию), частью зависело от случая при жеребьёвке. Только лишь при процедуре отвода стороны защиты и обвинения могли влиять на состав судебной комиссии. Первым отвод судей осуществлял обвинитель, затем – подсудимый или его защитник⁵².

Количество судей на разных уголовных процессах, видимо, было различным. Сенат при Сулле был расширен до 600 человек⁵³. Следовательно, одна декурия даже теоретически не могла насчитывать более 60 потенциальных присяжных (реально же – разумеется, меньше). Из этого числа нужно отнять ещё сенаторов, отсутствовавших в городе по государственным делам и исполнявших

---

⁵¹ Это место в речи представляется не совсем ясным. Мы принимаем объяснение А. Цумпта (*Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 2. Berlin, 1869. S. 115-116*), с которым соглашаются также Ф.Ф. Зелинский (М. Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. Т. 1 / Пер. В.А. Алексеева под ред. Ф.Ф. Зелинского. С. 169 прим. 91) и А. Гринидж (*Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 439*). Они представляют дело так: Веррес сговорился со своим приятелем, Квинтом Курцием, председателем (*iudex quaestionis*) другой судебной комиссии (очевидно, *de sicariis et venificiis*), чтобы тот добился для своей комиссии дополнительной жеребьёвки судей и таким способом перевёл к себе наиболее строгих и неподкупных сенаторов из той декурии, которая должна была судить Верреса. Только бдительность Цицерона сорвала их замысел. Ф.Ф. Зелинский, однако, отмечает, что при этой хитроумной комбинации остаётся невыясненной роль городского претора, без которого жеребьёвка не могла состояться (Там же).

⁵² *Schol. Gronov.* 389 Orelli: «*in reiectione autem prior accusator reiiciebat, et sic defensor vel reus*». Тем не менее, А. Гринидж, основываясь на сообщении Цицерона (*Cic. Verr. II, 1, 18*), полагает, что, по крайней мере, в отдельных *quaestiones* могла иметь место и обратная практика (*Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 441*).

⁵³ Такого мнения придерживаются большинство исследователей (см., например: *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 847*; *Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 437*; *Gabba E. Republican Rome, the army and the allies / Trans. by P.J. Cuff. Berkeley-L.A., 1976. P. 142*; *Brunt P.A. Judiciary rights... P. 232*; *McDermott W.C. The Verrine jury // RhM. 1977. Bd. 120. S. 64*; *Alföldy G. The social history of Rome. L., 1985. P. 88*; *Seager R. Sulla // САН. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge, 1992. P. 200*). Особая точка зрения у М.В. Белкина. Он приводит ряд аргументов в пользу того, что Сулла, хотя и пополнил сенат большим количеством своих сторонников, не установил точного количества его членов, и делает вывод: «В результате сулланских нововведений впервые в истории сената наступил период, когда его численность постоянно варьировалась и невозможно говорить ни о каком стабильном количестве сенаторов – ни о 300, ни о 600. Такая ситуация сохранялась в течение приблизительно 60 лет, до *lectio senatus* 18 г. до н. э.» (*Белкин М.В. Историческая традиция о численности и этапах формирования сената в древнем Риме // Жебелёвские чтения-3. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 года. СПб., 2001 – <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-10/belkin.htm> (27.10.2011)*). Однако приводимые М.В. Белкиным аргументы не кажутся нам бесспорными.

магистратуры; нельзя забывать также о праве отвода, которым пользовались обвинитель и обвиняемый. Таким образом, получается, что общее количество судей на процессе было не слишком большим и вряд ли превышало 30-40 человек⁵⁴.

Среди исследователей не существует единого мнения относительно определения характера сулланской судебной реформы. Т. Моммзен подчёркивает её ярко выраженную аристократическую направленность⁵⁵. В то же время немецкий учёный полагает, что, реформируя суды, Сулла преследовал не только политические цели: это была «первая попытка улучшить как римское уголовное право, так и римское уголовное судопроизводство, которое со времени сословной борьбы всё более приходило в упадок»; в отдельных сулланских судебных мероприятиях Т. Моммзен находит даже «достойный сочувствия либеральный дух»⁵⁶.

А. Гринидж, напротив, считает судебные мероприятия Суллы определённым компромиссом, достигнутым между двумя сословиями. Этот компромисс действовал до тех пор, пока включённые диктатором в сенат всадники не «оторвались» от своей прежней среды и не стали идентифицировать свои интересы с интересами «старых» сенаторов. Это обстоятельство привело к снижению эффективности работы уголовных судов и росту числа оправдательных приговоров по отношению к обвиняемым членам сенаторского сословия независимо от того, были последние виновны или нет⁵⁷. Похожей точки зрения придерживается Э. Груэн. По его мнению, Сулла, придя к власти, передал суды сенаторам «в интересах удобства и эффективности» («in the interests of the convenience and efficiency»). Но состав самого сената при Сулле значительно изменился; в него вошло большое число представителей всаднического сословия,

---

⁵⁴ *McDermott W.C.* The Verrine jury... S. 65, 75. Абсолютная цифра нам известна только для процесса Оппианика в 74 г. – 32 человека (*Cic. Cluent.*, 74).

⁵⁵ «Ясно, – пишет он, – что политической целью этих нововведений было положить конец соучастию всадников в делах управления» (*Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. С. 339).

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Greenidge A.H.J.* The legal procedure... P. 442.

в том числе и те, кто прежде заседал в судах⁵⁸. Поэтому, по мнению Э. Груэна, борьба между сенаторами и всадниками за контроль над судами отошла в прошлое, так как сам сенат уже в значительной степени состоял из бывших всадников. Говорить о борьбе за суды между этими двумя сословиями после диктатуры Суллы, считает он, – значит впадать в анахронизм⁵⁹.

Представляется, что определение Т. Моммзеном сулланской судебной реформы как «аристократической» всё же несколько ближе к истине. Она вписывается в контекст остальных преобразований диктатора, направленных на возврат к государственному «строю предков». В то же время чисто практическое значение её для упорядочения уголовного судопроизводства было огромно. С нашей точки зрения, реформирование постоянных судебных комиссий и принятие целого комплекса новых уголовных законов вообще можно назвать одним из наиболее дальновидных и наиболее удачных мероприятий из всех, проведённых Суллой.

Сулланская конституция, как известно, ненадолго пережила своего создателя. Практически сразу же после смерти Суллы в 78 г. начинают предприниматься попытки добиться пересмотра её основных положений⁶⁰. Не последнее место среди них занимает требование судебной реформы. За десятилетие, которое прошло с того момента, когда Сулла вновь вернул контроль над судами в руки сенаторского сословия, сенаторские суды успели изрядно испортить свою репутацию. Главным обвинением, которое предъявлялось судьям-сенаторам, было обвинение в продажности, и, надо сказать, для этого были определённые основания. Известны несколько громких процессов этого периода, получивших скандальную славу⁶¹. Поэтому, как кажется, мы имеем право утверждать, что идея очередной судебной реформы витала в воздухе (см.,

---

⁵⁸ См.: *Hawthorn J.R.* The senate after Sulla // *G&R*. 1962. Vol. 9. P. 56-57.

⁵⁹ *Gruen E.S.* The last generation... P. 29-30.

⁶⁰ По этому поводу см., напр.: *Seager R.* The rise of Pompey // *САН*. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge, 1992. P. 211-215; 223-225.

⁶¹ В частности, печально знаменитый «Юниев суд» (*iudicium Iunianum* – по имени председателя, претора Гая Юния), в 74 г. осудивший Оппианика; впоследствии сразу несколько судей из его состава были сами осуждены или получили замечание цензоров за то, что взяли деньги за вынесение обвинительного приговора (*Cic. Cluent.*, 79 и далее) См. также *Cic. Verr. I*, 36-40.

напр.: *Cic. Div. in Caec.*, 8; *Verr. I*, 1-2; *Cluent.*, 130; *Ps.-Ascon.* 189 Stangl). Нет ничего удивительного, что в 70 г., в консульство Гнея Помпея и Марка Лициния Красса, по предложению претора Луция Аврелия Котты принимается *lex Aurelia iudiciaria*. Согласно этому закону, право заседать в уголовных судах распределялось между тремя сословиями – сенаторов, всадников и эрарных трибунов (*Ascon.* 67 Clark; *Cic. Att. I*, 16, 3; *Phil. I*, 20; *Ps.-Ascon.* 189 Stangl; *Schol. Bob.* 94 Stangl; *Schol. Gronov.* 328 Stangl). Представляется, что ни Помпея, ни Красса проблема судов не особенно заботила⁶², в отличие от второго важнейшего мероприятия их консулата – принятия закона о восстановлении в полном объёме полномочий народных трибунов (*lex Licinia Pompeia de tribunicia potestate*). Закон Котты был проведён довольно поздно – лишь осенью, в сентябре или октябре⁶³, и возможно, что консулы не оказали ему активной поддержки⁶⁴. Тем не менее, принятие закона, по-видимому, прошло относительно спокойно: во всяком случае, источники не сохранили для нас информации о каких-либо бурных столкновениях или ожесточённых дебатах по этому поводу. Это обстоятельство также приводит нас к выводу о сильной общественной поддержке требований судебной реформы⁶⁵.

---

⁶² *Sherwin-White A.N.* Violence in Roman politics // *JRS.* 1956. Vol. 46. P. 7-8. Аргументы против см.: *Marshall B.A. Q.* Cicero, Hortensius and the *lex Aurelia* // *RhM.* 1975. Bd. 118. S. 148-149; *Stockton D.* The first consulship of Pompey // *Historia.* 1973. Bd. 22. S. 217-218.

⁶³ Точная дата неизвестна. См.: *Taylor L.R.* Party politics in the age of Caesar. Berkeley-L.A., 1949. P. 112; *Stockton D.* Cicero. A political biography. Oxf.-N.Y., 1988. P. 44; *Marshall B.A. Q.* Cicero... S. 137-138.

⁶⁴ Согласно Плутарху, Помпей «восстановил власть народных трибунов и *допустил* [курсив наш. – В.Х.] внесение закона, вновь предоставлявшего суды в распоряжение всадников» («καὶ γὰρ ἀπέδωκε τὴν δημαρχίαν αὐτῷ, καὶ τὰς δίκας **περιεῖδεν** αὐτῆς εἰς τοὺς ἰππέας νόμῳ μεταφερομένης») (*Plut. Pomp.* 22, 3 – пер. Г.А. Стратановского). Как кажется, данной фразой греческий биограф подчёркивает пассивную роль Помпея в проведении судебной реформы. Б. Маршалл (*Marshall B.A. Q.* Cicero... S. 149 Anm. 50) не согласен с такой интерпретацией. Плутарх, полагает Б. Маршалл, имеет в виду лишь то, что Помпей не стал сам вносить закон в комиции; это не означает, что он не прилагал усилий для его проведения.

⁶⁵ Б. Маршалл, опираясь на ряд пассажей из «Веррин» (*Cic. Div. in Caec.*, 8; *Verr. I*, 49; *II*, 2, 174; *II*, 3, 223; *II*, 5, 177), полагает, что первоначальный законопроект Котты предусматривал полную передачу уголовных судов в руки всадников, и лишь впоследствии он был изменён (*Marshall B.A. Q.* Cicero... S. 139, 145-147). В принципе, такое развитие событий вполне вероятно. Возможно также, что Котта нарочно сначала представил более радикальный проект, заранее зная, что он не встретит широкой поддержки, чтобы затем, несколько «смягчив» его,

Не подлежит сомнению, что под всадниками *lex Aurelia* понимает только владельцев государственного коня, т.е. *equites equo publico* (*Cic. Phil. I, 20*)⁶⁶. Вопрос о том, кем являлись упоминаемые в законе эрарные трибуны (*tribuni aerarii*), остаётся дискуссионным. Все высказываемые в литературе мнения можно свести к двум основным: 1) *tribuni aerarii* – это богатейшая прослойка первого цензового класса⁶⁷; 2) это лица всаднического ценза, но не имеющие государственного коня (т.е. не внесённые в официальные списки 18 всаднических центурий)⁶⁸. Как бы то ни было, эта проблема не имеет для темы нашего исследования принципиального значения. Древние авторы, говоря об уголовных судах после Аврелиевой реформы, часто даже не проводят разделения между эрарными трибунами и всадниками. Классический образец – Цицерон, который в судебных речах неоднократно именуется и тех, и других общим словом «*equites*» (лишь несколько примеров: *Cic. Flacc., 4; 96; Cluent., 121*)⁶⁹.

В историографии распространены различные точки зрения на вопрос, что же представлял из себя Аврелиев закон. Первая, и наиболее радикальная из них, утверждает следующее: закон Аврелия Котты стал значимой победой всадников над сенаторами, демократических слоёв – над нобилитетом⁷⁰. Принципиально иные позиции отстаивает американский исследователь Э. Груэн. Он, основываясь

продемонстрировать свою готовность к компромиссам и легче добиться принятия умеренного варианта.

⁶⁶ *Henderson M.* The establishment of the *equester ordo* // *JRS.* 1963. Vol. 53. P. 61-64; *Marshall B.A.* *Q. Cicero...* S. 139.

⁶⁷ *Gelzer M.* *The Roman nobility* / Trans. by R. Seager. Oxf., 1975. P. 72 n. 104; *Lengle J.* *Tribunus aerarius* // *RE.* 1937. Bd. VIA. Sp. 2433-2435; *Taylor L.R.* *Party politics...* P. 63, 201 n. 13; *Nicolet C.* *L'ordre équestre...* Vol. I. P. 598; *Williamson C.* *The laws of the Roman people: public law in the expansion and decline of the Roman Republic.* Ann Arbor, 2005. P. 417.

⁶⁸ *Mommsen Th.* *Römisches Staatsrecht.* Bd. III. S. 192 Anm. 4; *Rotondi G.* *Leges publicae...* P. 369; *Cloud D.* *The constitution...* P. 509; *Brunt P.A.* *The fall of the Roman Republic and related essays.* P. 146, 210; *Marshall B.A.* *Q. Cicero...* S. 139; *Hill H.* *The Roman middle class in the Republican period.* Oxf., 1952. P. 156, 212-214; *Henderson M.* *The establishment...* P. 63-64; *Wiseman T.P.* *The definition of 'eques Romanus' in the late Republic and early Empire* // *Historia.* 1970. Bd. 19. S. 71-72. Мнение этих авторов представляется более близким к истине.

⁶⁹ См.: *Трухина Н.Н.* *Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.).* М., 1986. С. 23-24.

⁷⁰ *Stockton D.* *Cicero...* P. 36, 42; *Scullard H.H.* *From the Gracchi to Nero.* L.-N.Y., 2011. P. 81. С.Л. Утченко называет *lex Aurelia* и *lex Licinia Pompeia de tribunicia potestate* двумя сокрушительными ударами по сулланской конституции (*Утченко С.Л.* *Юлий Цезарь.* М., 1976. С. 52-53).

на своих взглядах относительно судебных мероприятий Суллы (они были изложены нами выше), категорически отвергает мнение, что Аврелиев закон явился результатом победы всадников над сенаторским сословием. Так как сенат уже в значительной степени состоял из бывших всадников, пишет Э. Груэн, закон Котты не мог внести никаких принципиальных изменений в социальный состав *quaestiones perpetuae*. Главный его смысл исследователь видит в чисто практических соображениях: расширить списки потенциальных судей, чтобы уменьшить нагрузку, которая падала на сенаторов в связи с большим количеством рассматривавшихся в судах дел, и одновременно распространить эти почётные обязанности на тех людей, которые, в общем-то, могли считаться «ровней» многим сулланским сенаторам. Всё это никак не затронуло основ сулланской конституции⁷¹. Сходную точку зрения высказывает Р. Сигер, также объясняющий сравнительно безболезненное принятие Аврелиева закона изменениями, которые претерпело сенаторское сословие в годы Союзнической и гражданской войн, а также диктатуры Суллы. По его мнению, потеря сенаторами контроля над судами не стала, в отличие от восстановления трибунской власти, подрывом основ сулланской конституции⁷².

Мы присоединимся к точке зрения, получившей в литературе наибольшее распространение⁷³. Она заключается в том, что *lex Aurelia* расценивается, прежде всего, как результат определённого компромисса между сословиями. Безусловно, всадники получили численное преобладание в уголовных комиссиях, так как *tribuni aerarum*, как уже было показано выше, по сути принадлежали к их сословию⁷⁴. Возможно, именно этим обстоятельством объясняются очевидные

---

⁷¹ Gruen E.S. *The last generation...* P. 29-30.

⁷² Seager R. *The rise of...* P. 226-227.

⁷³ См., напр.: *Cloud D. The constitution...* P. 527; *Fantham E. The contexts and occasions of Roman public rhetoric // Roman eloquence: rhetoric in society and literature / Ed. by W.J. Dominik. L.-N.Y., 1997. P. 97; Marshall B.A. Q. Cicero... S. 148; Taylor L.R. Party politics... P. 106; Ward A.M. Cicero and Pompey in 75 and 70 B.C. // Latomus. 1970. T. 29. P. 67; Gelzer M. Das erste Konsulat des Pompeius und die Übertragung der großen Imperien // Gelzer M. Kleine Schriften. Bd. II. Wiesbaden, 1963. S. 172.*

⁷⁴ Но как справедливо замечает Б. Маршалл, между всадниками и сенаторами не существовало непреодолимого барьера; отношения как между сословиями, так и внутри них были весьма запутанными, поэтому нельзя говорить о каких-то постоянно существующих «блоках

ошибки Плутарха (*Plut. Pomp.*, 22), Тацита (*Tac. Ann.* XI, 22) и составителя периодов труда Тита Ливия (*Liv. Per.*, XCVII), которые сообщают, что Аврелиев закон передал суды всадникам⁷⁵. Заметим, что достигнутое компромиссное решение оказалось весьма долговечным; основные положения, которые устанавливал *lex Aurelia*, действовали вплоть до диктатуры Цезаря⁷⁶.

Обратимся же к характеристике состава *quaestiones perpetuae* после Аврелиевой реформы. Судьи теперь отбирались претором из числа сенаторов, римских всадников и эрарных трибунов и назывались поэтому «*iudices selecti*». Их имена ежегодно вносились в список судей (*album iudicum*), составление которого, как и прежде, находилось в руках городского претора. А. Гринидж высказывает убедительное предположение, что количество имён в данном списке зависело от числа сенаторов, которые в этом году могли исполнять роль судей; лишь составив список сенаторов, претор добавлял к нему такое же количество всадников и эрарных трибунов. По его подсчётам, общее число судей, каждый год включаемых в *album iudicum*, равнялось 1080⁷⁷. Городской претор записывал людей в список судей по своему усмотрению (*Cic. Cluent.*, 121). При этом, если при назначении сенаторов его выбор был ограничен имеющимся в наличии – и весьма небольшим – числом членов senatorского сословия, то в отношении всадников и эрарных трибунов он фактически был свободным. Можно

интересов» («consistent blocks of interest») в уголовных судах после Аврелиевой реформы (*Marshall B.A. Q. Cicero... S.* 140).

⁷⁵ Ср. также *Vell.* II, 32, 3: «В то же самое время Котта разделил поровну между обоими сословиями судебские обязанности, которые Гай Гракх отнял у сената в пользу всадников, а Сулла от них [вновь] передал сенату» («*Per idem tempus Cotta iudicandi munus, quod C. Gracchus ereptum senatui ad equites, Sulla ab illis ad senatum transtulerant, aequaliter in utrumque ordinem partitus est*»). П. Брант (*Brunt P.A. The fall... P.* 211) предлагает в данном случае переводить «*aequaliter*» не как «поровну», а как «честно» или «справедливо» («*fairly*»), однако этот вариант представляется нам несколько натянутым.

⁷⁶ П. Брант вообще считает, что Аврелиев закон положил конец давней борьбе за суды между сенаторами и всадниками. Сенат не хотел, да и не пытался, отменить этот закон, и с этого времени столкновения интересов между этими двумя сословиями были редки (*Brunt P.A. Social conflicts in the Roman Republic. L.*, 1971. P. 119).

⁷⁷ *Greenidge A.H.J. The legal procedure... P.* 445. П. Брант, ссылаясь на фрагмент *Cic. Fam.* VIII, 5, приводит цифру в 900 человек (*Brunt P.A. Judiciary rights... P.* 210 n. 38; 232); нам данное число кажется более близким к истине. Однако Дж. Страчан-Дэвидсон считает это место в рукописи Цицерона испорченным. По его мнению, количество судей в *album iudicum* равнялось 1200 (*Strachan-Davidson J.L. Problems of the Roman criminal law. Vol. II. P.* 75-76).

предположить, что составленный претором *album iudicum* передавался на хранение в эрарий⁷⁸. Список судей каждого из трёх сословий продолжал разделяться на декурии. Таким образом, в каждой судебной комиссии теперь заседали судьи из трёх декуррий, что привело к изменениям в употреблении этого термина. Зачастую источники, говоря об уголовных процессах после 70 г., каждое из трёх сословий, составляющее судебную комиссию, рассматривают как отдельную декурию (сенаторов, всадников и эрарных трибунов), которая, однако, ничего общего не имеет с сулланской⁷⁹. Расширение судейских списков также имело своим следствием увеличение количества судей на уголовном процессе. По всей видимости, обычное их число после Аврелиевой реформы равнялось семидесяти пяти – по двадцать пять от каждого сословия⁸⁰.

Порядок назначения судей для *quaestiones perpetuae* вновь слегка изменился в 55 г., когда во второе консульство Гнея Помпея Великого по его инициативе принимается новый *lex Pompeia iudiciaria*. Согласно этому закону, разделение судебных комиссий на три декурии сохранялось (*Ascon.* 17 Clark; *Cic. Phil.* I, 20; *Sall. Ep. ad Caes.* I, 3, 3). Однако претор фактически терял ту свободу выбора, которой он пользовался ранее: теперь, отбирая судей из сословий всадников и эрарных трибунов, он был обязан отдавать предпочтение людям с наиболее высоким имущественным цензом (*Ascon.* 17 Clark)⁸¹. Установленный законом Помпея порядок сохранялся вплоть до установления диктатуры Цезаря. Последний вновь реформировал состав судов, оставив в них лишь две декурии

---

⁷⁸ Об этом говорит Цицерон (*Cic. Phil.* V, 15), но его слова относятся к 43 г.

⁷⁹ См. *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 446.

⁸⁰ В 55 г. Цицерон, предсказывая своему недругу Пизону скорое привлечение к уголовному суду, грозит ему приговором семидесяти пяти присяжных (*Cic. Pis.*, 96). Подсчёт общего количества судей в тех случаях, когда нам известно число голосовавших по декуриям (процесс Габиния *de maiestate* – *Cic. Att.* IV, 18, 1; *Q. fr.* III, 4, 1; процесс Скавра – *Ascon.* 28 Clark), даёт цифру в семьдесят человек. Однако неравное распределение голосов между сословиями наводит на мысль, что на этих процессах не все выбранные судьи приняли участие в вынесении вердикта. Подробнее об этом см.: *Jones A.H.M. The criminal courts of the Roman Republic and Principate.* Oxf., 1972. P. 69 ff.; *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 447-448; *Mommsen Th. Römisches Strafrecht.* S. 217-218; *Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik.* Bd. II. Abth. 2. S. 209-211.

⁸¹ Цицерон (*Cic. Pis.*, 94) высоко оценивает данный закон Помпея, заявляя: «будут судить те судьи, которых избрал сам закон, а не людской произвол» («*iudices iudicabunt ei quos lex ipsa, non quos homines libido delegerit*»).

(сенаторов и всадников) и упразднив третью (этарных трибунов) (*Suet. Div. Iul.*, 41).

Рассмотрев изменения, вносившиеся в состав и способ назначения судей в *quaestiones perpetuae* в период Республики, можно выделить несколько отличительных черт. Бросается в глаза тот факт, что судопроизводство в *iudicia publica* полностью находилось в руках верхушки римского общества. Можно сказать, что уголовное судопроизводство в Римской республике эволюционировало в сторону меньшей демократичности – от суда народных собраний, в которых могли принимать участие все граждане⁸², к суду, в котором заседал достаточно узкий круг лиц из высших слоёв. Однако эта «элитарность» судов свидетельствует не только об аристократическом характере римского государства. Не будем забывать, что представители этих высших слоёв – сенаторского и всаднического сословий – составляли также и львиную долю подсудимых в *quaestiones perpetuae*. Разумеется, они стремились к тому, чтобы их дела рассматривались людьми, равными им по социальному статусу. Кроме того, в глазах консервативных римлян высокое общественное положение и финансовое благосостояние являлись одним из главных достоинств и даже необходимым условием независимости судей⁸³. Естественно поэтому, что о выплате последним

---

⁸² Однако не будем забывать, что и ранее наиболее важные дела разбирали не трибутные, а центуриатные комиции, в которых последнее слово также оставалось за гражданами с более высоким имущественным цензом. Мнение о том, что именно наиболее обеспеченные люди – даже после реформы центуриатных комиций, проведённой во второй половине III в. (подробнее о ней см., напр. *Rosenberg A. Untersuchungen zur römischen Zenturienverfassung. Berlin, 1911. S. 62 u.f.*; *Taylor L.R. The centuriate assembly before and after the reform // AJPh. 1957. Vol. 78. P. 337-354*; из более новых работ – *Grieve L. The reform of the “comitia centuriata” // Historia. 1985. Bd. 34. S. 278-309*, с обширной библиографией), – определяли исход голосования, доминирует в современном антиковедении (*Wiseman T.P. New men in the Roman senate, 139 B.C.–A.D. 14. Oxf., 1971. P. 125*; *Loewenstein K. The governance of Rome. Hague, 1973. P. 132*; *Gruen E.S. The last generation... P. 121-122*; *Lintott A.W. Political history, 146-95 B.C. // САН. 2nd ed. Vol. IX. P. 43-44* и др.). Тем не менее, А. Якобсон в ряде своих работ поставил эту точку зрения под сомнение, выдвинув против неё достаточно веские аргументы (*Yakobson A. Elections and electioneering in Rome: a study in the political system of the late Republic. Stuttgart, 1999. P. 20-21*; *Idem. Petitio et largitio: popular participation in the centuriate assembly of the late Republic // JRS. 1992. Vol. 82. P. 44 ff.*). Поэтому, возможно, на настоящий момент данный вопрос лучше оставить открытым.

⁸³ Так, Цицерон жалуется на то, что причиной оправдания Клодия стали «бедность и подлость судей» («*egestas iudicum ... et turpitudine*») (*Cic. Att. I, 16, 2*). В другом месте он говорит, что «при выборе судьи следует ведь обращать внимание и на его достаток, и на его гражданское

жалования за их участие в заседаниях речи не шло. В этой связи, например, реформу Помпея 55 г. можно считать попыткой борьбы с коррупцией в уголовных судах, которая даже после разделения судов между сословиями была распространена довольно широко⁸⁴.

Порядок назначения судей в *quaestiones extraordinariae* был несколько иным. Он определялся тем законом, на основании которого и создавалась данная чрезвычайная комиссия, поэтому какие-либо единые чёткие нормы здесь отсутствовали; в каждом конкретном случае вопрос решался в индивидуальном порядке. Подобная неопределённость создавала благоприятную возможность для различных махинаций: каждая из противоборствующих сторон старалась добиться такого порядка назначения судей, который был бы для неё наиболее выгоден. Ярчайшим примером этого может служить судебный процесс 61 г. над Публием Клодием, обвинённым в святотатстве. Консулы Марк Пупий Пизон Кальпурниан и Марк Валерий Мессала Нигер, основываясь на постановлении сената, в котором преобладали противники Клодия, внесли предложение, чтобы судьи на этот процесс назначались непосредственно претором (*Cic. Att. I, 13, 3; I, 14, 1*)⁸⁵. Очевидно, это позволило бы врагам Клодия подобрать желательный для них состав суда. В свою очередь, клодианцы всячески сопротивлялись предложению консулов (*Cic. Att. I, 14, 5*) и добились-таки своего: вместо него был принят закон народного трибуна Квинта Фуфия Калена, согласно которому назначение судей должно было проходить по жребию, т.е. в обычном порядке (*Cic. Att. I, 16, 2*).

достоинство» («*in iudice enim spectari et fortuna debet et dignitas*») (*Cic. Phil. I, 20*). Эта черта резко отличает римский суд, например, от афинской гелиэи, в которой, как показала Т.В. Кудрявцева (*Кудрявцева Т.В. Народный суд... С. 180*), могли заседать граждане различных имущественных категорий, но преобладали всё же люди сравнительно скромного достатка.

⁸⁴ *Hawthorn J.R. The senate after Sulla. P. 57.* Особое мнение высказывает А. Гринидж. Он считает участие в заседаниях уголовных судов не привилегией, а своеобразной повинностью (*munus*), которая возлагалась обществом на наиболее успешных своих членов (*Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 448*). Однако тогда остаётся не совсем понятен смысл ожесточённой «борьбы за суды», которая так долго велась между сенаторами и всадниками.

⁸⁵ При этом между самими консулами не было единства: если Мессала, по словам Цицерона, «действует до сего времени со всей строгостью» («*Messalla vehementer adhuc agit severe*»), то Пизон «из дружбы к Клодию» («*amicitia P. Clodi ductus*») прилагал все старания к тому, чтобы его же собственное предложение было отвергнуто (*Cic. Att. I, 13, 3*).

Особая процедура выбора судей также была введена законами Гнея Помпея *de vi* и *de ambitu*, принятыми в его консульство *sine collega* в 52 г. О ней мы имеем довольно ясное представление благодаря оставленному Асконием (*Ascon.* 38 Clark) рассказу о процессе над одним из подсудимых, Титом Аннием Милоном. Список судей для этих *quaestiones extraordinariae*, сообщает Асконий, составил сам Помпей; председателя же суда последний предложил избрать на комициях всенародным голосованием из числа консуляров. В итоге им стал консул 54 г. Луций Домиций Агенобарб. Жеребьёвка судей прошла на четвёртый день процесса, после заслушивания показаний свидетелей, и был избран 81 судья. После выступления сторон обвинения и защиты, каждая из них отвела по 5 судей из каждого сословия, а оставшиеся 51 человек приступили к голосованию. Некоторые исследователи полагают даже, что введённая Помпеем процедура назначения судей была распространена и на другие суды⁸⁶.

Председателем *quaestio perpetua*, как правило, являлся претор⁸⁷. Такая практика установилась ещё с момента появления постоянных судебных комиссий. Согласно *lex Calpurnia* 149 г. функции председателя в *quaestio de repetundis* возлагались на претора peregrинов. По *lex Acilia (Sempronia) de iudiciis repetundarum* 122 г. постоянный суд по делам о вымогательствах стал отдельной регулярной преторской провинцией⁸⁸. В дальнейшем с увеличением числа *quaestiones perpetuae* председательство в них распределялось между преторами по жребию (*Cic. Verr. I, 21; Mur., 42*). Нельзя также исключать, что в описанный порядок, исходя из конкретной ситуации, могли вноситься изменения. Известен целый ряд случаев, когда в течение года в одной и той же судебной комиссии

---

⁸⁶ *Marshall B.A. A historical commentary...* P. 180, ссылаясь на Аскония (*Ascon.* 55 Clark): античный комментатор, рассказывая о процессе Марка Сауфея, который проходил на основании *lex Plautia de vi*, пишет о 51 поданном судебном голосе. Эта гипотеза, основанная на информации единственного источника, пусть и такого достоверного, как Асконий, не кажется нам достаточно аргументированной. Даже если сведения Аскония верны, то можно говорить только о новой процедуре назначения судей в *quaestio perpetua de vi*; переносить эти данные на остальные судебные комиссии мы не видим оснований.

⁸⁷ Латинский термин, обозначающий понятие «председательствовать в суде», – «*iudicium exercere*» (*Lex Acilia*, 46).

⁸⁸ См.: *Власова О.А. Эволюция римской магистратуры преторов...* С. 38; *Daube D. The peregrine praetor // JRS. 1951. Vol. 41. P. 68-70.*

могли председательствовать разные преторы и, наоборот, один претор мог председательствовать в нескольких комиссиях⁸⁹. Приступая к своим обязанностям, председатель должен был дать клятву, что будет применять закон, соответствующий данному постоянному суду (*Cic. Cluent.*, 91-92).

Очевидно, что шести (после принятия законов Суллы – восьми⁹⁰) преторов было явно недостаточно для председательства во всех уголовных судах конца Республики. Эта проблема могла решаться различными способами. В частности, после учреждения нового постоянного суда председательство в нём иногда поручалось председателю уже существующей судебной комиссии. Так, после принятия в 55 г. *lex Licinia de sodaliciis* председательство во вновь созданной *quaestio perpetua de sodaliciis* было предоставлено председателю *quaestio perpetua de maiestate*⁹¹.

В некоторых случаях председателем суда был не претор, а специально избранное для этой цели лицо, называемое обычно *iudex quaestionis*, иногда *quaesitor* (*Schol. Bob. 323 Stangl*)⁹². Не являясь магистратом, *iudex quaestionis*, однако, обладал теми же правами и обязанностями, что и председательствующий в суде претор: приносил соответствующую клятву (*Cic. Cluent.*, 91) и нес ответственность за вынесение несправедливого приговора за деньги (*Dig. XLVIII, 8, 1*). Стоит, однако, отметить, что одним и тем же термином «*quaesitor*» или «*iudex quaestionis*» в источниках обозначаются лица, полномочия которых могут сильно отличаться друг от друга. В частности, можно провести чёткое разграничение между *iudices quaestionis* в *quaestio de sicariis et veneficiis* и в остальных судах. В суде по делам об убийствах и отравлениях *iudex quaestionis*

---

⁸⁹ Примеры и ссылки на источники см. в работе: *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 430-431.

⁹⁰ Об этой проблеме см. подробнее: *Cloud D. Sulla and the praetorship // LCM. 1988. Vol. 13. P. 69-73* (со скрупулёзным анализом античных свидетельств); также *Brunt P.A. Judiciary rights...* P. 217.

⁹¹ См.: *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 430.

⁹² *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 187 Anm. 3. П. Брант*, однако, полагает, что термин «*quaesitor*» не тождествен двум предыдущим. По его мнению, этим словом обозначался любой председатель суда, будь то претор или *iudex quaestionis* (*Brunt P.A. Judiciary rights...* P. 221 n. 74). С ним соглашается также и А. Риггсби (*Riggsby A. Crime and...* P. 191).

был «квази-магистратом», почти равным претору (конечно, в рамках своих полномочий) и независимым от него. Зачастую этот пост занимал эдилиций. Возможно, он даже избирался на комициях, как и прочие должностные лица. В остальных комиссиях, по всей видимости, *iudex quaestionis* был обычным председателем, который избирался напрямую претором по жребию из наличного состава судей после необходимых предварительных процедур⁹³.

Мы вправе задаться вопросом, какое влияние мог оказывать на решение суда председательствовавший в нём магистрат: ограничивались ли его функции наблюдением за правильностью судебной процедуры, оглашением и фиксацией приговора судей, или же он имел возможность участвовать в решении участи обвиняемого. Эта проблема по-разному решается современными исследователями. Ряд авторов категорически исключают возможность того, что магистрат оказывал какое-либо влияние на вынесение приговора⁹⁴. Им возражает Р. Бауман, который приводит целый ряд фактов, встречающихся в источниках, которые позволяют поколебать эту гипотезу (напр.: *Ascon.* 39-40 Stangl; *Sall. Iug.* XL, 4-5; *Cic. Verr. I*, 31-32; *Cluent.*, 55; *Att. I*, 4, 2)⁹⁵. С нашей точки зрения, магистрат, по-видимому, формально не имел права влиять на выносимый коллегией судей приговор. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что он, в отличие от судей, не приносил присяги (*Cic. Verr. I*, 32). Но на деле это требование могло не соблюдаться и довольно часто не соблюдалось.

Настало время подвести итоги. В интересующий нас период в Римской республике продолжали сосуществовать несколько видов уголовных судов. Формально высшей инстанцией, имевшей право судить римского гражданина по обвинению, угрожавшему его гражданским правам, продолжали оставаться центуриатные комиции (*iudicium populi*). Однако на деле, в силу ряда причин, они практически утратили свои судебные функции. Поэтому подавляющее

---

⁹³ *Schol. Bob.* 323 Stangl: «... cum praetor C. Memmius quaesitorem sortito facere vellet...». См. Об этом: *Greenidge A.H.J.* The legal procedure... P. 431-433; М. Туллий Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. Т. 1 / Пер. В.А. Алексеева под ред. Ф.Ф. Зелинского. С. 436, прим. 3.

⁹⁴ *Powell J., Paterson J.* Introduction // *Cicero the advocate* / Ed. by J. Powell, J. Paterson. N.Y., 2004. P. 31; *Lintott A.* Legal procedure... P. 72.

⁹⁵ *Bauman R.A.* Crime and... P. 25-26.

большинство судебных процессов по уголовным делам в период с 78 по 49 гг. проходило в постоянных судебных комиссиях – *quaestiones perpetuae*. Социальный состав данных комиссий периодически изменялся, что было связано с т.н. «борьбой за суды», которая велась между сословиями сенаторов и всадников. В результате этой борьбы в 70 г. принимается компромиссный *lex Aurelia iudiciaria*, разделивший суды между сенаторами, всадниками и эрарными трибунами. Это разделение оставалось неизменным вплоть до конца Республики. Таким образом, уголовные суды в римском государстве оказались в руках высших слоёв римского общества, его политической и экономической элиты. Представители этих слоёв составляли и значительную долю подсудимых. Прибавим к этому то обстоятельство, что предметом рассмотрения в постоянных судебных комиссиях были не уголовные преступления в современном значении этого слова, а *delicta publica*, т.е. деяния, затрагивающие интересы государства и общества в целом; некоторые из них имели чисто политический характер (в частности, такое преступление как *crimen maiestatis*, – оскорбление величия римского народа). Учитывая всё вышесказанное, мы приходим к заключению, что очень многие уголовные судебные процессы в Римской республике в указанный период времени просто не могли не нести на себе определённый отпечаток политических интриг и борьбы между различными политическими лидерами и их группировками. Этому способствовала также сама процедура судебного разбирательства в *quaestiones perpetuae*; данный вопрос и будет нами рассмотрен в следующем параграфе настоящей главы.

2.2 Процедура уголовного судопроизводства в Поздней римской республике

Под судебной процедурой современная юридическая наука понимает установленный порядок рассмотрения дела, который связывается с осуществлением правосудия и обеспечением принятого решения принудительной силой государства. Она является отличительным признаком любого юридического процесса, так как только в ходе определённой законом процедуры

можно обеспечить соблюдение прав тяжущихся сторон и, как следствие, законность и обоснованность выносимого судом приговора.

В Поздней римской республике процедура привлечения к суду какого-либо лица по обвинению в уголовном преступлении включала в себя ряд этапов. Первым шагом было устное заявление претору с просьбой о принятии жалобы (*postulatio*). Тот определял, является ли данный случай подлежащим рассмотрению по какому-либо из существующих законов. Если претор не находил подобных оснований, он отклонял просьбу. Затем следовало вручение непосредственно жалобы претору в присутствии ответчика (*nominis delatio*). Обвиняемый имел возможность добровольно признать свою вину до суда, однако это не вело к прекращению дела, поскольку претор не имел полномочий в одиночку решать вопрос о его виновности или невиновности. Тем не менее, возможно, что при разборе дел о вымогательстве ситуация была несколько иной⁹⁶. Также на этой стадии у римлянина ещё существовала абсолютно законная возможность избежать обвинения. Во-первых, не могли быть привлечены к уголовному суду магистраты в период исполнения ими своих обязанностей⁹⁷. Более сложным является вопрос о *designati* – магистратах, уже избранных, но ещё не вступивших в должность. Мы склонны согласиться с теми авторами, которые полагают, что *designati* также пользовались неприкосновенностью⁹⁸. Исключение

---

⁹⁶ Псевдо-Асконий, рассказывая об обвинении Цицероном Верреса, отмечает следующее: «Ведь когда приходили в суд, обвинитель говорил обвиняемому перед претором: я заявляю, что ты ограбил сицилийцев. Если тот молчал, ему, как побеждённого, присуждалось выплатить возмещение; если отпирался, у магистрата просили назначить срок для проведения расследования его преступления и начинали обвинять» («Cum enim in ius ventum esset, dicebat accusator apud praetorem reo: aio te Siculos spoliasset. Si tacuisset, lis ei aestimabatur ut victo; si negasset, petebatur apud magistratum dies inquirendorum eius criminum et instituebatur accusatio») (*Ps.-Ascon.* 207 Stangl). Тем не менее, не ясно, принималось ли решение о выплате ущерба единолично претором или всё-таки уже после судебного заседания и формального подтверждения виновности обвиняемого. См. по этому поводу: *Alexander M.C.* The case for the prosecution... P. 42-43; *Greenidge A.H.J.* The legal procedure... P. 464-465.

⁹⁷ *Lex Acilia*, 8: «эти же не могут быть привлечены к суду, пока являются магистратами или обладают империем» («de hisce, dum mag[istratum] aut imperium habebunt, iudicium non fiet») (далее идёт список магистратов). Данное положение понимается римскими юристами как само собой разумеющееся: см., напр., *Dig.* II, 4, 2. Подробнее об этом: *Weingeb E.J.* The prosecution of Roman magistrates // *Phoenix*. 1968. Vol. 22. P. 32-38.

⁹⁸ *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. S. 353; Cicero's letters to Atticus / Trans. and comm. by D.R. Shackleton Bailey. Vol. II. Cambridge, 1965. P. 212; *Shackleton Bailey D.R.* The prosecution of

в этом случае составляли только обвинения в подкупе избирателей (*Plut. Cat. Min.*, 42). Во-вторых, обвиняемый мог не явиться на саму процедуру *nominis delatio*, если у него была уважительная причина: он «отсутствовал по делам государства» («*rei publicae causa afuit*») (*Dig. XLVIII, 2, 12*). Это позволял *lex Memmia* (точное время принятия неизвестно, но не позднее 114 г. – *Val. Max. III, 7, 9*; ср.: *Suet. Div. Iul.*, 23). Несколько сложнее решить вопрос о т.н. «упорствующих» (*contumaces*) – лицах, которые не подчинились решению претора и не явились на процедуру без уважительной причины. Мы не имеем по этому поводу чётких указаний в источниках. Павел прямо утверждает, что «в деле об уголовном преступлении нельзя выносить приговор отсутствующему, также и отсутствующий не может обвинять или быть обвинённым через другое лицо» («*in causa capitali absens nemo damnatur neque absens per alium accusare aut accusari potest*») (*Paul. Sent. V, 5, 7*). Тем не менее, А. Гринидж предполагает, что на *contumaces* это правило не распространялось; возможно, неявка к претору без уважительной причины приравнивалась к добровольному признанию своей вины и уходу в изгнание⁹⁹. Сверившись с текстом существующих законов (эта процедура именовалась *legibus interrogatio*), претор составлял письменный документ с изложением сути заявленного обвинения – *inscriptio*¹⁰⁰. Под ним, по всей видимости, ставил свою подпись главный обвинитель и его помощники, что следует из самого их названия – *subscriptores*. Лишь за этим следовало принятие жалобы претором (*nominis receptio*) (*Cic. Verr. II, 2, 94; 101; II, 4, 40; Fam. VIII, 8, 2; Val. Max. III, 7, 9*). Претор вносил обвиняемого в списки, и последний официально становился подсудимым – *reus*¹⁰¹.

Roman magistrates-elect // Phoenix. 1970. Vol. 24. P. 162-165. Противоположного мнения придерживается Э. Вайнгеб (*Weingeb E.J. The prosecution of Roman magistrates. P. 51-52*).

⁹⁹ *Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 462-463.*

¹⁰⁰ «Дигесты» содержат стандартный текст подобного документа по обвинению в супружеской измене (*adulterium*), относящийся к эпохе Империи (*Dig. XLVIII, 2, 3*), однако нельзя исключать, что использованная в нём терминология восходит ещё ко временам Поздней республики: *Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 465 n. 3.*

¹⁰¹ Исследователи замечают, что подавляющее большинство обвиняемых в римском уголовном суде составляли мужчины. Это, конечно, объясняется тем, что именно они играли ключевую роль в общественной и политической жизни. Однако привлечение к суду женщины также было возможным (особенно часто – по обвинению в отравлении); так, Цицерон в 79 г. защищал на

В организованной в 149 г. первой из *quaestiones perpetuae*, *quaestio de repetundis*, осуществлять *nominis delatio* могли лишь представители пострадавших от действий обвиняемого общин. Приблизительно около 100 г. право подачи жалобы получил любой совершеннолетний римский гражданин вне зависимости от того, имеет он какое-либо отношение к заявленному делу или нет. Это постановление ознаменовало собой рождение права частного обвинения (*accusatio*), которое оставалось характерной чертой римского уголовного права даже после исчезновения постоянных судебных комиссий в начале III в. н. э.¹⁰²

Институт частного обвинения является одной из наиболее существенных характеристик римского уголовного суда¹⁰³. Он ставил уголовное судопроизводство в прямую зависимость от инициативы отдельных граждан. Государственных обвинителей не существовало; по сути, тем самым римское государство передавало контроль за судебным преследованием преступников в руки частных лиц. Это обстоятельство имело важные последствия. Во-первых, оно давало совершившему преступление лицу возможность избежать законного возмездия – ведь, если не находилось общественного обвинителя, то суда не происходило¹⁰⁴. Правило «нет иска – нет преступления» являлось фундаментальной основой римского права¹⁰⁵. Во-вторых (что для нас в свете темы настоящего исследования принципиально важно), право частного обвинения создавало самые широкие предпосылки для использования уголовного суда в

процессе в *quaestio de sicariis et veneficiis* некую Тицинию, жену Гая Аврелия Котты (*Cic. Brut.*, 217). См.: *Alexander M.C.* The case for the prosecution... P. 264 n. 21; *Boatwright M.T.* Women and gender in the *Forum Romanum* // *TAPhA*. 2011. Vol. 141. P. 112-113.

¹⁰² *Mommsen Th.* Römische Strafrecht. S. 368; *Bauman R.A.* Crime and punishment... P. 23. Об исторических корнях частного *accusatio* в древнеримской юридической практике см.: *Покровский И.А.* Частная защита общественных интересов в древнем Риме // Сборник статей по истории права, посвящённый М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Под ред. М.Н. Ясинского. Киев, 1904. С. 31-41.

¹⁰³ И, к слову, не только римского – ср. с афинским *γραφῆ*, введённым Солоном (*Суриков И.Е.* Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // *ДП*. 2005. № 2. С. 8 и далее; *Кудрявцева Т.В.* Народный суд... С. 184).

¹⁰⁴ См., напр., эпизод, описанный Цицероном: *Cic. Cluent.*, 134.

¹⁰⁵ Ср. *Cic. Rosc. Amer.*, 56: «виновный не может быть осуждён, если он не был обвинён» («*nocens, nisi accusatus fuerit, condemnari non potest*»).

совершенно далёких от стремления лишь наказать преступника и восстановить попорченную справедливость в целях, и прежде всего – политических.

К лицам, желающим выступить обвинителями, существовали определённые требования. В частности, привлекать кого-либо к суду запрещалось тем, кто ранее был осуждён за преступление, влекущее за собой утрату гражданской чести (*infamia*), если только дело напрямую не затрагивало их самих (*Dig. XLVIII, 2, 8; XLVIII, 2, 11*). Обвинитель должен был особой клятвой подтвердить справедливость своего обвинения¹⁰⁶. По причине отсутствия института государственных обвинителей была возможна ситуация, при которой на эту роль претендовали сразу несколько кандидатов. В таком случае перед началом собственно процесса между *postulatio* и *nominis delatio* (*Cic. Div. in Caec. 19; 64; Fam. VIII, 8, 3*) проходила процедура дивинации (*divinatio*)¹⁰⁷ – судьи заслушивали речи, произносимые претендентами, и выбирали того, кому поручали обвинение¹⁰⁸. Процедура голосования при дивинации имела ряд особенностей: судьи не приносили присяги и голосовали все одновременно, а не поодиночке (*Cic. Div. in Caec., 7; 24*)¹⁰⁹.

Будучи утверждён претором, обвинитель становился в определённом смысле должностным лицом – представителем государства, заинтересованного в наказании преступника. Он фактически выполнял функции современных прокурора и следователя. Для ведения следствия по делу (*inquisitio*) обвинитель получал особые полномочия: производить обыск у подсудимого и некоторых

---

¹⁰⁶ Т.н. *iuramentum calumniae* – *Lex Acilia*, 19; *Cic. Fam. VIII, 8, 3*.

¹⁰⁷ Термин «*divinatio*», возможно, пришёл в юридический лексикон из сакральной сферы, где он употребляется в значении «гадание, выяснение будущего». Подробнее об этом см. в статье: *Сморчков А.М.* Сакрально-правовые термины *legum dictio/divinatio* и авгурская практика // *Studia historica*. Вып. X. М., 2010. С. 74-77.

¹⁰⁸ В. Кункель высказывает гипотезу, что когда-то назначение обвинителя вообще происходило по жребию: *Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung... S. 95 Anm. 346*.

¹⁰⁹ Квинтилиан (*Quintil. Inst. orat. VII, 4, 34*) называет главными критериями, которыми следует руководствоваться, выбирая обвинителя при процедуре дивинации, следующие: *industria* («рвение»), *vires* («сила, энергия»), *fides* («добросовестность»). Для Ульпиана наиболее важными качествами обвинителя являются его заинтересованность в деле, *dignitas* («достоинство»), *aetas* («возраст») и *mores* («нравы») (*Dig. XLVIII, 2, 16*). Нужно заметить также, что желание потерпевшей стороны видеть своим представителем того или иного человека не было для судей обязательным при назначении официального обвинителя, хотя, по-видимому, принималось во внимание (*Cic. Div. in Caec., 10; 17-21*).

других лиц; печатывать общественные и частные документы и снимать с них надлежаще удостоверяемые копии (ср.: *Cic. Font.*, 18); вести допрос свидетелей и заставлять их, в случае необходимости, явиться в суд для дачи показаний; наконец, требовать всяческого содействия расследованию со стороны властей¹¹⁰.

Кажется правомерным поставить вопрос, какими мотивами мог руководствоваться римлянин, принимая решение взять на себя роль обвинителя по тому или иному делу, – ведь это означало немалые хлопоты. Ясно, что причины, побудившие человека возложить на себя такие обязанности, требовавшие затраты его сил, времени, порой даже денег – вспомним, как Цицерон лично ездил на Сицилию, собирая материалы для обвинения Верреса (*Cic. Verr. I*, 6), – должны были быть достаточно вескими. Вероятно, кто-то из обвинителей руководствовался альтруистическими побуждениями. Но, думается, что таких ревнителей общественного блага и староримских добродетелей было не слишком много, и подобные благородные мотивы чаще провозглашались в речах самими обвинителями¹¹¹, чем двигали ими на самом деле. Большинство же обвинителей, привлекая к суду какого-либо человека, определённо имели в виду свои личные интересы.

Источники, в частности, свидетельствуют о существовании наёмных обвинителей, которые за известное вознаграждение соглашались привлечь к суду неудобное лицо. Видимо, таким обвинителем был противник Цицерона на процессе Секста Росция Гай Эруций¹¹²; во всяком случае, Цицерон говорит, обращаясь к Эруцию, что у того нет личных мотивов обвинять Росция и что его соблазнило лишь богатство подсудимого¹¹³. Вероятно, что Эруцию была обещана после осуждения Росция-сына какая-то часть имущества Росция-отца.

---

¹¹⁰ Зелинский Ф.Ф. Римский уголовный процесс. С. 756.

¹¹¹ Так, напр., Цицерон в первой речи против Верреса заявляет: «...я взялся за это дело по воле римского народа и в исполнение его ожиданий» («...huic ego causae ... cum summa voluntate et expectione populi Romani, actor accessi») (*Cic. Verr. I*, 2).

¹¹² Позднейший схолиаст даёт ему такое определение: «некто из новых [т.е. постсулланских. – В.Х.] обвинителей» («quodam ex novis accusatoribus») (*Schol. Gronov. 301 Stangl*). См.: *Alexander M.C. The case for the prosecution...* P.151, 303.

¹¹³ *Cic. Rosc. Amer.*, 55: «sciunt huiusce pecunia te adductum esse».

Несомненно, обычным явлением были попытки свести при помощи суда личные счёты. Иногда это принимало форму своеобразной вендетты, и подобных примеров было немало. Об одном из таких показательных случаев рассказывает Плутарх: братья Лицинии Лукуллы, мстя за отца, который был осуждён за казнокрадство (*de peculatu*), привлекли к суду его обвинителя, авгура Сервилия (*Plut. Luc. 1, 1-2*; ср. *Cic. De off. II, 50*)¹¹⁴. При этом, по словам греческого писателя, подобные мотивы не встретили осуждения в обществе – напротив, «римлянам такой поступок показался прекрасным, и суд этот был у всех на устах, в нём видели проявление высокой доблести» («καί τὸ πρᾶγμα λαμπρὸν ἐφάνη Ῥωμαίοις, καί τὴν δίκην ἐκείνην ὥσπερ ἀριστείαν διὰ στόματος ἔσχον») (*Plut. Luc. 1, 2* – пер. С.С. Аверинцева). Насколько мы можем судить, от сыновей подсудимых даже ожидали того, что они будут при помощи ответного обвинения мстить врагам своего отца за его осуждение, неважно, было оно заслуженным или нет (*Cic. Verr., II, 3, 162*; *Sest., 10*), – такое поведение было проявлением староримской добродетели *pietas* (почтение к предкам)¹¹⁵. Отомстить за осуждённого могли также другие его родственники и друзья.

Наконец, обвинение и привлечение к суду какого-нибудь известного человека являлись обычным способом начала политической карьеры для честолюбивых молодых людей, которые пока ничем себя не зарекомендовали. Так, защищая Целия Руфа, Цицерон говорит, что тот «захотел по старинному обычаю и по примеру тех молодых людей, которые впоследствии стали в государстве выдающимися мужами и прославленными гражданами, чтобы римский народ узнал его рвение на основании какого-либо громкого обвинения» («*voluit vetere instituto eorum adolescentium exemplo, qui post in civitate summi viri et clarissimi cives exstiterunt, industriam suam a populo Romano ex aliqua illustri accusatione cognosci*») (*Cic. Cael., 73* – пер. В.О. Горенштейна с нашими

---

¹¹⁴ Другие примеры см. в работе: *Epstein D.F. Personal enmity in Roman politics, 218-43 B.C. L.-N.Y., 1989. P. 92-94; 154-155.*

¹¹⁵ Цицерон говорит обвинителю Клуенция Оппианику-сыну: «сыновнее почтение сподвигло тебя выступить с обвинением» («...*pietate ad accusandum excitatus es*») (*Cic. Cluent., 172*). См.: *Fantham E. The contexts and occasions of Roman public rhetoric // Roman eloquence: rhetoric in society and literature / Ed. by W.J. Dominik. L.-N.Y., 1997. P. 98-99.*

изменениями). В трактате «Об обязанностях» Цицерон пишет, что речи в суде вызывают наибольшее восхищение по сравнению со всеми остальными (*Cic. De off. II, 49*)¹¹⁶.

Вообще, в условиях существования частного обвинения обвинитель (что неудивительно) рассматривался всеми как личный «враг», «недруг» (*inimicus*) подсудимого (*Cic. Rosc. Amer., 55*). Даже если между обвинителем и обвиняемым до суда не было взаимной неприязни, она, как правило, возникала в ходе процесса – независимо от его исхода¹¹⁷. Однако, с точки зрения римлян, личная заинтересованность обвинителя в деле была не столько помехой, сколько преимуществом: полагали, что враждебность к подсудимому заставит обвинителя тщательнее вести расследование и снизит вероятность преварикации (*praevaricatio*) – соглашения обвиняемого с обвинителем с тем, чтобы последний нерадиво исполнял свои обязанности¹¹⁸. Цицерон, например, порицает существовавшую в некоторых полисах Греции практику официального назначения обвинителей и говорит, что обвинители «не могут ведь быть суровы, если они не добровольцы» («*quidem graves esse non possunt, nisi sunt voluntarii*») (*Cic. De leg. III, 47*). Вероятно, в большинстве случаев так оно и было. Однако отметим, что возможности для всякого рода уловок и ухищрений всё равно оставались: например, Квинт Цецилий, подставное лицо и подельник Верреса, стремясь быть назначенным обвинителем по его делу, в качестве главных аргументов выдвигал именно свою вовлечённость в это дело и мнимую вражду к Верресу (*Cic. Div. in Caec. 27; 52*). Помимо этого, личные счёты могли побудить (и побуждали) обвинителя прибегать к таким приёмам, как возведение заведомо ложных обвинений, использование сфальсифицированных показаний свидетелей

---

¹¹⁶ О мотивах, которые могли двигать римскими обвинителями, см. также: *David J.-M. Die Rolle des Verteidigers in Justiz, Gesellschaft und Politik: der Gerichtspatronat in der späten römischen Republik // Große Prozesse der römischen Antike / Hrsg. U. Manthe, J. von Ungern-Sternberg. München, 1997. S. 33-34.*

¹¹⁷ Обратная ситуация была скорее исключением. Так, Плутарх особенно хвалит Луция Лициния Мурену за то, что тот после суда сохранил дружеские отношения со своим обвинителем Катонем Младшим (*Plut. Cat. Min. 21, 6*). Подробнее см.: *Epstein D.F. Personal enmity... P. 90-92.*

¹¹⁸ *Alexander M.C. Praemia in the quaestiones of the late Republic // CPh. 1985. Vol. 80. P. 20.*

и подкуп судей. Впрочем, недобросовестный обвинитель кое-чем рисковал: наказание за клевету (*calumnia*) устанавливал Реммиев закон (*lex Remmia*)¹¹⁹ (*Dig. XLVIII, 16, 1, 2*). Об этом загадочном законе неизвестно практически ничего: ни время и обстоятельства его принятия, ни содержание. Как можно понять из речи Цицерона в защиту америнца Секста Росция, на лбу злонамеренного обвинителя ставилось клеймо в виде латинской буквы «К» (*kalumniator*) (*Cic. Rosc. Amer., 57*). Можно предположить, что эта кара как раз и предусматривалась Реммиевым законом, но ни доказать, ни опровергнуть это утверждение невозможно¹²⁰. Данное наказание выглядит чрезмерно жестоким и необычным для римской правовой системы. Поэтому А. Гринидж, например, полагает, что хотя и *lex Remmia*, и упоминаемая Цицероном суровая кара оставались в силе, на деле в период Поздней республики они не применялись. Данное обстоятельство он связывает с отсутствием отдельной постоянной судебной комиссии, которая действовала бы на основании этого закона, поэтому осуществлять такой суд могло только народное собрание¹²¹. По всей видимости, предпочтение отдавалось другой процедуре. Если процесс заканчивался оправданием подсудимого и в его ходе делались очевидными безосновательность или, тем более, умышленная фальсификация обвинения, председательствовавший на нем магистрат мог привлечь обвинителя к суду перед той же самой судебной комиссией¹²².

---

¹¹⁹ Термином «*calumnia*» римские юристы обозначали злонамеренное и заведомо ложное обвинение невиновного человека. Согласно определению Павла, «клеветником является тот, кто, действуя сознательно и с умыслом, при помощи обмана причиняет кому-либо хлопоты» («*calumniosus est qui sciens prudensque per fraudem negotium alicui comparat*») (*Paul. Sent. I, 5*). Главной отличительной чертой *calumnia* является именно наличие злого умысла, что особо подчёркивает также и Гай: «ведь клевета так же, как и кража, определяется наличием злого умысла» («*calumnia enim in adfectu est, sicut crimen furti*») (*Gaius Inst. IV, 178*).

¹²⁰ Некоторые авторы (*Lange L. Römische Alterthümer. Bd. III. S. 101; Brunt P.A. The fall... P. 219*) предполагают, что этот закон мог быть проведён народным трибуном Реммием в 91 г.; о последнем нет никакой информации, кроме одного упоминания у Псевдо-Аврелия Виктора (*Ps.-Aurel. Vict. Vir. illustr., LXVI*). Гипотеза смелая, но едва ли правдоподобная: на наш взгляд, сам характер наказания, упоминаемого Цицероном, свидетельствует о глубокой древности подобного закона.

¹²¹ *Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 469*. М. Бартошек также сомневается в реальном существовании этого жестокого наказания (*Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения)*. М., 1989. С. 59).

¹²² Нам сложно судить, насколько часто встречались случаи откровенно ложных обвинений на практике. Рискнём предположить, что судебные процессы над клеветниками были

Каким было отношение римского общества к лицам, выступающим с обвинениями в судах? Плутарх отмечает, что «выступить с обвинением даже без особого к тому предлога вообще считалось у римлян делом отнюдь не бесславленным, напротив, им очень нравилось, когда молодые люди травили нарушителей закона, словно породистые щенки – диких зверей» («ἐδόκει δὲ καὶ ἄλλως αὐτοῖς ἄνευ προφάσεως οὐκ ἀγεννὲς εἶναι τὸ τῆς κατηγορίας ἔργον, ἀλλὰ καὶ πάνυ τοὺς νέους ἐβούλοντο τοῖς ἀδικοῦσιν ἐπιφουμένους ὄραν ὥσπερ θηρίοις εὐγενεῖς σκύλακας») (*Plut. Luc.* 1, 2 – пер. С.С. Аверинцева). «Молодёжь проводила время на Форуме, занималась ведением дел в судах и заискивала перед народом. ...Юноши входили в славу тем только, что вредили кому-нибудь из сограждан: так бывает обыкновенно при ведении судебных дел...», – с осуждением пишет о современных ему римских порядках середины II в. Полибий (*Polyb.* XXXII, 15, 8-10 – пер. Ф. А. Мищенко). Он особенно подчёркивает, что его друг и покровитель, Сципион Эмилиан, не был замечен ни в чём подобном: «...Он достигал славы новыми средствами, не теми, какие для всех прочих римлян указаны были обычаями и господствующими нравами» (*Ibid.*). Мы можем предположить, что и век спустя ситуация кардинально не изменилась.

В то же время, например, Цицерон настойчиво советует не злоупотреблять этим средством и не выступать в судах с обвинениями слишком часто: «Ведь только жестокому человеку, вернее, даже не человеку вообще, по моему мнению, свойственно стремление угрожать гражданским правам многих людей» («*duri enim hominis, vel potius vix hominis videtur periculum capitis inferre multis*») (*Cic. De off.* II, 50 – пер. В.О. Горенштейна с нашими изменениями). Кроме того, это может испортить репутацию оратора, да и попросту опасно для него самого. Цицерон выделяет только три уважительных причины для выступления в суде с обвинением против какого-либо лица: ради интересов государства, с целью

относительно редки. Причиной этого, возможно, являлось то обстоятельство, что доказать злонамеренность обвинителя было весьма непросто. В источниках нашёл отражение только один такой случай, связанный с процессом в *quaestio de repetundis* над Марком Эмилием Скавром в 54 г.; он закончился оправданием заподозренных в клевете обвинителей, поэтому сложно сказать, какое наказание их ожидало (*Ascon.* 30 Clark). С уверенностью можно утверждать лишь то, что им угрожала *infamia*.

покарать и с целью защиты¹²³. Но даже и в этих случаях нужно соблюдать меру. Известно, что сам Цицерон за всю свою многолетнюю судебную практику крайне редко выступал в качестве обвинителя. В трактате «Об ораторе» он устами знаменитого оратора Луция Лициния Красса всячески превозносит миссию защитника в суде: «Что столь ... царственно, столь благородно, столь великодушно, как оказывать помощь прибегающим, ободрять сокрушённых, подавать спасение, избавлять от опасностей, удерживать людей в числе граждан?» («*Quid tam ... regium, tam liberale, tam munificum, quam opem ferre supplicibus, excitare adflictos, dare salutem, liberare periculis, retinere homines in civitate?*») (*Cic. De or. I, 32* – пер. Ф.А. Петровского с нашими изменениями). Об ораторе Марке Бруте, получившем широкую известность в качестве обвинителя, Цицерон с осуждением говорит, что «лучшие природные качества его рода были загублены в нём его злонамеренностью» («*ut facile cerneret naturale quoddam stirpis bonum degeneravisse vitio depravatae voluntatis*») (*Cic. Brut., 130* – пер. И.П. Стрельниковой).

Эта же точка зрения звучит и в судебных речах знаменитого оратора (ср., напр., *Cic. Rosc. Amer., 83*). Выступая обвинителем Гая Верреса в 70 г., Цицерон уделяет много места объяснению мотивов этого поступка (*Cic. Div. in Caec., 1-9*). Будучи адвокатом и говоря о выступлениях с обвинениями своих подзащитных, он всегда подчёркивает, что они делали это не для личной выгоды, а по необходимости (*Cic. Cluent., 11*). Защищая Целия Руфа, который до этого сам неоднократно бывал обвинителем, оратор оправдывает его действия юношеской горячностью и стремлением к славе; тем не менее, Цицерон неодобрительно замечает, что его подзащитный «более жесток, чем я бы желал того» («*est violentior, quam vellem*») (*Cic. Cael., 76*).

По нашему мнению, эти постоянные заявления Цицерона нельзя объяснить только особенностями его характера. Несомненно, великий оратор совершенно

---

¹²³ *Cic. De off. II, 50*: «*Sed hoc quidem non est saepe faciendum nec umquam nisi aut rei publicae causa, ... aut ulciscendi gratia, ... aut patrocini...*». К слову, столетием позже почти то же самое пишет Квинтилиан (*Quintil. Inst. orat. XII, 7, 1-3*).

искренен, когда говорит о своём негативном отношении к ремеслу обвинителя. Однако, являясь адвокатом, и адвокатом блестящим, в своих судебных речах он в первую очередь говорил то, что желали слышать судьи и просто толпа любопытных (*cohorta*), собиравшаяся на Форуме в дни громких уголовных процессов. Римляне, по-видимому, благосклонно смотрели на рвение молодых людей, затеявших в интересах своей политической карьеры какой-нибудь громкий процесс, с пониманием относились к стремлению отомстить подобным способом за друга или родича, но «профессиональные» обвинители пользовались дурной репутацией и едва ли вызывали сочувствие. Так, во времена проскрипций Суллы в числе прочих были проскрибированы лица, часто выступавшие с обвинениями в судах. Головы их выставили на Форуме, на ораторской трибуне и около Сервилиева пруда, находившегося вблизи Форума (*Cic. Rosc. Amer.*, 89-90). Цицерон (очевидно, преувеличивая) говорит о сотнях убитых из числа тех, кто выступал обвинителями в делах об убийствах и отравлениях. При этом их «...никто не называет по имени ввиду их незначительности» («...nemo propter ignobilitatem¹²⁴ nominat») (*Ibid.*). Следовательно, они обвиняли не по политическим соображениям. Кажется вероятным, что такие «профессиональные» обвинители могли либо соблазниться государственной наградой за успешное обвинение¹²⁵, либо нанимались за деньги. Соответственно, и отношение к подобному заработку было, по меньшей мере, презрительным; таких обвинителей называли *quadruplatores*. Институт «*quadruplatio*» была введён во II в. в отношении некоторых проступков, разбиравшихся в *iudicia privata* (например, ростовщичество). Существуют два возможных объяснения происхождения данного термина. Согласно первому, он возник оттого, что уличённый преступник в случае осуждения должен был выплатить штраф вчетверо большей суммы, в какую оценивался его проступок (*quadrupli damnari*) (*Cato De re rust., praef.; Fest. 345 Lindsay*). По другой версии, доносчик стал

---

¹²⁴ *Ignobilitas* можно понять здесь и как «незначительность, неизвестность», и как «незнатность, низкое происхождение».

¹²⁵ См. по этому вопросу *Alexander M.C. Praemia...* P. 20-22.

называться «quadruplator», так как получал $\frac{1}{4}$ часть штрафа, наложенного на осуждённого (*Ps.-Ascon.* 110; 208 Orelli)¹²⁶. Занятие это, как видно, было малопочётным. Например, у Плавта паразит Сатурион говорит: «Я не хочу стать профессиональным доносчиком, не подобает ведь без опасности для себя отнимать у других имущество, мне не по нраву те, кто так делает» («Neque quadruplari me volo, neque enim decet sine meo periculo ire aliena ereptum bona, neque illi qui faciunt mihi placent») (*Plaut. Persa*, 62-64). Он предпочитает оставаться нахлебником-паразитом, но не связываться с подобными сомнительными операциями. Во времена Цицерона quadruplatio уже, вероятно, отошла в прошлое¹²⁷, а само наименование «quadruplator» стало просто бранным словом, обозначавшим продажного обвинителя и доносчика.

Сторону обвинения на процессе также представляли субскрипторы (*subscriptores*). Этим термином обозначался человек, поддерживавший обвинение и часто развивавший на суде некоторые его пункты, порученные ему главным обвинителем. Кроме того, по-видимому, субскриптор рассматривался также как гарант честности и добросовестности обвинителя, не позволяющий тому, например, пойти на соглашение с обвиняемым¹²⁸. Число субскрипторов могло колебаться от одного до трёх¹²⁹. Назначение их, по-видимому, зависело от членов суда, хотя фактически принимались во внимание желания обвинителя (*Cic. Div. in Caec.*, 50-51). Отсутствие субскрипторов на уголовном процессе было, как кажется, сравнительно редким явлением¹³⁰. Они так же, как и главный обвинитель, подлежали ответственности по обвинению в *calumnia* (*Ascon.* 29 Clark).

---

¹²⁶ См.: *Wesener G. Quadruplator* // RE. 1963. Bd. XXIV. Sp. 710-711.

¹²⁷ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht*. Bd. III. S. 599 u.f.

¹²⁸ «Приставьте меня стражем к Туллию» («*custodem...Tullio me arponite*»), – просит судей один из приятелей Квинта Цецилия, добиваясь своего назначения субскриптором Цицерона (*Cic. Div. in Caec.*, 51).

¹²⁹ *Zumpt A.W. Der Criminalprocess der römischen Republik*. Leipzig, 1871. S. 68-69; *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 476 n. 3, 4, 5.

¹³⁰ Так, Марк Целий рассказывая в письме Цицерону о том, как некий Гай Семпроний Руф привлёк к суду Тукция, особо замечает, что, ввиду спешки, «он спустился [на форум. – *B.X.*] без единого сообвинителя» («*sine ullo subscriptore descendit*») (*Cic. Fam. VIII, 8, 1*).

Перейдём теперь к рассмотрению другой тяжущейся стороны – стороны защиты. Конечно, центральное место здесь занимал сам подсудимый – *reus*. По обычаю, он являлся в суд в траурной одежде и отпустив бороду, выражая тем самым свою скорбь и взывая к состраданию судей¹³¹. Подсудимый имел право сам говорить в свою защиту, но мог и не делать этого.

Главным представителем интересов подсудимого на процессе был его защитник – *patronus*. Обычай, по которому в поддержку обвиняемого в суде выступает другое лицо (или лица), имел, по-видимому, достаточно древние корни в римской судебной практике. Цицерон, в частности, утверждает, что «наши предки желали, чтобы даже самый незначительный человек не оставался без защитника в суде» («*nemini umquam infimo maiores nostri patronum deesse voluerunt*») (*Cic. Mur.*, 10). Большинство исследователей так или иначе сходятся во мнении, что адвокатура в Римской республике непосредственно выросла из институтов патроната и клиентелы¹³². Об этом говорит само наименование «*patronus*». В древнейшую эпоху на патроне-аристократе лежала обязанность выступать в суде в защиту своего клиента (см., напр., *Plaut. Menaechmi*, 571-598). Отголоски этого обычая сохранились и в рассматриваемый период. Однако постепенно эта практика расширяется, и адвокат-*patronus* может защищать уже и людей, которые не являлись до процесса его клиентами. *Lex Acilia (Sempronia) de iudiciis repetundis* свидетельствует, что, по крайней мере, в некоторых случаях назначение защитника находилось в руках суда (*Lex Acilia*, 9-11).

Услуги адвокатов в Римской республике не оплачивались. Этот запрет устанавливал Цинциев закон (*lex Cincia de donis et muneribus*), принятый в самом конце Второй Пунической войны – в 204 г. (*Liv. XXXIV*, 4; *Cic. Att. I*, 20, 7; *Cic. Sen.*, 10; *Cic. De or. II*, 286; *Tac. Ann. XI*, 5). Дж. Пауэлл и Дж. Патерсон

---

¹³¹ Данная традиция столь прочно укоренилась в римской судебной практике, что, когда в 52 г. Тит Анний Милон открыто пренебрёг ею, посчитав унизительной для себя, и был затем осуждён, именно подобное вызывающее поведение и называли главной причиной такого исхода (*Plut. Cic.*, 35).

¹³² *Crook J.A. Law and life of Rome. N.Y., 1967. P. 93; Kennedy G. The rhetoric of advocacy in Greece and Rome // AJPh. 1968. Vol. 89. P. 428; Powell J., Paterson J. Introduction // Cicero the advocate / Ed. by J. Powell, J. Paterson. N.Y., 2004. P. 14.*

справедливо, на наш взгляд, отмечают, что принятие подобного закона свидетельствует о появлении в это время уже адвокатов, которые оказывали свои услуги за вознаграждение, – раньше в нём просто не было необходимости. Таким образом, по их мнению, постепенно происходит эволюция от адвокатуры как одной из сторон патронатно-клиентских взаимоотношений к системе профессиональной (точнее, полупрофессиональной) адвокатуры¹³³. Г. Буассье называет *lex Cincia* аристократическим законом (хотя он и был предложен народным трибуном), поскольку он не давал адвокатуре превратиться в профессию¹³⁴. На элементы «профессионализма» в деятельности римского адвоката обращает внимание и К. Бёрнард¹³⁵.

Однако не приходится сомневаться, что благодарные клиенты находили способы выразить защитнику свою признательность. Ряд фактов свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период закон Цинция соблюдался не слишком строго, и его нарушители, видимо, не очень опасались привлечения к ответственности. Так, Плутарх особо подчёркивает, что Цицерон, хотя его состояние и было скромным, не брал ни платы, ни подарков за свои выступления в суде (*Plut. Cic. 7, 3*). Если так поступали все, едва ли греческий биограф счёл бы необходимым отдельно упоминать об этом факте¹³⁶. Но тот же Цицерон, об адвокатской деятельности которого нам известно больше, чем кого-либо другого, нуждаясь в деньгах, не считал для себя зазорным обращаться преимущественно к тем богатым людям, которых он защищал в суде. В частности, его клиент Публий Сулла ссудил оратора тремя миллионами сестерциев, что позволило последнему купить дом на Палатине. Когда по этому поводу в сенате на Цицерона обрушились с нападками, тот лишь отшутился (*Gell. XII, 12, 2-4*). В Риме существовала также и ещё одна распространённая и, по-видимому, вполне законная форма, в какой клиенты выражали свою признательность: это обычай

---

¹³³ *Powell J., Paterson J. Introduction. P. 14.*

¹³⁴ *Буассье Г. Цицерон и его друзья. С. 118.*

¹³⁵ *Burnard Ch. The advocate as a professional: the role of the patronus in Pro Cluentio // Cicero the advocate / Ed. by J. Powell, J. Paterson. N.Y., 2004. P. 279 ff.*

¹³⁶ Впрочем, нельзя исключать, что Плутарх здесь противопоставляет Цицерона не другим адвокатам периода Поздней республики, а своим собственным современникам.

оставлять после смерти часть своего состояния по завещанию друзьям и вообще тем людям, которым человек был чем-либо обязан при жизни. Данное средство давало возможность расплатиться и с адвокатом; закон Цинция, похоже, этому не препятствовал¹³⁷.

После создания *quaestiones perpetuae* и постепенного включения в сферу их компетенции практически всех видов уголовных преступлений нужда в адвокатах особенно возросла. Резко умножается количество судебных разбирательств. Цицерон отмечает, что в первые два десятилетия I в. в судах доминировали всего шесть адвокатов, но в его время из-за увеличившегося числа процессов и обычая привлекать в качестве защитников одновременно нескольких ораторов потребность в них возросла (*Cic. Brut.*, 106; 207). С защитительными речами в уголовном суде выступали практически все крупные политические фигуры Поздней республики¹³⁸. Успех зависел не только от мастерства и ораторского дара защитника; важную роль могли сыграть его политический вес и авторитет вообще¹³⁹. Личные отношения между адвокатом и его клиентом также имели в глазах римлян большое значение. Квинтилиан, например, считает более выгодным для защитника предстать перед судьями в роли честного свидетеля, а не искусного адвоката (*Quintil. Inst. orat. IV, 1, 7*). Он настоятельно советует защитнику объяснять своё решение взяться за дело подсудимого дружбой или родством, или – что лучше всего – своим долгом как гражданина (*Ibid.*). Цицерон во многих речах действует в соответствии с этой рекомендацией. Иногда он использует своё положение защитника, чтобы заявить, что ему лучше, чем другим, известны обстоятельства дела (как в «*Pro Cluentio*»), иногда – выступает

---

¹³⁷ Буассье Г. Цицерон и его друзья. С. 118.

¹³⁸ Ж.-М. Давид особо отмечает разницу в социальном статусе между обвинителями и защитниками в уголовном процессе: обвинители – это, как правило, юноши, только начинающие свою политическую карьеру, либо лица незнатного происхождения; на стороне защиты же, особенно на громких процессах, выступают аристократы и самые влиятельные люди гражданской общины (*David J.-M. Die Rolle des Verteidigers... S. 33*).

¹³⁹ Как замечает Цицерон, «...ораторы должны поддерживать обвиняемого также и своим авторитетом» («...oratores etiam auctoritatem praestare debent») (*Cic. Cluent.*, 57). О том, что плохая репутация защитника может повредить делу его подопечного, пишет Квинтилиан (*Quintil. Inst. orat. IV, 1, 11*). Подробнее см. в статье: *May J.M. The rhetoric of advocacy and patron-client identification: variation on a theme // AJPh. 1981. Vol. 102. P. 309 ff.*

как свидетель, лично близко знакомый с обвиняемым и положительно его характеризующий (например, в «Pro Caelio»). Очевидно, римские судьи хотели думать, что адвокат сам убеждён в невиновности подсудимого и потому взялся вести его дело. Разумеется, реально защитник далеко не всегда мог быть уверен в правоте своего клиента, но в его интересах было не признавать этого¹⁴⁰.

Защитник мог быть один, но это, по-видимому, в рассматриваемый период случалось не так часто; Цицерон особо отмечает, что он в одиночку выступает в защиту Клуенция «по старому обычаю» («*vetere instituto*») (*Cic. Cluent.*, 199). В большинстве значительных дел выступали по нескольку ораторов с обеих сторон (*Cic. Brut.*, 208-209)¹⁴¹. В отличие от обвинителя защитник мог рассчитывать только на добровольных свидетелей и добровольно предоставленные ему документы и прочие доказательства¹⁴².

Помимо защитника, сторону подсудимого представляли «заступники» – *advocati*. В число их входили люди, пользовавшиеся определённым весом в обществе. Они при предварительном следствии отстаивали интересы подсудимого перед трибуналом претора и давали советы как обвиняемому, так и защитнику. Во время самого процесса *advocati* сидели на скамьях рядом с подсудимым и поддерживали его своим присутствием. Родственники и друзья подсудимого также находились в суде, часто небритые и в траурной одежде, чтобы вызвать сострадание к нему (*Cic. Cael.*, 4; *App. Bel. civ.* II, 24). Кроме того, на заседании могли присутствовать т.н. *laudatores* (букв. «хвалители») – лица, выступавшие с хвалебным отзывом о подсудимом. Помимо судебных процессов, *laudatores* от городских общин иногда приезжали в Рим с похвалами о своих бывших наместниках (см. *Cic. Fam.* III, 8, 2). При разборе дела о вымогательствах, например, по обычаю требовалось привести в суд десять *laudatores* (*Cic. Verr.* II, 5, 57). *Laudatores* могли выступать на процессе как лично, так и заочно, представив

---

¹⁴⁰ См.: *Powell J., Paterson J.* Introduction. P. 21.

¹⁴¹ Согласно свидетельству Аскония, в середине 50-х гг. на уголовных процессах обычно выступали до четырёх защитников; большее их количество было редкостью. Однако число ораторов со стороны защиты постепенно увеличивалось и к концу гражданских войн дошло уже до двенадцати (*Ascon.* 20 Clark).

¹⁴² *Зелинский Ф.Ф.* Римский уголовный процесс. С. 757.

свои свидетельства в письменном виде¹⁴³. Институт «хвалителей» настолько прочно укоренился в римской судебной практике, что его не смогли уничтожить даже специально принятые для этого меры. В 52 г. Помпей в числе других своих судебных мероприятий запретил привлекать *laudatores* к участию в уголовных процессах (*Dio XL, 52, 2*). Однако он сам буквально тут же нарушил этот запрет, выступив в поддержку своего сторонника, когда того привлекли к суду (*Val. Max. VI, 2, 5; Plut. Cato Min. 48, 4-5; Pomp. 55, 5-6; Dio XL, 55*). Данный закон Помпея оказался недолговечным и перестал действовать довольно скоро (а может, он никогда строго и не выполнялся). «Хвалители» продолжают активно участвовать в судебных процессах эпохи Принципата (*Suet. Div. Aug. 56, 3; Quintil. Inst. orat. III, 7, 2*)¹⁴⁴.

Естественно, важную роль на процессе играли свидетели обеих сторон (*testes*). Отметим, что в отношении привлечения свидетелей сторона обвинения пользовалась определёнными преимуществами. В частности, обвинитель имел право под угрозой наказания заставить любое лицо явиться на судебное заседание и дать показания (т.н. *testimonii denuntiatio*), хотя число таких «вынужденных» свидетелей было ограничено законом – не более 48 человек (*Lex Acilia, 32-34*); впоследствии закон Юлия Цезаря о вымогательстве 59 г. увеличил эту цифру до 120 (*Val. Max. VIII, 1, abs. 10*)¹⁴⁵. Помимо них, обвинитель имел также возможность привлекать неограниченное количество свидетелей-добровольцев. Защитник же мог полагаться исключительно на добровольно (*sua voluntate*) предоставленные ему свидетельские показания (*Quintil. Inst. orat. V, 7, 9*). Более того, кажется, он даже не всегда заранее знал точно всех свидетелей обвинения. Свидетели защиты могли присутствовать в суде, но сами, по всей видимости, не выступали; их показания защитник обычно включал в состав своей речи (*Cic. Cluent., 168*). Адвокату запрещалось выступать в качестве свидетеля по тому делу,

---

¹⁴³ См.: *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 411, 441-442; Weiss E. Laudatio // RE. 1924. Bd. XII. Sp. 992.*

¹⁴⁴ См.: *Смышляев А.Л. «Добрые нравы» и «суровые законы» в древнеримском суде // ДП. 2008. №2. С. 86.*

¹⁴⁵ *Alexander M.C. The case for the prosecution... P. 79.*

которое он защищал в суде (*Cic. Verr. II, 2, 24; Lex Acilia, 33*). Показания рабов так же, как и в Греции, принимались во внимание, только если были получены под пыткой (*Cic. Cluent., 176-177; 181-186*). Свидетельские показания (*testimonia*) могли быть предоставлены суду как в устном (*testimonia a praesentibus*), так и – если свидетель не имел возможности лично присутствовать на процессе – в письменном виде (*testimonia per tabulas*) (*Quintil. Inst. orat. V, 7, 1*). Закон требовал, чтобы письменные свидетельства передавались претору в трёхдневный срок и опечатывались судьями, дабы исключить возможность фальсификации (*Cic. Flacc., 21*).

С точки зрения современной юриспруденции, участие в процессе *laudatores* и особенно *advocati*, которые даже не выступали на суде, лишено всякого смысла. Они не давали, да и не могли дать, никаких показаний по существу рассматриваемого дела. Очевидно, здесь мы имеем дело с реликтом очень древнего понимания судебного доказательства, при котором именно авторитет свидетеля, его положение в гражданской общине считались главным залогом истины¹⁴⁶.

Сессия римского уголовного суда начиналась после того, как был составлен список судей на текущий год (*Dio XXXIX, 7*), и закрывалась, по-видимому, в сентябрьские календы¹⁴⁷ – в том смысле, что после этой даты нельзя было предъявить новое обвинение; процесс, уже начатый, не прекращался и мог без перерыва продолжиться даже в следующем году¹⁴⁸. Вероятно, главной целью этого ограничения было обеспечить по возможности рассмотрение дела тем же самым магистратом, при котором начиналось слушание; хотя закон и позволял завершать разбор дела его вновь избранному коллеге, это считалось нецелесообразным (*Cic. Verr. I, 29-32*). Определённую роль могли играть и

---

¹⁴⁶ См.: *David J.-M. Le patronat judiciaire au dernier siècle de la République romaine. Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. T. 277. Rome, 1992. P. 425.*

¹⁴⁷ Согласно *Lex Acilia*, обвинение должно быть предъявлено до сентябрьских календ (*Lex Acilia, 7*).

¹⁴⁸ Отметим, что особняком стоит судебный процесс *de repetundis* над бывшим народным трибуном Гаем Манилием в 66 г. Обвинение Манилию было предъявлено уже после закрытия сессии – либо 27-го (*Plut. Cic., 9*), либо 28-го декабря (*Dio XXXVI, 44, 1-2*). Подробный разбор дела Манилия – см. далее, в §1 главы III настоящей диссертации.

соображения удобства. Закрытие сессии было временем начала осенних праздников, когда и судьи, и обвинители, и адвокаты уезжали из города (*Cic. Att. I, 1, 2*). Исключения из этого правила делались только для процессов по обвинению *de vi*. Они могли начинаться в любое время года – как, например, процесс Марка Тукция в 51 г. (*Cic. Fam. VIII, 8, 1*) – и проходили даже в дни общественных праздников и игр, когда все остальные суды были закрыты (*Cic. Sael., 1*). Каждая судебная комиссия разбирала дела в порядке их поступления. В *quaestio de repetundis* учитывалось также время, предоставленное обвинителю для поиска свидетелей и сбора доказательств, – чем короче был этот срок, тем раньше дело поступало на рассмотрение судей¹⁴⁹. Тем не менее, судебная комиссия могла разобрать дело и вне очереди (*extra ordinem*). Причинами такого отступления от обычной процедуры могли быть: тесная связь между заявленным делом и одним из предыдущих, которое уже было рассмотрено данной комиссией (ср.: *Cic. Cluent., 56; 59*); особая общественная опасность преступления¹⁵⁰.

Местом заседания уголовных судов являлся римский Форум¹⁵¹. Здесь было установлено возвышение – трибунал (*tribunal*), на котором находились курульное кресло (*sella curulis*) претора и скамьи для судей (*subselia*). Внизу перед трибуналом располагались: с одной стороны – скамьи для обвиняемого, защитника, *advocati* и свидетелей защиты; с другой – скамьи для обвинителя, субскрипторов и свидетелей обвинения¹⁵². Заседание суда начиналось после восхода солнца и должно было закончиться не позднее, чем за час до заката¹⁵³.

---

¹⁴⁹ Именно этой уловкой попытался воспользоваться Веррес, чтобы оттянуть начало своего процесса (*Cic. Verr. II, 1, 30*).

¹⁵⁰ *Cic. De inv. II, 58*: «...когда некоего человека обвинили в отравлении и, потому что он был также обвинён и в убийстве близкого родственника, [это дело] рассматривали вне очереди» («...cum venefici cuiusdam nomen esset delatum et, quia parricidii causa subscripta esset, extra ordinem esset acceptum»).

¹⁵¹ *Cic. Verr. II, 5, 143*: «...forum plenum iudiciorum...».

¹⁵² О знаковом смысле размещения каждого из участников судебного заседания см. интересные рассуждения в работе: *David J.-M. Le patronat judiciaire... P. 463-496*.

¹⁵³ Об этом свидетельствует муниципальный закон колонии *Iulia Genitiva Ursonensis* (*CIL. I², 594 = RS. I, p. 393-454, №25 = ILS. II, 6087 = Bruns. I, 27*), основанной в Испании по решению Юлия Цезаря (в литературе он кратко именуется *lex Ursonensis*): «Пусть никто не будет ни вести допрос, ни председательствовать на суде раньше первого и после одиннадцатого часа дня» («ne quis ... ante h[oram] I neve post horam XI diei quaerito neve iudicium exerceto») (*Lex*

Суд был, помимо средства восстановления справедливости, ещё и увлекательным зрелищем. Толпа любопытных зрителей (*corona*) являлась непременным атрибутом всякого уголовного процесса¹⁵⁴. Она не просто пассивно наблюдала, но и выражала своё отношение к происходящему¹⁵⁵. Цицерон находил завоевание расположения зрителей не менее важной задачей для адвоката, чем завоевание расположения судей (*Cic. De fin. IV, 74*). Нам это представляется неслучайным. Безусловно, настроение зрителей должно было оказывать на судей определённое влияние. Если толпа слишком уж явно выражала своё сочувствие одной из сторон, думается, далеко не каждый судья мог проигнорировать это обстоятельство. К примеру, собственные политические амбиции могли заставить его не пренебрегать мнением будущих избирателей. Наконец, это могло быть просто небезопасно¹⁵⁶. Так что *corona* также, безусловно, была важным «действующим лицом» римского суда эпохи Республики и оказывала некоторое воздействие на ход процесса¹⁵⁷.

Самостоятельно отстаивать свои интересы в суде разрешалось каждому свободному римскому гражданину¹⁵⁸. Исключение составляли лица или полностью глухие, или не достигшие семнадцати лет (*Dig. III, 1, 1, 3*). Практика,

---

Ursonensis, 102). Велика вероятность, что этот закон мог дублировать римские судебные порядки.

¹⁵⁴ См. *Смышляев А.Л.* «Добрые нравы» и «суровые законы»... С. 94 прим. 123: «Судьи, заседавшие на Римском форуме, рассматривались как, в некотором смысле, представители римского народа, а толпа зрителей, окружавшая место судебного заседания (*corona*), – как сам народ».

¹⁵⁵ Ср. *Catull. Carm.*, LIII.

¹⁵⁶ В 60-х гг. впервые фиксируются случаи, когда обвиняемые приводили в суд наёмные банды, которые должны были оказывать моральное (а иногда и физическое) давление на обвинителей и судей (ср., напр.: *Ascon.* 59-60; 66 Clark).

¹⁵⁷ *Fantham E.* The contexts and occasions... P. 99; *Millar F.* The crowd in Rome in the late Republic. Ann Arbor, 1998. P. 217-218; *Tatum W.J.* The patrician tribune: Publius Clodius Pulcher. Chapel Hill, 1999. P.15. В то же время М. Александер (*Alexander M.C.* The case for the prosecution... P. 35-36) предостерегает от переоценки роли *corona* в судебном процессе.

¹⁵⁸ Выступать как в гражданских, так и в уголовных процессах не возбранялось и женщинам. Другое дело, что патриархальное римское общество не слишком одобряло такое поведение. Поэтому, как правило, если в процесс была вовлечена женщина, на суде её дело представлял оратор-мужчина. Случаи самостоятельных выступлений римских матрон были столь редки, что Валерий Максим в своём сборнике «Достопамятные деяния и изречения» даже счёл нужным посвятить особую главу женщинам, «которые говорили перед магистратами по своему делу или по делам других» («*quae ... apud magistratus pro se aut pro aliis causas egerunt*») (*Val. Max.* VIII, 3). См: *Boatwright M.T.* Women and gender... P. 113.

когда люди выступали в суде с чужими, написанными для них другими лицами, речами, в Риме существовала, но не получила столь широкого распространения, как в Греции¹⁵⁹. По обычаю, стороны получали отсрочку для подготовки к процессу: судебное заседание назначалось на десятый день после *nominis delatio* (*Ascon.* 59 Clark; *Cic. Q. fr.* II, 11(13), 2)¹⁶⁰. Особняком стояли процессы в *quaestio de repetundis*. Так как в этой комиссии главным образом разбирались преступления, совершённые в провинциях, то обвинителю требовалось много времени для сбора доказательств и поиска свидетелей. Поэтому перед началом процесса он сам заявлял претору о том, какой срок ему необходим, и вопрос решался исходя из конкретных обстоятельств дела¹⁶¹. По закону обвиняемый имел право приставить к обвинителю постоянного стража, чтобы быть осведомлённым обо всех приготовлениях к обвинительной речи (*Plut. Cato Min.* 21, 3). Подсудимый на время обвинения и в ходе самого процесса оставался на свободе и не заключался под арест¹⁶².

К назначенному дню начала процесса все его участники – подсудимый, обвинитель, защитник, свидетели и судьи – получали вызов в суд (*Cic. Cluent.*, 49-50). При этом неявка обвинителя автоматически приводила к прекращению дела (*Ascon.* 60 Clark; *Cic. Verr.* II, 2, 99). Неявка подсудимого на этой стадии уже не рассматривалась как препятствие для отправления правосудия; разбор дела шёл в обычном порядке¹⁶³.

---

¹⁵⁹ Подробнее см.: *Kennedy G.* The rhetoric of advocacy... P. 427-428.

¹⁶⁰ Тем не менее, данное правило, очевидно, не было закреплено законодательно. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что нам известны случаи его нарушения. Так, когда в 66 г. был обвинён в вымогательствах бывший народный трибун Гай Манилий, Цицерон – претор и председатель судебной комиссии – предоставил подсудимому всего один день отсрочки. За это Цицерон был подвергнут сторонниками Манилия обструкции; но показательным, что законность его действий никто не оспаривал (*Plut. Cic.* 9, 4-6; *Dio XXXVI*, 44, 1-2). См. также рассказ Цицерона об осуждении эдилция Гая Юния (*Cic. Cluent.*, 89).

¹⁶¹ Например, обвинители Марка Эмилия Скавра в 54 г. просили для себя 60 дней (*Ascon.* 19 Clark), Цицерон на процессе против Гая Верреса – 110 (*Ps.-Ascon.* 125 Stangl).

¹⁶² А. Гринидж (*Greenidge A.H.J.* The legal procedure... P. 467), однако, полагает, что заключение в тюрьму до начала процесса в качестве превентивной меры могло применяться по отношению к лицам из низших сословий, и приводит в качестве примера случаи доносчиков Тарквиния и Веттия (*Sall. Cat.* 48, 3-6; *Plut. Luc.* 42, 7-8).

¹⁶³ Так, в своё отсутствие были осуждены Веррес (*Lact. Inst. div.* II, 4, 34), Милон и ещё ряд обвиняемых на процессах 52 г. (*Ascon.* 54-56 Clark).

Слушание дела (*actio*) начиналось с того, что обвинитель и его *subscriptores* произносили свои обвинительные речи – *orationes perpetuae* (название связано с тем, что речи продолжались без перерыва). Затем с ответными *orationes perpetuae* выступала сторона защиты. Возможно, председатель суда имел право сделать перерыв между заслушиванием речей стороны обвинения и стороны защиты; такие прецеденты известны, хотя они и относятся к эпохе Принципата (*Tac. Ann.* III, 13; 67). Выступление ораторов той и другой стороны могло занять несколько дней. Только после этого заслушивались письменные и устные показания свидетелей¹⁶⁴ и проводился перекрёстный допрос последних (*altercatio*)¹⁶⁵. Председатель суда и его члены не имели права допрашивать свидетелей – опрос производился только сторонами обвинения и защиты. Записи прений сторон и показаний свидетелей в уголовном суде, по-видимому, сохранялись в архиве (*Cic. Cluent.*, 62).

Несколько отличной была судебная процедура в комиссии по делам о вымогательствах. Там процесс состоял из двух *actiones*, каждое из которых включало в себя как *orationes perpetuae*, так и допрос свидетелей. Такой способ ведения процесса получил название комперединация (*comperedinitio*); она была введена по закону Сервилия Главции (*lex Servilia Glaucia*), принятому незадолго до 100 г. (*Cic. Verr.* II, 1, 26), и просуществовала до конца республиканской эпохи. В других *quaestiones perpetuae* *comperedinitio*, очевидно, не применялась¹⁶⁶.

Закон ограничивал время выступления ораторов с обеих сторон (*Cic. Verr.* II, 1, 24; 32; 51). Однако точные цифры назвать сложно; нам приходится ориентироваться лишь на отдельные случайные упоминания. Цицерон в речи «За Флакка» говорит о предоставленных субскриптору шести часах (*Cic. Flacc.*, 82). Более поздний *lex Ursonensis* отводит четыре часа для выступления главного

---

¹⁶⁴ *Cic. Verr.* I, 55: «когда всё сказано, представляют свидетелей» («*cum omnia dicta sunt, testes dantur*»).

¹⁶⁵ Квинтилиан (*Quintil. Inst. orat.* VI, 4, 5) особо подчёркивает важность этой части судебного разбирательства, рассказывая, что некоторые ораторы удачным допросом свидетелей компенсируют недостаточно убедительное выступление с *oratio perpetua*.

¹⁶⁶ Как свидетельствует Цицерон (*Cic. Verr.* II, 1, 26), *comperedinitio* была введена в интересах обвинения, поскольку теперь на втором слушании обвинитель уже точно знал стратегию защиты и имел возможность в своей речи опровергнуть её доводы.

обвинителя, и только два часа – для субскриптора. При этом обвинителю разрешается уступить часть времени, отведённого ему для выступления, другому лицу¹⁶⁷. Подсудимому и его защитникам для произнесения своих речей предоставляется вдвое больше времени, чем стороне обвинения (*Lex Ursonensis*, 102).

Описанный нами порядок судопроизводства был стандартным и общим для всех *quaestiones perpetuae*. Что касается *quaestiones extraordinariae*, то в каждом конкретном случае, для которого они создавались, в судебную процедуру могли вноситься изменения – иногда очень значительные. Мы уже упоминали ранее, что в 52 г. по инициативе Гнея Помпея, назначенного консулом *sine collega*, были приняты два новых закона – *de vi* и *de ambitu*, которые, по свидетельству Аскония, предусматривали более строгое наказание и устанавливали более быстрый порядок судопроизводства по этим делам («*proena graviore et forma iudiciorum brevioris*») (*Ascon.* 36 Clark). Согласно этим законам, сначала судьи заслушивали показания свидетелей; затем проводилась процедура *altercatio*. Для этого отводилось три дня. Лишь на четвёртый день процесса следовали *quaestiones perpetuae*, причём для их произнесения обвинителю предоставлялось два часа, защитнику – три. И обвинительная, и защитительная речь должны были быть закончены в один день; после этого начиналось голосование и выносился приговор (*Tac. Dial.*, 38; *Cic. Brut.*, 243; 324; *Ascon.* 36 Clark). На основании этих законов производился в 52 г. суд над Милоном и рядом других лиц.

---

¹⁶⁷ Может быть, именно этим и объясняется несоответствие между данными *lex Ursonensis* и приведённым выше замечанием Цицерона. Для периода Империи мы располагаем информацией Плиния Младшего, который, рассказывая о процессе *de repetundis*, пишет: «Ведь по закону обвинителю предоставляется шесть часов, подсудимому девять» («*nam ... e lege accusator sex horas, novem reus accersisset*») (*Plin. Min. Ep. IV*, 9, 9). Но, хотя во времена Плиния продолжал действовать республиканский Юлиев закон *de repetundis* 59 г., мы не можем с точностью утверждать, что в эпоху Республики уже существовали именно такие временные ограничения. См.: *Alexander M.C. The case for the prosecution...* P. 279 n. 10. А. Кларк считает фрагмент *Cic. Flacc.*, 82 испорченным, отмечая, что эта речь дошла до нас в очень плохом состоянии, и предлагает исправить «VI horas» в тексте Цицерона на «II horas» (*Clark A.C. Cicero and Asconius. Review on: Humbert J. Contribution à l'étude des sources d'Asconius dans ses relations des débats judiciaires // CR. 1927. Vol. 41. P. 76*).

Не совсем понятно, однако, относились ли введённые Помпеем новые правила судопроизводства только к организованным им судебным комиссиям или же ко всем *quaestiones*. По мнению А. Кларка, данный порядок был предназначен только для новых экстраординарных судебных комиссий и был отменён после их упразднения, что нам кажется наиболее вероятным¹⁶⁸. Т. Моммзен, опираясь на Тацита (*Tac. Dial.*, 38) и Диона Кассия (*Dio XL*, 52, 3), напротив, утверждает, что новые правила относились ко всем уголовным судам¹⁶⁹.

Важной характерной чертой римского суда было то, с какой свободой могли говорить как обвинитель, так и адвокат. Судебная система Римской республики не знала строгих стандартов доказательства вины или невиновности подсудимого, которых требуют современные правила ведения процесса. Ссылки на прецеденты, столь обычные в наши дни, например, для англосаксонской судебной системы, присутствовали, но не имели для членов суда юридической силы¹⁷⁰. Как отмечает А.Л. Смышляев (ссылаясь на Дж. Крука¹⁷¹), «в судах и политике древнего Рима действовали общие “правила игры”, позволявшие то, что не разрешалось за пределами судебных и политических ристаний, например, очернение и оскорбление оппонента»¹⁷². Все эти обстоятельства (вкуче со сравнительно несовершенной системой расследования преступлений) способствовали тому, что значительную роль в исходе дела играли внеправовые аспекты: красноречие обвинителя и защитника; моральный облик, авторитет, политический вес и положение в государстве (т.е. то, что сами римляне обозначали словами *fama*, *auctoritas*, *dignitas*) – причём не только самого подсудимого, но и всех тех, кто оказывал ему поддержку на суде¹⁷³. О большом значении внеправовых критериев

---

¹⁶⁸ M. Tullii Ciceronis pro T. Annio Milone / Ed. A.C. Clark. Oxonii, 1895. P. 101 (ссылаясь на свидетельство Цицерона: *Cic. Att.* XIII, 49, 1). Ср. *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 392.

¹⁶⁹ *Mommsen Th. Romisches Staatsrecht. Bd. IV. S. 325.*

¹⁷⁰ См.: *Powell J., Paterson J. Introduction.* P. 36.

¹⁷¹ *Crook J.A. Law and life...* P. 255.

¹⁷² *Смышляев А.Л. «Добрые нравы» и «суровые законы»...* С. 94 прим. 124.

¹⁷³ Здесь представляется уместным провести параллель с судебной системой классических Афин: ведь важнейшая роль, которую играли внеправовые критерии при вынесении приговора в афинской гелиэе, в настоящий момент также не подлежит сомнению (см., напр. *Кудрявцева Т.В. Народный суд...* С. 246-259; *Суриков И.Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2. С. 36-41).*

свидетельствуют дошедшие до нас руководства по красноречию и сами судебные речи¹⁷⁴.

После представления доказательств глашатай объявлял: «Высказались» («Dixerunt») (*Cic. Verr. II, 2, 75*), – и начиналось голосование. Первоначально оно было открытым. Начиная с 137 г. (после принятия *lex Cassia tabellaria*), процедура голосования на римских уголовных процессах осуществлялась при помощи покрытых воском самшитовых табличек, на которых были нанесены буквы: с одной стороны – А (*absolvo*, «оправдываю»), с другой – С (*condemno*, «осуждаю») (*Lex Acilia, 51*)¹⁷⁵. Судья оставлял только одну букву, а вторую стирал; если он воздерживался от вынесения приговора, то затирает обе буквы (*Lex Acilia, 54*)¹⁷⁶. Затем судья, прикрыв незатёртую букву пальцами, показывал табличку собравшимся и опускал её в урну для голосования, после чего сходил с трибунала (*Lex Acilia, 52*). Судьи должны были выносить решение независимо друг от друга, в соответствии со своим личным убеждением; особо подчёркивался запрет совещаться во время вынесения приговора¹⁷⁷. Порядок подачи голосов судьями определялся по жребию (*Cic. Cluent., 75*). Исход дела определялся простым

---

¹⁷⁴ Подробнее об этом см.: *Смышляев А.Л.* «Добрые нравы» и «суровые законы»... С. 84-85.

¹⁷⁵ Отметим, что на момент принятия *lex Cassia tabellaria* существовала только одна постоянная судебная комиссия – *quaestio de repetundis*, учреждённая в 149 г., – и большинство уголовных дел по-прежнему рассматривались народным собранием. Вопрос о том, распространялось ли действие Кассиевого закона и на эту комиссию или он касался исключительно *iudicium populi*, в историографии остаётся дискуссионным. Первой точки зрения придерживается, в частности, Л.Р. Тэйлор (*Taylor L.R. Roman voting assemblies from the Hannibalic War to the dictatorship of Caesar. Ann Arbor, 1990. P. 37*), второй – Дж. Коди (*Cody J.M. The use of Libero-Damno and Absolvo-Condemno in the judicial proceedings of the late Republic // CPh. 1973. Vol. 68. P. 207 n. 13*). Изображения употреблявшихся при голосовании в суде табличек с буквами «А» и «С» можно найти на монетах республиканского периода (см. приложение 1 к настоящей диссертации).

¹⁷⁶ Голоса воздержавшихся, как это понятно из *Lex Acilia, 55*, засчитывались в пользу подсудимого.

¹⁷⁷ *Lex Acilia, 39*: «пусть ни один судья не совещается» («*iudex ne quis disputet*»). Подобный запрет был характерен и для греческих судов. Ср. со свидетельством Аристотеля: «Большинство законодателей принимает меры к тому, чтобы судьи не сообщали своего решения друг другу» («*τῶν νομοθετῶν οἱ πολλοὶ παρασκευάζουσιν, ὅπως οἱ δικάσταί μὴ κοινολογῶνται πρὸς ἀλλήλους*») (*Arist. Pol. II, 5, 8* – пер. С.А. Жебелёва). Однако М. Кроуфорд переводит данную фразу как «пусть судья не оспаривает [это]», считая, что здесь речь идёт о требовании к судье подчиниться решению, принятому претором по результатам расследования причин отсутствия какого-либо судьи на процессе (*Roman statutes / Ed. by M. Crawford. P. 104*).

большинством; при равенстве голосов, поданных за осуждение и оправдание, подсудимый оправдывался (*Cic. Cluent.*, 74; *Fam. VIII*, 8, 3).

Кальпурниев закон 149 г. предоставлял судьям право в случае, если дело казалось им недостаточно ясным (*non liquet*), неограниченное число раз откладывать вынесение приговора, что вынуждало претора переносить разбирательство на другой день; эта процедура называлась амплиацией (*ampliatio*) (*Liv. XLIII*, 2, 10; *Val. Max. VIII*, 1, abs. 11). *Lex Acilia* (*Sempronia*) ограничил эту возможность, разрешив откладывать рассмотрение дела, если за это выскажутся более 1/3 всех членов судейской комиссии, но не более двух раз; за каждую последующую отсрочку на каждого судью накладывался денежный штраф в 10 000 сестерциев (*Lex Acilia*, 48). Однако, подобные случаи, по-видимому, были сравнительно редки. Последний раз, когда мы слышим о таком голосовании, – это процесс Оппианика в 74 г. (*Cic. Cluent.*, 76)¹⁷⁸. В 80 г. Сулла установил свободный выбор способа голосования обвиняемым; очередность подачи голосов при открытом голосовании определялась по жребию (*Cic. Cluent.*, 75). Этот закон был отменён незадолго до 66 г.¹⁷⁹ В 59 г. законом претора Квинта Фуфия Калена в уголовном суде было введено раздельное голосование для каждой из трёх декурий (*Dio XXXVIII*, 8, 1)¹⁸⁰.

После подсчёта табличек председатель суда произносил: «*fecisse/non fecisse videtur*» («кажется, что он [подсудимый. – *B.X.*] совершил это/не совершал этого»)

---

¹⁷⁸ Д. Клауд полагает, что возможность вынесения вердикта «*non liquet*» была уничтожена Аврелиевым судебным законом 70 г. (*Cloud D. The constitution...* P. 530). Против этого высказывается А. Джонс, который полагает, что некоторые судьи проголосовали «*non liquet*» ещё на процессе Клодия по обвинению в *incestum* в 61 г. (*Jones A.H.M. The criminal courts...* P. 73; см. также *Lintott A.W. Cicero as evidence: a historian's companion.* Oxf., 2008. P. 23).

¹⁷⁹ Возможно, также Аврелиевым судебным законом. См.: *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 442.

¹⁸⁰ Асконий, комментируя речь Цицерона «*In toga candida*», сообщает о подаче голосов по декуриям ещё на процессе Катилины в начале 65 г. (*Ascon.* 90 Clark). По этому поводу Т. Моммзен предполагает, что до 59 г. раздельное голосование также могло иметь место с разрешения председателя суда (*Mommsen Th. Römisches Strafrecht.* S. 445). Мы склоняемся к объяснению А. Гриниджа (*Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 450 n. 7), по мнению которого Асконий ошибся, неправильно интерпретировав слова Цицерона. Смысл закона Фуфия Э. Груэн видит в том, чтобы при сохранении тайной подачи голосов сделать процесс голосования более прозрачным и затруднить подкуп судей (*Gruen E.S. The last generation...* P. 243-244).

(*Lex Acilia*, 55). Вынесенный приговор тут же записывался. Наказания были стандартными, и их назначение не входило в компетенцию судей или председателя *quaestio perpetua*¹⁸¹. При этом, так как каждая судебная комиссия действовала на основании особого закона, то предусматриваемые ими наказания могли быть неодинаковы¹⁸². Но большим разнообразием наказаний, накладываемых на осуждённых преступников, республиканская судебная система не отличалась. Смертная казнь римских граждан в рассматриваемый нами период практически вышла из употребления¹⁸³. Законодательно она не была отменена, однако в качестве наказания для осуждённых её вытеснило изгнание за пределы Италии, которое юридически оформлялось процедурой «лишения воды и огня» (*aquae et ignis interdictio*)¹⁸⁴. Народные трибуны ежегодно составляли список лиц, «лишённых воды и огня», который утверждало народное собрание (если точнее – *consilium plebis*) (*Cic. Verr. II*, 2, 100).

Подводя итоги, процитируем знаменитого отечественного антиковеда начала XX в. Ф.Ф. Зелинского, который назвал римский уголовный процесс «...тем идеалом правосудия, которого сравнительно недавно достиг уголовный процесс новейших времён»¹⁸⁵. Тем не менее, оценивая его с позиций современной теории права, мы можем отметить немало недостатков. Это, в первую очередь, строгое соблюдение принципа частного обвинения; запрет профессиональной адвокатуры; малая вариативность системы наказаний. Но нельзя забывать, что судебная система Поздней республики соответствовала тогдашнему уровню развития римского общества, его идеалам, ценностям, представлениям о

---

¹⁸¹ См.: *Bauman R.A. Crime and punishment...* P. 5.

¹⁸² См.: *Greenidge A.H.J. Infamia. Its place in Roman public and private law. Oxf.*, 1894. P. 28-29; *Idem. The legal procedure...* P. 504 ff.; *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 998-1001.*

¹⁸³ Исключение составляли осуждённые за убийство ближайших родственников (*parricidium*). Для них ещё сохранялась старинная жестокая казнь – утопление в мешке (*poena cullei*) (*Cic. Rosc. Amer.*, 30; 70).

¹⁸⁴ Т. Моммзен и Дж. Строчан-Дэвидсон полагают, что сама формула «лишение воды и огня», имеющая очень древнее происхождение, означала смертную казнь, но фактически осуждённый мог избежать смерти, отправившись в добровольное изгнание (*Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 907; Strachan-Davidson J.L. Problems of the Roman criminal law. Vol. II. P. 23.* Критику этой точки зрения см. в работе: *Levy E. Die römische Kapitalstrafe // Levy E. Gesammelte Schriften. Bd. II. Köln-Graz, 1963. S. 325 u.f.*

¹⁸⁵ *Зелинский Ф.Ф. Римский уголовный процесс. С. 755.*

справедливости. В ней нашли своё непосредственное отражение политические и гражданские реалии Рима-полиса в переломный период его истории. Поэтому то, что кажется нам сейчас недостатками, римляне зачастую считали несомненными достоинствами своей судебной системы. Как кажется, принцип абсолютной независимости уголовного суда был для них чужд. В этой связи представляется очень точным замечание С.Л. Утченко, который наиболее своеобразной чертой политической жизни и политической борьбы в Римской республике II-I вв. считает то, что он называет «невыделенностью» политики из жизни. Эту «политизированность» римского общества С.Л. Утченко рассматривает как некий пережиток полисных отношений, как реликт «соучастия» каждого гражданина в жизни общины в целом»¹⁸⁶. Особенно справедливо это для высших и средних слоёв римского общества, которые и были главными действующими лицами в уголовных судах – обвиняемыми и обвинителями, судьями и адвокатами. Состязательный уголовный процесс по образцу гражданского, введённый после учреждения *quaestiones perpetuae*, ещё более способствовал превращению суда не столько в место для восстановления справедливости, сколько в поле битвы между личными врагами и политическими противниками. Неслучайно после появления постоянных судебных комиссий число уголовных процессов резко выросло¹⁸⁷.

---

¹⁸⁶ Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С. 66.

¹⁸⁷ По римским меркам, конечно; как замечает М. Александер, всё же римская судебная система не смогла бы справиться с действительно большим количеством уголовных дел – для этого просто не хватило бы судов (*Alexander M.C. How many Roman senators were ever prosecuted?: the evidence from the late Republic // Phoenix. 1993. Vol. 47. P. 243*).

Глава 2. Эволюция уголовного законодательства в 78-49 гг. до н. э. как отражение политической борьбы в Римской республике

Период с 78 по 49 гг. в римской истории отмечен небывалым всплеском законодательной активности: для этого тридцатилетнего временного отрезка известно более 100 законов и имеющих силу закона постановлений сената¹. Данный факт не может быть объяснён простой случайностью или бóльшим, по сравнению с предыдущими эпохами, числом сохранившихся источников (хотя последнее утверждение, несомненно, справедливо)². Э. Груэн отмечает, что сам факт появления столь обширного законодательства именно в последние десятилетия Республики следует считать явным признаком кризиса, – раньше Рим просто не нуждался в таком количестве законов. В основе функционирования государственных институтов лежали главным образом «обычай предков» (*mos maiorum*) и авторитет сената (*auctoritas senatus*), а внешнее, законодательное регулирование было сведено к минимуму. Однако эта система была разрушена в период от Гракхов до Суллы; последний попытался восстановить её, но неудачно. Сенат всё более утрачивает свой авторитет, который Сулла и последовавшие за ним политики пытаются заменить законодательством. В результате создаётся намного более чётко отрегулированная, однако куда менее гибкая структура государственного управления³.

Мы склонны согласиться с мнением авторитетного американского исследователя. При этом заметим, что значительное число вновь принятых законов касались как раз сферы уголовного судопроизводства. Некоторые меры (например, серия *leges de ambitu*) имели своей целью заменить старые законодательные акты, ставшие неэффективными в изменившихся условиях. Но многие другие (в частности, *leges de vi*) отражают совершенно новые явления в

---

¹ *Williamson C.* The laws of the Roman people: public law in the expansion and decline of the Roman Republic. Ann Arbor, 2005. P. 362 tab. 8.4. Перечень принятых законов см. также: *Rotondi G. Leges publicae populi Romani.* Milano, 1912. P. 364-414.

² *Classen C.J.* Cicero, the laws and the law-courts // *Latomus.* 1978. T. 37. P. 597.

³ *Gruen E.S.* The last generation of the Roman Republic. Berkeley-L.A.-L., 1974. P. 258-259.

политической жизни, которые получают широкое распространение именно в последние десятилетия существования республиканского строя.

Нельзя не обратить внимания, что принятие практически любого уголовного закона сопровождалось ожесточённой борьбой между различными политическими группировками. С нашей точки зрения, уже самый этот факт убедительно свидетельствует, насколько важное место римляне отводили уголовному законодательству и уголовным судам в политической борьбе. Зачастую предлагаемые законопроекты были прямо направлены против конкретных лиц и их принятие (или непринятие) обуславливалось скорее сложившейся в данный момент политической ситуацией, нежели заботой об улучшении системы уголовного судопроизводства в целом. В настоящей главе нами будут рассмотрены три сферы уголовного законодательства, изменения в которых, с нашей точки зрения, в наибольшей степени связаны с перепетиями политической борьбы последних десятилетий Римской республики. К этим группам законов относятся: *leges de ambitu*, *leges de repetundis* и *leges de vi*.

2.1 Борьба с злоупотреблениями на выборах и законодательство о подкупе избирателей (*de ambitu*)

Различные нарушения, связанные с выборами должностных лиц, не были в Риме I в. новым явлением: они фиксируются ещё со времён Ранней республики⁴. В римском уголовном праве подобные злоупотребления квалифицировались как *ambitus* – незаконное домогательство должности⁵. Само определение понятия

---

⁴ Подробнее об этом см.: *Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 2. Berlin, 1869. S. 218-222; Lintott A.W. Electoral bribery in the Roman Republic // JRS. 1990. Vol. 80. P. 3-5.*

⁵ Слово «*ambitus*», вероятно, происходит от глагола «*ambire*» – «обходить, огибать, ходить вокруг» (синоним «*circumvenire*») (*Macrob. Sat. I, 14, 5; Varr. Ling. lat. V, 28; Non. Marc. 362 Lindsay; Fest. 12 Lindsay*). Дж. Лонг (*Long G. Ambitus // Smith W. A dictionary of Greek and Roman antiquities. L., 1875. P. 77*) и Л.М. Хартманн (*Hartmann L.M. Ambitus // RE. 1894. Bd. I. Sp. 1800-1801*) понимают под *ambitus* все способы соискания магистратур – как легитимные, так и нелегитимные. Из новейших авторов к ним примыкает Т. Валлинга, который, в частности, отрицает связь между словом «*ambitus*» и подкупом избирателей. По его мнению, законы *de ambitu* имели своей целью контроль над некоторыми аспектами соискания, но они отнюдь не

«ambitus» было достаточно расплывчатым. Под него попадали все правонарушения, совершаемые кандидатами во время предвыборной кампании для того, чтобы обеспечить себе поддержку избирателей. Однако несомненно, что в первые столетия существования Римской республики эти явления не имели сколько-нибудь широкого распространения; всё ограничивалось отдельными, сравнительно редкими эпизодами (см., напр.: *Liv.* IX, 26).

В первую очередь, в понятие «незаконное домогательство» нужно, разумеется, включить подкуп избирателей деньгами. В целях обеспечения необходимой секретности при таких операциях использовалась целая система промежуточных звеньев, которая включала *interpretes* (переговорщиков) – лиц, договаривавшихся о сделке (*Cic. Verr.* I, 36; II, 2, 108); *sequestres* (посредников), которые хранили у себя деньги (напр., *Ascon.* 83 Clark; *Cic. Verr.* I, 36; *Cluent.*, 25; 72; 87)⁶, и *divisores* (раздатчиков), непосредственно распределявших их среди избирателей по трибам (напр., *Cic. Verr.* I, 22-23; *Att.* I, 18, 4; *De or.* II, 257)⁷. Чтобы надёжнее обеспечить выполнение избирателями взятых ими «обязательств», иногда соискатели до выборов лишь обещали определённую сумму, а деньги раздавали уже по окончании процедуры голосования (*Cic. Q. fr.* II, 14 (15b), 4; *Planc.*, 45)⁸.

были направлены на борьбу с электоральной коррупцией (*Wallinga T. Ambitus in the Roman world // RIDA. 1994. Vol. XLI. P. 411-418*). В то же время некоторые другие исследователи рассматривают *ambitus* исключительно как незаконное домогательство должности (см., напр. *Lintott A. Electoral bribery... P. 1-2*).

⁶ Указанные места в «Верринах» и речи «За Клуенция», упоминающие о *sequestres*, позволяют сказать, что они могли использоваться также и для подкупа уголовного суда.

⁷ Первые свидетельства о существовании *divisores* относятся к началу I в. (см.: *Liebenam W. Divisor // RE. 1903. Bd. V. Sp. 1237*). При этом среди них встречались люди вполне уважаемые и достопочтенные; поговаривали, что раздатчиком был, например, Гай Октавий, отец императора Августа (*Suet. Div. Aug. 3, 1*). Само по себе это слово первоначально не несло негативного смысла. *Divisores* назывались лица, которые распределяли между членами трибы подарки и деньги, полученные от её патрона; впоследствии кандидаты, которые не являлись патронами данной трибы, стали использовать их для подкупа (*Lintott A.W. Electoral bribery... P. 8; Tatum W.J. The patrician tribune: Publius Clodius Pulcher. Chapel Hill, 1999. P. 26, 259 n. 140; см. также Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 196*).

⁸ О различных «технологиях» подкупа римских избирателей подробнее см. в работах: *Jehne M. Die Beeinflussung von Entscheidungen durch "Bestechung": zur Funktion des ambitus in der römischen Republik // Demokratie in Rom?: Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen*

Однако очень часто кандидаты пользовались более изощрёнными способами. Яркую картину тех уловок, к которым прибегали соискатели государственных должностей, рисует «Краткое наставление по соисканию» («*Commentariolum petitionis*») Квинта Цицерона⁹. Необходимо отметить, что римские традиции требовали от кандидата «радушия» (*benignitas*) и «щедрости» (*liberalitas*) по отношению к своим избирателям, которые считались вполне законными, – в отличие от «домогательства» (*ambitus*) и «подкупа» (*largitio*). Соискатель повсюду ходил в окружении толпы сопровождающих (*sectatores*), и по их количеству судили о его влиянии и популярности (*Q. Cic. Comm. pet.*, 34-37; *Cic. Mur.*, 70). В свиту кандидата входили клиенты, одной из обязанностей которых было поддерживать своего патрона на выборах, лица, чем-либо ему обязанные или, наоборот, рассчитывающие на его покровительство. Подобная практика первоначально никак не регулировалась и открывала широкие возможности для злоупотреблений. Стремясь увеличить число своих сопровождающих, кандидаты устраивали для них пышные банкеты, предоставляли им места на играх, наконец, просто платили деньги (*Cic. Mur.*, 67-70). Ещё одной хитростью, которую использовали соискатели магистратур, было использование номенклаторов (*nomenclatores*). Номенклатором назывался раб, сопровождавший кандидата и сообщавший ему имена встречаемых граждан, чтобы соискатель мог их поприветствовать¹⁰; это производило на избирателей благоприятное впечатление (*Q. Cic. Comm. pet.*, 31; *Plut. Crass.*, 3). Подобная

Republik / Hrsg. M. Jehne. *Historia: Einzelschriften*. N. 96. Stuttgart, 1995. S. 72-73; *Mouritsen H. Plebs and politics in the late Roman Republic*. Cambridge, 2004. P. 112-115.

⁹ Вопрос об авторстве «Краткого наставления...» до сих пор остаётся дискуссионным в историографии. С некоторыми аргументами «за» и «против» авторства Квинта Цицерона можно ознакомиться, в частности, в следующих работах: *Hendrickson J.L. On the authenticity of the *Commentariolum petitionis* of Quintus Cicero* // *AJPh*. 1892. Vol. 13. P. 200-212; *Nisbet R.G. The *Commentariolum petitionis*: some arguments against authenticity* // *JRS*. 1961. Vol. 51. P. 84-87; *Balsdon J.P. The *Commentariolum petitionis** // *CQ*. 1963. Vol. 13. P. 242-250; *McDermott W.C. *Commentariolum petitionis*, 2* // *Historia*. 1970. Bd. 19. S. 384-385; *Richardson J.S. The *Commentariolum petitionis** // *Historia*. 1971. Bd. 20. S. 436-442. Со своей стороны мы склоняемся к тому, чтобы признать Квинта Цицерона автором этого произведения. Но в любом случае «Краткое наставление...» является ценнейшим свидетельством реальной политической практики в Римской республике в последние десятилетия её существования.

¹⁰ Такое приветствие называлось *prensatio*.

практика была столь распространённой, что, когда Марк Катон Младший баллотировался в военные трибуны, он, повинаясь существующему закону, единственный из всех кандидатов отказался от услуг номенклатора, чем немало удивил и смутил даже своих приверженцев (*Plut. Cat. Min.* 8, 2). Упомянем также о гладиаторских играх, которые давались кандидатами для того, чтобы завоевать расположение плебса (*Ascon.* 88 Clark).

Попытки борьбы с незаконными методами соискания магистратур также стали предприниматься довольно рано. Первый закон *de ambitu* (*lex Poetelia*), по всей видимости, был принят в 358 г. (*Liv.* VII, 15, 12-13)¹¹. За ним последовал ещё целый ряд законодательных актов, сведения о которых чрезвычайно скудны¹². Около 116 г. была создана первая постоянно действующая судебная комиссия по подобным делам, *quaestio perpetua de ambitu*¹³.

По всей видимости, Луций Корнелий Сулла также включил *lex de ambitu* в корпус своего уголовного законодательства. Согласно единственному сохранившемуся свидетельству о данном законе, он воспрещал кандидату, уличённому в незаконном домогательстве, повторно добиваться государственной должности в течение десяти лет (*Schol. Bob.* 78 Stangl)¹⁴. Правда, в следующее

---

¹¹ *Husband R.W.* The law of Poetelius on corrupt practices at elections // *CJ.* 1915. Vol. 10. P. 376-377. Тит Ливий (*Liv.* IV, 25, 13) пишет также о ещё более древнем законе, будто бы принятом в 432 г. Однако истинность данного сообщения вызывает у нас сомнения.

¹² Подробнее см. *Lintott A.W.* Electoral bribery... P. 3-6.

¹³ Дата реконструируется приблизительно, на основании того факта, что к 116 г. относятся три известных из источников процесса по обвинению в подкупе избирателей (*Cic. Brut.*, 113; *De or.* II, 280; *Plut. Mar.*, 5; *Val. Max.* VI, 9, 14). С ней соглашаются большинство авторов (*Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. S. 866-867: «vor dem Jahre 114»; *Greenidge A.H.J.* The legal procedure of Cicero's time. Oxf., 2004. P. 422; *Gruen E.S.* Roman politics and the criminal courts, 149-78 B.C. Cambridge, 1968. P. 124-125). Итальянский исследователь Л. Фасчионе связывает учреждение *quaestio perpetua de ambitu* с принятием *lex Cornelia Fulvia* в 159 г., который, по его мнению, продолжал действовать вплоть до 67 г. (*Fascione L.* Crimen e quaestio ambitus nell' età repubblicana. Milano, 1984. P. 55 ff.). Главный аргумент против его гипотезы – то, что она не согласуется с неоднократно уже нами упоминавшимся свидетельством Цицерона о создании *quaestiones perpetuae* (*Cic. Brut.*, 106).

¹⁴ Правда, сам Т. Штангл, комментируя схолиаста из Боббио, пишет, что тот имеет в виду *lex Cornelia Baebia de ambitu* 181 г.; об этом законе больше почти ничего неизвестно: *Orationum Ciceronis scholiastae* / Ed. T. Stangl. Vindobonae, 1912. P. 78; с ним солидарны Дж. Ротонди (*Rotondi G.* *Leges publicae*... P. 361) и Г. Мейер (*Oratorum Romanorum fragmenta ab Appio inde Caeco et M. Porcio Catone usque ad Q. Aurelium Symmachum* / Col. H. Meyer. Turici, 1842. P. 89). Но мы, вслед за другими исследователями (напр., *Mommsen Th.* De collegiis et sodalicis

после диктатуры Суллы десятилетие не зафиксировано ни одного судебного процесса по обвинению в подкупе избирателей. Однако наши свидетельства не отличаются полнотой. В любом случае, отсутствие обвинений не означает отсутствия самого факта нарушений: источники скорее свидетельствуют об обратном¹⁵.

Не подлежит сомнению, что проблема борьбы с этим видом преступлений особенно остро встала в 60-е гг. В 70 г. был восстановлен упразднённый Суллой цензорат. Цензорами стали два консула 72 г., Луций Геллий Попликола и Гней Корнелий Лентул Клодиан. При составлении ими нового списка сенаторов из состава сената по разным поводам были исключены 64 человека (*Liv. Per.*, XCVIII). Чтобы вернуться в сенаторское сословие, этим людям необходимо было снова добиться избрания на государственную должность. Данное обстоятельство сделало борьбу на выборах в последующие годы ещё более напряжённой и, безусловно, способствовало росту злоупотреблений (*Dio XXXVI*, 38, 2)¹⁶. Неслучайно именно в этот период встаёт вопрос о принятии нового закона для борьбы с предвыборными махинациями. Инициатором его в 67 г. выступил народный трибун Гай Корнелий.

Обращаясь к анализу последующих событий, мы должны отметить, что, к сожалению, состояние источниковой базы оставляет желать лучшего. Связный рассказ можно найти только у двух авторов – Диона Кассия (*Dio XXXVI*, 38-39) и Аскония Педиана в его комментарии к двум речам Цицерона «*Pro Cornelio de maiestate*», произнесённым в 65 г. (*Ascon.* 57-81 Clark). Данные этих писателей

Romanorum. Killiae, 1843. P. 40; *Idem.* Römisches Strafrecht. S. 867; *Greenidge A.H.J.* The legal procedure... P. 423 n. 4; *Husband R.W.* *Lex Cornelia de ambitu* // CJ. 1914-1915. Vol. 10. P. 377-378; *Berger A.* *Lex Cornelia de ambitu* // RE. 1925. Bd. XII. Sp. 2344; *McDonald W.* The tribunate of Cornelius // CQ. 1929. Vol. 23. P. 204 n. 6; *Lintott A.* Electoral bribery... P. 7), относим это сообщение именно к закону Суллы.

¹⁵ Напр., *Cic. Verr.* I, 17-29 (о консульских выборах 70 г.). См.: *Gruen E.S.* The last generation... P. 212.

¹⁶ Т. Уайзмен полагает, что увеличение случаев подкупа на выборах было связано также и с включением новых лиц в списки граждан в результате ценза 70-69 гг.: *Wiseman T.P.* The census in the first century B.C. // JRS. 1969. Vol. 59. P. 65-67.

совпадают не полностью, а кое-где и противоречат друг другу. Поэтому необходимо решить вопрос о степени достоверности обоих вариантов традиции.

Главное, в чём расходятся между собой Дион Кассий и Асконий, –это последовательность событий трибуната Гая Корнелия. Согласно первому из этих авторов, Диону, они развивались следующим образом:

- 1) Корнелий предложил свой проект закона о подкупе избирателей (*de ambitu*), предусматривавший суровые наказания для виновных; данный проект был одобрен народом (по-видимому, на созванной Корнелием сходке – *contio*) (*Dio XXXVI, 38, 4*).
- 2) сенат внёс изменения в законопроект Корнелия, сделав его более умеренным, и поручил консулам Гаю Кальпурнию Пизону и Манию Ацилию Глабриону внести его в комиции¹⁷. Но к тому моменту уже была назначена дата выборов магистратов на следующий, 66 г. В соответствии с законами Элия и Фуфия ни один закон не мог быть принят вплоть до окончания выборов. Поэтому сенат принял постановление, освободившее консулов от действия данных законов; кроме того, им была предоставлена охрана (*Dio XXXVI, 38, 5 - 39, 1*).
- 3) Корнелий, недовольный тем, что сенат отверг его законопроект, созвал народную сходку (*contio*). На ней он предложил восстановить старый, уже давно не применявшийся закон, который не позволял сенаторам открывать доступ к магистратурам для лиц, домогавшихся их вопреки существующим правовым нормам, и запрещал сенату присваивать себе право народа решать любые другие вопросы (*Dio XXXVI, 39, 2*).

---

¹⁷ Вопрос об участии Мания Ацилия Глабриона в разработке данного законопроекта довольно тёмен. Цицерон во фрагменте, сохранённом Асконием, говорит только об одном консуле; очевидно, что он имеет в виду Пизона (*Cic. Pro Corn. I, fr. 46 P apud Ascon. 75 Clark*; см. также *Cic. Mur., 46*). Сам Асконий также связывает внесение этого закона исключительно с Пизоном и называет его *lex Calpurnia* (напр., *Ascon. 69 Clark*). В связи с этим Л. Хэйн полагает, что Глабрион мог симпатизировать и даже поддерживать Гая Корнелия: *Hayne L. The politics of M'. Glabrio, cos. 67 // CPh. 1974. Vol. 69. P. 282*. Мы поостережёмся делать столь смелые выводы, но несомненно, что Ацилий Глабрион, в отличие от своего коллеги Пизона, не принимал активного участия в борьбе против Корнелия.

- 4) Консул Пизон и ещё несколько сенаторов выступили против Корнелия. Тогда разъярённая толпа сломала фасции консула и угрожала растерзать его на части. Корнелий распустил собрание, не дожидаясь голосования. Он переработал свой законопроект. Согласно новому варианту, сенат выносил предварительное решение по вопросу об освобождении кого-либо от действия законов; впоследствии это постановление обязательно должно было быть утверждено народным собранием. Новый проект Корнелия был принят (*Dio XXXVI, 39, 3-4*).
- 5) Корнелий предлагает проект закона, обязывавшего преторов при отправлении судопроизводства точно следовать изданным ими при вступлении в должность неизменным эдиктам. Этот закон также был принят комициями (*Dio XXXVI, 40, 1-2*).

Асконий Педиан излагает события Корнелиева трибуната в следующем порядке:

- 1) Корнелий предлагает сенату проект закона, запрещающего предоставлять займы под проценты посольствам иностранных государств. Сенат отверг это предложение, сославшись на то, что подобные операции уже были запрещены двумя сенатусконсультами, принятыми в 94 и 70 (или 69?) гг.¹⁸ (*Ascon. 57 Clark*).
- 2) раздосадованный этим решением, Корнелий созывает народную сходку. На ней трибун заявляет: «провинции разоряются процентами из-за того только, что послы в настоящее время должны подносить дары»¹⁹. Он предлагает восстановить древний закон *de privilegiis*, устанавливавший,

---

¹⁸ По поводу точной даты последнего сенатского постановления, подтвердившего сенатусконсульт 94 г., исследователи расходятся во мнениях. М. Гриффин относит его к 70 г. (*Griffin M. The tribune C. Cornelius // JRS. 1973. Vol. 63. P. 197 n. 14; 209*), Т. Моммзен – к 69 (*Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 1154 Anm. 2*).

¹⁹ Перевод данной фразы выполнен по тексту Т. Штангла («*exhauriri provincias usuris propter id unum, ut haberent legati unde praesentia munera darent*»), базирующемся на конъектуре Т. Моммзена; ему мы отдаём предпочтение перед вариантом А. Кларка («*exhauriri provincias usuris; providendum ut haberent legati unde praesenti die darent*»). См. по этому поводу: *Griffin M. The tribune... P. 209 n. 123*.

«чтобы никто не освобождался от действия законов [иначе], кроме как народом» (*ne quis nisi per populum legibus solveretur*) (*Ascon.* 58 Clark).

3) Корнелий вносит свой законопроект в комиции. Но в день голосования другой народный трибун, Публий Сервилий Глобул, по наущению лидеров сената налагает интерцессию, запретив глашатаю читать вслух текст законопроекта. Тогда Корнелий берёт у последнего табличку и сам зачитывает её содержание. Консул Пизон бурно протестует против действий Корнелия. Недовольная толпа осыпает консула оскорблениями, ломает его фации и едва не побивает камнями. Обеспокоенный Корнелий распускает собрание (*Ascon.* 58 Clark; ср. *Cic. Vat.*, 5; *Quintil. Inst. orat.* IV, 4, 8).

4) Корнелий вносит изменения в свой законопроект, сделав его более умеренным. Новый вариант проекта позволяет сенату освобождать от действия законов, но лишь при наличии кворума в 200 человек. Запрещается также налагать интерцессию при внесении этого сенатского постановления для утверждения в комиции. Законопроект Корнелия принят без особых проблем (*Ascon.* 59 Clark).

5) Корнелий вносит законопроект о преторских неизменных эдиктах, который также принят народным собранием (*Ascon.* 59 Clark).

6) Корнелий предлагает также «многие другие законы» (*alias quoque complures leges*), на большинство из которых его коллеги по трибунату налагают интерцессию. На этом его законотворческая деятельность заканчивается (*Ascon.* 59 Clark).

Законопроект о подкупе Асконий, как мы видим, вообще не упоминает. При этом не подлежит сомнению, что он Асконию был известен, поскольку Цицерон в своей речи касается данного вопроса (*Cic. Corn. I, fr. 41 P apud Ascon.* 74-75 Clark). Остаётся предположить, что законопроект *de ambitu* включён в число «многих других законов» Корнелия, о которых комментатор предпочёл не распространяться.

Совпадения в изложении Аскония и Диона Кассия позволяют некоторым учёным предположить, что они пользовались при описании событий трибуната Гая Корнелия одним и тем же источником; по мнению К. Лихтенфельдта и Б. Мауренбрехера, этим источником была «История» Саллюстия²⁰. Однако, как отмечает Р. Сайм, не сохранилось ни одного фрагмента последней, пятой книги «Истории», который можно было бы с уверенностью отнести к событиям после принятия закона Габиния 67 г., предоставившего Гнею Помпею командование в войне с пиратами²¹. Тем не менее, гипотеза об общем источнике для этих двух авторов²², на наш взгляд, имеет право на существование, хотя она, скорее всего, недоказуема. Но, как бы то ни было, не подлежит сомнению, что Асконий черпал информацию также и у иных авторов. Составляя свой комментарий, он имел перед глазами две речи Цицерона и речь обвинителя Коминия, не говоря уже о других писателях, на которых он ссылается в разных местах этой части своего труда (среди них – Тит Ливий, Саллюстий, Фенестелла). Заметим, что в первой защитительной речи Цицерона, дошедшей во фрагментах, порядок упоминания законопроектов Гая Корнелия (мы принимаем реконструкцию К. Куманецкого²³, отдавая ей предпочтение перед вариантами, предложенными А. Кисслингом, Р. Шоллем и Дж. Пуччиони) совпадает с тем, которого придерживается Асконий.

Разные исследователи отдают предпочтение или одному, или другому источнику, что, в свою очередь, влияет на их версии реконструкции событий. У. МакДоналд²⁴, Ф. Мюнцер²⁵, К. Куманецкий²⁶ и Э. Груэн²⁷ отдают предпочтение Диону Кассию. Главный аргумент, который данные исследователи выдвигают в

---

²⁰ См.: *Lichtenfeldt C. De Q. Asconii Peditani fontibus ac fide.* Breslau, 1888. P. 48 ff.; *C. Sallustii Crispi historiarum reliquiae / Ed. B. Maurenbrecher.* Vol. I. Lipsiae, 1891. P. 81 n. 8.

²¹ *Syme R. Sallust.* Berkeley-L.A., 2002. P. 190 n. 47.

²² И источник этот, если данная гипотеза верна, – почти наверняка какое-то историческое сочинение (см. об этом: *Griffin M. The tribune...* P. 202-203).

²³ *Kumaniecki K. Les discours égarés...* P. 18 ff.

²⁴ *McDonald W. The tribunate...* P. 200-203.

²⁵ *Münzer F. Cornelius (18) // RE.* 1900. Bd. VII. Sp. 1252 u.f.

²⁶ *Kumaniecki K. Les discours égarés...* P. 3-5.

²⁷ *Gruen E.S. The last generation of the Roman Republic.* Berkeley-L.A.-L., 1974. P. 213-216.

пользу версии греческого историка, – это бóльшая связность и внутренняя логика, которые, с их точки зрения, присущи повествованию Диона.

Однако мы, вслед за М. Гриффин²⁸, склоняемся к тому, чтобы принять версию Аскония. В пользу римского писателя говорит многое: репутация тщательного и добросовестного автора, его методы работы со своими источниками, непосредственное знакомство с материалами судебного процесса над Корнелием. Если сравнивать сообщения Диона и Аскония о трибунате Корнелия, то рассказ римского комментатора более подробен и содержит больше мелких деталей. Кроме того, отметим, что сведения о деятельности трибуна Корнелия Дион приводит, рассказывая о законе против подкупа, который внесли консулы Глабрион и Пизон. Возможно, что греческий историк просто опустил имеющиеся в его источнике, но показавшиеся ему не стоящими внимания сведения о прочих законопроектах Корнелия, таких, например, как закон об иностранных посольствах. Закон против подкупа в изложении Диона выглядит чуть ли не центральным пунктом реформаторской программы Корнелия; вдвойне странно, почему Асконий о нём даже не упоминает. На наш взгляд, Дион несколько переоценил значение этого законопроекта.

Предложенный Корнелием проект закона *de ambitu* был поддержан плебсом; полностью игнорировать его сенат не мог, так как, действительно, злоупотребления на выборах всё множились. Поэтому и было принято решение перехватить инициативу у народного трибуна и противопоставить ему сенатский, очевидно, менее строгий вариант закона. Проблема заключалась в том, что к этому моменту уже была объявлена дата предстоящих выборов магистратов. Согласно римскому законодательству (*Schol. Bob. 148 Stangl*), теперь ни один закон не мог быть утверждён, пока выборы не закончатся. Тем не менее, сенаторы проголосовали, чтобы законопроект Пизона был внесён до выборов и чтобы консулам была дана вооружённая охрана (*Dio XXXVI, 39, 1*).

Выборы магистратов на следующий, 66 г., дважды откладывались – возможно, по инициативе сената, так как именно эта задержка дала Пизону

---

²⁸ См. её аргументацию: *Griffin M. The tribune...* P. 198-200.

возможность представить комициям свой проект закона (*Cic. Leg. Man, 2*; см. также *Att. I, 11, 2*). Однако, по словам Цицерона, он не встретил поддержки народа, который, «когда [ему] было указано народными трибунами, что, если не будет добавлено наказание для раздатчиков, никак нельзя пресечь подкуп избирателей, он настоятельно требовал [принятия] этого закона Корнелия; тот же [закон], который был внесён согласно сенатусконсульту, он отверг» («[populus Romanus] cum a tribunis plebis doceretur, nisi poena accessisset in divisores, exstingui ambitum nullo modo posse, legem hanc Corneli flagitabat, illam quae ex S.C. ferebatur repudiabat») (*Cic. Corn. I, fr. 41 P apud Ascon. 74-75 Clark*). Таким образом, законопроект Корнелия, в отличие от проекта Пизона, предусматривал кару не только для проштрафившихся кандидатов, но и для их пособников-*divisores*.

Наши источники не содержат связного рассказа о том, что же произошло дальше. Тем не менее, Э. Груэн, основываясь на отрывочных сообщениях Аскония, выстраивает свою реконструкцию событий, которая представляется нам достаточно правдоподобной²⁹. С его точки зрения, консул Пизон не был твердолобым консерватором. Очевидно, он несколько модифицировал свой законопроект, сделав его более отвечающим общественным ожиданиям. Весьма вероятно, что Пизон включил-таки в него некие меры, направленные против раздатчиков, чем вызвал озлобление последних; это обстоятельство позволяет объяснить, почему, когда консул появился на форуме, он был атакован многочисленными *divisores* и силой изгнан оттуда (*Ascon. 75 Clark*). После этого Пизон обратился к гражданам с призывом поддержать свой закон (*Cic. Corn. I, fr. 46 P apud Ascon. 75 Clark*). После этого консул, «сопровождаемый бóльшим отрядом, спустился на форум для внесения закона» («*maiore manu stipatus ad legem perferendam descenderat*») (*Ascon. 76 Clark*). На последующих комициях *lex Calpurnia* был принят.

Если, судя по сообщениям источников, первоначальный вариант этого закона и был более умеренным, чем законопроект Корнелия, то в окончательной

---

²⁹ Gruen E.S. The last generation... P. 214-215.

редакции он также отличался большой строгостью наказаний³⁰. Согласно закону Кальпурния, осуждённым запрещалось когда-либо в будущем выдвигать свою кандидатуру на государственные должности; кроме того, они исключались из состава сената и присуждались к денежному штрафу (*Ascon.* 69 Clark; *Dio XXXVI*, 38, 1; *Schol. Bob.* 78 Stangl). Однако все эти кары относятся только к нарушителям-кандидатам. О том, какие наказания предусматривались для других участников предвыборных махинаций, в частности, для раздатчиков-*divisores*, источники умалчивают, но у нас нет сомнений, что такие санкции были предусмотрены³¹.

Одним из важнейших представляется вопрос о характере борьбы между Гаем Корнелием и Гаем Кальпурнием Пизоном. На первый взгляд, эти события идеально ложатся в русло идущей ещё от В. Друмманна и Т. Моммзена концепции противостояния двух римских «партий» – оптиматов и популяров³². Демократический трибун Корнелий предлагает закон, направленный против сената; ему противостоит консервативный нобиль, консул Гай Кальпурний Пизон³³. Однако большинство исследователей обоснованно критикуют эту точку

---

³⁰ Э. Груэн (*Gruen E.S. The last generation...* P. 214-215) и У. МакДональд (*McDonald W. The tribunate...* P. 204-205) полагают, что между законопроектом Корнелия и принятым законом Кальпурния не было принципиальной разницы. Цицерон в позднейшей речи «Pro Murena» подчёркивает суровость данного закона, замечая: «erat enim severissime scripta Calpurnia» (*Cic. Mur.*, 46).

³¹ См. *Mouritsen H. Plebs and politics...* P. 110. Т. Моммзен вообще отрицает, что Кальпурниев закон затрагивал *divisores* (*Mommsen Th. Römisches Strafrecht.* S. 870); однако, если мы примем эту версию, как тогда объяснить зафиксированную Асконием враждебность раздатчиков по отношению к консулу Пизону? А. Цумпт, напротив, признаёт наличие наказаний для *divisores* в законе Кальпурния, но отрицает тот факт, что они присутствовали в законопроекте Корнелия (*Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik.* Bd. II. Abth. 2. S. 225-226). На наш взгляд, эта интерпретация также неверна, поскольку она противоречит данным, сообщаемым Цицероном (*Cic. Corn. I, fr. 41 P apud Ascon.* 74-75 Clark).

³² Удачную сжатую характеристику этой теории см., напр., в работе: *Лапырёнок P.B. Consensus bonorum omnium. Общественные противоречия в позднереспубликанском Риме в зеркале политической терминологии.* Иркутск, 2007. С. 8-10.

³³ Именно под таким углом рассматривают события трибуната Корнелия, например, У. МакДоналд (*McDonald W. The tribunate...* P. 196 ff.) и Х. Майер (*Meier Ch. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik.* Wiesbaden, 1966. S. 141). Из новейших исследований см. работы отечественного антиковеда А.Б. Егорова, который характеризует Гая Корнелия как одного из немногих «независимых» популяров (*Егоров А.Б. Римские популяры – терминология, структура движения и идеология // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира.* Вып. 8 / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2009. С. 223,

зрения³⁴. Намного более продуктивным представляется рассматривать деятельность Корнелия в тесной связи с политикой Гнея Помпея в этот период³⁵. Гай Корнелий в своё время был квестором последнего (*Ascon.* 57; 61 Clark). Гай Кальпурний Пизон относился к числу непримиримых соперников Помпея и был тесно связан с видными сенаторами Луцием Лицинием Лукуллом, Квинтом Гортензием и Марком Кальпурнием Бибулом. В своё консульство, помимо оппозиции Корнелию, он также сопротивляется принятию закона народного трибуна Авла Габиния о предоставлении Помпею империя для борьбы с пиратами³⁶. Вообще, в тот период Помпей часто пользовался услугами народных трибунов в своих интересах; вспомним, что именно он в 70 г. стал одним из авторов закона о восстановлении трибунской власти, урезанной Суллой, в полном объёме (*Cic. De leg.* III, 9; III, 22; *Verr.* I, 15, 44; *Liv. Per.*, XCVII; *Plut. Pomp.*, 22; *Vell.* II, 30, 4). Отмечается, что законопроекты, предложенные Корнелием, в целом отвечают «генеральной линии» политики Помпея, проводившейся им в данный период³⁷.

Принятие *lex Calpurnia*, безусловно, стало шагом вперёд в развитии римского уголовного законодательства. Для кандидатов, уличённых в подкупе, предусматривались намного более суровые наказания, чем ранее. Впервые действие закона распространялось не только на самих преступников, но и на их соучастников. Действенность закона подтвердилась очень быстро: уже в 66 г. вновь избранные консулы Публий Корнелий Сулла и Публий Автроний Пет, были уличены в подкупе и осуждены (*Ascon.* 75; 88 Clark).

229; *Он же*. Подъём и упадок демократического движения в Риме в эпоху гражданских войн // Проблемы античной демократии / Под ред. Э.Д. Фролова. ПРОВАНМАТА. Вопросы античной теории и культуры. Вып. 1. СПб., 2010. С. 388).

³⁴ См., напр., *Griffin M.* The tribune... P. 196, 203 ff.; *Gruen E.S.* The last generation... P. 213-214.

³⁵ Одна из первых таких попыток была предпринята Л.Р. Тэйлор: *Taylor L.R.* Caesar's early career // *CPh.* 1941. Vol. 36. P. 128-130.

³⁶ О взаимоотношениях Пизона и Помпея подробнее см. *Gruen E.S.* Pompey and the Pisones // *CSCA.* 1968. Vol. 1. P. 156-159.

³⁷ См. *Griffin M.* The tribune... P. 203 ff. Относительно законопроекта *de ambitu* Р. Сигер, в частности, замечает, что выступление Корнелия против подкупа избирателей имело целью отобрать контроль за выборами у лидеров сената, «*principes civitatis*», которые противодействовали Помпею (*Seager R.* The tribunate of Cornelius: some ramifications // *Hommages à Marcel Renard* / Ed. par J. Bibauw. Vol. II. Bruxelles, 1969. P. 680 ff.).

Помимо общего *lex de ambitu* существовали и некоторые другие законы, призванные бороться с отдельными предвыборными злоупотреблениями. В частности, из одного краткого упоминания Цицерона мы узнаём о *lex Fabia*, «*quae est de numero sectatorum*» (*Cic. Mur.*, 71); очевидно, этот закон ограничивал максимальное количество людей, которым разрешалось сопровождать кандидата. В том же месте Цицерон говорит о некоем сенатусконсульте, принятом в консульство Луция Цезаря и, видимо, также касавшемся данного вопроса (т.е. в 64 г.) (*Ibid.*). Выше мы уже упоминали о законе, запрещававшем кандидатам пользоваться услугами номенклаторов; существует предположение, что он также мог быть частью *lex Fabia*³⁸. Никаких других сведений о *lex Fabia* мы не имеем, что оставляет исследователям широкое поле для догадок и интерпретаций³⁹. Точная датировка закона также невозможна⁴⁰. Из слов Цицерона следует лишь, что он был принят до 64 г. По докладу самого Цицерона (очевидно, во время его консульства в 63 г.) также был принят сенатконсулт, постановивший, что «если люди, за плату, выйдут навстречу кандидатам, если они, будучи наняты, станут их сопровождать, если во время боев гладиаторов места для народа, а также и угощение будут предоставлены трибам, то это будет признано нарушением Кальпурниева закона» («*si mercede obviam candidatis issent, si conducti sectarentur, si gladiatoribus volgo locus tributim et item prandia si volgo essent data, contra legem Calpurniam factum videri*») (*Cic. Mur.*, 67 – пер. В.О. Горенштейна)⁴¹.

---

³⁸ *Bernert E. Nomenclator* // RE. 1936. Bd. XVII. Sp. 818; *Gruen E.S. The last generation...* P. 216.

³⁹ Т. Кинси высказывает оригинальную гипотезу, что Фабиев закон вообще никак не был связан с подкупом, а являлся законом *contra vim publicam*, поскольку большая свита могла использоваться кандидатами для организации уличных беспорядков и нападений на своих противников (*Kinsey T.E. Cicero, Pro Murena 71* // *RPh.* 1965. T. 43. P. 59).

⁴⁰ Разброс мнений по данному поводу широчайший. Л. Ланге приписывает его авторство народному трибуну 66 г. Марку Фабию Адриану (*Lange L. Römische Alterthümer. Bd. II. Berlin, 1862. S. 566. Bd. III. Berlin, 1876. S. 224*). К. Классен датирует *lex Fabia* приблизительно 67 г. (*Classen C.J. Cicero, the laws...* P. 598 n. 5), Т. Броутон – 64 г. (*Broughton T.R.S. The magistrates...* Vol. II. P. 162, 164).

⁴¹ Т. Моммзен (*Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 870 Anm. 4; S. 871 Anm. 2*) и Э. Груэн (*Gruen E.S. The last generation...* P. 223 n. 56) предполагают, что положения данного сенатусконсульта позднее были включены в *lex Tullia de ambitu*, о котором речь пойдёт чуть ниже. Мы, впрочем, склоняемся к точке зрения Т. Кинси, который такую возможность отрицает (*Kinsey T.E. A senatus consultum in the Pro Murena* // *Mnemosyne.* 1966. Vol. 19. P. 272-273).

Представляется, что подобные законы и постановления не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на реальную политическую жизнь. Те практики, которые преследовались ими, были глубоко укоренены в римской традиции, и никакие меры «сверху» не могли с этим совладать. К тому же данные законы не покушались на самый принцип, который Цицерон именуется «древним обычаем оказывать услуги» («*vetere instituto officiorum*») (*Cic. Mur.*, 71). Они старались лишь ввести эту традицию в определённые границы. Однако доказать то, что действия кандидата вышли за эти рамки, было чрезвычайно трудно, как о том свидетельствует, например, следующий пассаж Цицерона: «Разве сенат считает выход навстречу преступлением? – “Нет, но выход за плату”. – Приведи улики. А если сопровождает большая толпа? – “Нет, только если она нанята”. – Докажи. Разве предоставлять места во время зрелищ и приглашать для угощения – преступление? – “Отнюдь нет, но не такое множество людей”. – Что это значит – множество людей?» («*Senatus num obviam prodire crimen putat? – Non, sed mercede. – Convince. Num sectari multos? – Non, sed conductos. – Doce. Num locum ad spectandum dare aut <ad> prandium invitare? – Minime, sed volgo, passim. – Quid est volgo?*») (*Cic. Mur.*, 73 – пер. В.О. Горенштейна). Более того, кандидаты, которые пренебрегали сложившимися традициями, серьёзно рисковали провалиться на выборах. В результате даже такой догматик и моралист, как Катон Младший, вынужден был, в конце концов, пойти на некоторые уступки. Баллотировавшись в военные трибуны, Катон не пользовался услугами номенклатора (*Plut. Cat. Min.* 8, 2), но при соискании должности народного трибуна на 62 г. номенклатор у него был (*Cic. Mur.*, 77).

По мнению некоторых авторов, опирающихся на сохранившийся фрагмент первой речи Цицерона «За Корнелия» (*Cic. Corn. I, fr. 25 P apud Ascon.* 69 Clark), уже в 65 г. был издан сенатусконсулт, внёсший какие-то изменения в *lex Calpurnia*. А. Цумпт предполагает, что следствием издания этого сенатского постановления стало принятие *lex Fabia*⁴². Гипотеза немецкого учёного представляется весьма спорной. Так, Э. Груэн резонно замечает, что в таком

---

⁴² *Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 2. S. 249-250.*

случае Цицерон скорее сослался бы на сам закон, а не на постановление сената⁴³. Однако американский исследователь также не сомневается в существовании этого сенатусконсульта, который якобы ужесточил некоторые положения закона Кальпурния. На наш взгляд, данный сенатусконсульт 65 г. является мифом, который возникает из-за неправильного прочтения и понимания текста Цицерона; последний, действительно, сильно повреждён, и восстановление его вызывает долгие споры у издателей и учёных. Все сохранившиеся рукописи Аскония дают следующий вариант текста: «Tertium est de legum **abrogationibus**: quo de genere persaepe S.C. fiunt, ut nuper de ipsa lege Calpurnia **que (или quae) derogaretur**». Дискуссия идёт вокруг слов, выделенных нами жирным шрифтом. Издатель Альдо Мануций, а вслед за ним А. Кларк⁴⁴ и Ч. Жиарратано⁴⁵ исправляют «abrogationibus» на «derogationibus». Их точку зрения разделяет также Б. Маршалл⁴⁶. Конец фразы у А. Кларка выглядит как «cui derogaretur», у Ч. Жиарратано – «quo derogaretur». Если мы принимаем это чтение, то получается, что Цицерон говорит о частичной отмене закона Кальпурния (derogatio). Т. Штангл⁴⁷ и Дж. Пуччиони⁴⁸ считают более правильными варианты «obrogationibus» и «quo derogaretur». Однако мы скорее склонны принять чтение, предложенное С. Карсоном, который привёл весомые аргументы в его пользу⁴⁹. Вариант С. Карсона выглядит следующим образом: «Tertium est de legum obrogationibus: quo de genere persaepe S.C. fiunt, ut nuper de ipsa lege Calpurnia cui obrogaretur» («Третий [случай] касается внесения изменений в законы. И о делах такого рода очень часто принимались сенатусконсульты, как недавно относительно закона Кальпурния, который внёс изменения [в существовавший закон]»). Соответственно, получается, что Цицерон имеет в виду сенатусконсульт,

---

⁴³ Gruen E.S. The last generation... P. 217 n. 31.

⁴⁴ Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A.C. Clark. Oxonii, 1907. P. 69.

⁴⁵ Q. Asconii Pediani commentarii / Rec. C. Giarratano. Romae, 1920. P. 74.

⁴⁶ Marshall B.A. A historical commentary... P. 245-246.

⁴⁷ Orationum Ciceronis scholiastae / Ed. T. Stangl. Vindobonae, 1912. P. 55.

⁴⁸ M. Tulli Ciceronis orationum deperditarum fragmenta / Ed. G. Puccioni. Mediolani, 1963. P. 48-49.

⁴⁹ Carson S. Asconius in Cornelianam 68.7-69.13 (Clark) and Roman legislative procedure: a textual note // AJPh. 1988. Vol. 109. P. 537-542.

предшествовавший принятию закона Кальпурния и, соответственно, изданный не в 65, а в 67 г.

Новый виток борьбы с грязными предвыборными технологиями приходится на следующий, 64 г. В этом году в борьбу за консулат включились шесть кандидатов, в том числе Марк Туллий Цицерон. При этом главными его соперниками на выборах являлись две личности весьма одиозные, Гай Антоний Гибрида и Луций Сергий Катилина (*Q. Cic. Comm. pet.*, 7-10; *Ascon.* 82-83 Clark). Репутация их была весьма сомнительна. Оба они ранее привлекались к суду; Катилина участвовал в сулланских проскрипциях, а Гай Антоний в 70 г. из-за своего образа жизни даже был исключён цензорами из сената (*Ascon.* 84 Clark). Принимая во внимание их моральный облик, естественно, многие подозревали, что и в борьбе за консульство они используют все доступные им средства, – как законные, так и незаконные.

В сложившейся ситуации Гай Антоний, по-видимому, счёл для себя выгодным пойти на заключение соглашения (*coitio*) с одним из своих конкурентов, Катилиной, против другого опасного соперника – Цицерона (*Ascon.* 83 Clark). Асконий сообщает также, что за сговором Антония и Катилины якобы стояли Красс и Цезарь (*Ascon.* 82 Clark). Это его утверждение, по мнению Р. Льюиса, базируется на не дошедшем до нас труде самого Цицерона «*Expositio consiliorum suorum*» («Изложение своих замыслов») – политических мемуарах, которые оратор начал писать в 50-е гг., но запретил публиковать до своей смерти; при этом истинность данного сообщения Р. Льюис ставит под сомнение⁵⁰.

Чтобы проследить дальнейшее развитие событий, снова обратимся к Асконию. Тот поясняет, что «когда день ото дня увеличивались произвол и подкуп избирателей вследствие исключительной дерзости Катилины и Антония,

---

⁵⁰ Asconius Pedianus. Commentaries on speeches of Cicero / Trans. and comm. by R.G. Lewis. Oxf., 2006. P. 291. См. по этому поводу также *Brunt P.A.* Three passages from Asconius // *CR.* 1957. Vol. 7. P. 193-195. Э. Клебс, напротив, доверяет Асконию, хотя и с некоторыми оговорками (*Klebs E.* Antonius (19) // *RE.* 1894. Bd. I. Sp. 2578). Б.А. Маршалл также склонен верить этому сообщению (*Marshall B.A.* A historical commentary... P. 285). О вышеупомянутом сочинении Цицерона подробнее см., напр., в статье: *Бугаева Н.В.* *Expositio consiliorum suorum*: таинственный труд Цицерона // *ANTIQUITAS IVVENTAE.* Сб-к науч. тр. студентов и аспирантов. Саратов, 2010. С. 81-91.

сенат постановил, чтобы был предложен закон против подкупа с более строгим наказанием⁵¹; но народный трибун Квинт Муций Орестин наложил интерцессию на это решение» («cum in dies licentia ambitus augetur propter praecipuam Catilinae et Antoni audaciam, censuerat senatus ut lex ambitus aucta etiam cum poena ferretur; eique rei Q. Mucius Orestinus tr. pl. intercesserat») (*Ascon.* 83 Clark). Сложно сказать, действительно ли Антоний и Катилина столь широко прибегали к подкупу, или же Асконий повторяет здесь небылицы, сочинённые Цицероном⁵². Главное, что у всех имелись серьёзные подозрения; это и привело к принятию сенатусконсульта, направленного напрямую против них. Мотивация народного трибуна Орестина, который заблокировал это решение, не совсем ясна⁵³. Как кажется, среди сенаторов не было единства. Даже Цицерон, который, казалось бы, больше всех был заинтересован в пресечении незаконных избирательных практик, не требовал принятия нового закона *de ambitu*⁵⁴. В итоге в 64 г. эта история продолжения не получила. Выборы консулов прошли без какого-либо скандала, победу на них одержали Гай Антоний и Цицерон.

Вместе с тем последовательное ужесточение законодательства по борьбе с подкупом избирателей далеко не у всех членов римской элиты вызывало безоговорочное одобрение: некоторым принимаемые меры казались уж слишком суровыми. Особые усилия, естественно, прилагали родственники осуждённых.

---

⁵¹ Э. Груэн полагает, что это постановление сената может быть тождественно сенатусконсульту 64 г., который ограничивал число сопровождающих кандидата людей (*Cic. Mur.*, 71) (о нём мы говорили чуть выше): *Gruen E.S. The last generation...* P. 218 n. 35.

⁵² Здесь уместно задать вопрос: а откуда Антоний и Катилина взяли бы деньги для такого масштабного подкупа? И тот, и другой на момент соискания, очевидно, испытывали финансовые затруднения и были опутаны долгами (*Ascon.* 84 Clark; *Q. Cic. Comm. pet.*, 8; 10).

⁵³ Многие авторы высказывают предположение, что Муций Орестин мог быть родственником жены Катилины Аврелии Орестиллы (*Sall. Cat.* 15, 2) и действовал, таким образом, из чисто личных побуждений (*Münzer F. Mucius* (12) // *RE.* 1933. Bd. XVI. Sp. 423-424; *Gruen E.S. The last generation...* P. 218 n. 36; *Marshall B.A. A historical commentary...* P. 286). Э.Т. Салмон, однако, считает, что Орестин наложил интерцессию, подстрекаемый Крассом и Цезарем, которые стояли за спинами Катилины и Антония (*Salmon E.T. Catiline, Crassus, and Caesar* // *AJPh.* 1935. Vol. 56. P. 308). Цицерон (*Cic. Tog. cand. fr.* 13 P apud *Ascon.* 88 Clark) говорит, будто трибун был подкуплен, но это, очевидно, ораторский выпад и не более.

⁵⁴ «Но я доволен тем законом, по которому мы видим осуждёнными двух избранных консулов одновременно» («sed ego ea lege [i.e. lege Calpurnia. – *B.X.*] contentus sum qua duos consules designatos uno tempore damnari vidimus») (*Cic. Tog. cand. fr.* 13 P apud *Ascon.* 88 Clark).

Так, избранный в 63 г. народным трибуном Луций Цецилий Руф, сводный брат несостоявшегося консула 66 г. Публия Корнелия Суллы, внёс предложение о смягчении наказания, установленного законом Кальпурния, – в частности, он хотел разрешить осуждённым избираться магистратами и заседать в сенате (*Cic. Sull.*, 62-66). Понятно, что главной целью Руфа было возвращение в сенат своего брата Суллы и осуждённого вместе с последним Публия Автрония Пета (*Dio XXXVII*, 25, 3). Однако, очевидно, эта попытка не вызвала у сенаторов особого энтузиазма; законопроект Руфа так и не дошёл до комиций, так как сам автор забрал его обратно (*Cic. Sull.*, 62).

Итак, победу одержали сторонники жёстких мер. Кое-кто из них был неудовлетворён даже законом Кальпурния, поэтому с началом консульской предвыборной кампании на новый, 62 г., развернулась агитация за ещё более строгий закон о подкупе. Особую активность в этом вопросе проявил один из кандидатов в консулы, знаменитый знаток гражданского права Сервий Сульпиций Руф.

Конкурентами Сульпиция при соискании выступили Луций Лициний Мурена, Децим Юний Силан и Луций Сергей Катилина. Сульпиций, очевидно, осознавая, что его шансы на победу не столь велики, сделал ставку на дискредитацию своих соперников. Он всеми способами демонстрирует, что не сомневается в их намерении прибегнуть к подкупу (*Cic. Mur.*, 43), готовится к обвинению и ищет свидетелей (*Cic. Mur.*, 45). Помимо этого, Сульпиций вносит в сенат предложение о принятии нового закона *de ambitu*.

О содержании проекта Сульпиция нам сообщает Цицерон в речи «За Мурену» (*Cic. Mur.*, 47). Предложенные им меры предусматривали ужесточение наказания для плебса⁵⁵ и присуждение уличённых в подкупе кандидатов к изгнанию. Кроме того, Сульпиций также считал необходимым внести изменения в судебную процедуру в *quaestio de ambitu*. В частности, он потребовал усилить ответственность для лиц, которые не являлись на суд, оправдываясь болезнью

---

⁵⁵ Под плебсом, видимо, стоит всё-таки понимать не получателей взяток, а раздатчиков-*divisores*. См.: *Gruen E.S. The last generation...* P. 220.

(«*morbi excusationi*»)⁵⁶, и предоставить право назначения судей на процесс обвинителю. При обсуждении законопроекта в сенате возникли разногласия; многие были недовольны. Тем не менее, все вышеперечисленные меры, кроме порядка назначения судей, были одобрены. Сульпиций также предложил ввести какие-то нововведения в процедуру подачи голосов в комициях, которые были отвергнуты, но это место в речи Цицерона испорчено, поэтому оно остаётся тёмным и не до конца понятным; толкование его в данный момент не входит в нашу задачу.

Сам Сульпиций, не занимая никакой магистратуры, не мог внести законопроект в народное собрание. Эту миссию возложили на консула Цицерона. Последний сам, по-видимому, вовсе не был убеждён в необходимости нового закона (*Cic. Mur.*, 46-47), но оказался неспособен (или не пожелал) противостоять оказанному давлению⁵⁷.

В конце концов, именно Цицерон дал своё имя новому закону (*lex Tullia de ambitu*), в который вошли одобренные сенатом меры, которые предложил Сульпиций (*Cic. Planc.*, 83; *Schol. Bob.* 79 Stangl)⁵⁸. Срок изгнания для осуждённых был установлен в десять лет (*Dio XXXVII*, 29, 1). Кроме того, закон Туллия запретил устраивать гладиаторские бои на протяжении двух лет, в течение которых человек добивался или собирался добиваться государственной должности (*Cic. Sest.*, 133; *Vat.*, 37)⁵⁹. Некоторые авторы высказывают также предположение, что закон Туллия содержал требование к кандидатам лично

---

⁵⁶ Кто здесь имеется в виду, не совсем ясно. А. Цумпт (*Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 2. S. 259-260*), А. Бергер (*Berger A. Lex Tullia // RE. 1925. Bd. XII. Sp. 2416*) и Э. Груэн (*Gruen E.S. The last generation... P. 220*) полагают, что речь идёт о судьях и свидетелях, некоторые другие авторы – что об обвиняемых (*Марк Туллий Цицерон. Речи. В 2-х тт. / Пер. В.О. Горенштейна. Т. 1. М., 1962. С. 440 прим. 69*).

⁵⁷ Как выражается сам оратор, обращаясь к Сульпицию Руфу, он «уступил авторитету сената и твоему желанию» («*auctoritati senatus, voluntati tuae paruit*») (*Cic. Mur.*, 47).

⁵⁸ Правда, схолиаст из Боббио отмечает, что законопроект был внесён обоими консулами – и Цицероном, и Антонием (*Schol. Bob.* 79; 140; 151; 166 Stangl). Однако во всех источниках он именуется исключительно *lex Tullia*.

⁵⁹ Впрочем, существовал довольно простой способ обойти данный запрет – устроить гладиаторские игры *ex testamento* (по завещанию), в память об умершем родственнике или друге (*Ascon.* 88 Clark).

заявлять о своём намерении домогаться магистратуры и запрещал заочное соискание⁶⁰, что возможно, но недоказуемо.

Мы далеки от восторгов Э. Груэна, который считает, что закон Туллия оказался исключительно удачным законом, который, «ужесточив наказания для подлинных преступников – как кандидатов, так и их агентов, – прикрыл лазейки более раннего законодательства»⁶¹. Лазеек осталось сколько угодно, и их нам демонстрирует ни кто иной, как сам Цицерон, блестяще защитив в ноябре 63 г. избранного консула Мурену, обвинённого в подкупе. Поэтому нам кажется, что, исходя из имеющихся данных, нет достаточных оснований говорить о том, что закон Туллия был намного более эффективен, чем закон Кальпурния.

Об этом, на наш взгляд, косвенно свидетельствует тот факт, что законотворческая деятельность в сфере борьбы против подкупа в последующие годы не прекратилась. Отнюдь: уже в 61 г. по инициативе Марка Порция Катона Младшего и Луция Домиция Агенобарба (консул 54 г.) были приняты два новых сенатусконсульта: один из них позволял проводить обыски в домах магистратов; другой провозглашал, что тот, в чьём доме живут раздатчики, совершает противогосударственное деяние (*Cic. Att. I, 16, 12*). Более того, народный трибун 61 г. Марк Ауфидий Луркон даже внёс свой проект закона *de ambitu*. О содержании данного предложения мы знаем только из переписки Цицерона, который сообщает Аттику: «Новое в законе то, что если кто-нибудь посулит деньги членам трибы и не даст их, то он не подлежит наказанию; если же даст, то в течение всей своей жизни должен каждому из членов трибы по 3 000 сестерциев» («*Novi est in lege hoc, ut, qui nummos in tribu pronuntiarit, si non dederit, impune sit, sin dederit, ut, quoad vivat, singulis tribubus HS [3000] debeat*») (*Cic. Att. I, 16, 13* – пер. В.О. Горенштейна). Исходя из этого, можно предположить, что в остальных пунктах этот закон не отличался от *lex Tullia*. Целью его, как кажется, было сыграть на жадности подкупленных избирателей и тем самым увеличить

---

⁶⁰ *Rotondi G. Leges publicae...* P. 379. Против этого высказывается Э. Груэн (*Gruen E.S. The last generation...* P. 223 n. 58).

⁶¹ *Gruen E.S. The last generation...* P. 223.

количество доносов на нечистоплотных кандидатов⁶². Однако проект Луркона не прошёл в комициях либо даже не ставился на голосование (*Cic. Att. I, 18, 3*).

С проблемой подкупа избирателей было тесно связано существование т.н. *sodalitates* («товариществ») – особых объединений в составе триб. Возникновение их, как кажется, следует отнести к первой половине I в., а скорее даже уже к постсулланской эпохе⁶³. Деятельность *sodalitates*, очевидно, едва ли не с момента их возникновения была связана с выборами и избирательными кампаниями. При этом Квинт Цицерон пишет о них как о вполне легальных объединениях, оказывавших поддержку различным кандидатам (*Q. Cic. Comm. pet., 19*). Но у деятельности этих товариществ была и другая, теневая сторона. Нечистоплотные кандидаты, как видно, довольно скоро оценили все преимущества этой организации. Люди, состоящие в *sodalitates*, стали широко использоваться для того, чтобы договариваться с членами своих триб и распределять деньги между ними в обмен на поддержку на выборах (*Cic. Planc., 37; Schol. Bob. 152 Stangl*). Вероятно, действующее законодательство *de ambitu* не затрагивало данной сферы, так как в феврале 56 г. сенат принял специальное постановление о роспуске *sodalitates*; для тех, кто не подчинится ему, было предусмотрено такое же наказание, как для осуждённых *de vi* (*Cic. Q. fr. II, 3, 5*). Инициатором принятия данного сенатусконсульта, по мнению Э. Груэна, выступил знаменитый оратор Квинт Гортензий Гортал⁶⁴.

Уже в следующем, 55 г. консул Марк Лициний Красс выдвинул проект закона, который включил в себя положения сенатусконсульта февраля 56 г. и получил название *lex Licinia de sodaliciis*: «В консульство Аппия Клавдия он [Цицерон. – В.Х.] также произнёс речь в защиту этого Гнея Планция, обвинённого в участии в незаконных товариществах на основании закона Лициния, который Марк Лициний Красс, коллега Гнея Помпея Великого, провёл в свой консулат. [Этот закон постановил], чтобы строжайшим образом велось следствие о тех

---

⁶² Gruen E.S. The last generation... P. 224.

⁶³ Квинт Цицерон, говоря о деятельности лидеров *sodalitates*, пишет, что это происходило «в течение последних лет» («per hos annos») (*Q. Cic. Comm. pet., 18*).

⁶⁴ Gruen E.S. The last generation... P. 229-230 (с ссылкой на фрагмент *Cic. Planc., 37*).

кандидатах, которые сближались с членами этих товариществ, – главным образом по причине, что через них они распределяли деньги среди членов триб и таким образом получали средство купить их голоса» («{Ar}pio Claudio cos. etiam pro hoc Cn. Plancio dixit, qui reus de sodaliciis petitus est lege Licinia, quam M. Licinius Crassus, Cn. Pompeii Magni collega, in consulatu suo pertulit, ut severissime quareretur in eos candidatos qui sibi conciliassent [sodales] ea potissimum de causa, ut per illos pecuniam tribulibus dispertirent ac sibi mutuo eadem suffragationis emptae praesidia communicarent») (*Schol. Bob.* 152 Stangl). Таким образом, закон был направлен не против членов *sodalitates*, а против кандидатов, которые прибегали к их услугам.

В историографии существуют три основные точки зрения по поводу направленности и цели принятия данного закона. Согласно наиболее ранней из них, восходящей к Т. Моммзену⁶⁵, Лициниев закон *de sodaliciis* был предназначен для борьбы с подкупом на выборах магистратов. Позднее было высказано мнение, что данный закон стал попыткой подавить деятельность политических объединений клодианцев и должен быть отнесён, таким образом, скорее к законам *de vi*, чем *de ambitu*⁶⁶. Е. Линдерски попытался объединить эти две точки зрения, указав, что Лициниев закон имел двойную направленность⁶⁷.

Мы склоняемся к тому, чтобы присоединиться к мнению Т. Моммзена. На наш взгляд, в первую очередь закон Лициния был именно мерой, предназначенной для борьбы с электоральными злоупотреблениями, о чём свидетельствует, например, Цицерон, который прямо называет его законом «*de ambitu et de criminibus istis sodalium ac sequestrium*» (*Cic. Cael.*, 16; ср. *Cic. Planc.*, 36). Как было показано ранее, источники ясно и недвусмысленно подчёркивают

---

⁶⁵ *Mommsen Th.* De collegiis et sodaliciis Romanorum. Killiae, 1843. P. 41-42, 47. См. также: *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. S. 867, 872. Из современных исследователей данной точки зрения придерживается Х. Моуритсен (*Mouritsen H.* Plebs and politics... P. 149-150).

⁶⁶ *Kornemann E.* Collegium // RE. 1900. Bd. IV. Sp. 390-391.

⁶⁷ *Linderski J.* Ciceros Rede *Pro Caelio* und die Ambitus- und Vereinsgesetzgebung der ausgehenden Republik // *Hermes.* 1961. Bd. 89. S. 106-119. К его мнению примкнули С. Трежжиари (*Treggiari S.* Roman freedmen during the late Republic. Oxf., 1969. P. 176-177), Д. Шэклтон Бэйли (*Cicero.* Epistulae ad Quintum fratrem et M. Brutum / Trans. and comm. by D.R. Shackleton Bailey. Cambridge, 1981. P. 178) и Э. Линтотт (*Lintott A.W.* Electoral bribery... P. 9; *Idem.* Violence in the Roman Republic. Oxf., 2004. P. 219).

тесную связь между *sodalitates* и подкупом избирателей. Тезис же о связи между принятием *lex Licinia* и деятельностью политических объединений клодианцев, как замечает Х. Моуритсен, является весьма уязвимым. Эти «клубы» в источниках никогда не обозначаются как «*sodalitates*», но всегда как «*collegia*» (напр., *Cic. Sest.*, 55)⁶⁸.

Лициниев закон учреждал новую судебную комиссию, *quaestio perpetua de sodaliciis*, председательство в которой было, по-видимому, поручено претору, председательствовавшему в комиссии *de maiestate*⁶⁹. Более того, для этой комиссии он устанавливал свой, особый порядок выбора судей. Закон Лициния внёс изменения в обычную процедуру их отвода (*reiectio*). Обвинитель из общего *album iudicum*, составленного городским претором, выбирал четыре трибы, из которых должны были назначаться судьи. Подсудимый не мог теперь осуществлять отвод поодиночке: он отводил судей из какой-либо одной трибы в полном составе, а остальные три слушали дело и выносили вердикт (*Cic. Planc.*, 36-37; *Schol. Bob.* 152; 160 Stangl). Таким образом, как кажется, обвинитель получал даже некоторое преимущество⁷⁰.

11 февраля 55 г. по предложению Луция Афрания, сторонника Помпея, был также принят очередной сенатусконсульт *de ambitu* (*Cic. Q. fr. II*, 7 (9), 3). Его проведение следует связать с прошедшими необычно поздно (в январе или начале февраля 55 г. вместо положенного июля 56 г.) консульскими выборами на этот год. За спиной Афрания, несомненно, стояли свежееиспечённые консулы Помпей и Красс, целью которых была отнюдь не борьба с подкупом, а обеспечение избрания в преторы своих людей – в пику Марку Катону, который также домогался этой должности и в качестве претора мог помешать планам

---

⁶⁸ Или как пародия на коллегии (*Cic. Post red. ad sen.*, 33: «*simulatione collegiorum*»). См.: *Mouritsen H. Plebs and politics...* P. 150.

⁶⁹ В 54 г. претор Гай Альфий Флав председательствовал как на процессе Авла Габиния *de maiestate* (*Cic. Q. fr. III*, 1, 24), так и на процессе Гнея Планция *de sodaliciis* (*Cic. Planc.*, 43; 104). См.: *Greenidge A.H.J. The legal procedure of Cicero's time.* Oxf., 2004. P. 430.

⁷⁰ Об изменениях в судебную процедуру, внесённых законом Лициния, см.: *Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik.* Bd. II. Abth. 2. S. 392-404; *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 453-456; *Strachan-Davidson J.L. Problems of the Roman criminal law.* Vol. II. P. 103-110.

триумвиров⁷¹. Как описывает Плутарх, Красс и Помпей «неожиданно и не оповестив значительную часть сенаторов, созвали сенат и провели решение, чтобы новые преторы вступили в должность немедленно после избрания, не дожидаясь назначенного законом срока, в который обыкновенно проходили судебные дела против виновных в подкупе народа. Затем, обеспечив себе этим решением право безнаказанно подкупать граждан, они поставили преторами своих прислужников и друзей, сами раздавая деньги и сами же возглавляя подачу голосов» (*Plut. Cat. Min.* 42, 2-3 – пер. С.П. Маркиша). Марк Катон и его сторонники попытались было внести своё добавление к сенатусконсульту, «чтобы преторы после избрания в течение шестидесяти дней оставались частными людьми» («*ut praetores ita crearentur, ut dies sexaginta privati essent*») (*Cic. Q. fr.* II, 7 (9), 3 – пер. В.О. Горенштейна). Однако поправка была заблокирована консулами.

Следующий, 54 г., снова оказался отмечен масштабными электоральными нарушениями. Кандидаты в консулы Гай Меммий Гемелл и Гней Домиций Кальвин летом 54 г. заключили между собой соглашение и совместно приступили к подкупу избирателей. Масштабы этого подкупа потрясают воображение: они пообещали раздать в центурии, которая будет голосовать первой (т.н. *centuria praerogativa*), до 10 000 000 сестерциев. Благодаря этому даже процент на ссуды у ростовщиков вырос вдвое (*Cic. Q. fr.* II, 14 (15b), 4; *Att.* IV, 15, 7). Катон, выбранный наконец претором, попытался как-то противостоять этим махинациям. Он «убедил сенат принять постановление, по которому вновь избранные должностные лица, даже в том случае если против них не было выдвинуто никаких обвинений, обязывались явиться перед судом присяжных и представить отчёт о своём избрании» (*Plut. Cat. Min.* 44, 2 – пер. С.П. Маркиша). По словам греческого биографа, этим были возмущены как сами кандидаты, так и, ещё сильнее, «продажная чернь» (ὁ μισθαρνῶν ὄχλος). Недовольная толпа даже напала на Катона на форуме, и только самообладание и мужество претора позволили ему положить конец беспорядкам. Цицерон о том же самом сенатусконсультате сообщает следующее: «Но вот сенат постановляет, чтобы до комиций произошёл

---

⁷¹ См.: *Gruen E.S. The last generation...* P. 233 n. 93.

молчаливый суд⁷² с тем, чтобы каждого из кандидатов судили судьи, назначенные по жребию из всех судебных комиссий (*At senatus decrevit ut tacitum iudicium ante comitia fieret ab iis consiliis †quae erant omnibus sortita† in singulos candidatos*)⁷³. Великий испуг кандидатов. Но некоторые судьи – и среди них Опимий, Вейнтон, Ранций – обратились к народным трибунам, чтобы те не допускали суда без решения народа (*ne iniussu populi iudicarent*). Это имеет успех: по постановлению сената комиции откладываются, пока не будет вынесен закон о молчаливом суде (*comitia dilata ex senatus consulto dum lex de tacito iudicio ferretur*). Наступает день для внесения закона. Теренций наложил запрет. Консулы, которые вели это дело с мягкостью, доложили об этом сенату... Сенат постановил, чтобы комиции состоялись не ранее, чем закон будет предложен, и что если кто-нибудь наложит запрет, то всё дело будет снова доложено. Начало предложения идёт легко, запрет не вызывает недовольствия, дело докладывается сенату. По этому поводу постановили так: комиции состоятся возможно скорее. Постановили (*Censuerunt*)» (*Cic. Att. IV, 17, 3* – пер. В.О. Горенштейна с нашими изменениями). Таким

---

⁷² Д. Шэкстон Бэйли считает главной отличительной чертой «молчаливого суда», которая объясняет его название, отсутствие официального обвинителя и, соответственно, предварительной процедуры устного заявления с просьбой о принятии иска – *postulatio* (*Cicero's letters to Atticus / Trans. and comm. by D.R. Shackleton Bailey. Vol. II. Cambridge, 1965. P. 215*).

⁷³ Место в рукописях испорчено, и выдвигаются самые разные варианты его восстановления, влияющие на понимание смысла фрагмента. Если принять чтение «*ab iis consiliis quae erant omnibus sortita*», где «*omnibus*» – дательный падеж, то получается, что Цицерон пишет, будто для суда над подозреваемыми в подкупе уже существовали несколько судебных комиссий. Но на самом деле такая комиссия была всего одна, *quaestio perpetua de ambitu*, и сложно понять, почему «*consilia*» употреблено во множественном числе. В. Штернкопф (*Sternkopf W. Die Blätterversetzung im 4. Buche der Briefe ad Atticum // Hermes. 1905. Bd. 40. S. 31*) предлагает следующий вариант: «*ab iis consiliis <quae essent ex consiliis> quae erant omnibus sortita*». Таким образом, немецкий учёный считает, что чрезвычайные трибуналы должны были быть образованы из уже имеющихся постоянных судебных комиссий. Но употребление Цицероном слова «*iudicium*» в единственном числе свидетельствует против версии о нескольких чрезвычайных трибуналах. Поэтому мы присоединяемся к исправлению, предложенному Д. Шэкстоном Бэйли, который заменяет причастие «*sortita*» на наречие «*sortito*» и считает, что «*omnibus*» стоит не в дательном падеже, а в аблативе (*Cicero's letters to Atticus. P. 215*). На основании такого прочтения мы приходим к выводу, что принятый сенатусконсульт учреждал чрезвычайную уголовную комиссию по делам о подкупе и определял порядок назначения судей в неё. Создание этой комиссии имело целью борьбу с конкретными злоупотреблениями кандидатов этого года, прежде всего Домиция и Меммия, с которыми посредством обычной судебной процедуры справиться не получалось.

образом, радикальное предложение Катона снова не прошло. Тем не менее, высочайший моральный авторитет претора всё-таки оказал определённое положительное действие на избирательную кампанию. Кандидаты в народные трибуны заключили между собой соглашение: они поклялись искать должности только законными средствами, назначив Катона своим арбитром и подписав в его доме договор; каждый кандидат предоставил залог в 500 000 сестерциев, который он терял в случае нарушения условий соглашения (*Cic. Q. fr. II, 14 (15b), 4; Att. IV, 15, 7; Plut. Cat. Min., 44*). «Право, если эти комиции, как полагают, пройдут без подкупа, – горько восклицает Цицерон, – то один Катон окажется могущественнее, чем все законы и все судьи» («*Quae si, ut putantur, gratuita fuerint, plus unus Cato potuerit quam omnes leges omnesque iudices*») (*Cic. Att. IV, 15, 8* – пер. В.О. Горенштейна).

Последним законом *de ambitu*, принятым до начала гражданской войны, стал *lex Pompeia*, который тот провёл в своё консульство *sine collega* в 52 г. (*Ascon. 36 Clark; App. Bel. civ. II, 23-24; Plut. Cat. Min. 48, 3*). Принятие данного закона было вызвано чрезвычайными обстоятельствами, которые сложились на тот момент в Риме и привели к такому беспрецедентному шагу, как вручение консульских полномочий одному лицу. Предвыборная кампания 52 г., уже по традиции, проходила беспокойно. На консулат претендовали трое: Тит Анний Милон, Публий Плавтий Гипсей и Квинт Метелл Сципион. В борьбе друг с другом все они не брезговали никакими средствами, прибегая к открытому подкупу и снаряжая вооружённые банды. В результате выборы постоянно откладывались, и к январю 52 г. ещё не были избраны ни консулы, ни преторы (*Ascon. 30-31 Clark*). 20 января произошло убийство Клодия людьми Милона, вызвавшее новую волну беспорядков. В данной ситуации сенат принял решение об избрании Гнея Помпея консулом без коллеги, что, по сути, являлось завуалированной формой диктатуры (*Ascon. 36 Clark*). И уже через три дня по предложению Помпея был принят ряд чрезвычайных законов, в том числе и закон о подкупе, проведённый посредством принятия сенатусконсульта.

Закон Помпея *de ambitu* вводил упрощённый и укороченный порядок судопроизводства по этим делам, описанный Асконием (*Ascon.* 36 Clark)⁷⁴, и вводил более строгое наказание для осуждённых (какое именно – нам неизвестно). Принятие данного закона, так же, как и закона Помпея *de vi*, было направлено прежде всего против Милона, что прекрасно понимали и современники: сторонник Милона, народный трибун Марк Целий попытался помешать их проведению. Однако Помпей, прибегнув даже к угрозам, добился своего. В итоге Милон был обвинён и в насильственных действиях, и в подкупе, т.е. на основании обоих Помпеевых законов, а, кроме того, ещё и *de sodaliciis* на основании закона Лициния (*Ascon.* 36-39 Clark). Однако по последним двум обвинениям Милону отвечать уже не пришлось, т.к., будучи осуждён *de vi*, он вынужден был отправиться в изгнание в Массилию (*Ascon.* 54 Clark).

Однако закон Помпея не являлся общим законом о подкупе; он носил чрезвычайный характер и, по-видимому, был отменён вскоре после своего принятия. Поэтому *lex Tullia* продолжает действовать вплоть до самого конца Республики.

Подведём итоги. Несмотря на отсутствие сохранившихся текстов законов *de ambitu* республиканской эпохи, фрагментарность и противоречивость данных литературной традиции, общая тенденция развития уголовного законодательства о подкупе вырисовывается достаточно чётко. Во-первых, это ужесточение наказаний; во-вторых, распространение их не только на уличённых кандидатов, но и на других замешанных в подкупе лиц, таких как раздатчики-*divisores*. При этом те или иные меры зачастую диктовались сложившейся политической обстановкой. Один из наиболее показательных примеров такого рода – принятие в 64 г. сенатусконсульта о борьбе с подкупом избирателей, направленного *ad hominem* против Катилины и Антония, бывших тогда соискателями консульства. Однако постоянное ужесточение наказаний для виновных в подкупе вызывало в обществе и ответную реакцию: признавая в принципе необходимость борьбы с подобными злоупотреблениями, определённая часть римской элиты считала

---

⁷⁴ Подробнее данный вопрос уже обсуждался нами в §1 главы I.

применяемые меры чересчур суровыми и не соответствующими тяжести проступка. Вместе с тем эффективность нового законодательства *de ambitu* оставляла желать лучшего. Вплоть до падения Римской республики искоренить подкуп избирателей так и не удалось, и это явление, хотя и в несколько других формах, продолжало существовать в эпоху Принципата.

2.2 Позднереспубликанское законодательство по делам о вымогательстве (*de repetundis*) и о насильственных действиях (*de vi*)

Как уже неоднократно отмечалось нами ранее, *quaestio de repetundis* возникла первой из всех *quaestiones perpetuae*, ещё в 149 г., и на протяжении долгого времени она оставалась единственной постоянной уголовной комиссией. Проводя свои судебные преобразования, диктатор Сулла, естественно, внёс и закон о вымогательстве, *lex Cornelia de repetundis* (*Cic. Verr. I, 37; Rab. Post., 9; Ps.-Ascon. 218 Stangl*). Этот закон пришёл на смену действовавшему тогда *lex Servilia Glaucia* и снова вернул судопроизводство в руки senatorского сословия.

Наши данные о содержании закона Суллы о вымогательстве чрезвычайно скудны. По мнению ряда исследователей, он внёс лишь небольшие изменения в уже существовавшее законодательство⁷⁵. Эта точка зрения, на наш взгляд, представляется весьма правдоподобной, но, к сожалению, она едва ли доказуема, поскольку мы чрезвычайно мало знаем также и о законах *de repetundis*, предшествовавших сулланскому, – за исключением, естественно, закона Ацилия (Семпрония) 122 г., текст которого сохранился в виде надписи⁷⁶.

Упоминая о первом римском законе о вымогательстве, законе Кальпурния 149 г., мы уже говорили, что главной его целью, очевидно, было предоставить провинциалам возможность судебной защиты против злоупотреблений римских

---

⁷⁵ Gruen E.S. *Roman politics...* P. 258-259; *Idem. The last generation...* P. 239; Cloud J.D. *The constitution and public criminal law // САН. 2nd ed. Cambridge, 1994. P. 512.*

⁷⁶ Дж. Клауд в этой связи ссылается на свидетельство Цицерона (*Cic. Rab. Post., 8-9*), который говорит об одном из пунктов закона Юлия Цезаря, имевшемся также в законах Суллы и Сервилия Главции: *Cloud J.D. The constitution...* P. 512.

наместников. Эта «провинциальная» направленность, на наш взгляд, была характерна и для всех последующих законов *de repetundis*, в том числе и для сулланского. Как сообщает Цицерон, Корнелиев закон прямо запрещал наместнику «получать и собирать деньги» («*capere <et> conciliare pecunias*») с подвластного ему населения (*Cic. Verr. II, 3, 71*; ср. *Cic. Verr. II, 3, 91*; *Verr. II, 3, 194*; *Verr. II, 3, 218*). Кроме того, на основании закона Суллы о вымогательстве привлекались к ответственности те сенаторы, которые, будучи судьями на уголовном процессе, брали деньги за вынесение «нужного» приговора (*Cic. Cluent., 104*). Более ничего конкретного о содержании данного закона сказать нельзя.

Закон Корнелия о вымогательстве действовал в течение двух десятилетий. Ему на смену пришёл новый Юлиев закон *de repetundis*, принятый в августе или сентябре 59 г.⁷⁷ по инициативе консула Гая Юлия Цезаря. Он включал в себя более ста глав⁷⁸. Некоторые его положения вошли в «Дигесты» Юстиниана (*Dig. XLVIII, 11*), так что мы сравнительно хорошо осведомлены о его содержании⁷⁹.

Весьма вероятно, что Цезарь при разработке своего закона опирался на *lex Cornelia*, но существенно переработал и расширил его (*Cic. Rab. Post., 8-9*). Законодатель стремился не только обеспечить надёжную судебную защиту пострадавшим провинциалам, но и предотвратить злоупотребления, совершаемые римскими наместниками, установив чёткие границы их прав и полномочий. В частности, Цезарь установил верхнюю планку расходов наместника, возмещения которых тот мог требовать от провинциалов или из государственной казны (*Cic. Att. V, 10, 2*; *V, 16, 3*; *V, 21, 5*)⁸⁰. Была введена строгая финансовая отчётность. При этом отчёты наместника отныне должны были храниться в двух городах его провинции, а копии их отсылались в Рим. Вся финансовая документация

---

⁷⁷ См.: *Oost S.I. The date of the lex Iulia de repetundis // AJPh. 1956. Vol. 77. P. 19-28*; *Gelzer M. Caesar: politician and statesman / Trans. by P. Needham. Oxf.: Blackwell, 1968. P. 93*.

⁷⁸ Поскольку Марк Целий в письме к Цицерону цитирует 101-ую главу из этого закона (*Cic. Fam. VIII, 8, 3*).

⁷⁹ См.: *Berger A. Lex Iulia de pecuniis repetundis // RE. 1925. Bd. XII. Sp. 2390*.

⁸⁰ Э. Груэн считает эту меру развитием соответствующего положения сулланского закона (*Cic. Fam. III, 10, 6*): *Gruen E.S. The last generation... P. 240*.

скреплялась печатями, дабы исключить возможность фальсификации (*Cic. Att. VI, 7, 2; Fam. II, 17, 2; V, 20, 2; Pis., 61; Flacc., 21*). Цезарь также запретил реквизировать у провинциалов корабли, требовать от них поставок зерна или денег на золотые венки (*Cic. Pis., 90*). Очевидно, список поборов с населения, которые объявлялись вне закона, был ещё более внушительным, но остальные его пункты до нас не дошли.

Однако Юлиев закон касался не только финансовых аспектов деятельности римского наместника. Ряд его положений Цезарь, по-видимому, позаимствовал из сулланского закона об оскорблении величия (*de maiestate*), на котором мы более подробно остановимся в следующей главе. В частности, наместнику запрещалось самовольно покидать провинцию до истечения срока своих полномочий, объявлять войну и вторгаться на территорию иностранных государств без разрешения сената и римского народа (*Cic. Pis., 50*).

Помимо наместников провинций, закон Цезаря затрагивал также других лиц сенаторского сословия, занимающих магистратуры или исполняющих какие-либо официальные поручения⁸¹. Соответственно, под него попадали не только злоупотребления, совершённые в провинциях, но и просто взятки, полученные человеком, находившимся при исполнении государственной службы. В «Дигестах», в частности, перечисляются такие виды преступлений, наказуемых на основании закона Юлия, как подкуп суда (*Dig. XLVIII, 11, 3*), принятие денег: за вынесение судебного приговора (*Dig. XLVIII, 11, 3*); за лжесвидетельство (*Dig.*

---

⁸¹ *Dig. XLVIII, 11, 1* (пер. Л.Л. Кофанова): «Закон Юлия о взяточничестве относится к тем деньгам, которые кто-либо, исполняя магистратуру, должность, попечительство, посольство или какую-либо иную обязанность, повинность либо государственную службу, взял сам или (кто-либо), кто входит в его свиту» и т.д. («*lex Iulia repetundarum pertinet ad eas pecunias, quas quis in magistratu, potestate, curatione, legatione vel quo alio officio munere ministeriose publico cepit* (курсив наш. – В.Х.)» etc.). Ср.: *Paul. Sent. V, 28*. А. Бергер на основе филологического анализа текста убедительно доказывает, что часть параграфа закона, выделенная нами курсивом, представляет собой интерполяцию императорской эпохи (*Berger A. Lex Iulia de pecuniis repetundis // RE. 1925. Bd. XII. Sp. 2390*). Такого же мнения придерживался ещё до него Т. Моммзен (*Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 712 Anm. 1*), а после него – Э. Груэн (*Gruen E.S. The last generation... P. 242 n. 132*). Правоту их, на наш взгляд, подтверждает и фрагмент *Cic. Rab. Post., 13* (см. об этом чуть ниже). Противоположная точка зрения у А. Цумпта (*Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 2. S. 294 u.f.*), который доказывает, что данные пункты существовали уже в оригинальном тексте закона.

XLVIII, 11, 6); за голосование в сенате в пользу того или иного предложения (*Dig. XLVIII, 11, 6*); за освобождение кого-либо от военной службы или других повинностей (*Dig. XLVIII, 11, 7*). Юлиев закон, как и многие другие уголовные законы, касался и некоторых вопросов судебной процедуры в *quaestio perpetua de repetundis* (*Cic. Fam. VIII, 8, 3*); в частности, он увеличил до 120 человек число свидетелей, которых обвинитель мог обязать явиться в суд (*Val. Max. VIII, 1, abs. 10*).

Начиная с момента возникновения *quaestio de repetundis* ей были подсудны исключительно члены senatorского сословия (*Lex Acilia, 2*). Предпринимались, тем не менее, попытки распространить действие законов о вымогательстве и на всадников; особую актуальность они приобрели после того, как последние стали заседать в уголовных судах. В результате сложилась парадоксальная ситуация: судья-сенатор нес ответственность за продажу своего приговора, а его коллега-всадник – нет (*Cic. Cluent., 143* и далее). Первым такую попытку совершил в 91 г. народный трибун Марк Ливий Друз, но она закончилась провалом (*Cic. Rab. Post., 16; Cluent., 153; App. Vel. civ. I, 35*)⁸². После громкого скандала, разразившегося в 74 г. в связи с процессом над Оппиаником, когда, по слухам, многие судьи были подкуплены обвинителем, римским всадником Авлом Клуэнцием Габитом, сенат под воздействием народного недовольства даже вынес особое постановление по данному вопросу, поручив консулам предложить специальный закон, который позволил бы привлечь Клуэнция к суду в *quaestio de repetundis*. Но ни в этом, ни в следующем году такой закон так и не был внесён на рассмотрение комиций (*Cic. Cluent., 136-137*). В 61 г. данный вопрос снова был поднят Марком Порцием Катонем, который убедил сенат принять постановление о необходимости принятия закона, который бы установил одинаковую ответственность всех судей, независимо от сословия, за продажные приговоры. Но эта инициатива, по-видимому, встретила серьёзное сопротивление всадников. На их стороне против Катона выступил также Цицерон. В итоге законопроект провалился в комициях

---

⁸² Подробнее см.: *Ewins U. Ne quis iudicio circumveniatur // JRS. 1960. Vol. 50. P. 104-106; Weinrib E.J. The judiciary law of M. Livius Drusus (tr. pl. 91 B.C.) // Historia. 1970. Bd. 19. S. 419-426.*

(*Cic. Att. I, 17, 8; I, 18, 3; II, 1, 8*). Цезарь, по-видимому, оказался достаточно предусмотрителен, чтобы обойти этот острый вопрос и не распространять на всадников действие своего закона; во всяком случае, в пользу этого свидетельствует Цицерон (*Cic. Rab. Post., 12*). Снова о распространении действия закона о вымогательстве на всадников заговорили в 55 г.; на сей раз поднял эту тему ни кто иной, как Помпей. В речи «За Рабирия Постума» Цицерон, обращаясь к судьям, патетически восклицает по этому поводу: «Ведь когда наилучший и превосходнейший консул, Гней Помпей, выступил по этому самому вопросу и раздались некоторые (очень немногие, правда) суровые голоса, которые высказались за то, чтобы трибуны, префекты, писцы и все спутники магистратов попадали под действие этого закона [т.е. закона Юлия о вымогательстве. – В.Х.], вы, говорю я, вы сами и сенат, собравшись в полном составе, отвергли это» и т.д. («*Nam cum optimo et praestantissimo consule, Cn. Pompeio, de hac ipsa quaestione referente existerent non nullae, sed perpaucae tamen acerbae sententiae, quae quidem censerent ut tribuni, ut praefecti, ut scribae, ut comites omnes magistratum lege hac tenerentur, vos, vos inquam, ipsi et senatus frequens restitit*» etc.) (*Cic. Rab. Post., 13*). Таким образом, теперь уже сам сенат предпочёл сохранить *status quo* и не раздражать всадническое сословие.

Обратимся теперь к вопросу о наказании, которое предусматривал закон Юлия о вымогательстве. Цицерон отмечает его строгость, называя данный закон «*lex acerrima*» (*Cic. Vat., 29*). Э. Груэн пишет, что суровость наказаний, устанавливаемых следующими друг за другом законами *de repetundis*, постоянно увеличивалась (*Cic. De off. II, 75*), и нет оснований полагать, будто закон Цезаря составлял исключение⁸³. Источники свидетельствуют, что, по крайней мере, некоторые преступления, попадавшие под действие *lex Iulia*, карались изгнанием (*Cic. Rab. Post., 11; 41; 48; Paul. Sent. V, 28*)⁸⁴. Наказанием за другие, менее

---

⁸³ Gruen E.S. The last generation... P. 242-243 n. 134.

⁸⁴ Против этого выступает А. Цумпт (*Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 2. S. 329-346*). Он полагает, что осуждение *de repetundis* в эпоху Республики не угрожало гражданским правам человека; главным наказанием было возмещение пострадавшим материального ущерба.

серьёзные проступки могло быть лишение гражданской чести (*infamia*) (*Dig. I, 9, 2; XXII, 5, 13*)⁸⁵.

Закон Юлия о вымогательстве оказался настолько удачным, что, с некоторыми изменениями и добавлениями, он продолжал действовать несколько столетий⁸⁶. Высоко оценивали его и современники; Цицерон называет данный закон то «*optima lex*» (*Cic. Sest.*, 135), то «*lex iustissima atque optima*» (*Cic. Pis.*, 37). Показательно, что источники не сохранили сведений о каких бы то ни было попытках политических противников Цезаря заблокировать его проведение, чего никак нельзя сказать о других законопроектах последнего в период консульства в 59 г.⁸⁷ На наш взгляд, это лишний раз свидетельствует о том, что Юлиев закон *de repetundis*, в отличие от многих других уголовных законов того периода, не нёс в себе и следа политической ангажированности, не принимался в угоду сиюминутным обстоятельствам, но действительно имел своей целью борьбу с коррупцией в целом и улучшение ситуации с управлением провинциями – в частности.

В отличие от законов *de ambitu* и *de repetundis*, о которых шла речь ранее, законодательство о насильственных действиях (*de vi*) появляется в Римской республике довольно поздно, лишь в последние десятилетия её существования. Соответственно, и *quaestio perpetua de vi* создаётся самой последней из всех постоянных уголовных комиссий. Это вообще единственная комиссия, которая не была учреждена в результате реформы уголовных судов диктатором Суллой. Причина, с нашей точки зрения, предельно проста – тогда в таком суде ещё не было необходимости. В предшествующую эпоху римской истории уличные беспорядки, массовые драки и физическое насилие, разумеется, имели место, но то были единичные, сравнительно редкие случаи. После Суллы целая волна таких преступлений накрывает Рим; они становятся одним из важных инструментов

---

⁸⁵ Подробнее см.: *Sherwin-White A.N. Poena legis repetundarum // PBSR. 1949. Vol. 17. P. 5-25.*

⁸⁶ Представляется, что можно согласиться с мнением М. Гельцера: Юлиев закон не содержал ничего принципиально нового; в нём лишь были уточнены и систематизированы положения предшествующих законов *de repetundis* и установлены более чёткие границы дозволенного поведения (*Gelzer M. Caesar... P. 94*).

⁸⁷ См. об этом, напр.: *Gelzer M. Caesar... P. 71 ff., 94.*

политики и порой просто парализуют нормальную жизнь города. Это обстоятельство вынуждает искать хоть какие-то средства борьбы с подобными негативными явлениями.

Первым законом *de vi*, очевидно, являлся Плавтиев, или Плотиев, закон (*lex Plautia aut lex Plotia*), действовавший вплоть до падения Республики; ссылки на него сравнительно часто встречаются у древних авторов (*Ascon.* 55 Clark; *Cic. Fam.* VIII, 8, 1; *Mil.*, 35; *Ps.-Sall. In Cic.*, 3; *Quintil. Inst. orat.* IX, 3, 56; *Sall. Cat.* 31, 4; *Schol. Bob.* 84 Stangl). Однако для этого закона мы не имеем точной датировки в источниках. Отсюда идёт широкий разброс мнений, встречающихся в историографии. Большинство историков датируют *lex Plautia de vi* 70 г.⁸⁸ Другие исследователи идентифицируют *lex Plautia (Plotia)* с *lex Plautia iudiciaria* 89 г. и, соответственно, приписывают инициативу его принятия народному трибуну этого года Марку Плавтию Сильвану⁸⁹. С нашей точки зрения, данная гипотеза ошибочна: ведь всё, что известно о законе 89 г. (см. *Ascon.* 79 Clark), касается процедуры выбора судей; по сути, между этими двумя законами нельзя найти вообще ничего общего, кроме названия⁹⁰. Скорее, на наш взгляд, следует принять точку зрения Дж. Хоу, который датирует *lex Plautia de vi* периодом между 65 и 63 гг.⁹¹ Первый известный нам процесс по обвинению *de vi* относится к 63 г., когда Луций Эмилий Павел после принятия *senatus consultum ultimum* на основании закона Плавтия привлёк к суду Луция Сергия Катилину (*Sall. Cat.* 31, 4; *Dio XXXVII*, 31, 3; *Schol. Bob.* 149 Stangl); таким образом, нижняя хронологическая граница, несомненно, верна. Что касается верхней рамки, то, определяя её, Дж. Хоу приводит аргументы, непроверяемые напрямую источниками, но, тем не менее, довольно правдоподобные. 67-65 гг. были отмечены сразу несколькими крупными вспышками насилия – уличными беспорядками и драками с ранеными

---

⁸⁸ *Broughton T.R.S.* The magistrates of the Roman republic. Vol. II. N.Y., 1952. P. 128; *Lintott A.W.* Violence in Republican Rome. Oxf., 2004. P. 111, 122 f.; *Gruen E.S.* The last generation... P. 227; *Marshall B.A.* A historical commentary... P. 210, 342; *M. Tullius Cicero. Pro P. Sulla oratio* / Ed. and comm. by D.H. Berry. Cambridge, 2004. P. 15.

⁸⁹ Напр.: *Francken C.M.* Ciceronis oratio *Pro Caelio* // *Mnemosyne*. 1880. Vol. 8. P. 201-203; *Greenidge A.H.J.* The legal procedure... P. 424.

⁹⁰ *Lintott A.W.* Violence in Republican Rome. P. 110 n. 10.

⁹¹ *Hough J.* The *lex Lutatia* and the *lex Plautia de vi* // *AJPh*. 1930. Vol. 51. P. 135.

и убитыми (это, например, борьба за принятие закона о голосовании вольноотпущенников; разгон наёмными бандами судебных процессов над бывшими народными трибунами Гаем Манилием и Гаем Корнелием – на всех этих событиях мы подробнее остановимся в §1 III главы данного диссертационного исследования). Возможно, полагает Дж. Хоу, именно эти события и стали непосредственным поводом для принятия *lex Plautia* и создания постоянной уголовной комиссии *de vi*⁹².

Однако мы знаем о существовании ещё одного закона, который, очевидно, был принят даже ранее закона Плавтия, – Лутациева (*lex Lutatia*). Информация о нём очень скудна; лишь в единственном месте речи «За Целия» Цицерон, рассказывая о славной истории *quaestio perpetua de vi*, упоминает некий закон, «quam Q. Catulus tulit» (*Cic. Cael.*, 70). Датировка его вызывает некоторые сомнения, но большинство авторов сходятся на том, что это должен быть закон, внесённый Квинтом Лутацием Катуллом в период своего консулата в 78 г. и направленный, как можно понять из слов Цицерона, против участников мятежа Лепида⁹³. Никакой другой информацией о *lex Lutatia* мы не располагаем, и это обстоятельство даёт широкий простор для великого множества самых разнообразных, но почти одинаково бездоказательных гипотез относительно его содержания.

Проблемой, которую пытаются разрешить исследователи уже не первое столетие, является вопрос о соотношении между собой двух законов *de vi*, принятых за сравнительно небольшой период и, возможно, действовавших одновременно. Т. Моммзен посчитал *lex Plautia* и предполагаемый *lex Lutatia* одним и тем же законом, утверждая, что Квинт Катул сам не вносил законопроект, а воспользовался услугами народного трибуна Плавтия⁹⁴. В. Райн полагал *lex Lutatia* своеобразным «процессуальным добавлением» («ein

---

⁹² Hough J. *The lex Lutatia...* P. 144-145.

⁹³ Lintott A.W. *Violence in Republican Rome*. P. 110 ff.; *M. Tullius Cicero. Pro P. Sulla oratio* / Ed. and comm. by D.H. Berry. P. 14.

⁹⁴ Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. S. 654 Anm. 2. С ним солидарен также В. Кункель (*Kunkel W. Quaestio* // RE. 1963. Bd. XXIV. Sp. 747).

prozessualischer Nachtrag') к *lex Plautia*; в частности, он будто бы содержал пункт, разрешавший судам *de vi* заседать даже в дни общественных празднеств и игр⁹⁵. По мнению А. Цумпта, в сферу действия *lex Plautia* входят преступления, совершённые магистратами и сенаторами, а *lex Lutatia*, напротив, касается исключительно лиц из других сословий, но он опять-таки не подтверждает своего предположения свидетельствами источников; при этом немецкий учёный считает, что Плавтиев закон предшествовал Лутациеву⁹⁶. Э. Линтотт высказывает гипотезу, что в результате принятия *lex Lutatia* была создана постоянная уголовная комиссия для разбора дел о мятеже (*sedition*), которая пришла на смену прежним чрезвычайным трибуналам. Плавтиев же закон, включив в себя положения закона Лутация, расширил сферу компетенции этой *quaestio perpetua*, включив в неё рассмотрение дел о насильственных действиях против частных лиц (*vis contra privatos*)⁹⁷. Наиболее аргументированной, на наш взгляд, выглядит точка зрения американского исследователя Дж. Хоу. Последний считает *lex Lutatia* специальным законом, направленным против участников мятежа Лепида, по которому была создана (как позднее, в 52 г. – по закону Помпея) *quaestio extraordinaria de vi* и который прекратил действовать после выполнения ставившейся перед ним задачи, т.е. уже вскоре после своего принятия. Именно этим обстоятельством Дж. Хоу объясняет отсутствие у нас сведений о процессах *de vi* вплоть до 63 г., хотя поводов для предъявления подобного обвинения было предостаточно⁹⁸.

Содержание закона Плавтия, как и подавляющего большинства других республиканских законов, восстанавливается исключительно по косвенным

---

⁹⁵ Rein W. Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus. Leipzig, 1844. S. 738-740.

⁹⁶ Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 1. Berlin, 1868. S. 266-281.

⁹⁷ Lintott A.W. Violence in Republican Rome. P. 109-123.

⁹⁸ Hough J. The *lex Lutatia*... P. 142. С ним соглашается Л. Лабруна, который даёт подробное обоснование данной гипотезе (*Labruna L. Il console 'sovversivo'. Marco Emilio Lepido e la sua rivolta. Napoli, 1976*; эта работа, к сожалению, оказалась для нас недоступна). См. также: *M. Tullius Cicero. Pro P. Sulla oratio / Ed. and comm. by D.H. Berry. P. 15*. Э. Груэн в более ранней своей работе (*Gruen E.S. The lex Varia // JRS. 1965. Vol. 55. P. 60 n. 19*) примкнул к точке зрения Дж. Хоу, однако впоследствии пересмотрел свои взгляды и (с небольшими оговорками) присоединился к позиции Э. Линтотта (*Gruen E.S. The last generation... P. 226-227*).

данным. Оно не нашло отражения в «Дигестах», поскольку впоследствии, в императорскую эпоху, на смену закону Плавтия пришли *lex Iulia de vi publica* и *lex Iulia de vi privata*, принятые при Августе⁹⁹. Нужно отметить, что разделение такого преступления как «*vis*» на две категории, «*vis publica*» (насильственные действия, направленные против общественного порядка) и «*vis privata*» (насильственные действия против частных лиц), было нововведением Августа, поскольку мы не имеем никаких свидетельств о подобном разграничении для периода Республики¹⁰⁰. Однако закон Плавтия, безусловно, затрагивал и ту, и другую категорию. Единственные сохранившиеся у позднейших юристов цитаты из закона Плавтия касаются случаев, когда речь идёт о насильственных действиях в отношении чужой собственности (*Dig. XLI, 3, 33, 2; Iustin. Inst. II, 6, 2*). После подавления заговора Катилины и казни главных катилинариев по закону Плавтия были обвинены и осуждены менее значительные заговорщики (*Cic. Sull.; Schol. Bob. 84; Ps.-Sall. In Cic., 3*).

Как кажется, в русло борьбы против *vis* укладывается и принятый в 64 г. сенатусконсулт, упразднявший некоторые коллегии – территориальные, профессиональные и религиозные объединения городского плебса, – «которые, как казалось, были учреждены во вред государству» («*quae adversus rem publicam videbantur esse constituta*») (*Ascon. 7 Clark; ср. Cic. Pis., 8*)¹⁰¹. Сенат, очевидно, рассматривал существование коллегий как источник беспорядков. Как отмечает Асконий, комментируя речь Цицерона на процессе народного трибуна Гая Корнелия в 65 г., «в то время ещё часто случались сходки мятежных людей без официального разрешения во вред государству. Из-за этого впоследствии коллегии были уничтожены и сенатусконсультами, и многими законами, за

---

⁹⁹ Т. Моммзен ошибочно приписывает принятие этих двух законов Юлию Цезарю (*Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 128-129*). Убедительные доводы против данной точки зрения см., напр., в работе: *Lintott A.W. Violence in Republican Rome. P. 107-108*.

¹⁰⁰ *Lintott A.W. Violence in Republican Rome. P. 108*.

¹⁰¹ О коллегиях см., напр.: *Lintott A.W. P. Clodius Pulcher – felix Catilina?// G&R. 1967. Vol. 14. P. 160-161; Tatum W.J. The patrician tribune... P. 25-26*. Помимо упразднения коллегий, данный сенатусконсулт запрещал также проведение Компиталийских празднеств (*Iudi Compitalicii*), в организации которых принимали участие старшины (*magistri*) коллегий (*Ascon. 7 Clark*) (подробнее: *Tatum W.J. The patrician tribune... P. 117-118*).

исключением немногих и известных, [существования] которых требовало благо государства, как, например, коллегий художников и скульпторов» («Frequenter tum etiam coetus factiosorum hominum sine publica auctoritate malo publico fiebant: propter quod postea collegia et S.C. et pluribus legibus sunt sublata praeter pauca atque certa quae utilitas civitatis desiderasset, sicut fabrorum fictorumque») (*Ascon.* 75 Clark)¹⁰². Однако предпринятая сенатом попытка уничтожить эти традиционные объединения плебса успеха не возымела. Уже в 58 г. согласно закону *de collegiis* народного трибуна Публия Клодия распущенные коллегии были воссозданы и даже учреждены новые (*Ascon.* 7-8 Clark; *Cic. Sest.*, 55; *Pis.*, 9; *Dio XXXVIII*, 13, 2).

Последний республиканский закон *de vi* был принят вместе с другими чрезвычайными законами Гнея Помпея в 52 г., после убийства Клодия и возникших вследствие этого беспорядков. Данный закон имел целью создание чрезвычайной уголовной комиссии для суда над организаторами этих беспорядков, но прежде всего – над Милоном, по приказу которого Клодий и был убит¹⁰³.

Итак, мы пришли к выводу, что в период Республики существовал всего один общий закон *de vi*, на основании которого была создана постоянная судебная комиссия: это был закон Плавтия, принятый между 65 и 63 гг. Помимо этого, в экстраординарных обстоятельствах несколько раз принимались специальные законы *de vi*, учреждавшие чрезвычайные уголовные трибуналы для рассмотрения особенно громких дел (восстание Лепида, убийство Публия Клодия): *lex Lutatia* 78 г. и *lex Pompeia* 52 г. В сферу действия закона Плавтия входили как насильственные действия, совершённые в отношении частных лиц (*vis privata, vis contra privatos*), так и преступления против общественного порядка (*vis publica, vis contra rem publicam*). Однако следует признать, что попытки помешать отдельным честолюбивым политикам (типа Клодия) использовать

---

¹⁰² Об использовании коллегий в политической борьбе в 60-е гг. см., в частности, работу: *Benner H. Die Politik des P. Clodius Pulcher. Stuttgart, 1987. S.66 u.f.*

¹⁰³ *Gruen E.S. The last generation... P. 234.* Мы не видим необходимости подробнее останавливаться на данном законе, т.к. уже не раз затрагивали вопрос о комплексе чрезвычайных законов Помпея, принятых в 52 г.

насилие как политический инструмент путём принятия специального законодательства de vi провалились.

Глава 3. Судебные процессы в *quaestio de maiestate*: пример использования уголовного суда в политических целях

3.1 Понятие «*maiestas*» и эволюция уголовного законодательства по делам об оскорблении величия римского народа (*crimina laesae maiestatis*)

Анализ того, как эволюционировало республиканское уголовное законодательство об оскорблении величия (*de maiestate*) и функционировала специальная уголовная комиссия по этим делам, нам представляется невозможным без рассмотрения вопроса о сущности самого понятия «величие» (*maiestas*). Не подлежит сомнению, что оно имеет очень древнее происхождение. Фест, например, производит «*maiestas*» от «*magnitudo*» – «значительность, сила, могущество»: «*Maiestas a magnitudine dicta*» (*Fest.* 121 Lindsay). Ряд современных исследователей полагает, что это слово происходит от сравнительной формы прилагательного «*magnus*» («великий, большой, значительный») – «*maior*» (или «*maius*»)¹, хотя, возможно, правильнее выводить его напрямую от основы *mag*-². Аналогичное происхождение, по всей видимости, имеет имя римской богини Майи, или Майесты (*Ovid.* *Fast.* V, 25; *Macrob.* *Sat.* I, 12, 18). Это была древняя богиня растительности, которую римляне позднее отождествили с греческой Маΐα – возлюбленной Зевса и матерью Гермеса (*Apollod.* III, 10, 1-2; *Hes.* *Theog.*, 938-939)³.

Для определения того, что же, в конечном счёте, вкладывалось римлянами в понятие «*maiestas*», обратимся непосредственно к свидетельствам античных писателей. Определения, приводимые ими, в общем, не слишком отличаются друг от друга. Так, неизвестный автор «Риторики к Гереннию» определяет *maiestas*

---

¹ *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II. Heidelberg, 1954. S. 14; *Oxford Latin dictionary.* Oxf., 1968. P. 1065; *Bauman R.A.* The *crimen maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate. Johannesburg, 1967. P. 1-4; *Kübler B.* *Maiestas* (1) // *RE.* 1928. Bd. XIV. Sp. 542.

² *Sherwin-White A.N.* Review on: *Bauman R.A.* The *crimen maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate // *Gnomon.* 1969. Bd. 41. S. 289. См. также: *Ferrary J.-L.* Les origines de la loi de majesté à Rome // *CRAI.* 1983. N. 4. P. 562 n. 17.

³ *Немировский А.И.* Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. С. 114.

следующим образом: «Величие государства есть то, в чём заключены достоинство и сила гражданской общины» («*Maiestas rei publicae est in quo continetur dignitas et amplitudo civitatis*») (*Rhet. ad Herr.* IV, 25, 35). По мнению Цицерона, «величие же ... есть могущество. Величие есть в достоинстве империя и в достоинстве имени римского народа» («*Maiestas autem ... est magnitudo. ...Maiestas est in imperii atque in nominis populi Romani dignitate*») (*Cic. Part. orat.*, 105).

Вопрос о том, кто обладал «*maiestas*» в республиканскую эпоху, различными исследователями решается по-разному. По мнению Б. Кюблера, римляне полагали, что величие присуще богам (*Cic. Div.* I, 82; *Nat. deor.* II, 77; *Quintil. Inst. orat.* III, 7, 7; *Dig.* IV, 8, 32, 4); отцу семейства (*pater familias*) (напр., *Liv.* IV, 45, 8; VIII, 7, 15; XXIII, 8, 3; *Vell.* I, 10, 3; *Val. Max.* VII, 7, 5); римскому народу и, соответственно, его представителям – магистратам⁴. По В. Райну, наличие «*maiestas*» приписывалось богам, римскому народу и римскому государству⁵. Нам наиболее аргументированной и близкой к истине кажется классификация Э. Поллака⁶. По мнению немецкого автора, «*maiestas*» есть атрибут, присущий: 1) богам (*m. deorum*); 2) римскому народу в целом (*m. populi Romani*; *m. Romani nominis*); 3) сенаторам (*m. patris*; *m. paterna*); 4) римским магистратам (*m. magistratus*)⁷; 5) принцепсу (*m. principis*; *m. Caesaris*). Также «*maiestas*» может употребляться само по себе, как абстрактное понятие. При этом величие признавалось не только за римским государством и за римским народом, но также за иноземными государствами и правителями, даже враждебными Риму (*Liv.* IX, 18, 6; XLII, 5, 6; *Nep. Pelop.*, 2; *Cic. Balb.*, 35-36).

---

⁴ См.: Kübler B. *Maiestas* (1) // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 543.

⁵ Rein W. *Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus*. Leipzig, 1844. S. 504-505.

⁶ Pollack E. *Der Majestätsgedanke im römischen Recht*. Leipzig, 1908. S. 4-6 (с ссылками на источники). С ней в целом согласен и А. Пеш: *Pesch A. De perduellione, crimine maiestatis et memoria damnata*. Aachen, 1995. S. 152-192.

⁷ По поводу *maiestas magistratus* наше мнение не совсем совпадает со взглядами Э. Поллака. И Ливий, и Цицерон (*Cic. Pis.*, 24; *Phil.* XIII, 20) неоднократно говорят о «*maiestas consulis*» и «*maiestas dictatoria*», но ни разу не упоминают о «*maiestas praetoris*» или «*maiestas tribunicia*» (последнее сочетание лишь раз употребляется у Аскония, о чём подробнее см. ниже). Как кажется, мы имеем основания утверждать, что величие присуще не всем вообще магистратам, а только высшим, обладающим *imperium maius*. Ссылки на фрагменты Тита Ливия, в которых он употребляет термин «*maiestas*» (всего – 93 раза), см. в работе: *Packard D.W. A concordance to Livy. Vol. III*. Cambridge (Mass.), 1968, s.v. *maiestas*.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать следующий вывод: первоначально понятие «*maiestas*» являлось прежде всего сакральной и моральной категорией. Мы присоединяемся к мнению А.В. Щёголева, который считает, что как юридический термин это слово впервые стало использоваться только в начале II в. в сфере международного права (напр., *Liv.* XXXIII, 11, 2). И лишь на рубеже II-I вв. понятие «*maiestas*» постепенно входит в область публичного права; в это же время возникает и термин, обозначающий преступление против величия, – *crimen maiestatis*⁸.

Наиболее общее определение ему даёт юрист III в. н.э. Ульпиан: «Преступлением против величия является деяние, совершённое в ущерб римскому народу или в ущерб его безопасности» («*Maiestatis crimen est quod adversus populum Romanum vel adversus securitatem eius committitur*») (*Dig.* XLVIII, 4, 1, 1). Результатом такого деяния является «умаление» величия, поэтому подобное преступление в источниках часто называется *crimen minutae maiestatis*, *crimen laesae maiestatis* или *crimen violatae maiestatis*⁹. По мнению автора «Риторики к Гереннию», «умалает величие человек, подрывающий то, на чём зиждется достоинство государства. Что же это? Народное голосование и магистратуры» («*Maiestatem is minuit qui ea tollit ex quibus rebus civitatis amplitudo constat. Quae sunt ea <...> ? Suffragia, magistratus*»); и далее: «умалает величие человек, причиняющий ущерб достоинству государства» («*Maiestatem is minuit qui amplitudinem civitatis detrimento afficit*») (*Rhet. ad Herr.* II, 12, 17). Схожим образом выражается и Цицерон; по его словам, «умалить величие – значит, отнять что-нибудь от достоинства, силы или власти народа либо тех, кому народ даровал

---

⁸ Щёголев А.В. Закон об оскорблении величия в политической истории Рима (I в. до н.э. – I в. н.э.) // Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 59-64. Р. Бауман полагает, что *maiestas* как юридический термин вошло в римское право уже к середине III в., однако его аргументация не кажется нам достаточно убедительной (*Bauman R.A. The crimen maiestatis...* Р. 28). Т. Моммзен (*Mommsen Th. Romisches Strafrecht.* S. 538-539, 552-553) думает, что само понятие «*maiestas*» в его юридическом значении возникло в период сословной борьбы патрициев и плебеев и связано со стремлением плебейских трибунов обеспечить себе юридическую защиту в противовес *imperium*, которым обладали высшие магистраты. Этим же немецкий учёный объясняет и принятие первого закона об оскорблении величия.

⁹ Первое обозначение использовалось в период Республики, последующие два – уже в эпоху Империи. См.: *Kübler B. Maiestas* (1) // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 551.

власть» («*Maiestatem minuere est de dignitate aut amplitudine aut potestate populi aut eorum quibus populus potestatem dedit aliquid derogare*») (*Cic. De inv. II, 53*). Сведя вместе приведённые выше определения, мы приходим к выводу, что в принципе под *crimen minutae maiestatis* может пониматься любое действие (или бездействие), которое повлекло за собой нанесение ущерба, причём как материального, так и морального, для римского государства либо его должностных лиц.

Необходимо отметить, что с древнейших времён в Риме существовало такое понятие как «государственная измена» (*perduellio*) (ср., напр.: *Liv. VI, 20*). В связи с этим встаёт вопрос о том, как соотносились в римском уголовном праве понятия «*perduellio*» и «*crimen minutae maiestatis*».

Ульпиан в «Дигестах» употребляет термин «*perduellio*», упоминая о ком-либо, кто «обвинён в государственной измене, будучи настроен враждебно против государства или принцепса» («*perduellionis reus est hostili animo adversus rem publicam vel principem animatus*») (*Dig. XLVIII, 4, 11*). Определение, как мы видим, очень широкое и неконкретное. Представляется, можно согласиться с Т. Моммзенем, полагавшим, что к категории «*perduellio*» относились все вообще преступления, имевшие антигосударственную направленность¹⁰.

Мы склонны примкнуть к мнению Э. Поллака, который считает разницу между «*perduellio*» и «*crimen maiestatis*» исключительно процессуальной: в

---

¹⁰ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 537 u.f.* С ним солидарен А. Гринидж: *Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 303.* Позднее взгляды Т. Моммзена были подвергнуты ревизии Хр. Брехтом. По мнению этого автора, первоначально под *perduellio* понималось исключительно такое преступление как *affectatio regni* – стремление к царской власти; лишь позднее определение «государственной измены» было несколько расширено (*Brecht Ch.H. Zur Abgrenzung des Begriffes Perduellio von den Verwandten Verbrechenbegriffen im römischen Strafrecht bis zum Ausgang der Republik. Diss. iur. München, 1938*). Данная работа оказалась для нас недоступна. Однако Д. Даубе в своей рецензии на неё приводит достаточно убедительные, на наш взгляд, контраргументы против многих доводов Хр. Брехта: *Daube D. Review on: Brecht Ch.H. Zur Abgrenzung des Begriffes Perduellio von den Verwandten Verbrechenbegriffen im römischen Strafrecht bis zum Ausgang der Republik // JRS. 1941. Vol. 31. P. 180-184.* Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что различие между *perduellio* и *crimen maiestatis* проводилось только вплоть до падения Республики. В императорское время такое преступление, как *perduellio*, было просто включено в состав *crimen maiestatis*, и сам этот термин практически выходит из употребления. См.: *Kübler B. Maiestas (1) // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 551; Brecht Ch.H. Perduellio // RE. 1937. Bd. XIX. Sp. 638.*

первом случае дело разбирали специально избранные должностные лица, *duumviri perduellionis*, во втором – *quaestio de maiestate*¹¹. Р. Бауман едва ли прав, утверждая, что такое преступление как *perduellio* рассматривалось в уголовном процессе перед народом, а *crimen maiestatis* – сначала в гражданском процессе перед народом, а затем в специальной *quaestio de maiestate*¹². На это Ж.-Л. Феррари, например, резонно замечает, что *quaestio de maiestate*, учреждённая Сатурнином, занималась рассмотрением уголовных преступлений (*Cic. De or. II, 199*)¹³.

В эпоху Поздней республики процессы по обвинению в *perduellio* отходят в прошлое и начинают ассоциироваться с временами седой старины. В частности, для постсулланского периода известен только один такой процесс – процесс над консуляром Гаем Рабирием в 63 г., имевший ярко выраженный политический подтекст. Причиной этого, на наш взгляд, послужило вытеснение древней и неудобной уголовной процедуры по этим делам новой, более современной, возникновение которой связано с принятием к концу II в. законов против оскорбления величия.

Проблема возникновения законодательства *de maiestate* остаётся в историографии во многом дискуссионной. При её разрешении мы сталкиваемся со скудостью и фрагментарностью источниковой базы и противоречивостью сведений литературной традиции. Т. Моммзен полагал, что первым законом, затрагивающим умаление величия, был Габиниев закон *de coitionibus* 139 г. (*Porc. Latr. Decl. in Cat., 19*), запрещающий собрания в ночное время (*coetus nocturnus*)¹⁴. Однако точка зрения Т. Моммзена не была поддержана другими исследователями.

---

¹¹ *Pollack E. Der Majestätsgedanke... S. 175 u.f.*

¹² *Bauman R.A. The crimen maiestatis... P. 16-33.*

¹³ *Ferrary J.-L. Les origines... P. 557.*

¹⁴ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 563 Anm. 4.* Инициатора принятия данного закона он, таким образом, идентифицирует с народным трибуном 139 г. Авлом Габинием, автором *lex tabellaria*. Такого же мнения придерживается Дж. Ротонди (*Rotondi G. Leges publicae populi Romani. Milano, 1912. P. 297*). Э. Груэн, однако, предлагает датировать закон 67 г., а автором его считать другого Авла Габиния, народного трибуна этого года и сторонника Помпея (*Gruen E.S. The last generation of the Roman Republic. Berkeley-L.A.-L., 1974. P. 227 n. 74*). Т. Броутон оставляет данный вопрос открытым (*Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. I. N.Y., 1952. P. 483 n. 2*).

Поэтому на данный момент практически все авторы сходятся на том, что первым законом об оскорблении величия является *lex Appuleia de maiestate*, который был принят в 103 или 100 г. по инициативе народного трибуна Луция Аппулея Сатурнина (*Cic. De or. II, 107; 201; Part. or., 105; Gran. Licinian. 13 Flemisch*)¹⁵. Наказание, предусматривавшееся этим законом, нам неизвестно; скорее всего, оно было традиционным для преступлений такого рода – смертная казнь¹⁶. Однако, как мы уже отмечали ранее, смертная казнь в период Поздней республики фактически вышла из употребления и применялась только в редких случаях (в частности, по отношению к убийцам близких родственников). Поэтому на деле осуждённым по закону Аппулея, очевидно, дозволялось удалиться в изгнание. Как показывает (на наш взгляд, весьма убедительно) К. Чилтон, под действие этого закона попадали главным образом проступки римских магистратов, нанёсшие ущерб интересам государства, но совершённые скорее из-за халатности или преступной небрежности, а не по злему умыслу. С его точки зрения, впоследствии Сулла, принимая собственный Корнелиев закон *de maiestate*, объединил в нём положения закона Аппулея с древним законодательством, направленным против *perduellio*¹⁷. Именно с *lex Appuleia* большинство исследователей связывают создание первой *quaestio perpetua de maiestate*¹⁸.

---

¹⁵ Вопрос о точной дате принятия *lex Appuleia* не получил до сих пор однозначного разрешения. Большинство авторов датируют закон первым трибуналом Сатурнина в 103 г. (*Моммзен Т. История Рима. Т. 2. М., 1937. С. 192; Pollack E. Der Majestätsgedanke... S. 157; Rotondi G. Leges publicae... P. 329; Kübler B. Maiestas (1) // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 546; Lengle J. Die Verurteilung der Römischen Feldherrn von Arausio // Hermes. 1931. Bd. 66. S. 303 u.f.; Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. I. N.Y., 1952. P. 565 n. 4; Gundel H. Varius (7) // RE. 1955. Bd. VIII A. Sp. 388; Gruen E.S. The *lex Varia* // JRS. 1965. Vol. 55. P. 59; MacMullen R. Review on: Bauman R.A. The *crimen maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate // AJPh. 1970. Vol. 91. P. 117; Balsdon J.P. *Maiestas* // OCD. Oxf., 1976. P. 641; Marshall B.A. A historical commentary on Asconius. Columbia, 1985. P. 134; Seager R. *Maiestas* in the late Republic: some observations // Critical studies in ancient law, comparative law and legal history / Ed. by J.W. Cairns, O.F. Robinson. Oxf., 2001. P. 144); другие считают более правильным отнести его ко второму трибуналу в 100 г. (*Ferrary J.-L. Recherches sur la législation... P. 95-96; Idem. Les origines... P. 565-567*).*

¹⁶ *Levick B. Poena legis maiestatis // Historia. 1979. Bd. 28. S. 364 Anm. 39.*

¹⁷ *Chilton C.W. The Roman law of treason under the early Principate // JRS. 1955. Vol. 45. P. 73-74.*

¹⁸ *Pollack E. Der Majestätsgedanke... S. 157; Gruen E.S. The *lex Varia* // JRS. 1965. Vol. 55. P. 59; Seager R. *Lex Varia de maiestate* // Historia. 1967. Bd. 16. S. 37, 38 n. 8 (хотя он и признаёт, что прямых доказательств данного факта мы не имеем); *Badian E. Quaestiones Variarum // Historia.**

Закон Аппулея, как кажется, не давал чёткого определения понятию «умаление величия» и допускал относительно свободное его толкование, что видно из нескольких фрагментов источников (*Cic. De or. II, 107; 197-201*). Исследователи также приводят ряд убедительных аргументов в пользу того, что Аппулеев закон *de maiestate* распространялся исключительно на сенаторов¹⁹. Это ограничение, вполне возможно, относится ко всем законам об оскорблении величия вплоть до *lex Cornelia* включительно²⁰. По мнению Ж.-Л. Феррари, именно это обстоятельство стало одной из причин принятия в 78 г. *lex Lutatia de vi* – необходим был какой-то другой закон, чтобы привлекать людей из других сословий к ответственности за государственные преступления²¹. Последующее распространение действия законодательства *de maiestate* на лиц, не входивших в сенаторское сословие, сходно с теми же самыми изменениями, произошедшими в деятельности *quaestio de repetundis*.

Следующим законом, направленным на борьбу с преступлениями против величия, являлся *lex Varia*, принятие которого напрямую связано с событиями Союзнической войны (*Ascon. 22; 79 Clark*)²². Внесён он был – так же, как и *lex Appuleia*, – народным трибуном, Квинтом Варием Гибридой. Мы примкнём к закрепившемуся в историографии мнению, согласно которому закон Вария был специальным законом, который предусматривал создание *quaestio extraordinaria* для разбора дел лиц, обвинённых в подстрекательстве к мятежу италийских союзников Рима (*Ascon. 79 Clark: «de iis quorum ore consiliove socii contra populum*

1969. Bd. 18. S. 449; *Cloud J.D.* The constitution and public criminal law // САН. 2nd ed. Cambridge, 1994. P. 518.

¹⁹ *Ferrary J.-L.* Les origines... P. 564. См. также: *Zumpt A.W.* Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 1. Berlin, 1868. S. 232-233.

²⁰ *Zumpt A.W.* Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 1. S. 379 u.f.; *Brecht Ch.* *Perduellio* und *crimen maiestatis* // ZRG. 1944. Bd. 64. S. 357-358. Противоположную точку зрения см. в статье: *Kübler B.* *Maiestas* (1) // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 550.

²¹ *Ferrary J.-L.* Les origines... P. 564 n. 25.

²² Т. Моммзен датирует его 91 г. (*Mommsen Th.* *Römisches Strafrecht.* S. 198), но подавляющее большинство исследователей в настоящий момент склоняются к 90 г. (*Бартошек М.* Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. С. 199; *Strachan-Davidson J.L.* Problems of the Roman criminal law. Vol. I. Oxf., 1912. P. 239; *Gruen E.S.* The *lex Varia*... P. 59; *Broughton T.R.S.* The magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y., 1952. P. 26; *Seager R.* *Lex Varia de maiestate*... S. 37; *Idem.* Pompey the Great... P. 13; *Marshall B.A.* A historical commentary... P. 342).

Romanum arma sumpsissent»)²³. Оспорить эту общепринятую точку зрения попытался Э. Груэн. Американский исследователь отмечает, что сам факт принятия специального экстраординарного закона, хотя на тот момент уже существовал закон Аппулея и функционировала *quaestio perpetua de maiestate*, представляется маловероятным. Приводя этот и некоторые другие аргументы, Э. Груэн доказывает, что закон Вария следует рассматривать как общий *lex de maiestate*, и он заменил собой закон Аппулея Сатурнина²⁴. Главное новшество, отличающее *lex Varia*, – это изменение определения понятия «*maiestas*» в соответствии с политическими целями народного трибуна²⁵. Однако аргументация Э. Груэна не кажется нам достаточно убедительной, чтобы поколебать устоявшееся в историографии мнение²⁶.

Однако, если мы остаёмся на традиционных позициях, перед нами с неизбежностью встаёт вопрос о причинах принятия нового закона, который, по видимому, затрагивал те же самые виды преступлений, что и старый²⁷. Здесь мы склонны присоединиться к объяснению Р. Сигера, по мнению которого в содержательном плане между законами Аппулея и Вария едва ли существовала ощутимая разница. Мотивы внесения и принятия нового закона *de maiestate* были не юридическими, а исключительно политическими. Они были связаны, прежде всего, со сложившейся ситуацией – острым народным недовольством отдельными представителями нобилитета, которые своей непримиримой позицией в вопросе о

---

²³ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 198; Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 384-385; Strachan-Davidson J.L. Problems of the Roman criminal law. Vol. I. P. 239; Seager R. Lex Varia de maiestate... S. 37; Cloud J.D. The constitution... P. 519.*

²⁴ *Gruen E.S. The lex Varia... P. 59 ff.* Такое же мнение по данной проблеме было высказано Й. Ленгле и примкнувшим к нему Х. Гунделем, которые, однако, считают, что законы Вария и Аппулея об оскорблении величия существовали параллельно и взаимно дополняли друг друга (*Lengle J. Untersuchungen über die sullanische Verfassung. Freiburg, 1889. S. 35; Gundel H. Varius (7) // RE. 1955. Bd. VIIIA. Sp. 389*). Последнее нам кажется практически невероятным, поскольку неизвестно ни одного примера одновременного существования в Римской республике двух законов, касающихся одного и того же преступления, да ещё и с одинаковым названием.

²⁵ *Gruen E.S. The lex Varia... P. 73.*

²⁶ Критику её см., напр., в работах: *Seager R. Lex Varia de maiestate... S. 37-40; Badian E. Quaestiones Variae... S. 447-449.*

²⁷ С чем не согласен Х. Гундель (*Gundel H. Varius (7) // RE. 1955. Bd. VIIIA. Sp. 388*), но он не приводит никаких аргументов.

гражданских правах для италиков спровоцировали начало Союзнической войны (ср. *Ascon.* 22 Clark)²⁸. Со стороны Вария это был скорее популистский шаг, нежели реально необходимая законодательная мера. Суровостью своих мер народный трибун попытался снискать популярность у народа, причём «под раздачу» (по политическим мотивам) попали и лица, очевидно, невиновные в инкриминируемых им преступлениях²⁹. Впрочем, возмездие не заставило себя ждать: в 89 г. сам Варий также был осуждён на основании собственного закона (*Cic. Brut.*, 306; *Val. Max.* VIII, 6, 4). Вариев закон, скорее всего, перестал действовать очень скоро после своего принятия, так как достиг поставленных целей, – последним процессом на основании этого закона стал суд над Гнеем Помпонием, коллегой Вария по трибунату, в 88 г. (*Cic. Corn.* I, fr. 54 P apud *Ascon.* 79 Clark)³⁰.

Реформа уголовных судов, проведённая Суллой, разумеется, не обошла стороной и законодательство об оскорблении величия. Был принят новый Корнелиев закон *de maiestate* (напр.: *Cic. Pis.*, 50; *Cluent.*, 97; *Fam.* III, 11, 2; *Ascon.* 59 Clark), который пришёл на смену *lex Appuleia* и который продолжал действовать вплоть до падения Республики. Весьма вероятно, что закон Суллы включал в себя многие положения предшествующих законов *de maiestate*³¹. С точки зрения ряда авторов, Сулла вообще впервые учредил постоянную *quaestio*

---

²⁸ *Seager R. Lex Varia de maiestate... S.* 42-43.

²⁹ *Ascon.* 73 Clark: «когда многие были несправедливо осуждены по закону Вария, [по обвинению в том], будто бы та война была раздута их стараниями...» («cum multi Varia lege inique damnarentur, quasi id bellum illis auctoribus conflatum esset...»). О судебных процессах по закону Вария подробнее см.: *Gruen E.S. The lex Varia... P.* 61 ff.; *Marshall B.A. A historical commentary... P.* 255-257.

³⁰ Все сохранившиеся рукописи Аскония дают чтение «Pompeius», однако исправление на «Pomponius» принимается многими исследователями (*Sources for Roman history, 133-70 B.C. / Coll. by A.N.J. Greenidge, A.M. Clay. Oxf., 1960. P.* 151; *Bauman R.A. The crimen maiestatis... P.* 68 n. 2; *Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312-43 av. J.C.). T. I. Paris, 1966. P.* 572; *Badian E. Quaestiones Variarum... S.* 474-475). Против такой корректировки выступают Э. Груэн (*Gruen E.S. The lex Varia... P.* 69) и Р. Сигер (*Seager R. Lex Varia de maiestate... S.* 39-40), которые считают, что Цицерон говорит о Гнее Помпее Страбоне, консуле 89 г. Подробный анализ данного фрагмента у Аскония см. в работе: *Marshall B.A. A historical commentary... P.* 273-274.

³¹ *Cloud J.D. The constitution... P.* 520. Противоположной точки зрения придерживается Р. Бауман (*Bauman R.A. The crimen maiestatis... P.* 69 ff.).

de maiestate³², однако мы склоняемся к мнению, что последняя существовала и до диктатора, а тот лишь реформировал её деятельность.

Точное содержание *lex Cornelia de maiestate* неизвестно, и мы можем лишь попытаться реконструировать этот закон на основании имеющихся скудных данных. Это, в первую очередь, фрагмент из речи Цицерона «Против Пизона», который из-за его важности стоит процитировать. Говоря о своём недруге, проконсуле Авле Габинии, оратор патетически вопрошает: «...если бы он был в своём уме, если бы он уже не был наказан отечеством и бессмертными богами самой тяжёлой карой – неистовством и безумием, разве он отважился бы (я не говорю о том, чтобы бросить провинцию, вывести войско, вести войну по своему произволу, вторгнуться в царство без повеления римского народа или сената, что совершенно ясно запрещают как многие старые законы, так и закон Корнелия об оскорблении величия и закон Юлия о вымогательствах)» и т.д. («*hic si mentis esset suae, nisi poenas patriae disque immortalibus eas quae gravissimae sunt furore atque insania penderet, ausus esset – mitto exire de provincia, educere exercitum, bellum sua sponte gerere, in regnum iniussu populi Romani aut senatus accedere, quae cum plurimae leges veteres, tum lex Cornelia maiestatis, Iulia de pecuniis repetundis planissime vetat...*») (*Cic. Pis.*, 50). Таким образом, из данного фрагмента можно выделить следующие виды преступлений, которые предусматривались сулланским законом *de maiestate*: 1) самовольный выезд наместника из своей провинции; 2) вывод войск за пределы провинции; 3) ведение наместником провинции военных действий без санкции сената и народного собрания (*sua sponte*); 4) самовольное вторжение наместника на территорию иностранного государства. На основании других источников к этому списку можно прибавить: 5) подстрекательство солдат к бунту (*Cic. Cluent.*, 97); 6) нарушение права «вето» народного трибуна (*Ascon.* 60-61 Clark); 7) действия, повлекшие за собой оскорбление величия римского магистрата³³.

³² *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 203; Balsdon J.P. Maiestas // OCD. Oxf., 1976. P. 641.*

³³ Мы сознательно оставляем в стороне перечень преступлений, попадающих под действие закона об оскорблении величия, приводимый в «Дигестах» (*Dig. XLVIII, 4, 4*). Часть их наверняка также восходит к эпохе Республики, но наши попытки отделить республиканские

Основываясь на приведённых выше рассуждениях, мы никак не можем согласиться с утверждением Н.В. Чекановой, которая пишет, что Корнелиев закон *de maiestate* «позволял признать подсудным *любое* [здесь и далее курсив наш. – В.Х.] действие и *любое* лицо, негодное официальной власти. Таким образом, с одной стороны, он выступал как дополнение к проскрипциям и отвечал субъективным целям Суллы; с другой – безусловно, укреплял политическую роль сената»³⁴. Как видно, бóльшая часть положений закона направлена против самоуправства военачальников и наместников провинций. Наученный собственным опытом, диктатор стремился избежать повторения ситуации, когда победоносный полководец мог решиться использовать военную силу для захвата власти и решения своих политических задач. Тем самым Сулла, на наш взгляд, постарался защитить свою конституцию от посягательств амбициозных провинциальных наместников³⁵. Показательно, что диктатор воспользовался для этой цели тем же самым оружием, что и народный трибун, популярен и демагог Сатурнин за 20 лет до него.

Интересное замечание по поводу *lex Cornelia* мы находим в письме Цицерона Аппию Клавдию Пульхру. Позволим себе привести его сначала в подлиннике: «*‘De ambitu vero quid interest,’ inquires, ‘an de maiestate?’ ad rem nihil; alterum enim non attigisti, alteram auxisti. †verum tamen est maiestas, etsi Sulla voluit, ne in quemvis impune declamari liceret*» (*Cic. Fam. III, 11, 2*)³⁶. Последняя строчка, выделенная курсивом, в рукописной традиции сильно испорчена и восстанавливается по-разному. Если мы примем вариант Л. Пёрсера, то перевод фрагмента будет выглядеть следующим образом: «Ты скажешь: ”Право, какая разница – быть обвинённым в подкупе избирателей или в оскорблении величия?”».

нормы от реалий императорской эпохи неизбежно носили бы исключительно гипотетический характер.

³⁴ Чеканова Н.В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005. С. 184.

³⁵ Cloud J.D. The constitution... P. 520.

³⁶ M. Tulli Ciceronis epistulae. Vol. I / Rec. L.C. Purser. Oxonii, 1901. Д. Шэклтон Бэйли даёт следующее прочтение этого места: «*verum tamen est maiestas, etsi Sulla voluit, ne in quemvis impune declamari liceret, <ambigua> (add. Lehmann)*» (*Cicero. Epistulae ad familiares / Ed. by D.R. Shackleton Bailey. Vol. I. Cambridge, 2004. P. 147*). Добавление «ambigua» всё же не кажется нам необходимым для понимания смысла текста.

По сути – никакой, ведь к первому ты не имел касательства, а второе возвеличил. Всё же [тебе было предъявлено] обвинение в оскорблении величия, хотя Сулла и не желал, чтобы можно было безнаказанно шуметь против кого угодно». Одна из наиболее интересных альтернативных гипотез была выдвинута Р. Роджерсом, который предложил следующее чтение: «*Verum tamen est maiestas, et sic Sulla voluit, ut in quemvis impune declamari liceret*»³⁷. Таким образом, по Роджерсу, смысл фразы Цицерона совершенно иной; получается, что Сулла намеренно не дал в своём законе чёткого определения понятию «*maiestas*», чтобы это преступление можно было трактовать максимально широко. Но Р. Роджерс идёт дальше и высказывает ещё более смелое предположение: возможно, Сулла даже освободил лиц, обвиняющих на основании закона *de maiestate*, от ответственности за клевету (*calumnia*)³⁸. Последнее допущение нам кажется совсем уж произвольным; да и сам автор соглашается, что этому нет прямого подтверждения в источниках. Но и сама конъектура Р. Роджерса не представляется достаточно убедительной, чтобы на её основе строить какие-либо далеко идущие выводы³⁹.

Вопрос о наказании, которое предусматривал Корнелиев закон *de maiestate*, нельзя считать окончательно решённым; он и по сей день вызывает споры в историографии. Целый ряд авторитетных исследователей сходится на том, что это было *aquae et ignis interdictio*, «лишение воды и огня», хотя аргументация, приводимая ими, различна⁴⁰. Нам, однако, более близка точка зрения, которую защищают Ш. Джеймсон⁴¹ и Б. Левик⁴²; последние полагают, что закон Корнелия приговаривал лиц, осуждённых *de maiestate*, к смерти, однако фактически они отправлялись в добровольное изгнание.

---

³⁷ *Rogers R.S. Cicero, ad familiares 3.11.2 and the lex Cornelia maiestatis // TAPhA. 1951. Vol. 82. P. 198.*

³⁸ *Rogers R.S. Cicero, ad familiares 3.11.2... P. 199.*

³⁹ Более подробно о различных вариантах восстановления данного фрагмента письма Цицерона и аргументы в пользу принимаемого нами чтения см.: *Lindsay R. Defamation and the law under Sulla // CPh. 1949. Vol. 44. P. 241-242.*

⁴⁰ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 907; Strachan-Davidson J.L. Problems of the Roman criminal law. Vol. II. P. 23.* Дискуссионные моменты в толковании значения самой этой процедуры уже отмечались нами в § 2 главе I настоящей диссертации.

⁴¹ *Jameson Sh. Augustus and Agrippa Postumus // Historia. 1975. Bd. 24. S. 307.*

⁴² *Levick B. Poena legis maiestatis. S. 363-364.*

Одним из главных отличий республиканского законодательства *de maiestate* от имперского является тот факт, что наказуемым было исключительно *действие*. Как пишет Тацит, в период Республики «осуждались дела, слова не влекли за собой наказания. Первым, кто на основании этого закона повёл дознание о злонамеренных сочинениях, был Август» («Facta arguebantur, dicta inpune erant. Primus Augustus cognitionem de famosis libellis specie legis eius tractavit») (*Tac. Ann. I, 72* – пер. А.С. Бобовича; ср. *Suet. Div. Aug. 55*). Тем не менее, Р. Машке, опираясь на подробно разобранный нами выше фрагмент *Cic. Fam. III, 11, 2* и на один пассаж из «Дигест» (*Dig. XLVII, 10, 5, 9*), развивает идею, что ещё сулланский закон *de maiestate* предусматривал наказание за клевету⁴³. Однако эта гипотеза не нашла широкой поддержки в литературе и представляется нам ошибочной⁴⁴.

Итак, какие же выводы можно сделать по итогам предпринятого нами анализа? В первую очередь, следует отметить глубокую древность самого понятия «*maiestas*», которое первоначально никак не было связано с правом и являлось исключительно сакральной и моральной категорией. Сам термин, обозначающий преступление против величия (*crimen maiestatis*), появляется сравнительно поздно, на рубеже II-I вв. Возникновение законодательства *de maiestate* может быть объяснено перепетиями политической борьбы в данный период, которая приобретала всё бóльшую остроту. Содержание ранних законов против оскорбления величия при существующем состоянии источниковой базы едва ли может быть восстановлено. Возникновение *quaestio perpetua de maiestate*, на наш взгляд, следует связать ещё с досулланским законодательством. Отметим, что *quaestio de maiestate* из всех постоянных судебных комиссий была, пожалуй, наиболее тесно связана с политикой, ибо преступления, которые попадали под её

---

⁴³ *Maschke R.* Die Persönlichkeitsrechte des römischen Injuriensystems. Breslau, 1903. S. 90 u.f. Ср.: *Fröhlich F.* Cornelius (392) // RE. 1900. Bd. IV. Sp. 1562; *Rotondi G.* *Leges publicae...* P. 360.

⁴⁴ См. *Lindsay R.* Defamation and the law under Sulla. P. 241-243. А. Момильяно критикует аргументацию Р. Машке, но соглашается с ним в том смысле, что *lex Cornelia de maiestate* действительно ограничивал свободу слова, а Цезарь и Август в дальнейшем продолжили линию Суллы в этом вопросе (*Momigliano A.* Review on: *Robinson L.* Freedom of speech in the Roman Republic. Diss. Ph.D. // JRS. 1942. Vol. 32. P. 123).

юрисдикцию, сами по себе носили политический характер. При этом показательно, что судебных процессов по обвинению *de maiestate* в постсулланский период было очень немного⁴⁵.

В последующих параграфах этой главы в качестве примеров мы подробно рассмотрим и проанализируем пять процессов по обвинению в оскорблении величия (№№ 3, 4, 5, 6 и 7 в Приложении 2). Нами была предпринята попытка, во-первых, выявить политическую подоплёку каждого процесса; во-вторых, проследить чисто юридическую сторону дела, и, в некоторых случаях, высказать свои соображения по поводу реконструкции ряда деталей, не получивших прямого отражения в источниках. На наш выбор именно этих судебных процессов повлияли несколько факторов: мы учитывали, насколько громким и резонансным было само дело, каков был масштаб и политический вес тех фигур, которые оказались в него вовлечены. Кроме того, не последнюю роль сыграла также степень сохранности источников.

3.2 Уголовные процессы над народными трибунами Гаем Корнелием и Гаем Манилием (66-65 гг. до н.э.)

Мы позволили себе объединить в настоящий параграф сюжеты, затрагивающие сразу три процесса: два суда над народным трибуном 67 г. Гаем Корнелием и один – над народным трибуном 66 г. Гаем Манилием. Эти процессы проходили друг за другом в очень короткий промежуток времени (66-65 гг.) и были теснейшим образом связаны между собой. При их анализе мы находимся в наиболее выигрышном положении, поскольку располагаем ценнейшим источником – комментарием к двум речам Марка Туллия Цицерона «*Pro Cornelio de maiestate*», составленным Квинтом Асконием Педианом. Сохранённые Асконием отрывки из Цицерона (вкуче с небольшими фрагментами у других

---

⁴⁵ Мы располагаем сведениями лишь о восьми (см. Приложение 2), включая процесс над Гаем Антонием, который, по мнению многих исследователей, мог быть обвинён не *de maiestate*, а *de repetundis* или *de vi* (данный вопрос детально рассмотрен нами в §3 настоящей главы).

античных авторов) являются единственным образцом речи, произнесённой на процессе de maiestate, который сохранился до нашего времени⁴⁶.

Деятельность народных трибунов Корнелия и Манилия и, соответственно, суды над ними уже неоднократно привлекали внимание исследователей⁴⁷. Традиционно в историографии оба они не рассматриваются как сколько-нибудь самостоятельные политические фигуры. И Корнелий, и Манилий считаются «помпеянскими» трибунами, и едва ли не за всеми их действиями исследователи видят «руку Помпея». Поэтому нашей главной целью будет взглянуть по-новому на политическую подоплёку данных дел и в свете этого высказать свои соображения по реконструкции ряда событий, связанных с уголовными процессами над этими народными трибунами в 66-65 гг. К сожалению, сведения источников столь неполны, что при рассмотрении этой проблемы мы время от времени неизбежно будем вынуждены прибегать к догадкам и предположениям. Вообще, в этих делах куда больше вопросов, чем ответов, и восстановить подлинную картину событий со стопроцентной достоверностью при нынешнем состоянии источниковой базы мы не можем. Тем не менее, представляется, что наша интерпретация не противоречит имеющимся данным и позволяет лучше объяснить некоторые моменты, которые пока не были с достаточной полнотой освещены другими авторами.

---

⁴⁶ См.: *M. Tullius Cicero. The fragmentary speeches* / Ed. and comm. by J.W. Crawford. Atlanta, 1994. P. 65-144.

⁴⁷ Назовём только некоторые, наиболее интересные и значимые, с нашей точки зрения, работы: *McDonald W. The tribunate of Cornelius* // CQ. 1929. Vol. 23. P. 196-208; *Seager R. The first Catilinarian conspiracy* // Historia. 1964. Bd. 13. S. 338-347; *Idem. The tribunate of Cornelius: some ramifications* // Hommages à Marcel Renard / Ed. par J. Bibauw. Vol. II. Bruxelles, 1969. P. 680-686; *Gruen E.S. Notes on the 'First Catilinarian Conspiracy'* // CPh. 1969. Vol. 64. P. 20-24; *Kumaniecki K. Les discours égarés de Cicéron "Pro Cornelio"* // Mededelingen van de K. Vlaamse acad. voor wetenschappen, letteren en schone kunsten van België. Klasse der letteren. Jg. 32. №4. Brussel, 1970; *Phillips E.J. Cicero and the prosecution of C. Manilius* // Latomus. 1970. T. 29. P. 595-607; *Ward A.M. Politics in the trials of Manilius and Cornelius* // TAPhA. 1970. Vol. 101. P. 545-556; *Griffin M. The tribune C. Cornelius* // JRS. 1973. Vol. 63. P. 196-213; *Ramsey J.T. The prosecution of C. Manilius in 66 B.C. and Cicero's Pro Manilio* // Phoenix. 1980. Vol. 34. P. 323-336; *Idem. Asconius P. 60 (Clark), † prima pars: the trial and conviction of C. Manilius in 65 B.C.* // AJPh. 1985. Vol. 106. P. 367-373.

Имя Гая Манилия впервые появляется на политической арене в 67 г., когда он был избран народным трибуном (*Ascon.* 45; 64-65 Clark; *Plut. Pomp.*, 30)⁴⁸. Едва вступив в должность 10 декабря 67 г., он сразу же развил бурную деятельность. Всего через несколько дней им был представлен проект закона о голосовании вольноотпущенников (*lex de suffragiis libertinorum*): Манилий предложил, чтобы они не приписывались исключительно к четырём городским трибам, а голосовали вместе с теми, кто освободил их; таким образом, их голоса распределялись бы между всеми 35 трибами (*Dio XXXVI*, 42, 2).

Нельзя исключать, что первоначальный проект этого закона был подготовлен ещё народным трибуном предыдущего, 67 г., Гаем Корнелием⁴⁹ (*Ascon.* 64 Clark). Его принятие привело бы к росту влияния вольноотпущенников в трибутных комициях, и поэтому он вызвал неудовольствие нобилитета. Обсуждение проходило в очень беспокойной обстановке. Манилий, опираясь на своих людей, среди которых было много рабов и вольноотпущенников («*subnixus libertinorum et servorum manu*»), организовал в городе беспорядки. Оптиматы также использовали силу: квестор Луций Домиций Агенобарб со своими людьми в свою очередь напал на манилианцев и разогнал их сходку (*coetus*), в результате чего многие из них были убиты (*Ascon.* 45 Clark).

Тем не менее, закон о голосовании вольноотпущенников был проведён в самый последний день 67 г., т.е. 29 декабря, к вечеру⁵⁰; а уже на следующий день

---

⁴⁸ Э. Груэн идентифицирует трибуна Гая Манилия с упомянутым Валерием Максимом (*Val. Max.* VI, 2, 4) неким Манилием Криспом. Этот Крисп был привлечён к суду Гнеем Пизоном и, несмотря на очевидную виновность, оправдан благодаря заступничеству Помпея. См.: *Gruen E.S. Pompey and the Pisones // CSCA.* 1968. Vol. 1. P. 160-162. Однако нам такая версия не кажется достаточно убедительной. Ещё меньше оснований, на наш взгляд, идентифицировать трибуна Манилия с Гаем Манилием, зятем Фальцидия, одного из свидетелей на процессе Флакка (*Cic. Flac.*, 93) (что не исключается Ф. Мюнцером: *Münzer F. Manilius (10) // RE.* 1928. Bd. XIV. Sp. 1134).

⁴⁹ Хотя Цицерон, защищая Корнелия в 65 г., по понятным причинам отвергает это как домыслы обвинения (*Cic. Pro Corn. fr.* 10 P apud *Ascon.* 64 Clark). Говорит он правду или лукавит – судить сложно.

⁵⁰ Помимо всего прочего, в 67 г. на 29 декабря приходились Компиталии, один из переходящих праздников (*feriae conceptivae*), в который нельзя было созывать народное собрание (*Varr. Ling. lat.* VI, 29).

сенат, собравшись на заседание, вынес постановление, которым его отменил⁵¹. Не совсем ясно, на каком основании сенат смог отменить закон, принятый народным собранием; можно предположить, однако, что сам созыв комиций был признан незаконным, так как сопровождался нарушениями формальной процедуры (см. прим. 51)⁵².

Дион Кассий следующим образом описывает дальнейшие действия Манилия: «...он [Манилий], в страхе, потому что плебс был ужасно рассержен, сперва приписал идею [закона] Крассу и некоторым другим; но так как никто ему не поверил, он стал искать расположения Помпея даже в отсутствие последнего, особенно потому что знал, что Габиний имел у него большое влияние. Он зашёл так далеко, что предложил ему командование в войне против Тиграна и Митридата и одновременно наместничество в Вифинии и Киликии» («...φοβηθείς, ἐπειδὴ τὸ πλῆθος δεινῶς ἠγανάκτει, τὰ μὲν πρῶτα ἔς τε τὸν Κράσσον καὶ ἔς ἄλλους τινὰς τὴν γνώμην ἀνῆγεν, ὡς δ' οὐδεὶς ἐπίστευέν οἱ, τὸν Πομπήιον καὶ ἀπόντα ἐκολάκευσεν, ἄλλως τε καὶ ὅτι τὸν Γαβίνιον πλεῖστον παρ' αὐτῷ δυνάμενον ἤσθετο: τὸν τε γὰρ τοῦ Τιγράνου καὶ τὸν τοῦ Μιθριδάτου πόλεμον, τὴν τε Βιθυνίαν καὶ τὴν Κιλικίαν ἅμα ἀρχὴν αὐτῷ προσέταξεν») (*Dio XXXVI, 42, 3-4*).

Нам кажется, следует более внимательно рассмотреть этот фрагмент. Во-первых, отметим, что плебс (τὸ πλῆθος) был по какой-то причине очень недоволен Манилием. Логично предположить, что это связано с действиями Манилия после того, как принятый сенатусконсулт отменил его закон о голосовании вольноотпущенников. Асконий пишет, что данный закон «... впоследствии не отстаивался и самим Манилием» («ab ipso quoque Manilio non ultra defensa est») (*Ascon. 65 Clark*), – и это выглядит довольно странно, учитывая, с какой ожесточённостью он добивался его принятия. Кажется, ключ к разгадке даёт сделанное чуть раньше Дионом замечание о том, что «... Манилий едва не

---

⁵¹ Об этом свидетельствует Дион Кассий (*Dio XXXVI, 42, 2*). Асконий пишет, что этот закон «...senatus consulto damnata esset» (*Ascon. 65 Clark*).

⁵² Этой точки зрения придерживается также А.Б. Егоров: *Егоров А.Б. Подъём и упадок демократического движения в Риме в эпоху гражданских войн // Проблемы античной демократии / Под ред. Э.Д. Фролова. ПРОВАНМАТА. Вопросы античной теории и культуры. Вып. 1. СПб., 2010. С. 388.*

предстал перед судом» («ὁ δὲ δὴ Μάλλιος καὶ δίκην ὀλίγου ὑπέσχε») (*Dio XXXVI, 42, 2*)⁵³. Перед мятежным трибуном, видимо, ясно нарисовалась картина его будущего уголовного обвинения, для которого он дал достаточно поводов своими действиями при проведении закона о голосовании вольноотпущенников. Манилий уже успел заслужить враждебное к себе отношение со стороны могущественной сенатской верхушки; можно было не сомневаться, что оптиматы приложат все усилия, чтобы добиться его осуждения. Поэтому он счёл за благо не слишком упорствовать.

Однако положение народного трибуна оставалось слишком шатким. Отказавшись от борьбы, он, таким образом, вызвал недовольство своих прежних сторонников из числа плебса. Рассчитывать на благосклонность оптиматов он, как мы сказали выше, тоже не мог. Манилий рисковал уже не только своей политической карьерой, но и гражданскими правами. Поэтому он стал искать поддержки. При этом, как можно понять из рассказа Диона, Манилий сначала обратился не к Помпею, а к недругу и сопернику последнего – Крассу. Он попытался создать впечатление, что именно Красс стоит за принятием закона о голосовании вольноотпущенников. Скорее всего, это была чистой воды мистификация: никаких следов участия Красса в этом вопросе в источниках мы не находим. Манилий просто решил показать, что за его спиной стоит могущественный человек. Однако ему не поверили; сам Красс, вероятно, также не пожелал в тот момент поддерживать уже изрядно скомпрометировавшего себя трибуна⁵⁴.

В этой ситуации у Манилия оставался один выход – договариваться с Помпеем, который только и мог теперь спасти его от осуждения⁵⁵. Правда,

---

⁵³ Дион по какой-то причине везде ошибочно называет Манилия Γάιος Μάλλιος; Плутарх же правильно передаёт его имя как Μανίλιος (напр., *Plut. Cic. 9, 4*).

⁵⁴ Э.Г. Харди считает это упоминание Красса Дионом Кассием свидетельством существования между Манилием и Крассом определённых политических связей; более того, он говорит о существовании таких связей между Крассом и Гаем Корнелием (*Hardy E.G. The Catilinarian conspiracy in its context: a re-study of the evidence // JRS. 1917. Vol. 7. P. 156*). С этими выводами мы не можем согласиться.

⁵⁵ Показательно, что источники ничего не говорят о существовании между Помпеем и Манилием каких-либо личных связей в предшествующие годы – хотя, например, неоднократно

Помпея в тот момент не было в Риме; по закону Габиния 67 г. он уже был наделён чрезвычайными полномочиями – для борьбы с пиратами. Рассказ Диона оставляет ощущение того, что Манилий, добиваясь расположения Помпея, действовал на свой страх и риск, однако это представляется сомнительным. Трибун мог быть проинструктирован кем-то из друзей Помпея, находившихся в Риме. Соглашение было достигнуто, и Манилий выступил с проектом закона, который должен был предоставить Помпею верховное командование в войне против Митридата (*lex Manilia de imperio Cn. Pompeii*).

Этот законопроект, как и следовало ожидать, вызвал сопротивление сенатской верхушки. Тем не менее, он был принят комициями. Помпей сосредотачивал в своих руках огромную власть, отправлялся на Восток и был недостижим для нападок своих недругов из среды нобилитета⁵⁶. Однако его сторонники оставались в Риме, и именно они могли ожидать для себя новой атаки.

Теперь, когда Манилий открыто поддержал домогательства Помпея, месть его могущественных врагов была неминуемой: обвинение его в уголовном преступлении стало бы одновременно и демонстративной акцией, направленной против Помпея. 10 декабря 66 г. Гай Манилий сложил с себя полномочия народного трибуна. Вскоре после этого он был привлечён к суду перед претором Марком Туллием Цицероном (*Cic. Corn., I fr. 8 P apud Ascon. 62 Clark*).

В вопросе о том, на основании какого закона был обвинён Манилий, практически все исследователи единодушны: это был закон о вымогательствах, *lex Cornelia repetundarum*, принятый в 81 г. диктатором Суллой. Плутарх ошибочно указывает, что Манилий был привлечён к суду по обвинению в казнокрадстве, – *reculatus* (κλοπή) (*Plut. Cic. 9, 4*). Однако абсолютно точно известно, что, будучи претором, Цицерон председательствовал именно в *quaestio*

упоминается, что Гай Корнелий до своего трибуната был квестором Помпея (*Ascon. 57; 61 Clark*).

⁵⁶ О полномочиях Помпея по закону Манилия подробнее см., напр.: Кудрявцева Т.В. Чрезвычайные полномочия полководцев как источник императорской власти в Риме // Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 153-156.

de repetundis (*Cic. Cluent.*, 147; *Leg. Man.*, 1-2; *Ascon.* 62 Clark), а председателем в *quaestio de peculatu* был его коллега, Гай Орхивий (*Cic. Cluent.*, 94)⁵⁷.

Обвинение народного трибуна в подобном преступлении было, конечно, необычным для римской судебной практики. За действия в период трибуната Манилия легко можно было привлечь к суду по обвинению в насилии (*de vi*). Однако, как предполагает Э. Филлипс, оптиматы могли опасаться атаковать его подобным образом, потому что боялись ответного обвинения против Луция Домиция Агенобарба, который также использовал силу, чтобы помешать Манилию⁵⁸. Более того, нельзя исключать, что в тот период *quaestio perpetua de vi* вообще ещё не существовала⁵⁹. Теоретически трибуны попадали под действие законов о вымогательствах (*Lex Acilia*, 2), но трудно предположить, каким образом народный трибун, не покидавший Рима, мог быть в них замешан. Э. Филлипс считает, что обвинения, выдвинутые против Манилия, были связаны с его квестурой, которая, возможно, проходила в одной из провинций⁶⁰. Более удовлетворительное объяснение предложил Дж. Рэмзи: он связал обвинение Манилия в вымогательстве с одним из пунктов вышеупомянутого *lex Cornelia repetundarum* о возможности уголовного преследования третьего лица, которому достались похищенные деньги, – *quo ea pecunia pervenerit*⁶¹.

---

⁵⁷ См. *Phillips E. J. Cicero and the prosecution... P. 597; Ward A.M. Politics in the trials... P. 545-546.* Точка зрения А. Гриниджа, который полагает, что Манилий был обвинён по закону *de vi* за организацию беспорядков на первом судебном процессе Гая Корнелия в 66 г. (*Greenidge A.H.J. The legal procedure of Cicero's time. Oxf., 2004. P. 457*), может быть отвергнута как неподтверждаемая источниками.

⁵⁸ *Phillips E.J. Cicero and the prosecution... P. 597.* Гипотеза Р. Баумана (*Bauman R.A. The crimen maiestatis in the Roman Republic and Augustan Principate. Johannesburg, 1967*) по поводу того, что на основании *lex repetundarum* часто привлекали к суду тех правонарушителей, чьи действия попадали под действие закона *de maiestate*, поскольку таким образом было легче добиться осуждения (на неё ссылается А. Уорд: *Ward A.M. Politics in the trials... P. 549 n. 15*), – справедлива для должностных лиц, связанных с провинциальной администрацией, но никак не для народных трибунов. К данному случаю она едва ли применима.

⁵⁹ *Hough J. The lex Lutatia and the lex Plautia de vi // AJPh. 1930. Vol. 51. P. 142.* Подробнее об этом см. в §3 главы II.

⁶⁰ *Phillips E.J. Cicero and the prosecution... P. 597.*

⁶¹ См.: *Ramsey J.T. The prosecution of C. Manilius... P. 329-331.*

Манилий обратился к Цицерону с просьбой об отсрочке для подготовки к защите⁶². По общепринятой практике судебное заседание назначалось на десятый день после подачи жалобы (*Cic. Q. fr.*, II, 11(13), 2; *Ascon.* 59 Clark). Однако заметим, что, очевидно, данное правило законодательно не было закреплено. Так, Асконий пишет, что на процессе Гая Корнелия претор Кассий назначил разбирательство дела на десятый день, «как велит обычай» («*ut mos est*») (*Ascon.* 59 Clark). По-видимому, именно данное обстоятельство позволило Цицерону отступить от привычной процедуры. Он дал Манилию лишь один день для подготовки и назначил слушание на 29 декабря – последний день, когда он ещё исполнял обязанности претора⁶³.

Действия Цицерона были прямым нарушением сложившейся судебной практики. Очевидно, у оратора были свои причины желать, чтобы процесс состоялся именно в том году, когда он был председателем судебной комиссии по разбору этого дела. Исследователи выдвигают различные варианты объяснения мотивов, двигавших Цицероном. Наиболее убедительным кажется предположение, что Цицерон стремился в этом вопросе остаться в положении беспристрастного третейского судьи. В следующем году, конечно, сторона защиты попыталась бы привлечь его на свою сторону. Цицерон же не хотел быть адвокатом Манилия, за обвинителями которого стояли могущественные оптиматы, однако не желал прямым отказом раздражать Помпея и его

---

⁶² По мнению А.Уорда, целью Манилия было протянуть время и дожидаться, когда Цицерон закончит исполнение обязанностей претора и сможет сам выступить в его защиту на суде (*Ward A.M. Politics in the trials... P. 546*). Это предположение выглядит весьма вероятным.

⁶³ Установленный обычаем продолжительный временной промежуток между *nominis delatio* и собственно судебным заседанием опровергает гипотезу ряда авторов о том, что обвинение Манилия в *quaestio de repetundis* имело целью «нейтрализовать» Цицерона как возможного защитника (*Seager R. Pompey the Great. A political biography. Oxf., 2002. P. 64; Fantham E. The trials of Gabinius in 54 B.C. // Historia. 1975. Bd. 24. S. 439 n. 34*). Иначе нам придется допустить, будто противники Манилия знали, что Цицерон отступит от традиционной процедуры. Сама *nominis delatio* состоялась либо 28 декабря (по версии Диона), либо 27 декабря (по Плутарху): см. по этому вопросу *Phillips E.J. Cicero and the prosecution... P. 596*, а также *Ramsey J.T. The prosecution of C. Manilius... P. 323-324 n. 4*.

сторонников⁶⁴. По мнению Р. Смита⁶⁵, этой уловкой Цицерон пытался избежать исполнения обещания защищать Манилия, если последний будет привлечён к суду, которое он дал в своей речи «Pro lege Manilia»⁶⁶. Э. Филлипс, однако, доказывает, что такого обещания Цицерон не давал, а указанное место в речи означает не более чем гарантию полной поддержки внесённого Манилием законопроекта. С точки зрения данного исследователя, Цицерон, разумеется, не рассчитывал, что 29 декабря Манилий будет оправдан, так как едва ли удалось бы закончить рассмотрение подобного дела за один день. Однако он полагал, что, поскольку необходимо будет собрать новый состав суда, обвиняемый получит отсрочку, чтобы подготовиться к процессу⁶⁷. Если принять эту версию, то непонятно, почему сам Манилий так настойчиво добивался переноса процесса: получается, что он понимал свою выгоду иначе, чем Цицерон. Нам представляется, что в данном случае Цицерон всё-таки больше думал о своих интересах, чем об интересах подсудимого. Он колебался: действия бывшего трибуна не могли вызывать симпатии у всегда тяготевшего к умеренности оратора, и взять на себя его защиту он мог только для того, чтобы угодить Помпею. Однако, как показали дальнейшие события, остаться в стороне в этой ситуации ему не удалось.

Естественно, что поступок Цицерона навёл современников на мысль о враждебности претора к подсудимому. Обратимся к свидетельству Плутарха: «...Народ был возмущён, потому что как правило преторы давали обвиняемым по меньшей мере десять дней (εἰθισμένων τῶν στρατηγῶν δέκα τοῦλάχιστον ἡμέρας

---

⁶⁴ См. Crawford J.W. M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. Hypomnemata: Untersuchungen zur Antike und zu ihrem Nachleben. Н. 80. Göttingen, 1984. P. 65; Ward A.M. Politics in the trials... P. 547.

⁶⁵ Smith R.E. Cicero the statesman. Cambridge, 2010. P. 81.

⁶⁶ Cic. Leg. Man., 69: «При этих обстоятельствах, Гай Манилий, я прежде всего хвалю и полностью поддерживаю внесённый тобой закон, твоё решение и твоё суждение; затем я призываю тебя остаться, с одобрения римского народа, верным своему мнению и не страшиться ни насилия, ни угроз с чьей бы то ни было стороны. ... Сам же я обещаю и обязуюсь перед тобой и перед римским народом посвятить свершению этого дела всё своё усердие, ум, трудолюбие, дарование, всё то влияние, каким я пользуюсь благодаря милости римского народа, т.е. благодаря своей преторской власти, а также своему личному авторитету, честности и стойкости» (пер. В.О. Горенштейна).

⁶⁷ Phillips E.J. Cicero and the prosecution... P. 599-600.

διδόναι τοῖς κινδυνεύουσι). Народные трибуны привели Цицерона на ораторское возвышение (ἐπὶ τὸ βῆμα) и заявили, что он поступает недобросовестно, однако Цицерон, попросив слова, объяснил, что всегда бывал снисходителен и мягок с ответчиками – насколько, разумеется, позволяли законы, – а потому считал несправедливым лишить Манилия такого преимущества и умышленно отвёл для разбирательства тот единственный день, на который ещё распространяется его власть претора: оставить дело другому судье отнюдь не означало бы желания помочь. Эти слова вызвали в чувствах народа мгновенную перемену. Все шумно восхваляли Цицерона и просили его взять на себя защиту Манилия. Тот охотно согласился (главным образом – в угоду Помпею, которого тогда не было в Риме) и, снова выступив перед народом, сказал речь, полную горячих нападок на приверженцев олигархии и завистников Помпея (τῶν ὀλιγαρχικῶν καὶ τῷ Πομπηίῳ φθονούντων)» (*Plut. Cic. 9, 4-6* – перевод С.П. Маркиша). В изложении Диона Кассия эпизод выглядит следующим образом: «Вскоре после этого, когда оптиматами была начата тяжба против Манилия и последний пытался получить отсрочку, Цицерон старался всеми способами ему помешать, и неохотно отложил рассмотрение дела на следующий день, заявив в качестве оправдания, что год подходит к концу. Он имел возможность так поступить, потому что был претором и председателем суда. Затем, когда толпа выразила своё недовольство, он пришёл на собрание, будучи принуждён это сделать, как он заявил, трибунами; и, обрушившись с нападками на сенат (κατὰ τε τῆς βουλῆς κατέδραμε), он обещал выступить в защиту Манилия. Благодаря этому он приобрёл плохую репутацию и был прозван перебежчиком (αὐτόμολος). Но немедленно начавшиеся беспорядки помешали созвать суд» (*Dio XXXVI, 44, 1-2*). Сообщения обоих греческих авторов, как мы видим, в основном совпадают, хотя рассказ Диона очевидно несёт в себе следы враждебной Цицерону традиции⁶⁸. Когда именно состоялась созванная трибунами сходка, сказать сложно. Сообщения Плутарха и Диона Кассия оставляют впечатление, что это был день непосредственной подачи

---

⁶⁸ По поводу антицицероновской традиции в труде Диона Кассия см. *Millar F. A study of Cassius Dio. Oxf., 1964. P. 46-55.*

жалобы. Более вероятно, однако, что *contio* была созвана непосредственно 29 декабря, в день, на который было назначено судебное заседание⁶⁹.

Таким образом, по Диону, в 66 г. процесс над Манилием так и не состоялся. Некоторые исследователи, правда, считают, что Дион Кассий отнёс к концу 66 г. беспорядки на процессе Манилия в 65 г.⁷⁰. Однако аргументы в пользу данной точки зрения не кажутся достаточно вескими, так как никаких достоверных свидетельств о судебном процессе в 66 г. мы не находим. Исходя из этого, гораздо логичнее предположить, что его просто не было, т.е. заседание суда так и не состоялось⁷¹.

Имена народных трибунов, созвавших сходку, неизвестны, но, по всей видимости, они были «помпеянцами»⁷². Очень вероятно, что они действовали по договорённости с Манилием. Главной их целью было «повлиять» на Цицерона и заставить того принять на себя обязательства по защите Манилия, от которой оратор старался уклониться. Эта задача была выполнена: Цицерон, оценив ситуацию, решил открыто встать на сторону Помпея.

Таким образом, мы можем предложить два варианта реконструкции событий последних дней 66 г. Наиболее вероятный из них следующий. 29 декабря, до начала судебного заседания, трибуны созвали народную сходку. Они

---

⁶⁹ *Phillips E.J. Cicero and the prosecution...* P. 600. Одним из главных аргументов в пользу этого может служить появление 29 декабря на форуме вооружённого Катилины (об этом эпизоде более подробно см. далее).

⁷⁰ *Phillips E.J. Cicero and the prosecution...* P. 603; *Gelzer M. Cicero. Ein biographischer Versuch.* Wiesbaden, 1969. S. 60, 65.

⁷¹ Такого же мнения придерживается, например, Э. Груэн: *Gruen E.S. The last generation...* P. 262.

⁷² Э. Филлипс, напротив, полагает, что эти трибуны служили орудием враждебных подсудимому оптиматов. По его мнению, Цицерон и Манилий, скорее всего, уже обо всем договорились между собой и действовали совместно, а, созвав сходку и обвинив Цицерона, трибуны попытались нарушить их планы (*Phillips E.J. Cicero and the prosecution...* P. 600-603). С этой точкой зрения мы не можем согласиться. Как показал Р. Морстейн-Маркс в своём исследовании о римских *contiones*, их устроители старались приглашать на них в первую очередь своих сторонников – участникам сходок порой даже платили деньги. Приглашение оппонентов (в роли которого в данном случае выступил Цицерон) имело целью, прежде всего, оказать на них психологическое давление (*Morstein-Marx R. Mass oratory and political power in the late Roman Republic.* Cambridge, 2004. P. 160 ff., 281). Однако народ, собравшийся на сходку 29 декабря, явно был настроен в пользу Манилия, а выступление Цицерона, направленное против врагов Помпея, встретил восторженно.

пригласили на неё Цицерона и обвинили его в предвзятости по отношению к Манилию. Цицерон попросил слова и объяснил мотивы своего поведения. Его речь вызвала одобрение собравшихся, которые взяли с него обещание защищать Манилия. Цицерон опять взял слово и произнёс речь, направленную против врагов Помпея. Однако, будучи претором и председателем суда, Цицерон защищать Манилия не мог. Именно поэтому сторонники Манилия сочли за лучшее устроить беспорядки и не дать суду собраться в текущем году. Можно также предположить, что Манилий и его подручные не очень поверили словам Цицерона и захотели отрезать оратору путь к отступлению.

Второй вариант: судебное заседание было заранее сорвано учинёнными сторонниками Манилия беспорядками, а вместо него трибунами была созвана народная сходка. В таком случае Дион Кассий перепутал последовательность событий, – сначала произошли беспорядки, а затем собралась сходка. Организаторы беспорядков не могли не понимать, что враги Помпея не успокоятся и предпримут дальнейшие попытки добиться осуждения Манилия. Именно поэтому они добились от Цицерона обещания взять на себя его защиту.

Опасения сторонников Манилия оправдались: в следующем, 65 г. он снова был привлечён к суду⁷³. Вопрос о том, какое обвинение было предъявлено ему на этот раз, также спорен. Согласно схолиасту из Боббио, это было обвинение в оскорблении величия (*de maiestate*) (*Schol. Bob. 119 Stangl*). Обвинителем на сей раз выступил некий Гней Минуций. Основанием для обвинения *de maiestate* как раз и могли послужить беспорядки, устроенные в суде 29 декабря 66 г., которые недруги Манилия, вероятно, попытались представить как оскорбление величия председательствовавшего магистрата⁷⁴.

---

⁷³ Точная дата на этот раз неизвестна. Однако маловероятно, чтобы недруги Манилия стали затягивать дело; Ф. Мюнцер поэтому предполагает, что новый судебный процесс должен был состояться в январе (*Münzer F. Manilius (10) // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 1134*).

⁷⁴ См.: *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 582*. Однако некоторые исследователи сомневаются в достоверности сообщения схолиаста и приводят ряд доводов, его опровергающих. Так, Э. Филлипс пишет, что в 65 г. имели место два процесса над Манилием – в январе и, возможно 5 февраля, и оба они проходили в *quaestio de repetundis* (*Phillips E.J. Cicero and the prosecution... P. 603-606*). Однако приводимые им аргументы не кажутся нам достаточно вескими, чтобы исходя из них пренебрегать ясным и недвусмысленным указанием источника на обвинение именно *de*

Однако судебный процесс снова не состоялся: Манилий сорвал его при помощи «главарей шаяк» (*operarum duces*) (*Ascon.* 60 Clark)⁷⁵. По-видимому, об этих же беспорядках рассказывает и схолиаст из Боббио (*Schol. Bob.* 119 Stangl). Манилий прибегнул к испытанному способу: ещё до начала защитительной речи подсудимого его сообщники окружили Минуция, чтобы «убедить» его отказаться от обвинения. На помощь Минуцию пришел Луций Домиций Агенобарб – тот самый, который противодействовал Манилию во время борьбы за принятие закона о голосовании вольноотпущенников. Тем не менее, Манилий своего добился, так как заседание было прекращено.

На этих событиях следует остановиться поподробнее. Дело в том, что Цицерон, рассказывая о беспорядках на втором процессе Манилия, загадочно намекает на то, что за ними стояли «могущественные люди» (*magni homines*) (*Ascon.* 66 Clark). Асконий, комментируя это место, поясняет, что Цицерон имеет в виду Катилину и Гнея Пизона.

Имя Луция Сергия Катилины уже не впервые появляется в источниках в связи с событиями конца 66 – начала 65 гг. Цицерон сообщает, что ещё 29 декабря 66 г. Катилина, вооружённый (*cum telo*), появился на форуме (*Cic. Cat.* I, 15). Патетическое заявление оратора о том, что Катилина в этот день замышлял убийство консулов и первых граждан, конечно, безосновательно. Намного более

---

maiestate (по этому поводу см., напр.: *Ramsey J.T.* The prosecution of C. Manilius... P. 334; *Ward A.M.* Politics in the trials... P.548-549). Дж. Рэмзи предлагает свою версию: в 65 г. было два процесса, из которых первый - *de repetundis*, второй - *de maiestate* (*Ramsey J.T.* The prosecution of C. Manilius... P. 331 n. 37). Вышеперечисленным исследователям возражают Дж. Кроуфорд (*Crawford J. M.* Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. P. 65) и Э. Груэн (*Gruen E.S.* The last generation... P.262 n. 5), которые утверждают, что процесс был всего один – по обвинению *de maiestate*. Особой точки зрения придерживаются М. Гельцер (*Gelzer M.* Cicero. Ein biographischer Versuch. S. 60, 65) и Д. Стоктон (*Stockton D.* Cicero. A political biography. Oxf.-N.Y., 1988. P. 71): они полагают, что после произошедших беспорядков дело Манилия вообще так никогда и не было доведено до суда.

⁷⁵ Некоторые авторы ошибочно относят это сообщение Аскония к суду над Гаем Корнелием в 66 г., который также не состоялся из-за начавшихся беспорядков (*Gelzer M.* Cicero. Ein biographischer Versuch. S. 63; *Griffin M.* The tribune C. Cornelius... P. 209, 212). Обоснованные возражения против этого см.: *Ward A.M.* Politics in the trials... P. 549; *Ramsey J.T.* Asconius P. 60 (Clark)... P. 368-369.

вероятным кажется предложение соотнести действия Катилины с первым судом над Манилием⁷⁶.

Таким образом, какой-то всплеск активности со стороны Катилины и его сторонников в данный период, по-видимому, имел место. И если изложенное выше объяснение действий Катилины в декабре 66 г. правильно, то весьма вероятно продолжение «сотрудничества» между Манилием и Катилиной впоследствии. Об этом косвенно свидетельствуют также рассказы древних авторов о так называемом «первом заговоре Катилины». Само существование этого заговора в настоящий момент большинством исследователей ставится под сомнение, но какая-то историческая основа в сообщениях о нём, возможно, присутствует⁷⁷. Поэтому следует с доверием отнестись к сообщению Аскония о том, что именно Катилина, на сей раз уже вместе с Гнеем Пизоном, стоял за организацией беспорядков на процессе Манилия в 65 г.⁷⁸.

Тем не менее, практически невероятно, чтобы Катилина и Пизон действовали по собственной инициативе. Очевидно, что не их Цицерон имел в виду, говоря о *magni homines*: за ними стоял кто-то другой, и более влиятельный⁷⁹.

---

⁷⁶ Существование этой связи признаётся многими авторами, которые считают действия Катилины «помпеянской» демонстрацией в поддержку Манилия: *Gelzer M. Sergius (23) // RE. 1923. Bd. II A. Sp. 1697*; *Seager R. The first Catilinarian conspiracy // Historia. 1964. Bd. 13. P. 344-345*; *Phillips E.J. Cicero and the prosecution... P. 602-603*. Э.Г. Харди вообще считает, что весь рассказ Цицерона о «*magni homines*» относится не ко второму процессу Манилия, а к беспорядкам 29 декабря 66 г. (*Hardy E.G. The Catilinarian conspiracy... P. 161*). Против точки зрения последнего у нас есть несколько аргументов. Не совсем понятно, зачем Цицерону было делать столь туманные намёки, если Катилина, как мы видим, действовал, не таясь. Никаких упоминаний о Пизоне в отрывке *Cic. Cat. I, 15* также нет. Да и вообще, если мы принимаем толкование действий Катилины 29 декабря как демонстрации в поддержку Манилия и, соответственно, Помпея, то участие в них Пизона – заклятого врага Помпея, убитого, возможно, с прямого одобрения последнего (см.: *Ascon. 92 Clark*; *Sall. Cat. 19, 1-5*), – практически исключено.

⁷⁷ См. *Gruen E.S. Notes on the 'First Catilinarian Conspiracy' // CPh. 1969. Vol. 64. P. 20-24*; *Seager R. The first Catilinarian conspiracy // Historia. 1964. Bd. 13. P. 342-345*. Во всяком случае, мысль объяснить возникновение слухов и рассказов о мифическом «заговоре» насильственными действиями Катилины в защиту Манилия кажется привлекательной.

⁷⁸ Хотя Асконий и сопровождает свои слова не совсем определённым «*videtur*»: «*L. Catilinam et Cn. Pisonem videtur significare*» (*Ascon. 66 Clark*).

⁷⁹ По этому поводу также высказываются различные предположения. Э. Груэн, например, акцентирует внимание на личных связях между Катилиной и Квинтом Лутацием Катулом,

Наиболее продуктивной кажется попытка связать действия Катилины и Пизона с интригами Красса⁸⁰. Мы вправе задаться вопросом, зачем Манилию вообще понадобилось ещё раз срывать судебное заседание. Очевидно, он не был уверен в его благоприятном для себя исходе. Помпея в Риме не было, а на содействие его друзей Манилий, возможно, не слишком рассчитывал. То, что, например, его предполагаемый защитник Цицерон в прошлом году занял двойственную позицию, не могло внушить Манилию дополнительной уверенности. Возможно, он решил перестраховаться и заручиться поддержкой со стороны. В этом случае Красс был единственным подходящим вариантом. Наличие связей между Гнеем Пизоном и Крассом в этот период не вызывает сомнений (*Sall. Cat. 19, 1*)⁸¹. Сказать то же самое о Катилине мы не можем, но у того могли быть свои мотивы принять участие в этом деле⁸².

В тот период судьба Манилия, конечно, едва ли могла заботить Красса. Более того, у Красса были все основания относиться к Манилию неприязненно из-за его действий в поддержку Помпея в период трибуната. Однако здесь мог скрываться здравый политический расчёт: подвернулась дополнительная возможность продемонстрировать своё влияние и нанести удар по авторитету Помпея, который не смог защитить своего сторонника. Взвесив всё, Красс решил действовать при помощи насилия, используя в качестве исполнителей Катилину и Пизона.

Эти обстоятельства ещё раз демонстрируют непрочный и временный характер связи между Помпеем и Манилием. Ни Помпей, ни Цицерон, очевидно, не желали любой ценой защищать Манилия. Контакты последнего с Крассом в их глазах послужили дополнительным аргументом против него. Сама личность

одним из вождей сенатской оппозиции Помпею в 67-66 гг. (*Gruen E.S. Notes... P. 24*). Однако тогда в действиях Катилы не просматривается никакой логики: ведь он принадлежал к числу оптиматов-организаторов процесса Манилия, и должен был быть прямо заинтересован в осуждении последнего.

⁸⁰ Аргументацию см.: *Gelzer M. Cicero. Ein biographischer Versuch. S. 65-66*; *Ward A.M. Politics in the trials... P. 551-552*. О политической деятельности Красса в этот период см.: *Parrish E.J. Crassus' new friends and Pompey's return // Phoenix. 1973. Vol. 27. P. 358 ff.*

⁸¹ См. по этому вопросу: *Gruen E.S. Notes... P. 24*; *Idem. Pompey and... P. 159-161*.

⁸² *Ward A.M. Politics in the trials... P. 552*.

Манилия – прямо скажем, малосимпатичная⁸³ – его приверженность к насилию не могли, конечно, не вызывать отторжения у человека такого склада, как Цицерон (*Ascon.* 65-66 Clark). Теперь у него возникли вполне законные основания для того, чтобы нарушить данное им обещание. Манилия решено было предоставить его судьбе.

Несмотря на все усилия Манилия и его доброжелателей, дело бывшего народного трибуна было всё-таки доведено до конца. Был принят сенатусконсулт, предписывавший консулам 65 г. Луцию Аврелию Котте и Луцию Манлию Торквату взять суд под свою защиту (*Ascon.* 60 Clark)⁸⁴. Тем самым участь Манилия была решена: виновность его была несомненна, поддержку Помпея он утратил, а Красс или не захотел, или не смог помочь ему законными средствами. Процесс возобновился, и Гай Манилий был осуждён – скорее всего, в своё отсутствие⁸⁵. После этого его имя навсегда исчезает с политической сцены Республики; о дальнейшей его судьбе нам ничего неизвестно.

Мы не можем с точностью сказать, выполнил ли Цицерон данное им в декабре 66 г. обещание защищать Манилия. У грамматика Нония Марцелла мы находим одну фразу из речи Цицерона «Pro Manilio»: «hic ego non solum confiteor verum etiam profiteor» (« я не только это признаю, но и открыто [об этом] заявляю») (*Cic. Man.* 397-398 Schoell). Следовательно, какая-то речь Цицерона,

---

⁸³ Веллей Патеркул, например, даёт Манилию следующую нелестную характеристику: «[человек] всегда продажный и орудие чужой власти» («semper venalis et alienae minister potentiae») (*Vell.* II, 23, 1).

⁸⁴ См.: *Marshall B.A.* The vote of a bodyguard for the consuls of 65 // *CPh.* 1977. Vol. 72. P. 319-320. По всей видимости, нового обвинения Гаю Манилию не было предъявлено, и второй процесс в 65 г. был простым продолжением первого (*Phillips E.J.* Cicero and the prosecution... P. 604-605). Ряд авторов (по нашему мнению, без достаточных на то оснований) даже называют точную дату этого заседания – 5 февраля: *Seager R.* The first Catilinarian... P. 345; *Phillips E.J.* Cicero and the prosecution... P. 606.

⁸⁵ *Ascon.* 60 Clark: «...non respondisset atque esset damnatus». Однако мы отдаём предпочтение конъектуре Т. Штангла: «...non respondisset *absensque* esset damnatus» (*Ascon.* 49 Stangl). С нашей точки зрения, велика вероятность того, что Манилий отправился в изгнание добровольно (*Ward A.M.* Politics in the trials... P. 554).

направленная в поддержку Манилия, существовала. Однако факт выступления Цицерона на самом суде вызывает у нас сомнения⁸⁶.

С судебным преследованием Гая Манилия, как мы уже отмечали выше, неразрывно связаны уголовные процессы над его предшественником, народным трибуном 67 г. Гаем Корнелием. Последний в период своего пребывания в должности действовал не менее активно и энергично. С именем Корнелия, как и Манилия, ассоциируется целый ряд громких законопроектов, вызвавших очевидное неудовольствие сенатской верхушки⁸⁷.

Если Манилий, как мы попытались доказать, стал «человеком Помпея» во многом случайно, то о Гае Корнелии сказать этого нельзя. Трибун, очевидно, был близок к Помпею Великому чуть ли не с самого начала своей политической карьеры. В 70-е гг. он был у Помпея квестором (*Ascon.* 57; 61 Clark)⁸⁸.

В 66 г., по окончании срока своего трибуната, Корнелий был привлечён к суду по обвинению в преступлении против величия. Атаку против Корнелия, на наш взгляд, нужно рассматривать, во-первых, как месть со стороны сенатской верхушки за законопроекты, внесённые тем в период своего трибуната, а во-вторых (и здесь можно провести аналогию с судом над Манилием), – как косвенный удар по Помпею, который сам был пока недосягаем для своих врагов.

---

⁸⁶ М. Гельцер полагает, что приведённый отрывок относится к речи, которую Цицерон произнёс на сходке в декабре 66 г. (*Gelzer M. Cicero. Ein biographischer Versuch. S. 60 Anm. 72; 65*). Этой точки зрения придерживаются также Э. Филлипс (*Phillips E.J. Cicero and the prosecution... P. 606*) и Дж. Рэмзи (*Ramsey J.T. The prosecution of C. Manilius... P. 335-336*). В поддержку того мнения, что Цицерон всё-таки защищал Манилия, высказываются Э. Груэн (*Gruen E.S. The last generation... P. 262 n. 7*), А. Уорд (*Ward A.M. Politics in the trials... P. 552-553*) и Р. Сигер (*Seager R. Pompey the Great... P. 212 n.16*). Дж. Кроуфорд не отдаёт предпочтения ни той, ни другой версии (*Crawford J. M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. P. 64*).

⁸⁷ Мы не будем здесь подробно разрабатывать эту тему, по которой существует обширная литература, тем более, что мы уже затрагивали её в §1 главы II.

⁸⁸ Т. Броутон (*Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. II. P. 122*) пишет, что Гай Корнелий служил под началом Помпея в Испании, во время войны с Серторием, т.е. был квестором не позднее 71 г. Р. Льюис (*Asconius Pedianus. Commentaries on speeches by Cicero / Trans. and comm. by R.G. Lewis. Oxf., 2006. P. 261*) не отрицает такой возможности, но полагает, что Корнелий мог исполнять квестуру также и во время консульства Помпея в 70 г.

Главным обвинителем выступил Публий Коминий, римский всадник из г. Сполетий; субскриптором стал его брат Луций (*Ascon.* 59 Clark)⁸⁹. Мы не склонны искать в действиях братьев Коминиев какие-либо политические мотивы. Не подлежит сомнению, что они были опытными судебными ораторами и известными обвинителями⁹⁰. В частности, между 74 и 70 гг. Коминии выступали с обвинением (также в оскорблении величия) на процессе сенатора Гая Элия Стайена⁹¹. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с «профессиональными» обвинителями, которые за деньги были наняты врагами Корнелия из лагеря лидеров сената для того, чтобы возбудить иск, – тем более что Коминии уже обладали успешным опытом выступлений в процессах *de maiestate*⁹². Основания, на которых бывшему трибуну было предъявлено обвинение в таком преступлении нам, строго говоря, неизвестны, поскольку наш главный источник Асконий о них умалчивает. Но весьма вероятно, что

---

⁸⁹ В тексте Аскония второй брат Коминий именуется Гаем. Цицерон называет первого брата Публием, а второго – Луцием (*Cic. Cluent.*, 100). Э. Бэдиан (*Badian E. Review on: Malcovati H. Oratorum Romanorum fragmenta liberae rei publicae iteratis curis recensuit collegit // JRS. 1956. Vol. 46. P. 220*) отдаёт предпочтение сообщению Цицерона, который обращался к судьям, знавшим Коминиев лично. Противоположного мнения придерживается Ф. Мюнцер (*Münzer F. Cominius (4) // RE. 1900. Bd. VII. Sp. 607; Idem. Cominius (8) // RE. 1900. Bd. VII. Sp. 608*; однако в то же время немецкий исследователь несколько раз путает Гая Коминия с Публием – в частности, пишет, вопреки ясному указанию Аскония, что именно Гай был главным обвинителем на процессе трибуна Корнелия). Дж. Кроуфорд предлагает ещё два возможных объяснения этих разночтений: ошибки переписчиков – тогда мы никогда не узнаем настоящее имя второго брата; существование не двух, а трёх братьев Коминиев – в таком случае правы и Цицерон, и Асконий (*M. Tullius Cicero. The fragmentary speeches / Ed. and comm. by J.W. Crawford. Atlanta, 1994. P. 65*). По-видимому, на настоящий момент этот вопрос едва ли может быть решён однозначно.

⁹⁰ Асконий с большой похвалой отзывается о речи Публия Коминия против Гая Корнелия (*Ascon.* 61 Clark). Она была известна ещё Тациту примерно полстолетием позже (*Tac. Dial.*, 39).

⁹¹ См. процесс № 1 в Приложении 2.

⁹² Нам кажется достаточно правдоподобной давно уже высказанная гипотеза о том, что именно Публий Коминий является адресатом одной из едких эпиграмм Катулла (*Catull. Carm.*, CVIII) (см., напр.: *Ellis R. A commentary on Catullus. Oxf., 1876. P. 386-387*). В пользу этого свидетельствуют некоторые косвенные признаки. Во время создания эпиграммы (60 или 50-е гг.) Публий Коминий мог быть уже немолодым человеком (известно, что он скончался незадолго до написания трактата «Брут», т.е. до 46 г. – *Cic. Brut.*, 271); Катулл также отмечает «седовласую старость» (*sana senectus*) своего адресата. Слова поэта об «*inimica bonorum lingua*» бранимого им Коминия, на наш взгляд, могут являться намёком как раз на его деятельность в качестве обвинителя (о негативном отношении римского общества к этому ремеслу мы уже рассуждали в §2 главы I). Поводом для написания эпиграммы мог стать как суд над Корнелием, так и любой другой уголовный процесс, нам неизвестный, в котором Коминий выступал обвинителем.

содержание обвинения было таким же, как и на следующем процессе Корнелия в 65 г., о котором мы будем говорить чуть ниже.

Председателем в *quaestio de maiestate* в 66 г. был претор Луций Кассий (*Ascon. 59 Clark*)⁹³. Согласно обычаю, он предоставил Корнелию отсрочку для подготовки к процессу, назначив заседание на десятый день после *nominis delatio*. Но в назначенный срок сам претор в суд не пришёл. Асконий рассказывает об этом следующим образом: «...он не явился, или будучи занят заботой об общественном хлебе, или угождая подсудимому» («*non adfuisset seu avocatus propter publici frumenti curam seu gratificans reo*») (*Ascon. 59 Clark*). Очень вероятно, что претор Кассий состоял в сговоре с Корнелием; первая версия похожа на неуклюжую попытку претора задним числом оправдать свои действия. Обвинители, видимо, были застигнуты врасплох. По закону в этом случае заседание должно было быть перенесено на другой день. Однако замысел Корнелия (или его сторонников и покровителей) состоял не в том, чтобы оттянуть процесс, – он намерен был полностью сорвать его. Снова процитируем рассказ Аскония: «Обвинители были окружены перед трибуналом известными главарями шаек (*a notis operarum ducibus*), так что им угрожала смерть, если бы они немедленно не отказались [от обвинения]. Они едва избежали гибели благодаря вмешательству консулов, которые согласились быть заступниками подсудимого (*qui advocati reo descenderant*). Коминии убежали на какой-то чердак (*in scalas quasdam fugissent*), спрятались там, скрытые ночной темнотой, а оттуда по крышам соседних зданий бежали из города. На следующий день, когда Публий Кассий прибыл на заседание и назначенные обвинители не явились, имя Корнелия было вычеркнуто из списка подсудимых (*exemptum nomen est de reis Corneli*); Коминии же стали пользоваться весьма дурной славой из-за того, что продали

---

⁹³ Во всех известных рукописях Аскония претору Кассию дается *praenomen* Публий. Однако у нас есть серьёзные основания предполагать, что в данном случае имеет место ошибка либо самого Аскония, либо, скорее, его переписчиков. В настоящий момент принято исправлять *praenomen* на Луций и определять претора 66 г. как Луция Кассия Лонгина, соперника Цицерона на консульских выборах 64 г. и будущего участника заговора Катилины (*Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. II. P. 152; Marshall B.A. A historical commentary on Asconius. Columbia, 1985. P. 222*). Подробнее о нём см: *Münzer F. Cassius (64) // RE. 1899. Bd. III. Sp. 1738-1739*.

своё молчание за большие деньги (*magna infamia flagrauerunt vendidisse silentium magna pecunia*)» (*Ascon.* 59-60 Clark).

Таким образом, уголовный процесс был сорван. Мы не располагаем данными о том, когда именно состоялось заседание, о котором рассказывает Асконий, но, несомненно, эти события произошли раньше суда над Манилием, который должен был состояться в последний день 66 г. Возможно, что Манилия, который тоже устроил беспорядки в суде, в какой-то степени вдохновил пример удачных действий своего предшественника. Опираясь на слова Цицерона о «соломенных чучелах, выставленных у всех на виду для испытания риска» («*homines faeneos in medium ad temptandum periculum proiectos*») (*Cic. Corn. I, fr. 8 P apud Ascon.* 62 Clark), сказанные по поводу процесса Манилия *de repetundis*, можно предположить, что враги Корнелия сделали паузу: они дожидались осуждения одного трибуна, которое должно было казаться им весьма вероятным, с тем, чтобы снова обрушиться на другого. Их надежды оправдались, хотя и не так скоро, как, возможно, они планировали. В 65 г. Манилий в конце концов был осуждён, причём осуждён, как было нами показано, за оскорбление величия. Настал черёд нанести новый удар. Кстати, на наш взгляд, именно осуждение Манилия в *quaestio de maiestate* могло отчасти повлиять на решение привлечь Корнелия к суду именно в данной комиссии, а не в *quaestio de vi*, например (ведь Корнелий фактически силой разогнал заседание суда!). Однако, вероятно, его недоброжелатели надеялись, что, осудив одного бывшего трибуна, та же самая комиссия осудит и другого⁹⁴.

Асконий приписывает главную инициативу возобновления судебного преследования Корнелия обвинителю Коминию, что, на наш взгляд, неверно. Как мы показали, весьма возможно, что Коминии были наёмными обвинителями, и уж во всяком случае, за их спинами стояли очень могущественные люди. Дело Корнелия было очень громким и вызвало настоящий ажиотаж в народе⁹⁵. Едва ли

---

⁹⁴ Ramsey J.T. *Asconius P. 60 (Clark)... P. 371.*

⁹⁵ «*Res acta est magna exspectatione*» (*Ascon.* 60 Clark); «*res acta est magno conventu, magna exspectatione quis eventus iudicii futurus esset*» (*Ascon.* 61 Clark).

враги трибуна так просто смирились бы с поражением. С нашей точки зрения, именно они либо уговорили Коминия снова выступить с обвинением, либо тот сам предугадал их желания, предложив свои услуги. Сам Корнелий, на которого произвела впечатление судьба Манилия, на сей раз явился в суд всего с несколькими спутниками, чтобы ни у кого не возникло даже тени сомнения в его законопослушности (*Ascon.* 60 Clark).

Последующий рассказ Аскония ясно демонстрирует, какие серьёзные политические деятели были заинтересованы в осуждении Корнелия. Свидетелями обвинения на процессе выступили «первые люди государства, которые обладали большим влиянием в сенате» («*principes civitatis qui plurimum in senatu poterant*»): Квинт Гортензий (консул 69 г.), Квинт Лутаций Катул (консул 78 г.), Квинт Цецилий Метелл Пий (консул 80 г.), Марк Теренций Варрон Лукулл (консул 73 г.) и Мамерк Эмилий Лепид (консул 77 г.)⁹⁶ (*Ascon.* 60 Clark). Все пятеро – это консуляры, консерваторы, экс-сулланцы и все пятеро – политические противники Помпея (кроме, может быть, Мамерка Лепида). Квинт Гортензий и Квинт Катул, ко всему прочему, были связаны тесными родственными узами (Гортензий был женат на сестре последнего). Марк Лукулл являлся братом Луция Лициния Лукулла, непримиримого врага Помпея⁹⁷. Согласно Валерию Максиму, озлобление свидетельствовавших против Гая Корнелия «*principes civitatis*» было столь велико, что они чуть ли не требовали смерти бывшего трибуна, «утверждая,

---

⁹⁶ Вопрос об идентификации последнего свидетеля из этого списка, Лепида, является дискуссионным. Из трёх сохранившихся рукописей Аскония две приводят явно ошибочный графопомеи «Луций» (L.), а одна – «Марк» (M.). Альдо Мануций первым предложил исправить M. (Марк) на M'. (Маний); это чтение было позднее принято всеми основными издателями (А. Кларк, Т. Штангл, Ч. Джиарратано). Если принять вариант Мануция, то получается, что Асконий имеет в виду Мания Эмилия Лепида, консула 66 г. (с чем соглашается, в частности, М. Гриффин: *Griffin M. The tribune...* P. 213). Однако немного ранее Асконий свидетельствует о том, что на предыдущем процессе консул Маний Лепид, напротив, выразил готовность быть заступником подсудимого. Мы предпочитаем присоединиться к мнению Дж. Самнера, который, приведя достаточно убедительные аргументы, предложил исправить «M.» на «Mam.» и идентифицировать этого Лепида с Мамерком Эмилием Лепидом Ливианом, экс-сулланцем и консулом 77 г. (*Sumner G.V. Manius or Mamercus? // JRS.* 1964. Vol. 54. P. 41-48). С таким прочтением соглашаются также Б. Маршалл (*Marshall B.A. A historical commentary...* P. 226-227) и Р. Льюис (*Asconius Pedianus. Commentaries on speeches by Cicero.* P. 266).

⁹⁷ Подробнее о личных связях между упомянутыми *principes civitatis* и взаимоотношениях их с Помпеем см., напр.: *Marshall B.A. A historical commentary...* P. 226-227.

что пока он жив, государству не знать покоя» («negantes illo incolumi stare rem publicam posse») (*Val. Max.* VIII, 5, 4). Сообщение Максима всё-таки кажется риторическим преувеличением, но, похоже, Корнелий действительно очень серьёзно настроил нобилей против себя.

Председательствовал в комиссии *de maiestate* в 65 г. претор Квинт Галлий (*Ascon.* 61 Clark). Цицерон был единственным защитником подсудимого. Процесс продолжался четыре дня; впоследствии Цицерон соединил материалы этих слушаний в две речи (*Ascon.* 62 Clark; ср. *Plin.Min.* Ep. I, 20, 8).

Благодаря Асконию сущность обвинения, выдвинутого против Корнелия, и стратегии, избранные как его противниками, так и стороной защиты, в основных чертах нам известны. Асконий сообщает: «Заявили же они [т.е. свидетели обвинения. – В.Х.] следующее: они видели, как Корнелий, будучи трибуном, сам зачитал табличку с текстом [закона] с ростр (*Cornelius in tribunatu codicem pro rostris ipse recitaret*), чего до Корнелия, как считалось, никто не делал⁹⁸. Они очень хотели, чтобы казалось, будто это дело рассматривается как относящееся к умалению величия (*ad crimen imminutae maiestatis pertinere*)⁹⁹; и в самом деле, если бы такие действия были позволены трибунам, право интерцессии было бы практически отменено (*prope tollebatur intercessio, si id tribunis permetteretur*). Цицерон не мог отрицать, что это действительно произошло. Он искал защиту в том, что заявил: прочтение таблички с текстом [закона] трибуном не есть умаление трибунской власти (*diceret non ideo quod lectus sit codex a tribuno imminutam esse tribuniciam potestatem*)» (*Ascon.* 60-61 Clark). Из изложения

---

⁹⁸ Речь идёт о законопроекте *de privilegiis*, согласно которому сенат лишился права освобождать какое-либо лицо от действия какого бы то ни было закона без санкции народного собрания. Данный эпизод подробно рассматривается нами в §1 главы II настоящей диссертации.

⁹⁹ А. Кларк, Т. Штангл и Ч. Джиарратано дают чтение «*ad crimen imminutae maiestatis tribuniciae pertinere*». В таком варианте фраза явно ошибочна, поскольку понятия «*maiestas tribunicia*» никогда не существовало и существовать не могло. Как мы уже обсуждали в §1 настоящей главы, *maiestas* присуще римскому народу и, соответственно, распространяется на избранных им магистратов, но никаким величием сама по себе трибунская власть не обладала. И. Орелли предлагает исправлять «*maiestatis tribuniciae*» на «*potestatis tribuniciae*» (*M. Tullii Ciceronis opera quae supersunt omnia ac deperditorum fragmenta* / Ed. Io. Casp. Orelli. Vol. V. Pars II. Turici, 1833. P. 60). Такой вариант не исключён, но, на наш взгляд, более правильно совсем исключить слово «*tribuniciae*», как предлагает Б. Маршалл (*Marshall B.A. A historical commentary... P. 227*).

Аскония можно понять, что деяние Гая Корнелия напрямую не попадало под действие закона Суллы *de maiestate*, на основании которого он был привлечён к суду. Однако сторона обвинения отстаивала необходимость более широкого толкования, напоминая, очевидно, на то, что действия Корнелия противоречат не букве, а самому духу закона. Поэтому в судебном разбирательстве рассматривались ещё два вопроса: во-первых, попадает ли то, что совершил Корнелий, под определение «оскорбление величия»; во-вторых, имел ли он намерение умалить величие (*Ascon.* 62 Clark). Таким образом, сам факт совершения деяния не оспаривался; суд лишь решал, как интерпретировать эти действия Корнелия.

Парадоксально, что лидеры сенатской группировки, бывшие сулланцы, которых едва ли можно заподозрить в искренних симпатиях к институту народного трибунала, в этом деле выступили как своеобразные «защитники» трибунского права на интерцессию. Цицерон, разумеется, уловил иронию ситуации и попытался представить дело так, будто нападение на Корнелия есть атака против трибунала в целом. Свидетелей обвинения он характеризует как «врагов трибунской власти» («*inimici tribuniciae potestatis*») (*Ascon.* 79 Clark). Веса его доводам добавляло также то обстоятельство, что в качестве свидетеля защиты был приглашён бывший народный трибун Публий Сервилий Глобул, тот самый коллега Корнелия, чьё право на интерцессию тот якобы преступил (*Ascon.* 61 Clark). Текст закона, уверяет оратор, Корнелий прочёл конечно же только для того, чтобы его напомнить («*defendebat testibus conlegis suis non se recitandi causa legisse, sed recognoscendi*») (*Cic. Vat.*, 5). Да и вообще, Корнелий действовал чрезвычайно умеренно, не в пример многим другим мятежным народным трибунам (*Ascon.* 71-72; 80 Clark). Двусмысленное положение стороны обвинения, блестящая защита Цицерона и влияние отсутствующего Помпея определили исход дела. Подавляющим большинством голосов («*magno numero sententiarum*») Корнелий был оправдан (*Ascon.* 81 Clark), причём за его оправдание голосовали не только всадники и эрарные трибуны, но и многие сенаторы (*Ascon.* 61 Clark).

Бесспорно, процесс Гая Корнелия стал подлинным бенефисом и большой удачей для его защитника Цицерона. Асконий восхищённо отмечает, «с каким мастерством и глубоким знанием искусства красноречия, – так что, с одной стороны, он и не оскорбил достоинства славнейших граждан, против которых говорил, а с другой, не позволил, чтобы их авторитетом был причинён вред подсудимому, – с какой умеренностью он повёл это дело, столь трудное для других» («*qua vero arte et scientia orationis ita ut et dignitatem clarissimorum civium contra quos dicebat non violaret, et tamen auctoritate eorum laedi reum non pateretur, quantaque moderatione rem tam difficilem aliis tractaverit*») (*Ascon.* 61 Clark; ср. *Quintil. Inst. orat.* VIII, 3, 3). Цицерон сумел и не испортить отношения с сенатской верхушкой, что было ему жизненно необходимо в свете предстоящего соискания консульства, и, выражаясь словами его брата Квинта, завладеть «массой городских избирателей и рвением тех, кто главенствует на народных сходках» («*urbanam idam multitudinem et eorum studia qui contiones tenent*») (*Q. Cic. Comm. Pet.*, 51 – пер. В.О. Горенштейна), и оказать дружескую услугу Помпею. Более того, как кажется, Цицерон смог заслужить также благожелательное отношение и некоторых сенаторов, которые сочувственно отнеслись к Корнелию (*Ascon.* 61 Clark)¹⁰⁰.

У самого Гая Корнелия дальнейшая политическая карьера не задалась. Должность трибуна, похоже, так и осталась для него последней, и после 65 г. он навсегда исчезает со страниц истории.

Таким образом, несмотря на многие схожие черты в деятельности Корнелия и Манилия и даже вероятное сотрудничество между ними, их участь оказалась абсолютно различной. Представляется, мы достаточно убедительно показали, что народный трибун Гай Манилий не был послушным орудием в руках могущественного Помпея, как это принято считать в историографии. Его действия во время трибуната на первых порах отличались известной самостоятельностью. Манилий обратился к Помпею потому, что он искал у него поддержки против своих могущественных врагов из лагеря нобилитета; с его

---

¹⁰⁰ *Ward A.M. Politics in the trials... P. 555-556.*

стороны это был, прежде всего, тактический ход. Однако и это не спасло его от осуждения. Данный факт также может служить косвенным подтверждением нашей точки зрения: Помпей не захотел любой ценой защищать Манилия. С другой стороны, Гай Корнелий, несомненно, был куда более близким к Помпею человеком. Именно это обстоятельство, а также, выражаясь современным языком, «имидж» более умеренного и здравомыслящего политика, умеющего вовремя остановиться, способствовали его оправданию.

3.3 Судебный процесс над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 58 г. до н.э.

В отличие от судебных процессов, рассмотренных нами в предыдущем параграфе, суд над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой¹⁰¹ в 59 г., как правило, остаётся за рамками внимания исследователей Поздней римской республики. Это неудивительно. 59 г. – год первого консульства Гая Юлия Цезаря, и без того бурный и богатый событиями, а сам Гай Антоний, как верно отмечает Э. Груэн, – личность слишком одиозная и непривлекательная, чтобы кто-то мог удивляться его осуждению и изгнанию или горевать о постигшем его несчастье¹⁰². Тем не менее, Гай Антоний занимал видное положение на политической сцене Республики, и события, связанные с судом над ним, на наш взгляд, заслуживают более детального рассмотрения.

Нам кажется необходимым сначала вкратце осветить основные вехи политической карьеры этого весьма примечательного персонажа. Гай Антоний был сыном знаменитого Марка Антония Оратора, консула 99 г., убитого в 87 г. по приказу Мария и Цинны (*Cic. Fam. V, 5; Asc. 82 Clark*). Точная дата его

---

¹⁰¹ О прозвище Гая Антония «Hybrida» («полудикий») сообщает только Плиний Старший (*Plin. Hist. nat. VIII, 213*).

¹⁰² *Gruen E.S. The trial of C. Antonius // Latomus. 1973. T. 32. P. 301.*

рождения неизвестна¹⁰³. Во время первой Митридатовой войны Гай Антоний отправился на Восток с армией Суллы. В период своего пребывания в Ахайе в должности префекта конницы он отметился многочисленными грабежами местного населения (*Ascon.* 84; 88 Clark). Вскоре после смерти Суллы, в 76 г., пострадавшие греки привлекли Гая Антония к суду перед претором Марком Лукуллом. Их представителем на процессе выступил молодой Гай Юлий Цезарь (*Ascon.* 84 Clark)¹⁰⁴.

Детальное рассмотрение этого дела не входит в наши задачи¹⁰⁵. Отметим лишь, что претор Лукулл утвердил требования греков; тогда Антоний отверг судебное решение и обратился за помощью к народным трибунам, дав клятву в том, что не может состязаться с противной стороной в суде на равных началах (*Q. Cic. Comm. pet.*, 8; *Ascon.* 84 Clark)¹⁰⁶. Трибуны приняли сторону Антония, и, таким образом, он выиграл процесс.

Однако Гай Антоний всё же не смог избежать наказания за свои действия. В 70 г. он был исключён из сената цензорами Луцием Геллием Попликолой и Гнеем Корнелием Лентулом Клодианом. Основанием для подобного шага как раз и послужили обвинения в грабеже союзников и сопротивлении суду, а также огромные долги, из-за которых Антоний вынужден был продать почти все свои поместья (*Q. Cic. Comm. pet.*, 8; *Ascon.* 84 Clark). Тем не менее, Антоний достаточно быстро смог восстановить своё положение. Возможно, свою роль здесь сыграли сулланское прошлое и семейные политические связи и влияние.

---

¹⁰³ С уверенностью можно сказать только, что Гай Антоний родился не позднее 105 г. – иначе он не смог бы стать консулом в 63 г. в силу возрастных ограничений. Скорее всего, он был даже на несколько лет старше.

¹⁰⁴ Ср.: *Plut. Caes.* 4, 1-2. Однако рассказ греческого биографа содержит целый ряд грубых ошибок; он даже называет Антония не Гаем, а Публием. См. по этому поводу: *Damon C., Mackay C.S. On the prosecution of C. Antonius in 76 B.C.* // *Historia.* 1995. Bd. 44. S. 37-38 n. 4.

¹⁰⁵ Практически все исследователи сходятся на том, что данный судебный процесс был не уголовным, а гражданским: *Alexander M.C. Trials in the late Roman Republic, 149 B.C. to 50 B.C.* Phoenix. Suppl. 26. Toronto, 1990. P. 71-72 (со ссылками на литературу); против – *Buckland W.W. Civil proceedings against ex-magistrates* // *JRS.* 1937. Vol. 27. P. 43. Наиболее убедительная, с нашей точки зрения, на настоящий момент полная реконструкция этих событий предложена американскими авторами С. Дэймон и К. Макэем (*Damon C., Mackay C.S. On the prosecution of C. Antonius...* S. 37-55).

¹⁰⁶ Подробнее о процедуре, к которой прибегнул Гай Антоний, см.: *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 266 n. 4; *Damon C., Mackay C.S. On the prosecution of C. Antonius...* S. 48.

Вместе с Цицероном Гай Антоний домогается претуры на 66 г. и достигает её¹⁰⁷. В 64 г. мы видим Антония уже кандидатом в консулы.

О своём намерении добиваться консульства на 63 г. объявили шесть претендентов – Публий Сульпиций Гальба, Квинт Корнифиций, Гай Лициний Сацердот, Луций Кассий Лонгин, Луций Сергий Катилина, Гай Антоний и Марк Туллий Цицерон, – но реальные шансы на победу были только у трёх последних (*Q. Cic. Comm. pet.*, 7-10; *Ascon.* 82-83 Clark). По итогам выборов консулами стали Цицерон и Гай Антоний, который на несколько голосов центурий обошел Катилину¹⁰⁸.

Однако, даже добившись желаемой цели, Антоний продолжал испытывать определённые затруднения, связанные с его бурным прошлым. Как мы упоминали ранее, уже в 70 г. у него были большие долги. Избирательные кампании перед выборами в преторы и, особенно, в консулы также должны были привести к серьёзным издержкам. В частности, Цицерон бросает обвинение в адрес Гая Антония, что тот, домогаясь консульства, в нарушение закона организовал на свои средства гладиаторские игры через подставное лицо (*Cic. Tog. cand. fr.* 12 *P. apud Ascon.* 88 Clark). Наиболее простым и быстрым способом улучшить своё материальное положение и расплатиться с долгами было получить после окончания срока консулата в управление какую-нибудь богатую провинцию, и, смеем предположить, Антоний питал на это большие надежды. Однако по жребию ему выпала Цизальпинская Галлия, в то время как его коллеге Цицерону – намного более доходная Македония. В данной ситуации Цицерон предложил Гаю Антонию обменяться провинциями. Этим ловким ходом оратор смог обеспечить себе поддержку коллеги, что в тот период было для него чрезвычайно важно (*Cic. Pis.*, 4-5; *Dio XXXVII*, 33, 4; *Sall. Cat.* 26, 4; *Plut. Cic.* 12, 4). Сам Цицерон управлять провинцией отнюдь не стремился и вскоре отказался от

---

¹⁰⁷ Цицерон (*Cic. Tog. cand. fr.* 5 *P. apud Ascon.* 85 Clark) говорит о том, что он в тот период поддерживал кандидатуру Гая Антония, и даже, в свойственной себе манере, заявляет о своём решающем вкладе в успех соискания последнего.

¹⁰⁸ Асконий (*Ascon.* 94 Clark) связывает данное обстоятельство с именем и репутацией отца Гая Антония.

предназначавшейся ему Цизальпинской Галлии, которая досталась, таким образом, пропретору Квинту Цецилию Метеллу Целеру (*Cic. Fam. V, 2, 3-4*).

Как известно, 63 г. вошёл в историю Рима как год заговора Катилины и блестящего триумфа консула Цицерона, который сыграл решающую роль в его подавлении. При этом Гай Антоний остался в тени замечательных успехов своего коллеги. Более того: прежние связи с Катилиной и плохая репутация подпитывали подозрения в его тайном соучастии в заговоре (*Sall. Cat. 21, 3*). Это мнение разделяют также отдельные исследователи нового и новейшего времени¹⁰⁹.

Как бы то ни было, с началом открытого мятежа Антонию было предоставлено командование войсками, выдвинутыми против Катилины. По всей видимости, он был не слишком доволен подобным поручением. Антоний действовал нерешительно¹¹⁰, а в день решающей битвы под Писторией в январе 62 г. сказался больным и передал командование армией своему легату Марку Петрею (*Dio XXXVII, 39, 2-4; Sall. Cat. 59, 4*). Такое поведение Антония ещё более укрепило у многих уверенность в том, что сам он, по крайней мере, сочувствует мятежникам¹¹¹. Тем не менее, он был официально провозглашён победителем Катилины и императором, а его фасции увиты лаврами (*Dio XXXVII, 40, 2; Obseq. 61a*).

---

¹⁰⁹ В этом не сомневается, например, Т. Моммзен (*Моммзен Т. История Рима. Т. 3. СПб., 1995. С. 123*). Нам, однако, это предположение кажется невероятным. Гай Антоний уже добился всего, чего желал; ему предстояло выгодное наместничество в Македонии, и с его стороны было бы чрезвычайно глупо участвовать в подобной аванюре и рисковать своим достигнутым, причём вполне законным путем, положением. Никаких достоверных данных в пользу участия Антония в заговоре нет – только смутные подозрения и распускаемые его врагами слухи. Поэтому мы склонны согласиться с Э. Груэном, который полагает, что было бы совершенно неверно считать Антония заговорщиком или даже сочувствующим катилинариям (*Gruen E.S. The trial... P. 302*).

¹¹⁰ О медлительности Антония, которого его подчинённым постоянно приходилось подталкивать к более активным действиям, см.: *Cic. Sest., 12*.

¹¹¹ Мы, однако, можем предложить другое объяснение: Гай Антоний, как кажется, не был сколько-нибудь способным военачальником. Как мы уже упоминали, в своё время он командовал конницей в войске Суллы, но сумел прославиться в первой войне с Митридатом только грабежами мирного населения в Ахайе. Впоследствии, будучи проконсулом в Македонии, Антоний также потерпел несколько позорных поражений от соседних варварских племён (подробнее об этом см. чуть ниже). Возможно, поэтому он просто не отважился взять на себя командование войском в решающей битве и переложил ответственность на более опытного и компетентного подчинённого.

В 62 г., сразу после окончания своих консульских полномочий, Гай Антоний отправился в Македонию в качестве проконсула. Управляя своей провинцией, он снова отметился грабежами и бесчинствами (*Cic. Att. I, 12, 2*). Слухи о его действиях быстро достигли Рима. Уже во второй половине декабря 62 г. Цицерону пришлось выступать в защиту своего бывшего коллеги в сенате (*Cic. Fam. V, 6, 3*). В начале 61 г. сам Гней Помпей намеревался открыто настаивать на отзыве Антония из провинции; одновременно один из преторов, неизвестный нам по имени, должен был обратиться с предложением об этом к народу (*Cic. Att. I, 12, 1*). Усугубляло ситуацию и то, что, помимо лихоимства, Гай Антоний «прославился» также своей военной некомпетентностью. В частности, он потерпел тяжёлые поражения от соседних племён дарданов и бастарнов, лишился захваченной добычи и знамён (*Dio XXXVIII, 10, 1-3; LI, 26, 5; Quintil. Inst. orat. IV, 2, 123-124; Liv. Per., CIII; Obseq. 61a*). В тот момент Гаю Антонию удалось избежать отзыва из провинции, но положение его становилось всё более угрожающим. Как сообщает Цицерон, в декабре 60 г. друг оратора Публий Нигидий Фигул, претор 58 г., обещал привлечь к ответственности тех судей, которые не явятся на заседание по делу Антония (*Cic. Att. II, 2, 3*)¹¹². Таким образом, возвращение последнего ожидалось со дня на день, и, как мы видим, судебный процесс был уже неизбежен. После того, как в конце 60 г. или, что более вероятно, в начале 59 г. Гай Антоний прибыл в Рим, он, как и ожидалось, был привлечён к уголовному суду. Точное время проведения данного процесса неизвестно, но, скорее всего, это было начало весны¹¹³.

---

¹¹² Сложно сказать, кем являлся в то время Публий Нигидий Фигул и какое отношение он имел к данному делу. Д. Шэкстон Бэйли полагает, что он высказывал эти угрозы, будучи частным лицом – возможно, членом суда или субскриптором. С его точки зрения, Нигидий едва ли мог быть народным трибуном или эдилом непосредственно перед своей претурой; тот факт, что он выступал на сходках, не доказывает, что он являлся магистратом (*Cicero's letters to Atticus / Trans. and comm. by D.R. Shackleton Bailey. Vol. I. Cambridge, 1965. P. 354*). Того же мнения придерживаются М. Александер (*Alexander M.C. Trials in the late... P. 120 n. 6*) и Э. Бэдиан (*Badian E. Caesar's cursus and the intervals between offices // JRS. 1959. Vol. 49. P. 83*). Т. Броутон считает, что Нигидий был на этом процессе *iudex quaestionis* (*Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. III. Atlanta, 1986. Suppl. 147*).

¹¹³ Э. Груэн полагает, что он состоялся в марте: *Gruen E.S. The trial... P. 305*. Такого же мнения придерживаются Л. Ланге (*Lange L. Römische Alterthümer. Bd. III. Berlin, 1876. S. 284*), М.

Политический подтекст в деле Гая Антония несомненен, и именно он, по нашему мнению, сыграл ключевую роль. С большой долей уверенности можно утверждать – и с этим не спорит ни один из исследователей, – что за обвинением Антония стояли триумвиры¹¹⁴. Наиболее ясно проглядывает участие в этом деле Помпея и Цезаря, о каком-либо влиянии Красса чётких свидетельств у нас нет. О недружественных по отношению к Антонию действиях Помпея в начале 61 г. мы уже сообщали выше. Что касается Цезаря, то его политический союзник, народный трибун 59 г. Публий Ватиний, проводя закон, расширяющий права подсудимых при отводе судей, намеренно сделал так, чтобы Антоний не смог воспользоваться его преимуществами (*Cic. Vat.*, 27). Кроме того, о закулисном влиянии триумвиров может свидетельствовать также анализ связей тех лиц, которые были в той или иной степени вовлечены в этот процесс.

Из источников нам известны имена трёх обвинителей Гая Антония. Первый из них – молодой (на тот момент ему было всего 23 года) Марк Целий Руф (*Cic. Cael.*, 15; 47; 74; 78; *Quintil. Inst. orat.* IV, 2, 123-124; IX, 3, 58; *Schol. Bob.* 94; 149 Stangl). В действиях Целия мы, безусловно, вправе подозревать в первую очередь личные мотивы. Даровитый юноша, обучавшийся красноречию у Цицерона и Марка Красса, незадолго до этого вернулся из провинции Африка, в которой он находился в свите проконсула Квинта Помпея (*Cic. Cael.*, 73). Обвинение Гая Антония было его первым выступлением в уголовном суде. Дело было достаточно громким, виновность обвиняемого – несомненна, так что для Целия представлялась отличная возможность прославиться и заработать себе репутацию судебного оратора¹¹⁵. Э. Груэн, опираясь на фрагмент *Pro Caelio*, 9, акцентирует

Гельцер (*Gelzer M. Die lex Vatinia de imperio Caesaris // Gelzer M. Kleine Schriften. Bd. II. Wiesbaden, 1963. S. 213*) и С.Л. Утченко (*Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 103*). Однако М. Александер датирует этот процесс серединой апреля: *Alexander M.C. Trials in the late... P. 119 n. 1*.

¹¹⁴ См., напр.: *Crawford J.W. M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. P. 216; Gruen E.S. The trial... P. 305-306*.

¹¹⁵ Э. Груэн называет ещё одну возможную причину, побудившую Целия выступить с обвинением в данном судебном процессе. Одно время Целий был близок к Катилине, а после подавления заговора все друзья последнего находились под подозрением. Обвинив такого одиозного человека, как Гай Антоний, которого тоже подозревали в сочувствии заговорщикам,

внимание на связях между Целием и Крассом и называет Красса «патроном» Целия¹¹⁶. Нам, однако, представляется, что эти два человека не были связаны столь близкими отношениями. Целий посещал дом Красса и обучался у него ораторскому искусству, но он также посещал и дом Цицерона, что не помешало ему выступить против своего наставника на процессе Антония. У него в этом деле был свой расчёт, который просто совпал в данный момент с планами триумвиров.

Вторым обвинителем был Квинт Фабий Максим (*Cic. Vat.*, 28; *Schol. Bob. 149 Stangl*). По всей видимости, он также не испытывал к Гаю Антонию личной вражды: Цицерон отмечает, что Фабий Максим на процессе относился к подсудимому наиболее беспристрастно (*Cic. Vat.*, 28). Цезарианские связи Максима несомненны. Цицерон утверждает, что он находился в дружеских отношениях с политическим союзником Цезаря, народным трибуном 59 г. Публием Ватинием (*Cic. Vat.*, 28). Впоследствии в гражданской войне Фабий сражался на стороне Цезаря, и в 45 г. даже достиг консулата¹¹⁷.

О третьем обвинителе, некоем Канинии Галле, сообщает только Валерий Максим (*Val. Max. IV, 2, 6*). Нам известны два человека с таким именем, которые жили в данный период времени и теоретически могли выступать на процессе Антония. Первый – это Луций Каниний Галл, народный трибун 56 г., активно продвигавший интересы Помпея в деле египетского царя Птолемея Авлета (*Cic. Fam. I, 2, 1; I, 2, 4; I, 4, 1; I, 7, 3; Q. fr. II, 2, 3; II, 4, 5; Plut. Pomp. 49, 6*). Этот вариант кажется нам наиболее вероятным¹¹⁸. Иной точки зрения придерживается Ф. Мюнцер: он идентифицирует обвинителя Гая Антония с другим Луцием Канинием Галлом – консулом 37 г.¹¹⁹. Очевидно, что у Каниния Галла тоже не было личных причин ненавидеть Антония, т.к. впоследствии он женился на его дочери (*Val. Max. IV, 2, 6*). По всей видимости, один из этих троих (скорее всего –

Целий мог ответить недоброжелателям и улучшить свою репутацию (*Gruen E.S. The trial... P. 305*).

¹¹⁶ *Gruen E.S. The trial... P. 305*.

¹¹⁷ Подробнее о карьере Квинта Фабия Максима см.: *Münzer F. Fabius (108) // RE. 1909. Bd. VI. Sp. 1791-1792*.

¹¹⁸ Аргументы см.: *Gruen E.S. The trial... P. 305 n.25*.

¹¹⁹ *Münzer F. Caninius (4) // RE. 1899. Bd. III. Sp. 1477*.

Марк Целий Руф) был главным обвинителем, а остальные двое поддерживали обвинение, будучи субскрипторами¹²⁰.

Итак, вовлечённость триумвиров в дело Антония выглядит весьма вероятной. В таком случае встаёт вопрос о мотивах, которыми они руководствовались. Нам представляется, что эти мотивы были в первую очередь политическими, хотя в отношении Цезаря мы, видимо, можем также говорить и о личной неприязни, которая тянулась ещё со времен первого судебного процесса над Антонием в 76 г. (о чём уже упоминалось выше). Как верно отмечает Э. Груэн, Гай Антоний лично не был опасен для триумвиров. Он не примыкал ни к какой политической группировке, не отличался, как, например, Катон Младший, твёрдыми моральными принципами; все его действия в предыдущие годы были направлены исключительно на достижение личной выгоды. Однако Антоний – представитель нобилитета, но человек весьма сомнительной репутации – оказался подходящей жертвой для своеобразной политической демонстрации могущества триумvirата¹²¹. Кроме того, удар, нанесённый Антонию, был также и ударом по Цицерону. Цицерон, который достиг пика славы после подавления заговора Катилины, через короткий промежуток времени столкнулся с оппозицией своему курсу. Атаки против него начались в конце декабря 63 г., после избрания народным трибуном Квинта Цецилия Метелла Непота, и продолжились в 62 г. (*Cic. Fam. V, 1-2; Sest., 11; Pis., 6-7; Ascon. 6 Clark; Plut. Cic., 23; Dio XXXVII, 38, 2; Schol. Bob. 82; 127 Stangl*). «Блестящее консульство» противниками оратора характеризовалось как тирания. Особенно яростные нападки вызывала казнь катилинариев без судебного разбирательства, за которую Цицерон нёс полную

---

¹²⁰ Gruen E.S. The trial... P. 305 n. 21; Klebs E. Antonius (19) // RE. 1894. Bd. I. Sp. 2581. Особой точки зрения придерживается В. Друманн. Он полагает, что в начале 59 г. против Гая Антония было выдвинуто два обвинения. Первое из них – *de repetundis*; главным обвинителем был Луций Каниний Галл, субскриптором – Квинт Фабий Максим. Второе обвинение заключалось в участии в заговоре Катилины, и оно было предъявлено Марком Целием Руфом. Цицерон выступал в качестве защитника на первом из этих процессов. В результате Антоний был осуждён, и на втором процессе он уже не присутствовал (*Drumann W.-Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd. V. Leipzig, 1919. S. 601-602*). Эта гипотеза не подкрепляется напрямую сообщениями источников; на данный момент она отвергнута всеми исследователями и может быть признана ошибочной.

¹²¹ Gruen E.S. The trial... P. 309-310.

ответственность. В свете этих обстоятельств мы полагаем, что уголовное преследование Гая Антония, официально провозглашённого победителем Катилины, было ещё одним косвенным ударом по Цицерону и попыткой пересмотра памятных событий 63 г.

Отношения между бывшими коллегами по консульству никогда не были дружескими. Единственное сохранившееся письмо Цицерона к Гаю Антонию датируется январём 61 г. (*Cic. Fam. V, 5*). Оратор жалуется на неблагодарность Антония и, как кажется, намекает на нависшую над последним опасность уголовного преследования¹²². Почти одновременно с этим Цицерон пишет Аттику об Антонии: «Дело это такого рода, что я, считаясь с мнением честных людей и народным, не смогу защищать этого человека без ущерба для своей чести, и у меня нет желания к этому, а это самое главное» («*Res eius modi est, ut ego nec per bonorum nec per popularem existimationem honeste possim hominem defendere, nec mihi libeat, quod vel maximum est*») (*Cic. Att. I, 12, 1* – пер. В.О. Горенштейна). Однако политическая целесообразность, как это часто бывало в жизни Цицерона, взяла верх над личными обидами. Для Цицерона процесс над Антонием был, прежде всего, процессом над победителем Катилины, и возможное осуждение коллеги его обострённое самолюбие воспринимало как осуждение его деятельности в период консулата, которой знаменитый оратор гордился и которую не уставал превозносить в многочисленных речах и литературных произведениях (см., например: *Cic. Att. I, 19, 10; I, 14, 4*).

Одним из наиболее спорных и запутанных во всем этом деле является вопрос о том, по какому закону Гай Антоний был привлечён к суду. Точных

---

¹²² В. Друмманн, враждебно настроенный по отношению к Цицерону, не сомневается, что Антоний грабил Македонию с полного согласия своего коллеги и что они заключили между собой договор о разделе полученных денег: это якобы являлось условием, на котором Антонию была уступлена провинция (*Drummann W.-Groebe P. Geschichte Roms... S. 601*). Подобные слухи, очевидно, распускались самим Антонием (*Cic. Att. I, 12, 2*). С нашей точки зрения, ближе к истине Д. Шэклтон Бэйли. Он считает, что Гай Антоний просто обещал Цицерону дать займы денег, в которых тот нуждался для покупки дома на Палатине. Приняв эти деньги, Цицерону было бы затруднительно отказаться от защиты Антония в надвигавшемся судебном процессе, но это отнюдь не означает, что Цицерон взял на себя какие-либо конкретные обязательства (*Cicero's letters... P. 297*).

указаний на этот счёт сохранившиеся свидетельства источников не дают, поэтому исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Характер преступлений Гая Антония и обстоятельства дела делают возможным предъявление обвинения на основании следующих законов: 1) *lex Cornelia de repetundis*; 2) *lex Plautia de vi*; 3) *lex Cornelia de maiestate*¹²³.

Обвинение Гая Антония в вымогательствах (*de repetundis*) выглядело бы логичным, поскольку то, что он беззастенчиво грабил Македонию, не подлежало сомнению. В пользу этой точки зрения свидетельствует также то, что обвинение в вымогательстве было наиболее распространённым из тех, которые выдвигались против наместников провинций¹²⁴.

Однако против этой гипотезы существует ряд серьёзных возражений. Несомненно, что Гай Антоний был обвинён перед претором Гнеем Корнелием Лентулом Клодианом. Однако есть веские основания предполагать, что претором *de repetundis* в 59 г. был Тит Веттий Сабин, который, по-видимому, председательствовал в суде над Луцием Валерием Флакком и в следующем, 58 г.,

---

¹²³ Дж. Кроуфорд (*Crawford J.W. M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. P. 124*) добавляет к этому списку также *lex Cornelia de peculatu*, полагая, что в вину Гаю Антонию могла быть поставлена также утрата военной добычи, которая квалифицировалась как казнокрадство (*peculatus*).

¹²⁴ *Gruen E.S. The trial... P. 308*. Мнение Э. Груэна поддерживает также Дж. Кроуфорд (*Crawford J.W. M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. P. 124-125*). В качестве дополнительного аргумента она приводит отрывок из речи Цицерона *Pro Flacco*, 5, в котором оратор проводит параллель между делом Валерия Флакка и делом Антония. Из этого Дж. Кроуфорд делает следующий вывод: т.к. Флакк был обвинён в вымогательстве, то и Антоний должен был быть осуждён за такое же преступление. Мы не можем согласиться с таким умозаключением. В упомянутой речи для Цицерона важно показать сам факт осуждения Антония; из его высказывания ни в коем случае не следует, что Антоний был обвинён в том же преступлении, что и Флакк. Немецкий историк М. Гельцер в статье «*Die lex Vatinia de imperio Caesaris*» (впервые вышла в журнале «*Hermes*» в 1923 г.) также пишет об обвинении Антония *de repetundis* (мы сошлёмся на позднейшую перепечатку этой статьи: *Gelzer M. Die lex Vatinia de imperio Caesaris // Gelzer M. Kleine Schriften. Bd. II. Wiesbaden, 1963. S. 213*). Однако впоследствии М. Гельцер отказался от такой интерпретации; в более поздней своей работе (*Gelzer M. Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden, 1969. S. 123*) он оставляет данный вопрос открытым и пишет о двух возможных основаниях для обвинения: *de vi* (в пользу чего, по его мнению, свидетельствуют Дион Кассий и Цицерон в речи *Pro Caelio*, 74) и *de maiestate* (в пользу этого варианта может говорить отрывок из речи Целия, приводимый Квинтилианом). Из отечественных исследователей версию об обвинении Гая Антония *de repetundis* (правда, не приводя никаких аргументов) поддерживает С.Л. Утченко: *Утченко С.Л. Юлий Цезарь. С. 106*.

являлся наместником в провинции Африка (*Cic. Flac.*, 85)¹²⁵. Э. Груэн, однако, считает, что претором в 59 г. Тит Веттий не был, а на процессе Флакка он заседал в качестве обычного судьи. Однако даже если допустить, пишет он, что Веттий всё-таки был претором в 59 г., это не означает, будто Лентул Клодиан не мог председательствовать на суде *de repetundis*: случаи, когда разные люди председательствовали в течение одного года на процессах в одной и той же *quaestio perpetua* также известны¹²⁶. На эти аргументы мы можем привести свои возражения. Обращаясь к Веттию, Цицерон в фрагменте *Pro Flacco*, 85 говорит: «*Tu, T. Vetti, si quae tibi in Africa venerit hereditas, usu amittes, an tuum nulla avaritia salva dignitate retinebis?*» («А ты, Тит Веттий? Если тебе достанется какое-нибудь наследство в Африке, упустишь ли ты его в силу давности или оставишь за собой, не заслужив упрека в алчности, без ущерба для своего достоинства?» – перевод В.О. Горенштейна). Как мы видим, Цицерон употребляет здесь будущее время, т.е. он говорит не о прошедшем, как полагает Э. Груэн, а о предстоящем Веттию наместничестве в Африке. Таким образом, распределение по жребию провинций уже состоялось, и Веттий должен был отправиться в Африку в следующем, 58 г., скорее всего, в ранге пропретора, так как консулом он абсолютно точно не был. Из этого следует, что свою претуру Веттий как раз и отправлял в 59 г. Что касается случаев, когда в одной и той же судебной комиссии в течение года были разные председатели, то они действительно зафиксированы, но только относительно *quaestio perpetua de vi*¹²⁷.

Некоторые авторы возражают против обвинения *de repetundis* также по другой причине. Известно, что непосредственно председательствовал на процессе Гая Антония не претор, а *quaesitor* (*Cic. Vat.*, 28); между тем, более ни одного случая, когда бы в *quaestio repetundarum* председательствовал *quaesitor*, не

---

¹²⁵ См. по этому поводу: *Alexander M.C. Trials in the late...* P. 119 n.3; *Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y., 1952. P. 189.*

¹²⁶ *Gruen E.S. The trial...* P. 308 n. 40.

¹²⁷ Возможное объяснение этого факта см. в работе: *Greenidge A.H.J. The legal procedure...* P. 430-431.

зафиксировано¹²⁸. У нас действительно нет достоверных данных о председательстве *quaesitor'a* в *quaestio repetundarum*, но всё же данный аргумент представляется слишком слабым, чтобы исключительно на его основе делать какие-то выводы. Его убедительно критикует в том числе и Э. Груэн, который сам выступает за версию обвинения *de repetundis*¹²⁹, и в данном вопросе мы склонны с ним согласиться.

Остаётся проанализировать ещё один, последний аргумент сторонников версии обвинения *de repetundis*. Это свидетельство одного из источников, схолиаста из Боббио, который, комментируя речь Цицерона «За Флакка», пишет: «*Gaius scilicet Antonius, collega Ciceronis, M. Caelio Rufo accusante non tantum pecuniarum repetundarum crimine, verum etiam ob hanc coniurationem non ita pridem damnatus fuerat*» («Как известно, Гай Антоний, коллега Цицерона, при обвинителе Марке Целии Руфе, не так давно был осуждён не только из-за вымогательств денег, но и из-за участия в этом заговоре [т.е. заговоре Катилины. – *B.X.*]») (*Schol. Bob. 94 Stangl*). Однако мы позволим себе поставить данное сообщение под сомнение. Вполне возможно, что неизвестный поздний автор схолии имел недостаточно полное представление о подробностях дела. Так, например, в этом фрагменте из обвинителей он называет только Марка Целия Руфа, а в другом месте (*Schol. Bob. 149 Stangl*) добавляет к нему также Квинта Фабия Максима. Во всяком случае, это сообщение не настолько надёжно, чтобы принимать версию об обвинении *de repetundis*, опираясь исключительно на него.

Рядом исследователей принимается поэтому второй вариант – обвинение Гая Антония в участии в заговоре Катилины на основании *lex Plautia de vi*¹³⁰. Именно этот закон, отмечает М. Александер, как правило, применялся против бывших катилинариев¹³¹.

---

¹²⁸ *Klebs E. Antonius (19) // RE. 1894. Bd. I. Sp. 2581. К нему присоединяется П. Грёбе: Drumann W.-Groebe P. Geschichte Roms... S. 602 Anm. 9.*

¹²⁹ *Gruen E.S. The trial... P. 308 n. 38.*

¹³⁰ См., напр.: *Heinze R. Ciceros Rede Pro Caelio // Hermes. 1925. Bd. 60. S. 211.* Э. Клебс также не исключает такой возможности, хотя и считает более вероятным обвинение *de maiestate* (*Klebs E. Antonius (19) // RE. 1894. Bd. I. Sp. 2581*).

¹³¹ *Alexander M.C. Trials in the late... P. 119 n. 3.*

Данная версия, однако, при ближайшем рассмотрении также оказывается не очень убедительной. Гай Антоний, несмотря ни на что, был провозглашён сенатом победителем Катилины. Для того, чтобы предъявить ему открытое обвинение в участии в заговоре, требовались веские основания, и это означало пересмотр официальной позиции сената. Нам кажется маловероятным, чтобы обвинители Антония и те, кто стоял за ними, решились пойти на такой шаг. Также в этом случае непонятна реакция на осуждение Гая Антония оставшихся в живых катилинариев: в знак своего торжества они устроили пиршество на могиле Катилины, украсив её цветами (*Cic. Flac.*, 95). Получается, что они таким образом отпраздновали осуждение одного из своих бывших товарищей. Можно, конечно, предположить, что сторонники Катилины считали Антония предателем, но, как мы уже отмечали, он лично почти не участвовал в разгроме заговора и предоставлял действовать другим. Кроме того, и Цицерон, который позднее в своих речах не раз возвращался к данному процессу над Гаем Антонием, всё время подчёркивал заслуги последнего в подавлении заговора (*Cic. Flac.*, 5; *Cael.*, 74). Кажется, ему затруднительно было бы это делать, если Антоний был официально осуждён как заговорщик.

Таким образом, отвергнув оба предыдущих варианта, мы пришли к выводу, что Гай Антоний был обвинён в оскорблении величия римского народа – *de maiestate*¹³². Известные нам обстоятельства дела дают все основания для предъявления подобного обвинения. Все знали о военных поражениях Антония и потере им знамён; причиной этого позора стали очевидная некомпетентность, трусость и пьянство полководца (*Dio XXXVIII*, 10, 1-3; *Quintil. Inst. orat.* IV, 2, 123-124). Более того, Дион Кассий сообщает, что поражение от бастарнов Гай Антоний потерпел, когда попытался разорить владения союзных Риму племен в

---

¹³² Этого мнения придерживаются такие исследователи, как Д. Шэкстон Бэйли (*Cicero's letters...* P. 354) и Р. Роджерс (*Rogers R.S. Cicero, Ad familiares* 3.11.2 and the *lex Cornelia maiestatis* // *TAPhA*. 1951. Vol. 82. P. 198). М. Александер (*Alexander M.C. Trials in the late...* P. 119 n. 2) и Э. Клебс (*Klebs E. Antonius* (19) // *RE*. 1894. Bd. I. Sp. 2581-2582) колеблются между версиями об обвинении *de vi* и *de maiestate*, но отдают предпочтение последней. Р. Остин (*Cicero. Pro M. Caelio oratio* / Ed. and comm. by R.G. Austin. Oxf., 1960. P. 158-159) полагает, что Гай Антоний был обвинён *de maiestate*, а совершенные им вымогательства были одним из подпунктов обвинения.

Мёзии (*Dio XXXVIII, 10, 3*). Любого из этих преступлений было вполне достаточно для предъявления обвинения в оскорблении величия римского народа¹³³.

Э. Груэн выдвигает следующий контраргумент: обвинение *de maiestate* использовалось редко, было двусмысленным и трудно доказуемым¹³⁴. Отчасти мы можем с ним согласиться. Тем не менее, то, что обвинения *de maiestate* были сравнительно редки, не означает, будто их не было вообще. Доказательств вины Антония в данном конкретном случае было более чем достаточно. Как знать: возможно, обвинители рассчитывали, что красочные картины пьяных оргий Гая Антония перед лицом неприятеля больше повлияют на судей, чем рассказы о грабежах провинциалов, в которых в той или иной степени были замешаны очень многие римские наместники.

Однако – и здесь мы присоединимся к Э. Груэну – вопрос о том, на основании какого закона был привлечён к суду Гай Антоний, всё-таки не имел первостепенного значения¹³⁵. Виновность Антония в инкриминируемых ему преступлениях была несомненна – в ней не сомневался даже его защитник. Исходя из этого, кажется, что Цицерон, защищая его, должен был всячески стараться затемнить существо дела и постоянно ссылаться на прошлые заслуги подсудимого перед государством – в первую очередь, конечно же, на его участие в подавлении заговора Катилины. Кроме того, Цицерон не обошел вниманием и политическую подоплёку процесса. Он осмелился затронуть самих триумвиров, в частности, Цезаря; по всей видимости, именно их оратор обвинил в организации суда над Антонием. Как пишет Светоний, Цицерон в своей речи «... оплакивал положение государства» («*Cicerone in iudicio ... deplorante temporum statum...*») (*Suet. Div. Iul. 20, 4*). Дион Кассий, как всегда, враждебный к великому оратору, сообщает следующее: «Цицерон, который в то время защищал [Антония], потому что тот был его коллегой, позволил себе жестокие нападки на Цезаря, которого он

---

¹³³ См. по этому поводу §1 данной главы.

¹³⁴ *Gruen E.S. The trial... P. 308.*

¹³⁵ *Gruen E.S. The last generation... P. 288.*

считал виновником этого процесса, и даже зашёл так далеко, что оскорбил его» («ὁ δὲ δὴ Κικέρων ὑπὲρ αὐτοῦ τότε, ἅτε καὶ συνάρξαντός οἱ, ὑπερδικῶν, πλείστην κατὰ τοῦ Καίσαρος ὡς καὶ αἰτίου τῆς δίκης αὐτῷ γεγενημένου καταδρομὴν ἐποιήσατο, καὶ τινα αὐτὸν καὶ προσελοιδόρησεν») (*Dio XXXVIII, 10, 4*). Греческий историк, очевидно, преувеличивает дерзость речи Цицерона, но какие-то неосторожные слова всё-таки были сказаны. Ответ Цезаря не заставил себя ждать: через три часа после выступления Цицерона враг последнего Публий Клодий был усыновлён неким Публием Фонтеем и перешёл из патрициев в плебеи, что дало ему возможность добиваться должности народного трибуна. Светоний отмечает, что именно Цезарь своим влиянием добился проведения соответствующего закона в куриатных комициях (*Suet. Div. Iul. 20, 4*; ср. *Cic. Dom., 41*; *Dio XXXVIII, 10, 4*).

Предполагаемый способ защиты должен был повлиять на тактику обвинителей. Поэтому мы смеем предположить, что Целий Руф и его субскрипторы сознательно сделали акцент не на преступлениях Антония в Македонии¹³⁶, а на событиях заговора Катилины, формально не имевших отношения к заявленному обвинению. В интересах обвинителей было попытаться принизить заслуги Антония. С этой целью они и воспользовались слухами о его причастности к заговору, что позволило им очернить Антония в глазах судей. Это, по-видимому, было нетрудно сделать: слишком многое (связи, существовавшие в прошлом между Антонием и Катилиной; его внезапная болезнь накануне битвы под Писторией) подпитывало подозрения. Таким образом, аргументы, на которых Цицерон строил свою защиту, были нейтрализованы. Гай Антоний был осуждён. Это позволило Диону Кассию философски заметить, что «ему [т.е. Антонию. – В.Х.] было суждено быть найденным невиновным в преступлении, за которое его судили, но быть наказанным за то, в чём он не обвинялся» («καὶ συνέβη αὐτῷ, ὧν μὲν ἐκρίνετο, μὴ ἐλεγχθῆναι, ὧν δ' οὐκ ἠτιάζετο, κολασθῆναι») (*Dio XXXVIII, 10, 3-4*).

---

¹³⁶ Хотя и о них Целий поведал весьма убедительно и красноречиво – см. *Quintil. Inst. orat. IV, 2, 123-124*.

Цицерон сообщает о том, что ходили разговоры, будто обвинительный приговор Гаю Антонию был вынесен за деньги (*Cic. Phil. II, 56*). Вполне возможно, что такие слухи действительно имели место; не исключено, что их распускали сторонники Антония, которые старались выставить его невинно пострадавшей стороной. Но мы полагаем, что в данном случае подкуп маловероятен, так как у суда было более чем достаточно оснований для вынесения обвинительного вердикта.

После осуждения Гай Антоний отправился в изгнание на о. Кефалления (*Strab. X, 2, 13*). Впоследствии он был помилован¹³⁷ и получил дозволение вернуться в Рим. В 42 г. Гай Антоний вместе с Публием Сульпицием был даже избран цензором (*CIL. I, 466; XIV, 2611*). После этого всякие упоминания о нём исчезают из источников; по всей видимости, вскоре после 42 г. он и умер.

Цицерон не стал опубликовывать свою речь, произнесённую на суде в защиту Антония. В данном случае он мог руководствоваться несколькими мотивами. Во-первых, отметим, что знаменитый оратор не любил публиковать речи с тех процессов, которые он проигрывал, если у него не было на то веских оснований. Во-вторых, на такое решение могла повлиять политическая подоплёка суда над Гаем Антонием и, в частности, вовлечённость в это дело триумвиров, лишний раз задевать которых в тот период было очень опасно, в чём оратор уже имел возможность убедиться на собственном опыте¹³⁸.

Таким образом, полагаем, нам удалось доказать, что проконсул Македонии Гай Антоний был осуждён именно на основании *lex Cornelia de maiestate*. Однако ключевую роль в исходе процесса сыграли не преступления, действительно совершённые Антонием в Македонии, а слухи и подозрения в тайном участии подсудимого в заговоре Катилины. Одновременно данный судебный процесс имел важное политическое значение. Как мы постарались доказать, главными его организаторами и вдохновителями выступили триумвиры или, по крайней мере,

---

¹³⁷ Очевидно, Цезарем. См.: *Klebs E. Antonius (19) // RE. 1894. Bd. I. Sp. 2582.*

¹³⁸ Такое предположение высказывает Дж. Кроуфорд: *Crawford J.W. M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. P. 126-127.*

двое из них – Гней Помпей и Гай Юлий Цезарь. Э. Груэн вообще считает дело Гая Антония первым примером «сотрудничества» (collaboration) триумвиров в уголовном суде¹³⁹. Выступив в защиту Гая Антония, Цицерон выступил против них – и проиграл. Это имело важные негативные последствия для великого оратора и стало одной из причин его изгнания в следующем, 58 г.

3.4 Судебный процесс по обвинению в оскорблении величия над Авлом Габинием, консулом 58 г. до н.э.

Последним из процессов de maiestate, который мы рассмотрим в рамках данной главы, будет суд над консулом 58 г. Авлом Габинием, который имел место в 54 г. Авл Габиний является, пожалуй, одним из наиболее примечательных соратников Гнея Помпея на всём протяжении 60-50-х гг. Опытный военный, он около девяти лет провёл в действующей армии и не раз выполнял самые ответственные задания; его с полным на то основанием можно назвать «self-made man». Будучи выходцем из не слишком знатной senatorской семьи, он первый в своём роду смог достичь консулата. Как справедливо отмечает американский исследователь Э. Бэдиан, «Авл Габиний – один из тех выдающихся viri militares и администраторов, которые в Поздней республике исключительно редко преуспевали на пути к высшей должности, но чей день должен был наступить в восстановленной республике Августа»¹⁴⁰. Помимо чисто военных заслуг, Габиний довольно ярко проявил себя и на политическом поприще, дав своё имя сразу нескольким законам.

Нам кажется очевидным, что, несмотря на недюжинные способности, Авл Габиний едва ли добился бы в своей карьере таких высот, если бы не принадлежность к группировке Помпея. Первые достоверные сведения о политическом сотрудничестве между ними относятся к 67 г., когда Габиний, будучи народным трибуном, внёс законопроект о предоставлении Помпею

---

¹³⁹ Gruen E.S. The last generation... P. 288.

¹⁴⁰ Badian E. The early career of A. Gabinius (cos. 58 B.C.) // Philologus. 1959. Bd. 103. S. 89.

чрезвычайного командования для борьбы с пиратами (*lex Gabinia de piratis persequendis*)¹⁴¹. Очевидная помпеянская направленность данного закона позволяет заподозрить наличие более давних связей между этими двумя людьми. Однако сведения о ранних этапах политической карьеры Авла Габиния крайне неопределённые. Подробно останавливаться на этой проблеме не входит сейчас в наши задачи; заметим лишь, что в целом мы поддерживаем реконструкцию, предложенную Э. Бэдианом¹⁴². Э. Бэдиан идентифицирует консула 58 г. с военным трибуном Авлом Габинием, который принимал участие в кампании Суллы в Греции в 86 г. (*Plut. Sull.* 16, 8) и выполнял функции посланника будущего диктатора в Малой Азии в 81 г. (*App. Mith.*, 66)¹⁴³. По-видимому, дружеские отношения между Помпеем и Габинием установились как раз в период их службы у Суллы¹⁴⁴. По подсчётам Э. Бэдиана, Авл Габиний родился между 111 и 109 гг.¹⁴⁵; он был, таким образом, несколько старше Помпея, который, как известно, родился в 106 г.

Как бы то ни было, начиная с 67 г. эти два политических деятеля действуют в тесной связке друг с другом. Однако, на наш взгляд, Плутарх ошибается, характеризуя Габиния только как «мужа, являющегося самым необузданным из льстецов Помпея» («ἄνδρα τῶν Πομπηίου κολάκων ὑπερφυέστατον») (*Plut. Pomp.* 48, 3), а в другом месте – как «человека из-за пазухи Помпея» («ἕκ τῶν Πομπηίου κόλπων ἄνθρωπον») (*Plut. Cat. Min.* 33, 7). Р. Уильямс убедительно доказывает¹⁴⁶,

---

¹⁴¹ Ссылки на источники см.: *Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. II. P. 144.*

¹⁴² *Badian E. The early career... S. 87-99.*

¹⁴³ *Badian E. The early career... P. 89-94*; с ним солидарен К. Конрад (*Konrad C.F. A note on the stemma of the Gabinii Capitones // Klio. 1984. Bd. 66. S. 151-156*). Против такой идентификации высказываются В. Друмманн (*Drummann W.-Groebe P. Geschichte Roms... Bd. III. S. 38-39*) и Ф. Мюнцер (*Münzer F. Gabinius (10) // RE. 1910. Bd. VII. Sp. 424*). Э. Сэнфорд (*Sanford E. The career of Aulus Gabinius // TAPhA. 1939. Vol. 70. P. 67*) и Э. Груэн (*Gruen E.S. The last generation... P. 143 n. 95*) считают консула Авла Габиния сыном сулланского военного трибуна.

¹⁴⁴ Иной точки зрения придерживается Б. Тваймен. Он доказывает, что сближение Помпея и Габиния началось именно с 67 г.: *Twyman B. The Metelli, Pompeius and prosopography // ANRW. T. 1. Bd. 1. 1972. S. 871-872*. См. также: *Williams R.S. The role of amicitia in the career of A. Gabinius (cos. 58) // Phoenix. 1978. Vol. 32. P. 196-198; Idem. The appointment of Glabrio (cos. 67) to the eastern command // Phoenix. 1984. Vol. 38. P. 233-234.*

¹⁴⁵ *Badian E. The early career... P. 93.*

¹⁴⁶ *Williams R.S. The role of amicitia... P. 195-210.*

что Габиний был не креатурой, а именно союзником Помпея, его «другом» (*amicus*) – в специфически римском понимании дружбы (*amicitia*) как политического альянса, основанного на взаимных услугах и обязательствах¹⁴⁷. Достигнув вождельных чрезвычайных полномочий, Помпей не замедлил с тем, чтобы расплатиться со своим соратником за поддержку. Получив в 66 г. по закону Манилия верховное командование в войне с Митридатом, он назначил Габиния одним из своих легатов. Враги Габиния попытались было оспорить это назначение¹⁴⁸, но, в конце концов, оно было ратифицировано сенатом; немалую роль, по-видимому, здесь сыграла поддержка, оказанная Цицероном (*Cic. Leg. Man.*, 57-58). Вероятно, что после возвращения в Рим с Востока Авл Габиний был привлечён к суду по какому-то неизвестному нам уголовному обвинению; он был оправдан благодаря защите Цицерона (*Cic. Post red. ad quir.*, 11). Затем он (скорее всего, снова не без помощи Помпея¹⁴⁹) становится претором 61 г.¹⁵⁰ Но вершины своей политической карьеры Авл Габиний достигает лишь после образования первого триумvirата. В 58 г. он избирается консулом вместе с Луцием Кальпурнием Пизоном¹⁵¹. Оба они являлись ставленниками триумvirов: Габиний, как мы уже показали, был давним сподвижником Помпея, а Пизон приходился тестем Цезарю (*Suet. Div. Iul.*, 21; *App. Bel. civ. II*, 14; *Dio XXXVIII*, 9, 1; *Plut. Caes.* 14, 4; *Pomp.* 47, 4). Аппиан называет Габиния также и другом Цезаря (*App. Bel. civ. II*, 14), однако, как убедительно доказал Е.В. Смыков, это явная ошибка, поскольку данное сообщение противоречит всей остальной сохранившейся

---

¹⁴⁷ Подробнее об этом феномене см., напр.: *Утченко С.Л.* Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики (из истории политических идей I в. до н.э.). М., 1952. С. 190-211; *Brunt P.A.* 'Amicitia' in the late Roman Republic // *Brunt P.A.* The fall of the Roman Republic and related essays. Oxf., 1988. P. 351-381.

¹⁴⁸ Обычно право назначать легатов полководцам принадлежало сенату. Закон Габиния предоставил Помпею право самому выбирать для себя легатов, но согласно законам Лициния и Эбуция автор предложения о предоставлении кому-либо экстраординарных полномочий не мог сам получить назначение в силу своего предложения (см., напр.: *Berger A.* Encyclopedic dictionary of Roman law. Transactions of the American philosophical society. Vol. 43. Part 2. Philadelphia, 1953. P. 547).

¹⁴⁹ См.: *Williams R.S.* The role of *amicitia*... P. 199 n. 22.

¹⁵⁰ *Broughton T.R.S.* The magistrates... Vol. II. P. 179; 182 n. 3.

¹⁵¹ *Broughton T.R.S.* The magistrates... Vol. II. P. 193.

традиции¹⁵². Не сто́ит недооценивать противоречий, которые существовали между самими триумвирами, и такое распределение консульских мест следует считать скорее результатом некоего компромисса, достигнутого между Помпеем и Цезарем. По окончании своих консульских полномочий Авл Габиний согласно закону, внесённому народным трибуном Публием Клодием, получил в качестве провинции Киликию, которая была затем заменена на Сирию (*Cic. Sest.*, 55; *Dom.*, 23; 70).

В течение трёх лет (57-55 гг.) проконсульства, Габиний проявил себя весьма деятельным наместником и толковым администратором. Сирия на тот момент представляла собой пограничную провинцию, образованную совсем недавно, по итогам Митридатовых войн. На востоке она граничила с могущественной Парфией, на юго-востоке – с беспокойными арабскими племенами. Провинция всё время находилась на военном положении, и назначение Авла Габиния, обладавшего солидным боевым опытом, оказалось удачным ходом. Ему удалось умиротворить внутренние волнения в самой Сирии и в Иудее (*Dio XL*, 12, 1; *Ios. Vel. Iud.* I, 8, 2-7). Поэтому едва ли нам сто́ит полностью доверять словам врага Габиния, Цицерона, который, добываясь в 56 г. отзыва последнего из провинции, рисует его проконсульство самыми чёрными тонами, совершенно умалчивая о достигнутых несомненных успехах¹⁵³. Напротив, из обвинений Цицерона (*Cic. De prov. cons.*, 10-11) следует, что Габиний даже пытался защищать провинциалов от злоупотреблений римских откупщиков, действовавших в Сирии, чем вызвал к себе лютую ненависть со стороны публиканов¹⁵⁴. Впрочем, нельзя исключить

---

¹⁵² *Смыков Е.В.* Сирийское наместничество Авла Габиния // АМА. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 198 прим. 7.

¹⁵³ Ср. только красочные эпитеты, которыми Цицерон награждает своего недруга: «Семирамида» («*Semiramis*»), «враг сената» («*hostis senatus*»), «злейший недруг всаднического сословия и всех честных людей» («*inimicissimus ordinis equestris bonorumque omnium*») (*Cic. De prov. cons.*, 9-12).

¹⁵⁴ *Syme R.* The Roman revolution. Oxf., 1939. P. 66-67; *Sanford E.* The career... P. 82-84; *Williams R.S.* The role of *amicitia*... P. 203-204. Э. Бэдиан в более ранней своей работе (*Badian E.* The early career... P. 89) также согласился с этой точкой зрения, но впоследствии по какой-то причине изменил свои взгляды и стал объяснять мероприятия Габиния против публиканов не защитой провинциалов, а исключительно политической враждой и личной корыстью (*Badian E.*

наличие в подобных действиях Габиния также и определённой политической подоплёки. Похоже, что ещё до своего отбытия в провинцию он рассорился со многими всадниками, которые, как известно, противились изгнанию Цицерона и поддерживали его возвращение¹⁵⁵. Кроме того, не будем забывать также и о принятом по инициативе проконсула Габиниевом законе, который запрещал требовать по суду возвращения займов под проценты, предоставленных провинциалам (*Cic. Att. V, 21, 12; VI, 2, 7*)¹⁵⁶. Отказываясь рассматривать тяжбы публиканов с провинциалами, Габиний по сути всего лишь исполнял свой же закон¹⁵⁷. Поэтому, на наш взгляд, следует с осторожностью отнестись к словам Диона Кассия, который пишет о том, что Габиний принёс провинции больше ущерба, чем набеги пиратов (*Dio XXXIX, 56, 1*): представляется, что здесь греческий историк следует в русле идущей от Цицерона традиции¹⁵⁸. Вообще, нужно отметить, что Дион Кассий крайне негативно относится к Авлу Габинию (см., например, то место, когда, рассказывая о трибунате Габиния в 67 г., Дион называет его «*κάκιστος ἀνὴρ*» – *Dio XXXVI, 23, 4*). Если Сирия была настолько разорена предыдущим наместником, то сложно объяснить, каким образом преемник Габиния Красс смог вытрясти из провинции значительные средства и использовать её в качестве базы для своего печально знаменитого похода против парфян (*Plut. Cras. 17, 9*)¹⁵⁹. Безусловно, Габиний не обладал исключительно высокими нравственными качествами и, наверное, не отказывал себе в удовольствии поправить материальное положение за счёт управляемой

Publicans and sinners: private enterprise in the service of the Roman Republic. Ithaca-N.Y., 1972. P. 109).

¹⁵⁵ См. об этом: *Williams R.S. Rei publicae causa: Gabinius' defence of his restoration of Ptolemy Auletes // CJ. 1985. Vol. 81. P. 28.*

¹⁵⁶ Точная дата принятия этого закона неизвестна. Авл Габиний мог внести его, будучи народным трибуном (67 г.) (*Sanford E. The career... P. 68-69; Marshall B.A. A historical commentary on Asconius. Columbia, 1985. P. 219; мы тоже склоняемся к этой точке зрения*), претором (61 г.) или даже консулом (58 г.) (как думает Т. Моммзен: *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 885-886*).

¹⁵⁷ См.: *Williams R.S. The role of amicitia... P. 204.*

¹⁵⁸ *Williams R.S. Rei publicae causa... P. 27.*

¹⁵⁹ *Sanford E. The career... P. 88.* Кстати, Красс, например, ограбил сокровищницу иерусалимского храма, которую Габиний оставил нетронутой (*Ios. Ant. Iud. XIV, 7, 1; Bel. Iud. I, 8, 8*).

провинции, но в этом отношении он не отличался от подавляющего большинства римских наместников. И уж во всяком случае, говорить о чуть ли не патологической алчности проконсула, которую ему приписывают Цицерон (последний именуется Габиния не иначе как «*homo avarissimus*» – *Cic. Rab. Post.*, 21; 31) и Дион Кассий, на наш взгляд, нет оснований.

Но, пожалуй, одним из ключевых моментов проконсульства Габиния стало возвращение им на трон египетского царя Птолемея XII Авлета. Этот правитель в 58 г. был изгнан из Александрии своими подданными, которые провозгласили царицей его старшую дочь Беренику. Последняя вышла замуж сначала за некоего Кибисакта, претендовавшего на происхождение от сирийских царей. Однако этот кандидат на трон Беренику не устроил. Вскоре царица приказала его задушить и снова вышла замуж – на сей раз за Архелая, жреца из г. Команы в Понте, который выдавал себя за сына Митридата VI Евпатора; он и стал новым египетским царём (*Strab.* XII, 3, 34; XVII, 1, 11; *Dio XXXIX*, 57, 1-2). Между тем Птолемей XII уже довольно давно безуспешно добивался римской военной помощи, чтобы вернуть себе престол. Среди римской политической элиты не было единого мнения по этому вопросу. Одним из наиболее влиятельных сторонников военного вмешательства в египетские дела был Помпей. Он несколько раз предпринимал попытки законным способом добиться разрешения на интервенцию. Его главным соперником, который хотел добиться командования этой операцией для себя, был Публий Корнелий Лентул Спинтер (*Plut. Pomp.*, 49). Однако народный трибун Гай Порций Катон положил конец их усилиям: по его инициативе был обнародован найденный в Сивиллиных книгах оракул, который истолковали как запрещающий военную экспедицию в Египет. На основании этого оракула в начале 56 г. сенат вынес решение не восстанавливать Птолемея на престоле (*Dio XXXIX*, 15-16; *Cic. Fam.* I, 1, 1; I, 4, 2; I, 7, 4)¹⁶⁰.

---

¹⁶⁰ Более подробное освещение политических интриг, связанных с египетским вопросом, см., напр., здесь: *Siani-Davies M. Ptolemy XII Auletes and the Romans // Historia.* 1997. Bd. 46. S. 322 ff. О мотивах, которыми руководствовался Гай Катон в своих действиях: *Shatzman I. The Egyptian question in Roman politics (59-54 B.C.) // Latomus.* 1971. T. 30. P. 365-367.

Тогда-то зимой или в начале весны 56 г. Птолемей Авлет и обратился к проконсулу Сирии Авлу Габинию с просьбой помочь вернуть царство. В этот момент Габиний с войском находился в лагере на берегу Евфрата (*Ios. Bel. Iud.* I, 8, 7; *Ant. Iud.* XIV, 6, 2), готовясь к походу против парфян. Но сенат, узнав о его планах, запретил этот поход (*Strab.* XII, 3, 34). Иную версию событий излагают Аппиан (*App. Syr.*, 51) и Дион Кассий (*Dio XXXIX*, 55, 2-3; 56, 3); они утверждают, что Габиний отменил парфянский поход, получив большую взятку от Птолемея Авлета и письмо Помпея (Аппиан, однако, о письме ничего не говорит)¹⁶¹. При этом, по Диону, Помпей, помогая Птолемею, будто бы руководствовался исключительно дружескими чувствами к нему, а Габиний был соблазнен деньгами (*Dio XXXIX*, 55, 3). Размер этой взятки якобы составил колоссальную сумму в 10 000 талантов (*Cic. Rab. Post.*, 21; 30; *Schol. Bob.* 148-149 Hildebrandt; *Plut. Anton.* 3, 2). Габиний впоследствии, естественно, всё отрицал, заявляя, что взял у Птолемея деньги лишь на необходимые военные расходы; то же самое подтвердили его свидетели – Помпей и послы александрийцев (*Cic. Rab. Post.*, 34). Представляется, что бывший проконсул несколько лукавил. Впрочем, есть основания сомневаться, что речь на самом деле шла о столь огромной взятке, которая практически равнялась годовому доходу египетской казны¹⁶². Наверняка сумма была намного меньшей. Часть денег, скорее всего, была заплачена авансом (*Dio XXXIX*, 56, 3); остальные были обещаны после окончания операции. Естественно, что таких средств у изгнанного царя на тот момент быть не могло, и деньги для предоплаты он взял займы у римских финансистов¹⁶³.

Сообщение Диона Кассия о письме позволяет некоторым авторам заявлять, что Габиний действовал по прямому приказу триумвиров, а конкретно – Помпея,

---

¹⁶¹ Ср. *Cic. Pis.*, 49: «он [Габиний. – В.Х.] предоставил себя александрийскому царю в наёмные провозжатые» («praebuit se mercenarium comitem regi Alexandrino»).

¹⁶² Согласно Страбону, он составлял 12 500 талантов (*Strab.* XVII, 1, 13), по Диодору – 6000 талантов (*Diod.* XVII, 52). Р. Уильямс предполагает, что такая колоссальная цифра была позднее придумана врагами Габиния для того, чтобы он в случае осуждения *de repetundis* не смог выплатить эту сумму и вынужден был отправиться в изгнание: *Williams R.S. Rei publicae causa...* P. 32. Об этих деньгах см. также: *Sanford E. The career...* P. 87; *Williams R.S. The role of amicitia...* P. 207 n. 55; *Badian E. Roman imperialism in the late Republic.* N.Y.-Ithaca, 1968. P. 74.

¹⁶³ См. *Siani-Davies M. Ptolemy XII Auletes...* S. 328.

поддержанного в этом вопросе Цезарем¹⁶⁴. Э. Фэнтэм полагает, что главную роль здесь сыграли финансовые интересы Помпея и отчасти Цезаря: на встрече триумвиров в Луке (апрель 56 г.) уже договорились, что Сирия достанется Крассу, который тоже выказывал глубокую заинтересованность в египетских делах. Таким образом, у Помпея оставалась последняя возможность руками своего человека восстановить Птолемея на престоле и получить с него деньги за предоставленную помощь. Приказ действовать Габинию был будто бы отдан втайне от Красса, который позднее, узнав обо всём, обиделся и злобно («acerime») напал на Габиния в сенате (*Cic. Fam. I, 9, 20*). Однако затем, очевидно, под нажимом Помпея, они помирились, и в дальнейшем Красс даже оказывал поддержку Габинию¹⁶⁵. Такая интерпретация представляется нам несколько упрощённой. Р. Уильямс справедливо замечает, что греческий историк трактует взаимоотношения между Помпеем и Габинием вполне в духе своего времени; для Диона Помпей – это принцепс, а Габиний – провинциальный наместник, безоговорочно выполняющий все его приказания. Однако реалии Поздней республики были совершенно иными, и Габиний обладал гораздо большей степенью независимости от своего покровителя¹⁶⁶. По словам Плутарха, Габиний ещё долго не решался согласиться на предложение Птолемея; двинуться в Египет его убедил только префект конницы Марк Антоний (*Plut. Anton. 3, 2*). Вероятно, Плутарх несколько преувеличил здесь роль Антония¹⁶⁷, но сам факт подобных колебаний свидетельствует о том, что последнее слово оставалось за самим Габинием, хотя тот, конечно, принимал в расчёт и интересы Помпея.

Разумеется, сейчас невозможно уже сказать, какие мотивы в наибольшей степени подтолкнули Габиния к отказу от парфянского похода и началу экспедиции в Египет. Всё же нам представляется наиболее убедительным мнение

---

¹⁶⁴ Напр.: *Sanford E. The career...* P. 86-87.

¹⁶⁵ *Fantham E. The trials of Gabinius in 54 B.C. // Historia. 1975. Bd. 24. S. 431.* Дион и по этому поводу, как всегда, приводит компрометирующую Габиния версию: якобы Красс смягчился, когда получил от него часть наворованных в провинции денег (*Dio XXXIX, 60, 1*). В принципе возможно, что Габиний поделился с Крассом определённой суммой, но, учитывая явную тенденциозность данного источника, эти сведения могут оказаться и вымыслом.

¹⁶⁶ *Williams R.S. The role of amicitia...* P. 205-207.

¹⁶⁷ *Williams R.S. Rei publicae causa...* P. 32-33.

Е.В. Смыкова, который полагает, что решающую роль здесь сыграл прямой запрет сената вторгаться в Парфию¹⁶⁸. На поход в Египет такого запрета наложено не было. Представлялась возможность получить богатейшую добычу и, кроме того, оказать услугу Помпею. Что же касается возможной судебной ответственности за самоуправство, то отсутствие ясно выраженного официального запрета оставляло Габинию возможность хоть как-то оправдывать свои действия. Показательно в этом плане датируемое июлем 56 г. письмо Цицерона проконсулу Киликии Лентулу Спинтеру, который также подумывал о походе в Египет: «Люди будут судить о твоём замысле по его исходу (*ex eventu homines de tuo consilio existimaturos videremus*): если случится так, как мы того хотим и желаем, то все скажут, что ты действовал мудро и смело (*sapienter et fortiter*); если же встретятся какие-либо препятствия, то те же люди скажут, что ты поступил и честолюбиво и необдуманно (*et cupide et temere fecisse dicturos*)¹⁶⁹. ... Со своей стороны, мы полагаем так: если ты выяснил, что сможешь овладеть его царством, то медлить не следует; если же это сомнительно, то не следует пытаться. Повторяю тебе: если ты осуществишь свой замысел, то в твоё отсутствие тебя будут восхвалять многие, а по возвращении – все; неудачу же я считаю опасной при наличии суждения сената и религиозного запрета (*offensionem esse periculosam propter interpositam auctoritatem religionemque video*)» (*Cic. Fam. I, 7, 5* – пер. В.О. Горенштейна). Похоже, Габиний тоже рассчитывал, что «победителей не судят», или, во всяком случае, судят не так строго, как проигравших. Надо сказать, в определённой степени его расчёты оправдались, но потом в дело вмешались иные обстоятельства.

---

¹⁶⁸ Смыков Е.В. Сирийское наместничество... С. 212: «Габиний был вынужден подчиниться, поскольку одно дело – оправдываться после завершения дела, предприняв поход на свой страх и риск, и совсем иное – прямо нарушить распоряжение сената». Иной точки зрения придерживается Р. Уильямс. Он полагает, что Габиний в данном случае действовал в первую очередь не в своих личных интересах, а во благо государства, *rei publicae causa*: укрепившийся в Египте Архелай поддерживал тесные связи с пиратами и угрожал Сирии. Восстановление на троне Птолемея было необходимо для того, чтобы вернуть контроль Рима над регионом (*Williams R.S. Rei publicae causa...* P. 37; *Idem. The role of amicitia...* P. 207-208).

¹⁶⁹ Ср. с рассуждениями Цицерона в речи «За Рабирия Постума» (*Cic. Rab. Post.*, 1).

Точная дата начала египетского похода неизвестна; скорее всего, это первая половина лета 56 г.¹⁷⁰ В битве при Пелусии войска египтян были наголову разбиты. Сам Архелай пал в бою. Габиний вступил в Александрию, и не позднее, чем к середине апреля 55 г. Птолемей Авлет был восстановлен на египетском троне (*Cic. Att. IV, 10, 1*)¹⁷¹.

В следующем году, отбыв срок своего проконсульства, Авл Габиний покинул Сирию и отправился в Рим, в котором его действия в провинции вызвали весьма неоднозначную реакцию. Враги Габиния с нетерпением ожидали его возвращения, чтобы рассчитаться с ним за всё. К Риму он подошёл 19 сентября 54 г. (*Cic. Q. fr. III, 1, 15*). Как следует из письма Цицерона, ещё до этого дня, в отсутствие бывшего проконсула, Луций Корнелий Лентул «iam [eum. – В.Х.] de maiestate postulavit» (*Cic. Q. fr. III, 1, 15*), т.е. подал претору Гаю Альфию Флаву¹⁷² устное заявление (*postulatio*) с просьбой принять иск против Габиния по обвинению в оскорблении величия римского народа на основании *lex Cornelia de maiestate*. Несколько позже ему были предъявлены ещё два иска – по обвинению в вымогательстве (*de repetundis*)¹⁷³ и в подкупе избирателей (*de ambitu*)¹⁷⁴.

---

¹⁷⁰ Р. Уильямс датирует начало операции временем ‘not much before January 55’ (*Williams R.S. Rei publicae causa... P. 31*). Т. Уайзмен склоняется к концу января-февралю 55 г. (*Wiseman T.P. Caesar, Pompey and Rome 59-50 B.C. // САН. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge, 1992. P. 397*). Дискуссию по этому поводу и аргументы в пользу принимаемой нами датировки см.: *Siani-Davies M. Ptolemy XII Auletes... S. 329 ff.*

¹⁷¹ *Siani-Davies M. Ptolemy XII Auletes... S. 332-333.*

¹⁷² В литературе нет единого мнения по вопросу, в каком качестве Альфий Флав председательствовал на процессе Габиния, – как претор или же как *quaesitor*. К первой точке зрения склоняются М. Александер (*Alexander M.C. Trials in the late Roman Republic, 149 B.C. to 50 B.C. Phoenix. Suppl. 26. Toronto, 1990. P. 145*), Т. Броутон (*Broughton T.R.S. The magistrates... Vol. II. P. 227 n. 3.*), А. Гринидж (*Greenidge A.H.J. The legal procedure of Cicero's time. Oxf., 2004. P. 430*), ко второй – Т. Моммзен (*Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II. Leipzig, 1887. S. 201 Anm. 4*). Аргументы сторонников первой версии, однако, нам кажутся более вескими. Что касается личности самого Флава, то в 63 г. он поддержал Цицерона (*Cic. Planc., 104*), но впоследствии примкнул к Цезарю, в пользу которого он действовал, будучи народным трибуном 59 г. (*Cic. Sest., 113-114*). Цицерон в нескольких местах отзывается с похвалой о его честности: «vir et bonus et innocens et bonis viris semper probatus» (*Cic. Sest., 114*); «quaesitor gravis et firmus» (*Cic. Q. fr. III, 3, 3*). См.: *Klebs E. Alfius (7) // RE. 1894. Bd. I. Sp. 1475.*

¹⁷³ Не позднее 12 октября, т.к. в этот день состоялась процедура дивинации (*Cic. Q. fr. III, 2, 1*). Цицерон объясняет задержку с подачей иска болезнью претора Марка Порция Катона Младшего, который председательствовал в судебной комиссии по делам о вымогательстве (*Cic. Q. fr. III, 1, 15*).

¹⁷⁴ Не позднее 21 октября: *Cic. Q. fr. III, 3, 2.*

Обвинения *de maiestate* и *de repetundis* были напрямую связаны с наместничеством Габиния в Сирии, *de ambitu* – с подкупом избирателей в ходе выборов консулов на 58 г.

Итак, какие же силы стояли за столь мощной тройной атакой против Авла Габиния? Их, с нашей точки зрения, было, по меньшей мере, две. Во-первых, это римские всадники-публиканы, которые вели дела в Сирии и которые, несомненно, понесли серьёзные убытки из-за принципиальности бывшего наместника¹⁷⁵. Во-вторых – оптиматы, предпринявшие в тот период наступление на политических союзников триумвиров, – не менее семи из них в 54 г. были привлечены к суду¹⁷⁶. Габиний был одним из самых близких к Помпею людей и в то же время – одним из наиболее уязвимых, поскольку, управляя Сирией, приобрёл себе немало врагов¹⁷⁷.

Авл Габиний вошёл в город ночью 27 сентября и буквально сразу (возможно, даже на следующий день) был вынужден предстать перед трибуналом претора Альфия. По всей видимости, Габиний должен был явиться на *nominis delatio* – вручение непосредственно жалобы претору в присутствии ответчика. На эту формальную, в общем-то, процедуру в восьмом часу дня собралась большая толпа народа, что ещё раз свидетельствует об огромном интересе к делу. Собравшиеся были враждебно настроены по отношению к Габинию и, похоже, не пытались сдерживать своих чувств, так что последний едва не был избит (*Cic. Q. fr. III, 1, 24*). Как мы уже неоднократно отмечали ранее, по обычаю, стороны получали десятидневную отсрочку для подготовки к процессу. Таким образом, слушания по делу должны были стартовать где-то в начале октября.

Мотивы, которые сподвигли на обвинение молодого Лентула, понятны. Его отец Луций Корнелий Лентул Нигер, фламин Марса (*flamen martialis*), был соперником Авла Габиния на выборах в консулы на 58 г. и потерпел поражение.

---

¹⁷⁵ О ненависти откупщиков к Габинию см., напр.: *Cic. Q. fr. III, 2, 2*.

¹⁷⁶ Это были Гай Порций Катон, Гай Мессий, Публий Ватиний, Марк Ливий, Друз Клодиан, Гней Планций и Ноний Суфенат. Впрочем, все судебные процессы закончились оправдательными приговорами. Подробнее см.: *Gruen E.S. The last generation... P. 314-322; Fantham E. The trials of Gabinius... S. 427-49*.

¹⁷⁷ *Williams R.S. The role of amicitia... P. 208*. См. также: *Syme R. The Roman revolution. P. 66-67*.

Похоже, что причиной этого в немалой степени стало «дело Веттия» о мнимом заговоре с целью покушения на жизнь Помпея; доносчик Веттий заявил, что в числе других заговорщиков будто бы находился молодой «Лентул, сын фламина, с ведома отца» («Lentulus, flaminis filius, conscio patre») (*Cic. Att. II, 24, 2*). За «делом Веттия», несомненно, стоял Цезарь, и одной из его целей была попытка скомпрометировать некоторых неугодных триумвирам кандидатов в консулы и преторы на следующий год, в том числе Лентула-отца¹⁷⁸. Неудачливый кандидат умер в 56 г. (*Cic. Att. IV, 6, 1*); Лентулу-сыну представилась возможность отомстить за отца его сопернику и ставленнику триумвиров, чем он и поспешил воспользоваться.

Однако, как кажется, многие недоброжелатели Габиния рассчитывали на то, что главным обвинителем на процессе будет не молодой Лентул, который, возможно, до этого даже никогда не выступал в суде¹⁷⁹, а сам Марк Туллий Цицерон. Естественно, при таком маститом противнике Габинию пришлось бы куда сложнее. Некоторые друзья Цицерона даже упрекали его за то, что он не взял на себя эту роль (*Cic. Q. fr. III, 4, 2*). Вражда между Цицероном и Габинием была всем известна; соблазн отомстить был велик, и можно представить, как непросто было Цицерону отказаться от такой замечательной возможности, в чём он и сам откровенно признаётся брату Квинту: «Тем не менее я воздерживаюсь от обвинения (*ego tamen me teneo ab accusando*), клянусь тебе, с трудом, но всё же воздерживаюсь и потому, что не хочу бороться против Помпея (*vel quod polo cum Pompeio pugnare*) (достаточно того, что предстоит по поводу Милона), и потому, что у нас нет судей (*vel quod iudices nullos habemus*). Боюсь неудачи (*ἀπότρυμα formido*), считаюсь вдобавок с недоброжелательством людей (*addo etiam malevolentiam hominum*); опасюсь, как бы с ним не приключилось чего-нибудь, когда я буду обвинять его; к тому же не теряю надежды, что дело может быть

---

¹⁷⁸ Подробное обоснование этой точки зрения см. в работах: *Утченко С.Л.* Юлий Цезарь. М., 1976. С. 104-105; *Meyer Ed.* Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius. Stuttgart-Berlin, 1922. S. 84-87; *Taylor L.R.* The date and the meaning of the Vettius' affair // *Historia*. 1950. Bd. 1. S. 45-51.

¹⁷⁹ Во всяком случае, об этом ничего неизвестно; об ораторских способностях Лентула источники вообще умалчивают.

сделано и без меня, хотя отчасти и благодаря мне (*nec despero rem et sine me et non nihil per me confici posse*)» (*Cic. Q. fr. III, 2, 2* – пер. В.О. Горенштейна)¹⁸⁰. Соображения политической целесообразности взяли верх над эмоциями. К тому же Помпей прикладывал немало усилий, пытаясь спасти своего соратника. Известно, что он просил Цицерона выступить в качестве защитника Габиния на суде (*Cic. Q. fr. III, 4, 3*). То же самое оратору советовали отдельные его друзья (*Cic. Q. fr. III, 5, 5*). Но в конечном итоге Цицерон на процессе Габиния выступил лишь в качестве свидетеля обвинения¹⁸¹. В письмах он, преувеличенно и словно оправдываясь, восхваляет свою «умеренность» (*mediocritas*) в этом деле (напр., *Cic. Q. fr. III, 4, 3*). Очевидно, свидетельские показания Цицерона не слишком повредили Габинию, который, по словам оратора, воспринял их даже «добродушно» (*humaniter*) (*Cic. Att. IV, 18, 1*): «когда я со всей строгостью, честно и по совести дал свои свидетельские показания, то обвиняемый сказал, что если ему будет дозволено быть среди гражданства, он отблагодарит меня, и не спросил меня ни о чём» («*cum testimonium secundum fidem et religionem gravissime dixissem, reus dixit, si in civitate licuisset sibi esse, mihi se satisfacturum, neque me quidquam interrogavit*») (*Cic. Q. fr. III, 4, 3* – пер. В.О. Горенштейна).

Говоря об обвинителях Габиния, нельзя не упомянуть об интересном пассаже, который содержится в письме Цицерона брату Квинту от 11 октября 54 г. Цицерон пишет о консуле Аппии Клавдии: «Право, он был восхитителен – я чуть не забыл упомянуть об этом – в тот день, выступив против Габиния; он обвинил его в преступлении против величества, назвал свидетелей, а тот – ни слова» («[*Appius. – B.X.*] *quidem mirificus illo die, quod paene praeterii, fuit in Gabinium: accusavit maiestatis; nomina data, cum ille verbum nullum*») (*Cic. Q. fr. III, 2, 3* – пер. В.О. Горенштейна). Из этого фрагмента Э. Груэн делает вывод, будто

---

¹⁸⁰ О скептическом отношении Цицерона к уголовным судам в тот период см. также: *Cic. Att. IV, 18, 3*.

¹⁸¹ Дион Кассий ошибочно полагает, что Цицерон был обвинителем Габиния (*Dio XXXIX, 62, 2*: «...Цицерон обвинял [Габиния] со всей силой своего ораторского дара...» («ὁ Κικέρων δεινότητα αὐτοῦ κατηγορήσεν»)).

Аппий выступил с обвинением Габиния de maiestate¹⁸². Однако 11 октября для Аппия Клавдия было слишком поздно предъявлять такое обвинение¹⁸³, поскольку процедура *nominis delatio* состоялась и Лентул уже был утверждён как официальный обвинитель. Слово «*accusavit*» нельзя в данном случае понимать как технический термин в значении «предъявил обвинение, привлёк к суду». По всей видимости, Аппий Клавдий просто выступил в сенате с речью, направленной против Габиния, в которой он бросил ему обвинение в оскорблении величия. Однако это выступление не имело (да и не могло иметь) для Габиния каких-либо юридических последствий.

Имена защитников (или защитника) Авла Габиния на процессе de maiestate до нас не дошли. Возможно, что одним из них был претор 57 г. Марк Калидий, о котором известно, что он по крайней мере один раз выступал в защиту Габиния перед народом¹⁸⁴. Цицерон с большой похвалой отзывается о Калидии как о талантливом и опытном судебном ораторе (*Cic. Brut.*, 274-278)¹⁸⁵.

Но кто бы ни защищал Авла Габиния на данном процессе, перед ним стояла непростая задача. Главное обвинение, предъявленное Габинию, не вызывает сомнений – это самовольное восстановление на престоле Птолемея Авлета без разрешения сената, да ещё и вопреки религиозному запрету. Эти мероприятия, несомненно, попадали под действие *lex Cornelia de maiestate* (*Cic. Pis.*, 50). Виновность Габиния в инкриминируемом ему преступлении была очевидна, поэтому нужно было искать какие-то окольные пути. Остаётся только пожалеть, что от эпохи Республики до нас не дошло ни одной речи, произнесённой на процессе de maiestate (кроме фрагментов Цицероновских «*Pro Cornelio*»), так что о

---

¹⁸² Gruen E.S. Pompey, the Roman aristocracy and the conference of Luca // *Historia*. 1969. Bd. 18. S. 102 n. 142.

¹⁸³ Э. Фэнгэм придерживается противоположного мнения; она, как и мы, полагает, что Клавдий не выступал обвинителем на судебном процессе, но приводит несколько иные аргументы (см.: *Fantham E. The trials of Gabinius...* S. 434-435).

¹⁸⁴ Alexander M.C. *Trials in the late...* P. 145. К упомянутому выступлению Калидия мы возвратимся чуть далее.

¹⁸⁵ Заметим, что иногда они вместе выступали на процессах: в 54 г. защищали Скавра (*Ascon.* 20 Clark), а в 52 г. – Милона (*Ascon.* 34 Clark). Подробнее см.: *Münzer F. Calidius (4)* // *RE*. 1897. Bd. III. Sp. 1353-1354.

нюансах судопроизводства именно в этой уголовной комиссии мы чаще всего вынуждены рассуждать лишь на основе косвенных данных. Нам представляется, что в случае с Габинием сторона защиты, разумеется, не могла отрицать сам факт нарушения закона. Поэтому она должна была каким-то образом постараться оправдать мотивы проконсула, выставить его действия в благоприятном свете как направленные на благо государства. Известно, что на последующем процессе de repetundis в качестве главного аргумента в свою защиту Габиний выдвигал необходимость защиты своей провинции Сирии от набегов пиратов, которые находили пристанище в Египте¹⁸⁶. Кажется логичным, что примерно такой же должна была быть линия защиты и на процессе de maiestate, тем более, что оба обвинения были теснейшим образом связаны между собой.

Вердикт по делу Габиния был вынесен 22 октября (*Cic. Q. fr. III, 3, 3*). Из семидесяти судей 32 проголосовали за осуждение, 38 – за оправдание (*Cic. Att. IV, 18, 1*). Причинами оправдания Габиния Цицерон считает «невероятное ребячество обвинителей, т.е. Луция Лентула, сына Луция, который, как все твердят, сговорился с обвиняемым; затем удивительные усилия Помпея, низость¹⁸⁷ судей» («*accusatorum incredibilis infantia, id est L. Lentuli L. f., quem fremunt omnes praevaricatum, deinde Pompei mira contentio, iudicum sordes*») (*Cic. Att. IV, 18, 1* – пер. В.О. Горенштейна), а также «наводящий ужас слух о диктатуре» («*dictaturae rumor plenus timoris*») (*Cic. Q. fr. III, 4, 1*). Дион Кассий пишет о том, что оправдательный приговор Габинию судьи вынесли за деньги (*Dio XXXIX, 55, 4-5; XXXIX, 62, 3*). Однако, общий негативный настрой Диона (или, скорее, используемого им источника) по отношению к Авлу Габинию порождает у нас сомнения в достоверности этой информации.

---

¹⁸⁶ *Cic. Rab. Post.*, 20: «Габиний заявил, что он сделал это ради блага государства, потому что опасался флота Архелая [и] потому что считал, что море будет кишеть разбойниками; и он заявил, что позволил себе это [сделать] на основании закона» («*Gabinius se id fecisse dicebat rei publicae causa, quod classem Archelai timeret, quod mare refertum fore praedonum putaret; lege etiam id sibi licuisse dicebat*»).

¹⁸⁷ Слово «*sordes*» можно перевести и как «низость, презренность», и как «жадность, скардность». В данном случае, исходя из контекста, мы считаем более предпочтительным именно первый вариант (ср.: *Oxford Latin dictionary*. P. 1793-1794).

10 октября – видимо, уже после начала процесса в *quaestio de maiestate*, – происходит ещё одно событие, связанное с этим делом; мы узнаём о нём из краткого замечания Цицерона в письме к своему брату Квинту. Цицерон пишет следующее: «В тот же день Меммий славно отделал Габиния перед народом, так что Калидию нельзя было и слова сказать в его защиту» («Eodem die Gabinium ad populum luculente calefecerat Memmius sic, ut Calidio verbum facere pro eo non licuerit») (*Cic. Q. fr. III, 2, 1* – пер. В.О. Горенштейна). Опираясь на этот пассаж и на анекдот, сохранённый Валерием Максимом (*Val. Max. VIII, 1, abs. 3*), Э. Фэнтэм высказывает гипотезу о том, что Габиний, помимо всего прочего, был привлечён также и к суду перед народным собранием (*iudicium populi*). Обвинителем выступил народный трибун Гай Меммий. Правда, 10 октября выглядит слишком ранней датой для подобного процесса, поскольку между предъявлением обвинения и финальным голосованием комиций должен был пройти стандартный срок в три нундины, а Габиний появился в Риме лишь незадолго до этого, 27 сентября¹⁸⁸. Однако, предполагает Э. Фэнтэм, Цицерон скорее всего говорит о каком-то предварительном слушании дела, а Валерий Максим описывает более позднюю его стадию, которая могла иметь место уже в отсутствие Цицерона (из переписки оратора известно, что с 24 октября и по конец ноября 54 г. он находился не в Риме, а в своей Тускуланской усадьбе). Главной целью Меммия, с точки зрения исследовательницы, было не добиться осуждения Габиния судом комиций, а ещё более возбудить против него народное недовольство и оказать тем самым косвенное влияние на предстоящий процесс в *quaestio perpetua*¹⁸⁹. Такая реконструкция событий кажется довольно правдоподобной; мы, как и Э. Фэнтэм, скептически относимся к красочным деталям, которыми Валерий Максим уснащает свой рассказ: якобы Габиний был

---

¹⁸⁸ В рамках настоящей диссертации мы, по понятным причинам, не можем вдаваться в подробности описания процедуры в суде перед комициями, поэтому отошлём читателя к классическим работам: *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. S. 161-171*; *Greenidge A.H.J. The legal procedure... P. 344-349*.

¹⁸⁹ *Fantham E. The trials of Gabinius... S. 433-434*. Точно так же трактует мотивы Меммия и П. Грёбе, однако немецкий исследователь отвергает мнение, что описываемые события имели место в ходе уголовного процесса в комициях (*Drumann W.-Groebe P. Geschichte Roms... Bd. III. S. 54 Anm. 4*).

спасён от осуждения лишь благодаря вмешательству своего приёмного сына Сизенны, бросившегося к ногам Меммия; тот оттолкнул Сизенну от себя, сорвав с руки у него перстень, и оставил лежать на земле. Такое поведение Меммия вызвало возмущение народа, и другой народный трибун, Децим Лелий, известный сторонник Помпея, воспользовавшись этим, с одобрения граждан велел распустить собрание. Несколько настораживает, что в дальнейшем Цицерон нигде не упоминает об эпизоде с Сизенной и Лелием, хотя этим он мог бы больно уязвить своего врага.

Тем не менее, недругам Авла Габиния удалось-таки добиться своего. Вскоре после своего оправдания в *quaestio de maiestate* он был осуждён на основании *lex Iulia de repetundis* за то, что принял взятку от Птолемея Авлета в обмен на восстановление египетского царя на престоле (*Cic. Rab. Post.*, 21; 31-32; 34). Подробный анализ этого процесса не входит в наши задачи¹⁹⁰. Заметим лишь, что Цицерон, в конце концов, был вынужден уступить давлению Помпея и выступить защитником Габиния на суде, однако и это последнего не спасло¹⁹¹. Дион Кассий (*Dio XXXIX*, 63, 2) пишет, что Габиний после того, как первый процесс закончился оправданием, уверовал в свою безнаказанность и не стал тратить столько денег на подкуп судей, сколько в предыдущий раз; эта скупость и стала якобы причиной его осуждения. Э. Сэнфорд, например, верит этому сообщению¹⁹². Но, как мы показали выше, то, что Габиний и в первый раз подкупал суд, маловероятно. Поэтому, с нашей точки зрения, Дион лишь повторяет сплетню, распущенную врагами Габиния. Речь Цицерона «*Pro Gabinio*» не сохранилась. Мы подозреваем, что она вообще никогда не была издана, так как

---

¹⁹⁰ См. о данном суде, напр.: *Fantham E. The trials of Gabinius... S. 435 ff.*

¹⁹¹ Впрочем, ряд авторов (*Syme R. The Roman revolution. P. 67; Badian E. Publicans and sinners... P. 109*) считают, что поддержка Помпеем Габиния была неискренней. Р. Сайм, например, уверен, что Помпей определённо мог спасти своего друга, если бы действительно захотел этого, но «Габиний уже отслужил своё» (*Ibid.*) и больше был ему не нужен. Едва ли с такой точкой зрения можно согласиться. Помпей сделал всё, что мог, оставаясь в рамках законности. Он обеспечил Габинию защиту одного из лучших, если не лучшего, адвоката того времени; он даже созвал сходку, на которой выступил сам и прочёл присланное Цезарем в поддержку Габиния письмо (*Dio XXXIX*, 63, 3-4). Однако, очевидно, всеобщее предубеждение против Габиния оказалось слишком велико.

¹⁹² *Sanford E. The career... P. 91.*

о ней нет никаких упоминаний у античных авторов; кроме того, как известно, Цицерон не любил публиковать речи с проигранных им процессов. Скорее всего, великий оратор попытался как можно скорее забыть (но главное, заставить забыть остальных) об этом неприятном для себя деле. Показательно, что и в сохранившихся письмах того периода Цицерон обходит данный вопрос деликатным молчанием. Габиния присудили к изгнанию и выплате 10 000 талантов. Его имущество было конфисковано и распродано в счёт уплаты этой суммы.

После своего осуждения Габиний на пять лет исчезает с политической сцены и вновь появляется на арене истории с началом гражданской войны. Но ситуация кардинальным образом изменилась: триумvirат распался, и Помпей выступал уже как признанный лидер сенатской партии. Поэтому Габиний предпочёл присоединиться к Цезарю. Последний отправил его с войском в Иллирик. Там Габиний и умер от болезни в г. Салона зимой 47 г. (Bel. Alex., 42-43; *Dio* XLII, 11, 4).

Подведём итоги. Представляется, что судебная атака на Авла Габиния должна была стать болезненным уколом для триумvirов вообще и – прежде всего – для Помпея, его друга, союзника и покровителя. Однако в свете сложившейся тогда в Риме политической ситуации само обвинение Габиния *de maiestate* едва ли явилось неожиданностью. Непосредственно за этой атакой стояли римские всадники-публиканы, недовольные деятельностью Габиния во время наместничества в Сирии, и ряд деятелей сенатской партии, раздражённых его вмешательством в дела Египта. Данный судебный процесс хорошо вписывается в ряд других процессов, возбуждённых против некоторых сторонников триумvirов в этот период. Несмотря на формальную виновность, на сей раз Габинию удалось спастись – прежде всего, благодаря заступничеству Помпея, но очень скоро его враги взяли убедительный реванш.

Заключение

Использование уголовного суда в качестве средства давления или устранения своих противников имело давнюю традицию в политической культуре Римской республики. Подобные примеры мы находим едва ли не с первых десятилетий её существования. Создание после 149 г. постоянных судебных комиссий (*quaestiones perpetuae*) ещё более способствовало возрастанию значения уголовных судов как политического инструмента. Однако массовый характер использования в политических целях уголовных судебных процессов приобретает лишь в постсулланскую эпоху.

В настоящем исследовании мы пришли к выводу, что уголовные суды в период Поздней республики находились в руках высших слоёв римского общества, его политической и экономической элиты. После принятия в 70 г. Аврелиева закона именно представители первых двух сословий, сенаторов и всадников, формировали состав постоянных судебных комиссий; третья группа, эрарные трибуны, по сути, может быть приравнена к всадникам. Представители этой элиты составляли и значительную долю подсудимых. Кроме того, предметом рассмотрения в *quaestiones perpetuae* были не уголовные преступления в современном значении этого слова, а *delicta publica*, т.е. деяния, затрагивающие интересы государства и общества в целом. Некоторые из них имели исключительно политический характер. В результате очень многие уголовные судебные процессы в позднереспубликанский период неизбежно должны были нести на себе отпечаток политических интриг. Этому также способствовала и сама процедура судебного разбирательства в *quaestiones perpetuae*, в частности, такая отличительная её черта как состязательный характер уголовного процесса. Эта состязательность превращала заседание суда в подобие дуэли. В ход шли не только чисто юридические доказательства виновности (либо невиновности) обвиняемого. Огромную роль играли внеправовые критерии: красноречие обвинителя и защитника; моральный облик, авторитет, политический вес и

положение в государстве подсудимого и всех тех, кто оказывал ему поддержку на суде. При вынесении судебных приговоров по уголовным делам зачастую большое, если не решающее, значение имели не только юридические аспекты дела, но и положение дел на политической арене. Яркий пример тому – процесс Гая Антония в 59 г., к осуждению которого, как мы попытались доказать, «приложили руку» триумвиры Помпей и Цезарь. Публичность, сопровождавшая громкие уголовные процессы, повышала общественный интерес к ним, так что некоторые суды превращались чуть ли не в политические демонстрации (например, суд над Милоном в 52 г. и др.).

О том, насколько важное место римляне отводили уголовному законодательству и уголовным судам в политической борьбе, свидетельствует также тот факт, что принятие практически любого уголовного закона сопровождалось упорной борьбой между различными политическими силами. При этом довольно часто вносимые законопроекты были прямо направлены против определённых лиц. Принятие – или же непринятие – таких законов зависело скорее от сложившейся в данный момент политической ситуации, чем от соображений заботы об улучшении системы уголовного судопроизводства в целом. Наиболее показательна в этом отношении эволюция позднереспубликанского законодательства о подкупе избирателей (*de ambitu*). Необходимость борьбы с этим негативным явлением признавалась почти всеми представителями римской элиты. Однако принятие тех или иных конкретных мер зачастую диктовалось, прежде всего, сложившейся политической обстановкой. Один из наиболее показательных примеров такого рода – события, связанные с принятием в 64 г. до н.э. сенатусконсульта о борьбе с подкупом избирателей, направленного *ad hominem* против Луция Сергия Катилины и Гая Антония Гибриды, бывших тогда соискателями консульства.

Наиболее тесно из всех постоянных судебных комиссий с политикой была связана, пожалуй, комиссия об оскорблении величия (*quaestio de maiestate*), что неудивительно, поскольку преступления, которые попадали под её юрисдикцию, сами по себе носили политический характер. Кроме того, понятие преступления

против величия римского народа было довольно расплывчатым и оставляло место для различных толкований. Примером этого могут служить, в частности, подробно рассмотренные нами в настоящей диссертации два судебных процесса над народным трибуном 67 г. Гаем Корнелием. Действия Гая Корнелия, строго говоря, не попадали под действие *lex Cornelia de maiestate*, что не помешало его обвинителям привлечь бывшего трибуна к суду, ссылаясь не на букву, а на дух закона. Как нам представляется, именно эта неопределённость и привела к тому, что судебных процессов по обвинению в оскорблении величия в постсулланский период было крайне немного: до нас дошли сведения лишь о восьми, из которых только четыре закончились обвинительными приговорами. Показательно, что республиканский закон *de maiestate* пришёлся ко двору и в эпоху Ранней империи: первые принцепсы активно использовали его для борьбы с оппонентами режима, действительными и мнимыми.

Однако, отмечая ту, несомненно, значимую роль, которую уголовные суды играли в политической борьбе в интересующий нас период, её всё же не следует переоценивать. Они так и не стали главным средством в этой борьбе. Нельзя не отметить, что уголовному преследованию в данный период подвергались почти исключительно второстепенные политические деятели; признанным лидерам Республики враги решались наносить лишь косвенные удары, привлекая к суду их родичей, друзей, соратников и т.п. Предпринимаемые некоторыми исследователями просопографического направления попытки определить состав римских политических группировок, опираясь на информацию о том, кто на чьей стороне выступал в том или ином громком судебном процессе, не всегда правомерны и часто обречены на неудачу. В частности, Цицерон неоднократно защищал в суде тех людей, политические симпатии которых он не разделял и с которыми до этого не раз конфликтовал (среди них, например, Гай Антоний и Авл Габиний). Иногда политическое значение уголовного процесса, даже если оно и не бросалось в глаза, специально подчёркивалось стороной обвинения или защиты в своих целях. Сами суды, начиная с 60-х гг., также стали всё чаще подвергаться внешнему воздействию. Подсудимые начинают использовать

наёмные банды для того, чтобы срывать судебные заседания, оказывать физическое и моральное давление на судей и обвинителей. Яркими примерами этого могут служить процессы над Гаем Манилием и Гаем Корнелием в 66-65 гг. Отнюдь не всегда виновные в подобных действиях привлекались к судебной ответственности. В последние годы Республики именно насилие становится основным средством в политической борьбе, что, в конце концов, вылилось в 49 г. в открытое вооружённое противостояние между Цезарем и Помпеем.

Список сокращений

- АМА – Античный мир и археология. Саратов.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ДП – Древнее право. Ius antiquum. М.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; М.
- Acta Ant. Hung. – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- AJPh – American Journal of Philology. Baltimore.
- ANRW – H. Temporini und W. Haase (hrsg.), Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; N.Y., 1972–.
- Athenaeum – Athenaeum. Studi periodici di letteratura e storia dell' antichità. Pavia.
- Bruns – Fontes iuris Romani antiqui. Ed. C.G. Bruns. 6 ed. cura Th. Mommseni et O. Gradenwitz. Pars prior. Leges et negotia. Friburgi et Lipsiae, 1893.
- CAH – Cambridge ancient history. Cambridge.
- CIL – Corpus inscriptionum Latinarum. Lipsiae et Berolini, 1862–.
- CJ – Classical Journal. Northfield.
- CPh – Classical Philology. Chicago.
- CQ – Classical Quarterly. Oxf.
- CR – Classical Review. Cambridge.
- CRAI – Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris.
- CSCA – Californian Studies in Classical Antiquity. Berkeley.
- G&R – Greece and Rome. Oxf.
- Historia – Historia. Zeitschrift für alte Geschichte. Wiesbaden.
- ILS – Inscriptiones Latinae selectae. Ed. H. Dessau. Vol. I-III. Berolini, 1892-1916.
- JRS – Journal of Roman Studies. L.
- Labeo – Labeo. Rassegna di diritto Romano. Napoli.
- Latomus – Latomus. Revue d'études latines. Bruxelles.
- LCM – Liverpool Classical Monthly. Liverpool.

MD – Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici. Pisa.

MEFRA – Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité. Rome.

MGH. AA – Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Hannoverae et Berolini.

Mnemosyne – Mnemosyne. Leiden.

OCD – Oxford Classical Dictionary. 2nd ed. Oxf., 1976.

PBSR – Papers of the British School at Rome. Rome.

RBPh – Revue belge de philologie et d'histoire. Bruxelles.

RE – Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart, 1894–1978.

RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main.

RIDA – Revue internationale des droits de l'antiquité. Bruxelles.

RS – Roman statutes / Ed. by M. Crawford. Vol. I. L., 1996.

TAPhA – Transactions of the American Philological Association. Cleveland.

ZRG – Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Weimar.

Источники

1. Ad C. Herennium de ratione dicendi (Rhetorica ad Herennium) / With an Engl. trans. by H. Caplan. L.: William Heinemann Ltd.; Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1964.
2. Apollodori bibliotheca / Ed. C. Mueller. Vol. I. Parisiis, 1841. – Аполлодор. Мифологическая библиотека / Пер. с древнегреч. В.Г. Боруховича. Л.: Наука (Лен. отд.), 1972.
3. Appiani historia Romana / Ed. L. Mendelsohn. Vol. I-II. Lipsiae, 1879-1881. – Аппиан. Гражданские войны / Пер. с древнегреч. под ред. С.А. Жебелева и О.О. Крюгера. Л.: ОГИЗ, 1935.
4. Aristotelis politica / Ed. W.D. Ross. Oxonii, 1957. – Аристотель. Сочинения. Т. IV / Пер. с древнегреч. под ред. А.И. Доватура, Ф.Х. Кессиди. М.: Мысль, 1983.
5. Asconii Pediani Q. commentarii / Rec. C. Giarratano. Romae, 1920.
6. Asconii Pediani Q. orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A.C. Clark. Oxonii, 1907.
7. Asconius Pedianus. Commentaries on speeches by Cicero / Trans. and comm. by R.G. Lewis. Oxf.: Oxford univ. press, 2006.
8. Aurelii Victoris Sexti liber de Caesaribus. Praecedunt origo gentis Romanae et liber de viris illustribus urbis Romae; subsequitur epitome de Caesaribus / Ed. F. Pichlmayr. Lipsiae, 1911. – Римские историки IV века / Пер. с лат. и древнегреч. В.С. Соколова и др. М.: РОССПЭН, 1997.
9. Cassiodori Magni Aurelii Senatoris chronica / Rec. Th. Mommsen // MGH. AA. T. XI. Berolini, 1894. P. 120-161.
10. Catulli Veronensis carmina / Ed. H. Vardon. Berolini, 1973. – Катулл Веронский Гай Валерий. Книга стихотворений / Пер. с лат. С.Л. Шервинского. Прим. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1986.

11. Cicero M. Tullius. *Epistulae ad Atticum* (Cicero's letters to Atticus) / Trans. and comm. by D.R. Shackleton Bailey. Vol. I-VII. Cambridge: Cambridge univ. press, 1965-1970. – Цицерон Марк Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. I-III / Пер. с лат. и комм. В.О. Горенштейна. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949-1951.
12. Cicero M. Tullius. *Epistulae ad familiares* / Ed. and comm. by D.R. Shackleton Bailey. Vol. I. Cambridge: Cambridge univ. press, 2004.
13. Cicero M. Tullius. *Epistulae ad Quintum fratrem et M. Brutum* / Trans. and comm. by D.R. Shackleton Bailey. Cambridge: Cambridge univ. press, 1981.
14. Cicero M. Tullius. *Pro M. Caelio oratio* / Ed. and comm. by R.G. Austin. Oxf.: Oxford univ. press, 1960.
15. Cicero M. Tullius. *Pro P. Sulla oratio* / Ed. and comm. by D.H. Berry. Cambridge: Cambridge univ. press, 2004.
16. Cicero M. Tullius. *The fragmentary speeches* / Ed. and comm. by J.W. Crawford. Atlanta: Scholars press, 1994.
17. *Ciceronis M. Tulli epistulae* / Rec. L.C. Purser. Vol. I. Oxonii, 1901.
18. *Ciceronis M. Tullii opera quae supersunt omnia ac deperditorum fragmenta* / Ed. Io. Casp. Orelli. Vol. V. Pars II. Turici, 1833.
19. *Ciceronis M. Tulli et Porcii Latronis in Catilinam orationes*. Parisiis, 1796.
20. *Ciceronis M. Tulli orationes* / Rec. A.C. Clark. Vol. I-VI. Oxonii, 1909-1911. – Цицерон Марк Туллий. Речи. В 2-х тт. / Пер. с лат. В.О. Горенштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Цицерон Марк Туллий. Полное собрание речей в русском переводе / Пер. с лат. В.А. Алексеева под ред. Ф.Ф. Зелинского. Т. 1. СПб.: изд. А.Я. Либерман, 1901.
21. *Ciceronis M. Tulli orationum deperditarum fragmenta* / Ed. G. Puccioni. Mediolani, 1963.
22. *Ciceronis M. Tullii pro T. Annio Milone* / Ed. A.C. Clark. Oxonii, 1895.
23. *Ciceronis M. Tulli scripta quae manserunt omnia* / Edd. A. Klotz et F. Schoell. Vol. I-VIII. Lipsiae, 1918. – Цицерон Марк Туллий. Диалоги. О государстве. О законах / Изд. подготовили И.Н. Веселовский, В.О. Горенштейн, С.Л.

- Утченко. М.: Наука, 1966. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. Ф.А. Петровского, комм. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты / Пер. с лат. и комм. М.И. Рижского. М.: Наука, 1985.
24. *Cornelii Nepotis vitae* / Ed. A. Fleckeisen. Lipsiae, 1886. – Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. с лат. и комм. Н.Н. Трухиной. М.: Изд-во МГУ, 1992.
25. *Diodori bibliotheca historica* / Edd. F. Vogel et C. Fischer. Vol. I-VI. Lipsiae, 1888-1906.
26. *Dionysi Halicarnasei antiquitatum Romanarum quae supersunt* / Ed. C. Jacoby. Vol. I-IV. Lipsiae, 1885-1905.
27. *Dio's Roman history* / Ed. H.B. Foster with an English trans. by E. Cary. Vol. I-IX. L.-N.Y.: William Heinemann; Harvard univ. press, 1914-1927.
28. *Festi Sexti Pompei de verborum significato quae supersunt cum Pauli epitome* / Ed. W.M. Lindsay. Lipsiae, 1913. – Павел Диакон. Эпитама сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов». Избранные глоссы. Вступительная статья, пер. с лат. и комм. А.А. Павлова // ВДИ. 2012. №2. С. 219-268.
29. *Flavii Iosephi opera* / Ed. V. Niese. Berolini, 1895. – Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. с древнегреч. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.-Иерусалим: Евр. ун-т; Гешарим, 1993. Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. с древнегреч. Г.Г. Генкеля. Т. I-II. Мн: Беларусь, 1994.
30. *Gai institutionum commentarii quattuor* / Edd. E. Seckel et V. Kuebler. Lipsiae, 1935.
31. *Gelli Auli noctes Atticae* / Ed. K. Marshall. Vol. I-II. Londinii, 1968. – Авл Геллий. Аттические ночи / Пер. с лат. под ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер. Т. 1-2. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2007-2008.
32. *Grani Liciniani quae supersunt* / Ed. M. Flemisch. Lipsiae, 1904.
33. *Hesiodi theogonia opera et dies scutum* / Ed. F. Solmsen. Oxonii, 1990. – Гесиод. Полное собрание текстов / Пер. с древнегреч. В.В. Вересаева, О.П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2001.

34. *Historicorum Romanorum reliquiae* / Ed. H. Peter. Vol. I-II. Stutgardiae, 1993.
35. *Isidori Hispanensis etymologiarum sive originum libri* / Ed. W.M. Lindsay. Vol. I-II. Oxonii, 1911.
36. *Lactanti L. Caeli Firmiani divinarum institutionum libri VII et epitome* / Ed. S. Brandt. Vindobonae, 1890.
37. *Livi Titi ab urbe condita libri* / Rec. W. Weissenborn. Vol. I-II. Lipsiae, 1871-1878. – Ливий Тит. История Рима от основания Города. В 3-х тт. / Пер. с лат. Г.С. Кнабе и др., комм. Ф.А. Михайловского, В.М. Смирин. М.: Ладомир, 2002.
38. *Livi Titi periochae omnium librorum, fragmenta Oxyrhynchi reperta, Iulii Obsequentis prodigiorum liber* / Ed. O. Rossbach. Lipsiae, 1910.
39. *Macrobiani Ambrosii Theodosii saturnalia* / Ed. J. Willis. Lipsiae, 1970. – Макробий Амброзий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2009.
40. *Nonii Marcelli de conpendiosa doctrina libros XX* / Ed. W.M. Lindsay. Vol. I-III. Lipsiae, 1903.
41. *Orationum Ciceronis scholiastae* / Ed. T. Stangl. Vindobonae, 1912.
42. *Oratorum Romanorum fragmenta ab Appio inde Caeco et M. Porcio Catone usque ad Q. Aurelium Symmachum* / Col. H. Meyer. Turici, 1842.
43. *Ovidii Nasonis Publii fasti (Ovid's fasti)* / Ed. J.G. Frazer. L.: William Heinemann Ltd; Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1933. – Овидий Назон Публий. Элегии и малые поэмы / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. М.: Худ. лит-ра, 1973.
44. *Plauti Comoediae* / Ed. F. Leo. Berolini, 1895. – Плавт Тит Макций. Комедии. В 2-х тт. / Пер. с лат. А. Артюшкова и др., комм. И. Ульяновой. М.: Искусство, 1987.
45. *Plini Caecili Secundi C. epistularum libri novem* / Ed. M. Schuster. Stutgardiae et Lipsiae, 1992. – Плиний Младший. Письма / Пер. с лат. М.Е. Сергеев и др. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

46. Plini Secundi C. naturalis historiae libri XXXVII / Ed. K. Mayhoff. Vol. I-V. Lipsiae, 1892-1909.
47. Plutarchi vitae parallelae (Plutarch's lives) / With an Engl. trans. by B. Perrin. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press; L.: William Heinemann Ltd., 1919. – Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / Изд. подготовили С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. М.: Наука, 1994.
48. Polybii historiae / Edd. L. Dindorf et Th. Buttner-Wobst. Vol. I-V. Lipsiae, 1903-1929. – Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф.А. Мищенко. Т. 1-2. М.: АСТ, 2004.
49. Quintiliani M. Fabi institutionis oratoriae libri XII / Rec. L. Radermacher. Lipsiae, 1971.
50. Sallustii Crispi C. historiarum reliquiae / Ed. B. Maurenbrecher. Vol. I. Lipsiae, 1891.
51. Sallusti Crispi C. Catilina, Iugurtha, orationes et epistulae excerptae de historiis / Ed. A.W. Ahlberg. Lipsiae, 1919. – Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. с лат. и комм. М.М. Покровского. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / Пер. с лат., статья и комм. В.О. Горенштейна. М.: АСТ; Ладомир, 2005.
52. Scholia in Ciceronis orationes Bobiensia / Ed. P. Hildebrandt. Stutgardiae, 1971.
53. Sources for Roman history, 133-70 B.C. / Coll. and arr. by A.H.J. Greenidge, A.M. Clay. Oxf.: Clarendon press, 1960.
54. Strabonis geographica / Ed. A. Meineke. Lipsiae, 1877. – Страбон. География / Пер. с древнегреч. и комм. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994.
55. Suetoni Tranquilli C. quae supersunt omnia / Rec. C.L. Roth. Lipsiae, 1886. – Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1964.
56. Taciti Cornelii opera minora / Ed. H. Furneaux. Parisiis, 1939.

57. Taciti Cornelii annalium ab excessu divi Augusti libri / Ed. Ch.D. Fisher. Oxonii, 1906. – Тацит Публий Корнелий. Сочинения в 2-х тт. / Пер. с лат. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. М.: Ладомир, 1993.
58. Ulpiani liber singularis regularum. Pauli libri quinque sententiarum. Fragmenta minora saeculorum p. Chr. n. secundi et tertii / Ed. P. Krueger. Berolini, 1878.
59. Valerii Maximi factorum et dictorum memorabilium libri novem cum Iulii Paridis et Ianuarii Nepotiani epitomis / Ed. C. Kempf. Lipsiae, 1888.
60. Varronis M. Terenti de lingua Latina quae supersunt / Edd. G. Goetz et F. Schoell. Lipsiae, 1910.
61. Vellei Paterculi historiarum ad M. Vinicium consulem libri duo / Ed. W.S. Watt. Lipsiae, 1988. – Веллей Патеркул. Римская история / Пер. с лат. А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985.
62. Дигесты Юстиниана. В 8-ми тт. / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002-2006.
63. Закон Ацилия (Семпрония) о судах по взысканию денег, полученных незаконным путём (122 г. до н.э.). Пер. с лат. и комм. Т.Г. Мякина // ВДИ. 2007. №4. С. 225-246.

Литература

1. Александровская С.В. Стратегия борьбы с коррупцией в сочинениях Марка Туллия Цицерона // ДП. 2003. №2. С. 113-118.
2. Александровская С.В. Антикоррупционная концепция в праве Древнеримской республики (V-I вв. до н.э.) // Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 247 с.
3. Александровская С.В. Юлиев закон о казнокрадстве: проблема соотношения функций и целей юридической ответственности // ДП. 2005. №2. С. 201-206.
4. Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). Пер. с чешск. М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
5. Белкин М.В. Историческая традиция о численности и этапах формирования сената в древнем Риме // Жебелёвские чтения-3. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 года. СПб., 2001 – <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-10/belkin.htm> (27.10.2011).
6. Бобровникова Т.А. Цицерон. Интеллигент в дни революции. М.: Молодая гвардия, 2006. 532 с.
7. Буассье Г. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времён Цезаря // Буассье Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Пер. с фр. СПб.: Изд-во Иванов и Лещинский, 1993. 448 с.
8. Бугаева Н.В. *Expositio consiliorum suorum*: таинственный труд Цицерона // ANTIQVITAS IVVENTAE. Сб. науч. тр. студентов и аспирантов. Саратов, 2010. С. 81-91.
9. Власова О.А. Эволюция римской магистратуры преторов (367 г. до н.э. – 122 г. до н.э.) // ПИФК. 2009. №1. С. 28-43.
10. Егоров А.Б. Римские популяры – терминология, структура движения и идеология // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 8 / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: 2009. С. 199-232.

11. Егоров А.Б. Подъём и упадок демократического движения в Риме в эпоху гражданских войн // Проблемы античной демократии / Под ред. Э.Д. Фролова. ПРОВАНМАТА. Вопросы античной теории и культуры. Вып. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. С. 341-396.
12. Ковалёв С.И. История Рима. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1948. 808 с.
13. Короленков А.В., Смыков Е.В. Сулла. М.: Молодая гвардия, 2007. 430 с.
14. Кофанов Л.Л. Lex Valeria de provocatione 509 г. до н.э. и начало разделения римского права на публичное и частное // ДП. 2001. №1. С. 31-36.
15. Кудрявцева Т.В. Чрезвычайные полномочия полководцев как источник императорской власти в Риме // Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 214 с.
16. Кудрявцева Т.В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 480 с.
17. Лапырёнок Р.В. Consensus bonorum omnium. Общественные противоречия в позднереспубликанском Риме в зеркале политической терминологии. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2007. 105 с.
18. Машкин Н.А. Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н.э. // ВДИ. 1947. №3. С. 126-140.
19. Моммзен Т. История Рима. Т. 2. Пер. с нем. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937 – с. Т. 3. Кн. 5. СПб.: , 1995. 432 с.
20. Мякин Т.Г. Судебный закон Гая Семпрония Гракха: документальный первоисточник и литературная традиция // ВДИ. 2007. №4. С. 27-47.
21. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2-х тт. Т. 1. Общая часть. М.: 2004. 496 с.
22. Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1964. 232 с.
23. Покровский И.А. Частная защита общественных интересов в древнем Риме // Сборник статей по истории права, посвящённый М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Под ред. М.Н. Ясинского. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1904. С. 27-43.
24. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1999. 535 с.

25. Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. Ч. 1-2. М.: Соцэкгиз, 1938. 829 с.
26. Сморгчов А.М. Сакрально-правовые термины *legum dictio/divinatio* и авгульская практика // *Studia historica*. 2010. Вып. X. С. 66-77.
27. Смыков Е.В. Сирийское наместничество Авла Габиния // *АМА*. Вып. 12. Саратов: 2006. С. 198-213.
28. Смышляев А.Л. «Добрые нравы» и «суровые законы» в древнеримском суде // *ДП*. 2008. №2. С. 76-95.
29. Суриков И.Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // *ДП*. 1999. №2. С. 34-42.
30. Суриков И.Е. Некоторые проблемы истории афинской гелии // *ДП*. 2005. № 2. С. 8-20.
31. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
32. Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 184 с.
33. Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики (из истории политических идей I в. до н.э.). М.: Изд-во АН СССР, 1952. 300 с.
34. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской Республики. М.: Наука, 1965. 288 с.
35. Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.: Наука, 1969. 324 с.
36. Утченко С.Л. Цицерон и его время. М.: Мысль, 1972. 390 с.
37. Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М.: Мысль, 1976. 365 с.
38. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М.: Наука, 1977. 256 с.
39. Ферреро Г. Величие и падение Рима. / Пер. с фр. и ит. Т. I-II. СПб.: Наука; Ювента, 1997.
40. Циркин Ю.Б. Гражданские войны в Риме. Побеждённые. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. 314 с.

41. Чеканова Н.В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. 480 с.
42. Щёголев А.В. Судебный процесс об оскорблении величия по комментарию Аскония к речи Цицерона «Pro Cornelio» // ДП. 2000. №1. С. 160-163.
43. Щёголев А.В. Закон об оскорблении величия в политической истории Рима (I в. до н.э. – I в. н.э.) // Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.
44. Щёголев А.В. Закон Аппулея 103 г. до н.э. о величии римского народа // ДП. 2002. №2. С. 114-120.
45. Alexander M.C. *Praemia in the quaestiones of the late Republic* // CPh. 1985. Vol. 80. P. 20-32.
46. Alexander M.C. *Trials in the late Roman Republic, 149 B.C. to 50 B.C.* Phoenix. Suppl. 26. Toronto: Univ. of Toronto press, 1990. XVIII, 233 p.
47. Alexander M.C. How many Roman senators were ever prosecuted?: the evidence from the late Republic // Phoenix. 1993. Vol. 47. P. 238-255.
48. Alexander M.C. *The case for the prosecution in the Ciceronian era.* Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2002. XII, 370 p.
49. Alexander M.C. *Oratory, rhetoric and politics in the Republic* // A companion to Roman rhetoric / Ed. by W. Dominik, J. Hall. Oxf.: Blackwell, 2007. P. 98-108.
50. Alföldy G. *Römische Sozialgeschichte.* Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1975. XI, 239 S.
51. Alföldy G. *The social history of Rome* / Trans. by D. Braund. L.: Routledge, 1985. XI, 267 p.
52. Badian E. Review on: Malcovati H. *Oratorum Romanorum fragmenta liberae rei publicae iteratis curis recensuit collegit* // JRS. 1956. Vol. 46. P. 218-221.
53. Badian E. Caesar's *cursus* and the intervals between offices // JRS. 1959. Vol. 49. P. 81-89.
54. Badian E. The early career of A. Gabinius (*cos.* 58 B.C.) // Philologus. 1959. Bd. 103. S. 87-99.
55. Badian E. From the Gracchi to Sulla (1940-59) // Historia. 1962. Bd. 11. S. 197-245.

56. Badian E. Roman imperialism in the late Republic. Ithaca-N.Y.: Cornell univ. press, 1968. X, 117 p.
57. Badian E. Publicans and sinners: private enterprise in the service of the Roman Republic. Ithaca-N.Y.: Cornell univ. press, 1972. 170 p.
58. Balsdon J.P. The history of the extortion court at Rome, 123-70 B.C. // PBR. 1938. Vol. 14. P. 98-114.
59. Balsdon J.P. The *Commentariolum petitionis* // CQ. 1963. Vol. 13. P. 242-250.
60. Balsdon J.P. *Maiestas* // OCD. Oxf., 1976. P. 640-641.
61. Bauman R.A. The *crimen maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate. Johannesburg: Witwatersrand univ. press, 1967. XVII, 336 p.
62. Bauman R.A. The *lex Valeria de provocatione* of 300 B.C. // Historia. 1973. Bd. 22. S. 34-47.
63. Bauman R.A. Human rights in ancient Rome. L.-N.Y.: Routledge, 2000. XIV, 193 p.
64. Bauman R.A. Crime and punishment in ancient Rome. L.-N.Y.: Routledge, 2005. XII, 228 p.
65. Benner H. Die Politik des P. Clodius Pulcher. Historia: Einzelschriften. H. 50. Stuttgart: Steiner, 1987. 189 S.
66. Berger A. *Lex Cornelia de ambitu* // RE. 1925. Bd. XII. Sp. 2344.
67. Berger A. *Lex Iulia de pecuniis repetundis* // RE. 1925. Bd. XII. Sp. 2389-2392.
68. Berger A. *Lex Tullia* // RE. 1925. Bd. XII. Sp. 2416.
69. Berger A. Encyclopedic dictionary of Roman law. Transactions of the American philosophical society. Vol. 43. Part 2. Philadelphia: American philosophical society, 1953. 476 p.
70. Bernert E. *Nomenclator* // RE. 1936. Bd. XVII. Sp. 817-820.
71. Boatwright M.T. Women and gender in the *Forum Romanum* // TAPhA. 2011. Vol. 141. P. 105-141.
72. Brecht Ch.H. *Perduellio* // RE. 1937. Bd. XIX. Sp. 615-639.

73. Brecht Ch.H. Zur Abgrenzung des Begriffes *Perduellio* von den Verwandten Verbrechenbegriffen im römischen Strafrecht bis zum Ausgang der Republik. Diss. iur. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1938. XI, 317 S.
74. Brecht Ch.H. *Perduellio* und *crimen maiestatis* // ZRG. 1944. Bd. 64. S. 354-360.
75. Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. I. Vol. II. N.Y.: American philological association, 1952. Vol. III. Atlanta: Scholars press, 1986.
76. Broughton T.R.S. Senate and senators of the Roman Republic: a prosopographical approach // ANRW. Teil I. Bd. I. 1972. S. 250-265.
77. Brunt P.A. Three passages from Asconius // CR. 1957. Vol. 7. P. 193-195.
78. Brunt P.A. Social conflicts in the Roman Republic. L.: Chatto and Windus, 1971. 164 p.
79. Brunt P.A. The fall of the Roman Republic and related essays. Oxf.: Clarendon press, 1988. XI, 545 p.
80. Buckland W.W. Civil proceedings against ex-magistrates // JRS. 1937. Vol. 27. P. 37-47.
81. Carson S. Asconius in Cornelianam 68.7-69.13 (Clark) and Roman legislative procedure: a textual note // AJPh. 1988. Vol. 109. P. 537-542.
82. Cicero the advocate / Ed. by J. Powell, J. Paterson. N.Y.: Oxford univ. press, 2004. XII, 448 p.
83. Chilton C.W. The Roman law of treason under the early Principate // JRS. 1955. Vol. 45. P. 73-81.
84. Clark A.C. Cicero and Asconius. Review on: Humbert J. Contribution à l'étude des sources d'Asconius dans ses relations des débats judiciaires // CR. 1927. Vol. 41. P. 74-76.
85. Classen C.J. Cicero, the laws and the law-courts // Latomus. 1978. T. 37. P. 597-619.
86. Cloud D. Sulla and the praetorship // LCM. 1988. Vol. 13. P. 69-73.
87. Cloud D. The constitution and public criminal law // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. P. 491-530.

88. Cody J.M. The use of *Libero-Damno* and *Absolvo-Condemno* in the judicial proceedings of the late Republic // CPh. 1973. Vol. 68. P. 205-208.
89. Crawford J.W. M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. Hypomnemata: Untersuchungen zur Antike und zu ihrem Nachleben. H. 80. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1984. X, 317 p.
90. Crawford M. Roman Republican coinage. Vol. I-II. Cambridge: Cambridge univ. press, 1974.
91. Crook J.A. Law and life of Rome. N.Y.: Cornell univ. press, 1967. 349 p.
92. Damon C., Mackay C.S. On the prosecution of C. Antonius in 76 B.C. // Historia. 1995. Bd. 44. S. 37-55.
93. David J.-M. Le patronat judiciaire au dernier siècle de la République romaine. Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. T. 277. Rome: Bocard, 1992. XXII, 953 p.
94. David J.-M. Die Rolle des Verteidigers in Justiz, Gesellschaft und Politik: der Gerichtspatronat in der späten römischen Republik // Große Prozesse der römischen Antike / Hrsg. von U. Manthe, J. von Ungern-Sternberg. München: Verlag C.H. Beck, 1997. S. 28-47.
95. David J.-M. L'exercice du patronat à la fin de la République, entre la compétition des pairs et la hiérarchie des puissances // Eine politische Kultur (in) der Krise? Schriften des Historischen Kollegs Kolloquien 73 / Hrsg. K.-J. Hölkeskamp. München, 2009. S. 73-86.
96. Daube D. Review on: Brecht C.H. Zur Abgrenzung des Begriffes *Perduellio* von den Verwandten Verbrechensbegriffen im römischen Strafrecht bis zum Ausgang der Republik // JRS. 1941. Vol. 31. P. 180-184.
97. Daube D. The peregrine praetor // JRS. 1951. Vol. 41. P. 66-70.
98. de Castro-Camero R. El *crimen maiestatis* a la luz del *senatus consultum de Cn. Pisone patre*. Sevilla: Univ. de Sevilla, 2000. 242 p.
99. de Libero L. Obstruktion. Politische Praktiken im Senat und in der Volksversammlung der ausgehenden römischen Republik (70-49 v.Chr.). Hermes: Einzelschriften. H. 59. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. 142 S.

100. Demokratie in Rom?: Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik / Hrsg. M. Jehne. Historia: Einzelschriften. H. 96. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. VII, 141 S.
101. Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd. I-VI. Königsberg: Verlag der Gebrüder Bornträger, 1834-1844.
102. Drumann W.-Groebe P. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd. I-VI. Leipzig: Verlag von Gebrüder Bornträger, 1899-1929.
103. Dyck A.R. The 'other' *Pro Milone* reconsidered // Philologus. 2002. Bd. 146. S. 182-185.
104. Eder W. Das vorsullanische Repetundenverfahren. München: Blasaditsch, 1969. 253 S.
105. Ellis R. A commentary on Catullus. Oxf.: Clarendon press, 1876. LXIV, 400 p.
106. Epstein D.F. Personal enmity in Roman politics, 218-43 B.C. L.-N.Y.: Routledge, 1989. VIII, 183 p.
107. Ewins U. *Ne quis iudicio circumveniat* // JRS. 1960. Vol. 50. P. 94-107.
108. Fantham E. The trials of Gabinius in 54 B.C. // Historia. 1975. Bd. 24. S. 425-443.
109. Fantham E. The contexts and occasions of Roman public rhetoric // Roman eloquence: rhetoric in society and literature / Ed. by W.J. Dominik. L.-N.Y.: Routledge, 1997. P. 91-105.
110. Fascione L. Crimen e quaestio ambitus nell' età repubblicana. Milano: A. Giuffrè, 1984. 161 p.
111. Ferrary J.-L. Recherches sur la législation de Saturninus et de Glaucia (II) // MEFRA. 1979. T. 91. P. 85-134.
112. Ferrary J.-L. Les origines de la loi de majesté à Rome // CRAI. 1983. N. 4. 1983. P. 556-572.
113. Fotheringham L. Cicero's fear: multiple readings of *Pro Milone* 1-4 // MD. 2006. № 57. P. 63-83.

114. Fraccaro P. *Opuscula*. Vol. II. Studi sull'età della rivoluzione romana. Scritti di diritto pubblico. Militaria. Pavia: Presso la rivista "Athenaeum", 1957. 378 p.
115. Francken C.M. *Ciceronis oratio Pro Caelio* // *Mnemosyne*. 1880. Vol. 8. P. 201-229.
116. Fröhlich F. *Cornelius (392)* // *RE*. 1900. Bd. IV. Sp. 1522-1566.
117. Gabba E. *Republican Rome, the army and the allies* / Trans. by P.J. Cuff. Berkeley-L.A.: Univ. of California press, 1976. IX, 272 p.
118. Gaughan J.E. *Murder was not a crime: homicide and power in the Roman Republic*. Austin: Univ. of Texas press, 2010 – XVII, 194 p.
119. Gelzer M. *Die Nobilität der römischen Republik*. Stuttgart: Teubner, 1912. 120 S.
120. Gelzer M. *The Roman nobility* / Trans. by R. Seager. Oxf.: Blackwell, 1975. 164 p.
121. Gelzer M. *Sergius (23)* // *RE*. 1923. Bd. IIA. Sp. 1693-1711.
122. Gelzer M. *Kleine Schriften*. Bd. II. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. VIII, 403 S.
123. Gelzer M. *Caesar: politician and statesman* / Trans. by P. Needham. Oxf.: Blackwell, 1968. VIII, 359 p.
124. Gelzer M. *Cicero. Ein biographischer Versuch*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1969. X, 426 S.
125. Girard P.F. *Histoire de l'organisation judiciaire des Romains*. Vol. I. Paris: Rousseau, 1901. XXX, 339 p.
126. Greenidge A.H.J. *Infamia. Its place in Roman public and private law*. Oxf.: Kessinger Publishing, 1894. 228 p.
127. Greenidge A.H.J. *The legal procedure of Cicero's time*. Oxf.: Clarendon press, 2004. 592 p.
128. Grieve L. *The reform of the 'comitia centuriata'* // *Historia*. 1985. Bd. 34. S. 278-309.
129. Griffin M. *The 'leges iudicariae' of the pre-Sullan era* // *CQ*. 1973. Vol. 23. P. 108-126.

130. Griffin M. The tribune C. Cornelius // JRS. 1973. Vol. 63. P. 196-213.
131. Grueber H.A. Coins of the Roman Republic in the British Museum. Vol. I. L.: William Clowes and sons, 1910. 594 p.
132. Gruen E.S. The *lex Varia* // JRS. 1965. Vol. 55. P. 59-73.
133. Gruen E.S. Pompey and the Pisones // CSCA. 1968. Vol. 1. P. 155-170.
134. Gruen E.S. Roman politics and the criminal courts, 149-78 B.C. Cambridge: Cambridge univ. press, 1968. XII, 337 p.
135. Gruen E.S. Notes on the 'First Catilinarian Conspiracy' // CPh. 1969. Vol. 64. P. 20-24.
136. Gruen E.S. Pompey, the Roman aristocracy and the conference of Luca // Historia. 1969. Bd. 18. S. 71-108.
137. Gruen E.S. Some criminal trials of the late Republic: political and prosopographical problems // Athenaeum. 1971. Vol. 49. P. 54-69.
138. Gruen E.S. The trial of C. Antonius // Latomus. 1973. T. 32. P. 301-310.
139. Gruen E.S. The last generation of the Roman Republic. Berkeley-L.A.-L.: Univ. of California press, 1974. 596 p.
140. Gundel H. Varius (7) // RE. 1955. Bd. VIIIA. Sp. 387-390.
141. Gundel H. Der Begriff '*Maiestas*' im politischen Denken der römischen Republik // Historia. 1963. Bd. 12. S. 283-320.
142. Hardy E.G. The Catilinarian conspiracy in its context: a re-study of the evidence // JRS. 1917. Vol. 7. P. 153-228.
143. Hartmann L.M. *Ambitus* // RE. 1894. Bd. I. Sp. 1800-1803.
144. Hawthorn J.R. The senate after Sulla // G&R. 1962. Vol. 9. P. 53-60.
145. Hayne L. The politics of M'. Glabrio, *cos.* 67 // CPh. 1974. Vol. 69. P. 280-282.
146. Heinze R. Ciceros Rede *Pro Caelio* // Hermes. 1925. Bd. 60. S. 193-258.
147. Henderson M. The establishment of the equester ordo // JRS. 1963. Vol. 53. P. 61-72.
148. Hendrickson G.L. The memoirs of Rutilius Rufus // CPh. 1933. Vol. 28. P. 153-175.

149. Hendrickson J.L. On the authenticity of the *Commentariolum petitionis* of Quintus Cicero // AJPh. 1892. Vol. 13. P. 200-212.
150. Hill H. The Roman middle class in the Republican period. Oxf.: Basil Blackwell, 1952. 226 p.
151. Hough J. The *lex Lutatia* and the *lex Plautia de vi* // AJPh. 1930. Vol. 51. P. 135-147.
152. Husband R.W. *Lex Cornelia de ambitu* // CJ. 1915. Vol. 10. P. 377-378.
153. Husband R.W. The law of Poetelius on corrupt practices at elections // CJ. 1915. Vol. 10. P. 376-377.
154. Jameson Sh. Augustus and Agrippa Postumus // Historia. 1975. Bd. 24. S. 287-314.
155. Jones A.H.M. The criminal courts of the Roman Republic and Principate. Oxf.: Blackwell, 1972. VII, 143 p.
156. Kennedy G. The rhetoric of advocacy in Greece and Rome // AJPh. 1968. Vol. 89. P. 419-436.
157. Kinsey T.E. Cicero, *Pro Murena* 71 // RBPh. 1965. T. 43. P. 57-59.
158. Kinsey T.E. A *senatus consultum* in the *Pro Murena* // Mnemosyne. 1966. Vol. 19. P. 272-273.
159. Klebs E. Alfius (7) // RE. 1894. Bd. I. Sp. 1475.
160. Klebs E. Antonius (19) // RE. 1894. Bd. I. Sp. 2577-2582.
161. Konrad C.F. A note on the stemma of the Gabinii Capitones // Klio. 1984. Bd. 66. S. 151-156.
162. Kornemann E. *Collegium* // RE. 1900. Bd. IV. Sp. 380-480.
163. Kübler B. *Maiestas* (1) // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 542-559.
164. Kumaniecki K. Les discours égarés de Cicéron "Pro Cornelio" // Mededelingen van de K. Vlaamse acad. voor wetenschappen, letteren en schone kunsten van België. Klasse der letteren. Jg. 32. №4. Brussel: Paleis der Academiën, 1970. 36 p.

165. Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullanischer Zeit. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1962. 149 S.
166. Kunkel W. *Quaestio* // RE. 1963. Bd. XXIV. Sp. 720-801.
167. Lange L. Römische Alterthümer. Bd. II. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1862. XII, 619 S.; Bd. III. Berlin: Georg Olms Verlag, 1876. 624 S.
168. Lengle J. Untersuchungen über die sullanische Verfassung. Diss. Freiburg: Caritas-Druckerei, 1889. 70 S.
169. Lengle J. Die Verurteilung der Römischen Feldherrn von Arausio // Hermes. 1931. Bd. 66. S. 302-316.
170. Lengle J. *Tribunus aerarius* // RE. 1937. Bd. VIA. Sp. 2432-2435.
171. Leonhard R. *Aestimatio litis* (2) // RE. 1894. Bd. I. Sp. 690-691.
172. Levick B. *Poena legis maiestatis* // Historia. 1979. Bd. 28. S. 358-379.
173. Levy E. Gesammelte Schriften. Bd. II. Köln-Graz: Böhlau Verlag, 1963. XVI, 704 S.
174. Lichtenfeldt C. De Q. Asconii Peditani fontibus ac fide. Breslau: Koebner, 1888. 88 p.
175. Linderski J. Ciceros Rede *Pro Caelio* und die Ambitus- und Vereinsgesetzgebung der ausgehenden Republik // Hermes. 1961. Bd. 89. S. 106-119.
176. Lindsay R. Defamation and the law under Sulla // CPh. 1949. Vol. 44. P. 240-243.
177. Lintott A.W. P. Clodius Pulcher – *felix Catilina?* // G&R. 1967. Vol. 14. P. 157-169.
178. Lintott A.W. *Provocatio* from the struggle of the orders to the Principate // ANRW. Teil I. Bd. 2. 1972. S. 226-267.
179. Lintott A.W. Cicero and Milo // JRS. 1974. Vol. 64. P. 62-78.
180. Lintott A.W. The *leges de repetundis* and associate measures under the Republic // ZRG. 1981. Bd. 98. S. 162-212.

181. Lintott A.W. Electoral bribery in the Roman Republic // JRS. 1990. Vol. 80. P. 1-16.
182. Lintott A.W. Judicial reform and land reform in the Roman Republic. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. XXVI, 293 p.
183. Lintott A.W. Political history, 146-95 B.C. // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. P. 40-103.
184. Lintott A.W. Violence in Republican Rome. Oxf.: Oxford univ. press, 2004. XXVIII, 240 p.
185. Lintott A.W. Cicero as evidence: a historian's companion. Oxf.: Oxford univ. press, 2008. X, 469 p.
186. Loewenstein K. The governance of Rome. Hague: Springer, 1973. 502 p.
187. Long J. *Ambitus* // Smith W. A dictionary of Greek and Roman antiquities. L.: John Murray, 1875. P. 76-78.
188. MacMullen R. Review on: Bauman R.A. The *crimen maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate // AJPh. 1970. Vol. 91. P. 117-118.
189. Madvig J.N. De Q. Asconii Pediani et aliorum veterum interpretum in Ciceronis orationes commentariis disputatio critica. Copenhagen: Tupis Hartv. Fred. Poppii, 1828. 63 p.
190. Marshall B.A. Q. Cicero, Hortensius and the *lex Aurelia* // RhM. 1975. Bd. 118. S. 136-152.
191. Marshall B.A. The vote of a bodyguard for the consuls of 65 // CPh. 1977. Vol. 72. P. 318-320.
192. Marshall B.A. A historical commentary on Asconius. Columbia: Univ. of Missouri press, 1985. XVI, 342 p.
193. Marshall B.A. *Excepta oratio*, the other *Pro Milone* and the question of shorthand // Latomus. 1987. T. 46. P. 730-736.
194. Martin J. Die Provokation in der klassischen und späten Republik // Hermes. 1970. Bd. 98. S. 72-96.
195. Maschke R. Die Persönlichkeitsrechte des römischen Injuriensystems. Breslau: 1903. 103 S.

196. May J.M. The rhetoric of advocacy and patron-client identification: variation on a theme // *AJPh*. 1981. Vol. 102. P. 308-315.
197. McDermott W.C. *Commentariolum petitionis*, 2 // *Historia*. 1970. Bd. 19. S. 384-385.
198. McDermott W.C. The Verrine jury // *RhM*. 1977. Bd. 120. S. 64-75.
199. McDonald W. The tribunate of Cornelius // *CQ*. 1929. Vol. 23. P. 196-208.
200. Meier Ch. *Res publica amissa*. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten Römischen Republik. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1966. 332 S.
201. Meyer Ed. *Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius*. Stuttgart-Berlin: 1922.
202. Millar F. *A study of Cassius Dio*. Oxf.: Clarendon press, 1964. 239 p.
203. Millar F. *The crowd in Rome in the late Republic*. Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1998. XVI, 236 p.
204. Momigliano A. Review on: Robinson L. *Freedom of speech in the Roman Republic*. Diss. Ph.D. // *JRS*. 1942. Vol. 32. P. 120-124.
205. Mommsen Th. *De collegiis et sodaliciis Romanorum*. Killiae: In libraria Schwersiana, 1843. 96 p.
206. Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I-III. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1887-1888.
207. Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1899. XXIV, 1078 S.
208. Morstein-Marx R. *Mass oratory and political power in the late Roman Republic*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. XIV, 313 p.
209. Mouritsen H. *Plebs and politics in the late Roman Republic*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. VI, 164 p.
210. Münzer F. *Calidius* (4) // *RE*. 1897. Bd. III. Sp. 1353-1354.
211. Münzer F. *Caninius* (4) // *RE*. 1899. Bd. III. Sp. 1477.
212. Münzer F. *Cassius* (64) // *RE*. 1899. Bd. III. Sp. 1738-1739.
213. Münzer F. *Cominius* (4) // *RE*. 1900. Bd. VII. Sp. 607.
214. Münzer F. *Cominius* (8) // *RE*. 1900. Bd. VII. Sp. 608.

215. Münzer F. Cornelius (18) // RE. 1900. Bd. VII. Sp. 1252-1255.
216. Münzer F. Fabius (108) // RE. 1909. Bd. VI. Sp. 1791-1792.
217. Münzer F. Gabinius (10) // RE. 1910. Bd. VII. Sp. 424.
218. Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart: Metzler, 1920. VIII, 437 S.
219. Münzer F. Sergius (23) // RE. 1923. Bd. IIA. Sp. 1693-1711.
220. Münzer F. Manilius (10) // RE. 1928. Bd. XIV. Sp. 1133-1134.
221. Münzer F. Mucius (12) // RE. 1933. Bd. XVI. Sp. 423-424.
222. Nicholas B. Introduction to Roman law. Oxf.: Clarendon press, 1962. XIV, 281 p.
223. Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312-43 av. J.C.). T. I. Paris: De Bocard, 1966. 753 p.
224. Nisbet R.G. The *Commentariolum petitionis*: some arguments against authenticity // JRS. 1961. Vol. 51. P. 84-87.
225. Oost S.I. The date of the *lex Iulia de repetundis* // AJPh. 1956. Vol. 77. P. 19-28.
226. Oxford Latin dictionary. Oxf.: Clarendon press, 1968. XXIII, 2126 p.
227. Packard D.W. A concordance to Livy. Vol. III. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1968. 1240 p.
228. Paricio J. Los proyectos codificadores de Pompeyo y César en san Isidoro de Sevilla // Labeo. 2004. Num. 50. P. 31-43.
229. Parrish E.J. Crassus' new friends and Pompey's return // Phoenix. 1973. Vol. 27. P. 357-380.
230. Pesch A. *De perduellione, crimine maiestatis et memoria damnata*. Aachen: Shaker, 1995. XIV, 462 S.
231. Phillips E.J. Cicero and the prosecution of C. Manilius // Latomus. 1970. T. 29. P. 595-607.
232. Pólay E. Kodifizierungsplan des Pompeius // Acta Ant. Hung. 1965. Vol. 13. P. 85-95.

233. Pollack E. *Der Majestätsgedanke im römischen Recht*. Leipzig: Verlag von Veit & Comp., 1908. XX, 208 S.
234. *Prosopography approaches and applications: a handbook* / Ed. by K.S.B. Keats-Rohan. Oxf.: Unit for prosopographical research, 2007. 635 p.
235. Ramsey J. T. The prosecution of C. Manilius in 66 B.C. and Cicero's *Pro Manilio* // *Phoenix*. 1980. Vol. 34. P. 323-336.
236. Ramsey J.T. Asconius P. 60 (Clark), † *prima pars*: the trial and conviction of C. Manilius in 65 B.C. // *AJPh*. 1985. Vol. 106. P. 367-373.
237. Rein W. *Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus*. Leipzig: Verlag von K.F. Köhler, 1844. XVI, 936 S.
238. Richardson J.S. The *Commentariolum petitionis* // *Historia*. 1971. Bd. 20. S. 436-442.
239. Richardson J.S. The purpose of the *lex Calpurnia de repetundis* // *JRS*. 1987. Vol. 77. P. 1-12.
240. Riggsby A.M. *Crime and community in Ciceronian Rome*. Austin: Univ. of Texas press, 1999. 267 p.
241. Robinson O.F. *Penal practice and penal policy in ancient Rome*. L.-N.Y.: Routledge, 2007. VIII, 255 p.
242. Rogers R.S. Cicero, *Ad familiares* 3.11.2 and the *lex Cornelia maiestatis* // *TAPhA*. 1951. Vol. 82. P. 196-199.
243. Rosenberg A. *Untersuchungen zur römischen Zenturienverfassung*. Berlin: Weidmann, 1911. 93 S.
244. Rotondi G. *Leges publicae populi Romani*. Milano: Georg Olms Verlag, 1912. VII, 522 p.
245. Salmon E.T. Catiline, Crassus, and Caesar // *AJPh*. 1935. Vol. 56. P. 302-316.
246. Sanford E. The career of Aulus Gabinius // *TAPhA*. 1939. Vol. 70. P. 64-92.
247. Scullard H.H. *From the Gracchi to Nero*. L.-N.Y.: Routledge, 2011. XXXI, 410 p.
248. Seaby H.A. *Roman silver coins*. Vol. I. L.: Seaby publications Ltd., 1978. 356 p.

249. Seager R. The first Catilinarian conspiracy // *Historia*. 1964. Bd. 13. S. 338-347.
250. Seager R. *Lex Varia de maiestate* // *Historia*. 1967. Bd. 16. S. 37-43.
251. Seager R. The tribunate of Cornelius: some ramifications // *Hommages à Marcel Renard* / Ed. par J. Bibauw. T. II. Collection Latomus. Vol. 102. Brussels: Latomus, 1969. P. 680-686.
252. Seager R. Sulla // *CAH*. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. P. 165-207.
253. Seager R. The rise of Pompey // *CAH*. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. P. 208-228.
254. Seager R. *Maiestas* in the late Republic: some observations // *Critical studies in ancient law, comparative law and legal history* / Ed. by J.W. Cairns, O.F. Robinson. Oxf.: Hart Publishing, 2001. P. 143-153.
255. Seager R. Pompey the Great. A political biography. Oxf.: Blackwell Publishing, 2002. XVIII, 270 p.
256. Settle J.N. The trial of Milo and the other *Pro Milone* // *TAPhA*. 1963. Vol. 94. P. 268-280.
257. Shackleton Bailey D.R. The prosecution of Roman magistrates-elect // *Phoenix*. 1970. Vol. 24. P. 162-165.
258. Shatzman I. The Egyptian question in Roman politics (59-54 B.C.) // *Latomus*. 1971. T. 30. P. 363-369.
259. Sherwin-White A.N. *Poena legis repetundarum* // *PBSR*. 1949. Vol. 17. P. 5-25.
260. Sherwin-White A.N. Violence in Roman politics // *JRS*. 1956. Vol. 46. P. 1-9.
261. Sherwin-White A.N. Review on: Bauman R.A. The *crimen maiestatis* in the Roman Republic and Augustan Principate // *Gnomon*. 1969. Bd. 41. S. 288-293.
262. Siani-Davies M. Ptolemy XII Auletes and the Romans // *Historia*. 1997. Bd. 46. S. 306-340.
263. Smith R.E. Cicero the statesman. Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. 280 p.

264. Sternkopf W. Die Blättersetzung im 4. Buche der Briefe *ad Atticum* // Hermes. 1905. Bd. 40. S. 1-49.
265. Stockton D. The first consulship of Pompey // Historia. 1973. Bd. 22. S. 205-218.
266. Stockton D. Cicero. A political biography. Oxf.-N.Y.: Oxford univ. press, 1988. XVI, 360 p.
267. Strachan-Davidson J.L. Problems of the Roman criminal law. Vol. I-II. Oxf.: Clarendon press, 1912.
268. Stroh W. Taxis und Taktik. Die advokatische Dispositionskunst in Ciceros Gerichtsreden. Stuttgart: Teubner, 1975. 318 S.
269. Sumner G.V. Manius or Mamercus? // JRS. 1964. Vol. 54. P. 41-48.
270. Sumner G.V. The orators in Cicero's Brutus: prosopography and chronology. Phoenix. Suppl. 11. Toronto: Univ. of Toronto press, 1973. X, 197 p.
271. Sydenham E.A. The coinage of the Roman Republic. L.: Arno Press, 1952. 343 p.
272. Syme R. The Roman revolution. Oxf.: Clarendon press, 1939. 568 p.
273. Tatum W.J. The patrician tribune: Publius Clodius Pulcher. Chapel Hill: Univ. of North Carolina press, 1999. 327 p.
274. Taylor L.R. Party politics in the age of Caesar. Berkeley-L.A.: Univ. of California press, 1949. X, 255 p.
275. Taylor L.R. The date and the meaning of the Vettius affair // Historia. 1950. Bd. 1. S. 45-51.
276. Taylor L.R. The centuriate assembly before and after the reform // AJPh. 1957. Vol. 78. P. 337-354.
277. Taylor L.R. Roman voting assemblies from the Hannibalic War to the dictatorship of Caesar. Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1990. 170 p.
278. Treggiari S. Roman freedmen during the late Republic. Oxf.: Clarendon press, 1969. 308 p.
279. Twyman B. The Metelli, Pompeius and prosopography // ANRW. T. 1. Bd. 1. 1972. S. 828-873.

280. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1938. Bd. II. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1954.
281. Wallinga T. *Ambitus* in the Roman world // RIDA. 1994. Vol. XLI. P. 411-442.
282. Ward A.M. Cicero and Pompey in 75 and 70 B.C. // Latomus. 1970. T. 29. P. 58-71.
283. Ward A.M. Politics in the trials of Manilius and Cornelius // TAPhA. 1970. Vol. 101. P. 545-556.
284. Weingeb E.J. The prosecution of Roman magistrates // Phoenix. 1968. Vol. 22. P. 32-56.
285. Weinrib E.J. The judiciary law of M. Livius Drusus (tr. pl. 91 B.C.) // Historia. 1970. Bd. 19. S.414-443.
286. Weiss E. *Laudatio* (1) // RE. 1924. Bd. XII. Sp. 992.
287. Wenger L. *Reciperatio* // RE. 1914. Bd. IA. Sp. 405-433.
288. Wesener G. *Quadruplator* // RE. 1963. Bd. XXIV. Sp. 710-711.
289. Williams R.S. The role of *amicitia* in the career of A.Gabinius (*cos.* 58) // Phoenix. 1978. Vol. 32. P. 195-210.
290. Williams R.S. The appointment of Glabrio (*cos.* 67) to the eastern command // Phoenix. 1984. Vol. 38. P. 221-234.
291. Williams R.S. *Rei publicae causa*: Gabinius' defence of his restoration of Ptolemy Auletes // CJ. 1985. Vol. 81. P. 25-38.
292. Williamson C. The laws of the Roman people: public law in the expansion and decline of the Roman Republic. Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 2005. XXVIII, 506 p.
293. Wiseman T.P. The census in the first century B.C. // JRS. 1969. Vol. 59. P. 59-75.
294. Wiseman T.P. The definition of '*eques Romanus*' in the late Republic and early Empire // Historia. 1970. Bd. 19. S. 67-83.
295. Wiseman T.P. New men in the Roman senate, 139 B.C.–A.D. 14. Oxf.: Oxford univ. press, 1971. XII, 326 p.

296. Wiseman T.P. Caesar, Pompey and Rome 59-50 B.C. // CAH. 2nd ed. Vol. IX. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. P. 368-423.
297. Yakobson A. *Petitio et largitio*: popular participation in the centuriate assembly of the late Republic // JRS. 1992. Vol. 82. P. 32-52.
298. Yakobson A. Elections and electioneering in Rome: a study in the political system of the late Republic. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. 257 p.
299. Zumpt A.W. Das Criminalrecht der römischen Republik. Bd. II. Abth. 1-2. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1868-1869.
300. Zumpt A.W. Der Criminalprocess der römischen Republik. Leipzig: B.G. Teubner, 1871. XV, 558 S.

Приложение 1

Источник: <http://ancientrome.ru/numizm/catalog/coin.htm?id=1251> (19.10.2011).

Денарий, серебро. Вес 3,97 г.

Монетарий: Квинт Кассий Лонгин. Монетный двор: Рим.

Дата чеканки: 55 г. до н.э. (*Crawford M. Roman Republican coinage. Cambridge, 1974. P. 452. № 428/1. Pl. LII*); ок. 55 г. до н.э. (*Seaby H.A. Roman silver coins. Vol. I. L., 1978. P. 30. Cassia № 9a*); ок. 57 г. до н.э. (*Sydenham E.A. The coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. 152. № 917a. Pl. 25*); ок. 58 г. до н.э. (*Grueber H.A. Coins of the Roman Republic in the British Museum. Vol. I. L., 1910. P. 482. №№ 3871-3872. Pl. XLVIII*).

Аверс: Голова Весты под покрывалом, в диадеме, повернута вправо; у богини серьга с подвеской в форме креста. Надписи: спереди VESTA; сзади Q.CASSIVS. Кайма из точек.

Реверс: Круглый храм Весты, увенчанный фигурой, держащей скипетр и патеру, украшенный по бокам антефиксами. Внутри храма – кресло курульного магистрата (sella). Слева урна с двумя ручками, справа табличка для подачи голосов судьями (tabella) с буквами A.C. (absolvo; condemno). Кайма из точек.

Изображения на монете связаны со знаменитым процессом 113 г. до н.э. над девами-весталками, обвинёнными в нарушении обета безбрачия, на котором председательствовал претор Луций Кассий Лонгин Равилла, предок монетария. Курульное кресло свидетельствует о преторском ранге председателя суда, который к тому же ранее был консулом (в 127 г. до н.э.). До этого преступление весталок рассматривалось коллегией понтификов, которые осудили одну из них (Эмилию) и оправдали двух других (Марцию и Лицинию). Луций Кассий Лонгин Равилла пересмотрел это решение и также приговорил их к смерти, выступив, таким образом, защитником оскорблённой богини (*Liv. Per.*, LXIII; *Val. Max.* III, 7, 9).

Приложение 2

Перечень судебных процессов *de maiestate*, известных для периода с 78 по 49 гг. до н.э.¹

№1

Дата процесса: между 74 и 70 гг.

Обвиняемый: Гай Элий Пет Стайен, квестор 77 г.

Содержание предъявленного обвинения: организация в 77 г. в войске мятежа против Мамерка Эмилия Лепида, консула 66 г.

Обвинители: Публий Коминий, римский всадник; Гай (или Луций?) Коминий, римский всадник.

Свидетели обвинения: *legati*, *praefecti*, военные трибуны Мамерка Эмилия Лепида.

Исход процесса: осуждён.

Источники: *Cic. Verr. II*, 2, 79; *Cluent.*, 99-100; *Brut.*, 241; *Ps.-Ascon.* 216 Stangl.

№2

Дата процесса: между 74 (?) и 70 гг.

Обвиняемый: Марк Атилий Бульб, сенатор.

Содержание предъявленного обвинения: подстрекательство к мятежу легиона в Иллирии.

Исход процесса: осуждён.

Источники: *Cic. Verr. I*, 39; *Verr. II*, 2, 79; *Cluent.*, 71; 72; 75; 97.

№3

Дата процесса: 66 г.

---

¹ При составлении данного перечня нами использовались следующие работы: *Alexander M.C. Trials in the late Roman Republic, 149 B.C. to 50 B.C. Phoenix. Suppl. 26. Toronto, 1990; Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y., 1952; Gruen E.S. The last generation of the Roman Republic. Berkeley-L.A.-L., 1974.*

Обвиняемый: Гай Корнелий, народный трибун 67 г.

Содержание предъявленного обвинения: неподчинение трибунской интерцессии.

Председатель суда: Луций Кассий Лонгин, претор 66 г.

Обвинители: Публий Коминий, римский всадник (nominis delator).

Гай (или Луций?) Коминий, римский всадник (subscriptor).

Исход процесса: в назначенный день претор не явился на заседание суда. Под угрозой применения насилия со стороны приверженцев Гая Корнелия обвинители вынуждены были отказаться от иска и бежали из города.

Источники: *Ascon.* 59-60 Clark.

№4

Дата процесса: 65 г., продолжался четыре дня.

Обвиняемый: Гай Корнелий, народный трибун 67 г.

Содержание предъявленного обвинения: неподчинение трибунской интерцессии.

Председатель суда: Квинт Галлий, претор 66 г.

Обвинители: Публий Коминий, римский всадник (nominis delator).

Защитники: Марк Туллий Цицерон, консул 63 г.

Свидетели обвинения: Мамерк Эмилий Лепид Ливиан, консул 77 г.

Квинт Цецилий Метелл Пий, консул 80 г.

Квинт Гортензий Гортал, консул 69 г.

Квинт Лутаций Катул, консул 78 г., цензор 65 г.

Марк Теренций Варрон Лукулл, консул 73 г.

Свидетели защиты: Публий Сервилий Глобул, народный трибун 67 г.

Исход процесса: оправдан значительным большинством голосов.

Источники: *Ascon.* 57-81 Clark; *Cic. Brut.*, 271; *Orat.* 225-226; *Plin. Min. Ep.* I, 20, 8; *Quintil. Inst. orat.* V, 13, 18; V, 13, 25; VI, 5, 10; VIII, 3, 3; X, 5, 13; *Val. Max.* VIII, 5, 4.

№5

Дата процесса: начало 65 г.

Обвиняемый: Гай Манилий, народный трибун 65 г.

Содержание предъявленного обвинения: насильственный разгон заседания суда de repetundis в 66 г. (?)

Председатель суда: Гай Аттий Цельс (?), претор 65 г. (?)

Обвинители: Гней Минуций.

Исход процесса: осуждён (возможно, отправился в добровольное изгнание, не дожидаясь приговора).

Источники: *Ascon.* 60, 66 Clark; *Schol. Bob.* 119 Stangl; *Schol. Gronov.* 322 Stangl.

№6

Дата процесса: март или апрель 59 г.

Обвиняемый: Гай Антоний, консул 63 г., проконсул Македонии 62-60 гг.

Содержание предъявленного обвинения: преступления, совершённые в период наместничества в Македонии, в частности, самовольное ведение военных действий (?)

Председатель суда: Гней Корнелий Лентул Клодиан, претор 59 г.

Обвинители: Марк Целий Руф, претор 48 г.

Луций Каниний Галл, народный трибун 56 г.

Квинт Фабий Максим, консул-суффект 45 г.

Защитники: Марк Туллий Цицерон, консул 63 г.

Исход процесса: осуждён, отправился в изгнание на о. Кефалления.

Источники: *Cic. Flac.*, 5; 95; *Dom.*, 41; *Vat.*, 27-28; *Cael.*, 15; 47; 74; 78; *Att.* II, 2, 3; *Dio XXXVIII*, 10, 1-3; *LI*, 26, 5; *Obseq.* 61a; *Quintil. Inst. orat.* IV, 2, 123-124; IX, 3, 58; *Plut. Cic.*, 11-12; *Schol. Bob.* 94, 126, 149 Stangl; *Suet. Div. Iul.* 20, 4; *Val. Max.* IV, 2, 6.

№7

Дата процесса: 54 г.: *postulatio* – до 20 сентября, *nominis delatio* – 28 сентября, приговор вынесен 23 октября.

Обвиняемый: Авл Габиний, консул 58 г.

Содержание предъявленного обвинения: вооружённое вторжение в Египет и восстановление на египетском престоле царя Птолемея XII Авлета вопреки сенатусконсульту.

Председатель суда: Гай Альфий Флав, претор 54 г.

Судьи: Луций Элий Ламия, претор 42 г. (?)

Гней Домиций Кальвин, консул 53 г., 40 г. (голосовал за оправдание)

Гай Порций Катон, народный трибун 56 г., претор 55 г.

Обвинители: Луций Корнелий Лентул, претор 44 г.

Защитники: Марк Калидий (?), претор 57 г.

Свидетели обвинения: Марк Туллий Цицерон, консул 63 г.

Исход процесса: оправдан (32 голоса за осуждение, 38 за оправдание).

Источники: *App. Bel. civ.* II, 24; *Cic. Att.* IV, 18, 1; *Q. fr.* II, 12, 2; III, 1, 15; III, 1, 24; III, 2, 3; III, 3, 3; III, 4, 1-3; III, 7, 1; *Dio XXXIX*, 55, 3-5; *LXII*, 3; *Schol. Bob.* 168 Stangl.

№8

Дата процесса: 50 г.: обвинение предъявлено до февраля, приговор вынесен около 5 апреля.

Обвиняемый: Аппий Клавдий Пульхр, консул 54 г., цензор 50 г.

Содержание предъявленного обвинения: преступления, совершённые во время наместничества в Киликии в 53-51 гг. (?); отбытие в провинцию без принятия куриатского закона (?); превышение срока пребывания в провинции (?).

Обвинители: Публий Корнелий Долабелла, консул-суффект 44 г.

Исход процесса: оправдан.

Источники: *Cic. Fam.* III, 11, 1-3; *Cael. apud Cic. Fam.* VIII, 6, 1; *Ps.-Aurel. Vict. Vir. illustr.* 82, 4.

Приложение 3

Две речи «За Корнелия по обвинению в оскорблении величия» («Pro Cornelio de maiestate») были произнесены Цицероном в 65 г. на судебном процессе над народным трибуном 67 г. Гаем Корнелием. Цицерон защищал Корнелия четыре дня. Материалы процесса он впоследствии объединил в две речи, которые и были опубликованы. До нашего времени от них сохранились только фрагменты (62 от первой речи и 18 – от второй). Главным источником по содержанию этих речей являются «Комментарии» Аскония.

Перевод выполнен автором диссертации по изданию: Q. Asconii Pediani orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A.C. Clark. Oxonii, 1907. Также учитывались следующие издания: Orationum Ciceronis scholiastae / Ed. T. Stangl. Vindobonae, 1912; Q. Asconii Pediani commentarii / Rec. C. Giarratano. Romae, 1920; M. Tulli Ciceronis orationum deperditarum fragmenta / Ed. G. Puccioni. Mediolani, 1963. Нумерация страниц приводится по изданию А. Кларка, нумерация фрагментов речей Цицерона «За Корнелия» – по изданию Дж. Пуччиони.

Квинт Асконий Педиан. Комментарий к речам Цицерона «За Корнелия по обвинению в оскорблении величия»

[с. 57] Эту речь он [Цицерон] произнёс в консульство Луция Котты и Луция Торквата [65 г.] на следующий год после предыдущих.

Содержание.

Гая Корнелия не считали человеком, который ведёт бесчестную жизнь. Он был квестором Гнея Помпея, затем – народным трибуном в консульство Гая Пизона и Мания Глабриона [67 г.], за два года до того, как была произнесена эта [речь]. Будучи магистратом, он действовал таким образом, что справедливо казался неуступчивым. Стал враждебен сенату он по следующей причине. Он

предложил сенату: так как послам чужеземных народов деньги давались под большие проценты и из этого извлекали бесстыдную и позорную прибыль, чтобы никто не давал послам чужеземных народов займы денег. Его предложение сенат отверг и постановил: кажется достаточно надёжным [средством] то, что было установлено сенатусконсультом за двадцать семь лет до этого, в консульство Луция Домиция и Гая Целия [94 г.], так как сенат несколькими годами ранее по такому же поводу на основании того сенатусконсульта постановил не давать денег займы критянам. Корнелий, по данной причине [с. 58] обиженный на сенат, пожаловался на это на народной сходке. [Он заявил]: провинции разоряются процентами из-за того только, что послы в настоящее время должны подносить дары. И он обнародовал проект закона, которым уменьшал власть сената, [предложив], чтобы никто не освобождался от действия законов [иначе], кроме как народом. И это также предусматривалось древним законом, поэтому во всех сенатусконсультах, которыми кто-либо освобождался от действия законов, обыкновенно прибавлялось, чтобы по этому вопросу обращались к народу. Но постепенно это было прекращено, и уже вошло в обычай, наконец, не делать в сенатусконсультах добавление о необходимости обращаться к народу; и сами эти сенатусконсульты составлялись в присутствии только немногих. Этот законопроект Корнелия с негодованием встретили все наиболее могущественные [люди] и те из числа сенаторов, чьё влияние оказалось под большой угрозой. Поэтому был найден народный трибун, Публий Сервилий Глобул, чтобы противодействовать Гаю Корнелию. Тот [Глобул], когда пришёл день для внесения закона и глашатай, после того как писец передал ему текст закона, начал читать его народу, не позволил писцу передавать [текст] и глашатаю объявлять. Тогда Корнелий сам зачитал табличку с текстом [закона]. Консул Гай Пизон, когда он страстно протестовал против того, что это было сделано не по правилам, и говорил об уничтожении трибунской интерцессии, подвергся жестоким оскорблениям со стороны народа. Когда он приказал ликтору схватить тех, кто ему угрожал, его фасции были сломаны и из последних рядов в консула даже бросали камнями. Корнелий, смущённый этими волнениями, немедленно

распустил собрание. Затем в сенате по этому же вопросу шли ожесточённые споры. Тогда Корнелий [с. 59] снова внёс предложение [о том], чтобы никто не мог быть в сенате освобождён от действия законов в присутствии менее чем 200 [его членов], и чтобы никто после такого освобождения не накладывал интерцессии, когда по этому вопросу обращаются к народу. Это дело было осуществлено без возмущения. Ведь никто не мог отрицать, что этот закон был направлен на укрепление власти сената; но, однако, он внёс его против желания оптиматов, которые посредством [голосования] немногих имели обыкновение стараться услужить друзьям. Затем Корнелий внёс другой закон, который у многих вызвал неудовольствие, несмотря на то, что никто не осмелился противодействовать: чтобы преторы вершили суд, опираясь на свои неизменные эдикты. Эта мера уничтожила возможность для пристрастности или влияния честолюбивых преторов, которые привыкли вершить суд по-разному. Корнелий обнародовал также многие другие законы, на большинство из которых [его] коллеги наложили интерцессию. Споры вокруг них шли в течение всего времени его трибуната.

В следующем году, в консульство Марка Лепида и Луция Волькация [66 г.], в год, когда Цицерон был претором, двое братьев Коминиев предъявили Корнелию обвинение на основании закона Корнелия об оскорблении величия римского народа. Подал иск Публий, поддержал обвинение Гай. И когда претор Публий [Луций. – В.Х.] Кассий приказал прибыть на разбирательство на десятый день, как велит обычай, но сам в тот день не явился – или будучи занят заботой об общественном хлебе, или угождая подсудимому, – обвинители были окружены перед трибуналом известными главарями шаек, так что им угрожала смерть, если бы они немедленно не [с. 60] отказались [от обвинения]. Они едва избежали гибели благодаря вмешательству консулов, которые согласились быть заступниками подсудимого. Коминии убежали на какой-то чердак, спрятались там, скрытые ночной темнотой, а оттуда по крышам соседних зданий бежали из города. На следующий день, когда Публий [Луций. – В.Х.] Кассий прибыл на заседание и назначенные обвинители не явились, имя Корнелия было вычеркнуто

из списка подсудимых; Коминии же стали пользоваться весьма дурной славой из-за того, что продали своё молчание за большие деньги.

Затем, в следующем году (в котором эта речь была произнесена Цицероном сразу по окончании претуры), в консульство Луция Котты и Луция Торквата [65 г.], после того как сначала был привлечён к суду Манилий, который произвёл беспорядки в суде при помощи главарей шаек, [а] потом, так как на основании сенатусконсульта оба консула <...> взяли под защиту этот суд, он [Манилий] не отозвался и в своё отсутствие был осуждён, Коминий оживился, [и], чтобы смыть с себя позор, постигший его из-за взятых денег, возобновил преследование Корнелия по закону об оскорблении величия. Дело это проходило в атмосфере всеобщего напряжённого ожидания. Корнелий же, испуганный исходом дела Манилия, привёл в суд только нескольких спутников, чтобы даже никаких возгласов [в его поддержку] не было слышно от его заступников.

Против него враждебно со свидетельскими показаниями выступили первые люди государства, которые обладали большим влиянием в сенате, – Квинт Гортензий, Квинт Катул, Квинт Метелл Пий, Марк Лукулл, Марк [Мамерк. – В.Х.] Лепид. Заявили же они следующее: они видели, как Корнелий, будучи трибуном, сам зачитал табличку с текстом [закона] [с. 61] с роstr, чего до Корнелия, как считалось, никто не делал. Они очень хотели, чтобы казалось, будто это дело рассматривается как относящееся к умалению величия; и в самом деле, если бы такие действия были позволены трибунам, право интерцессии было бы практически отменено. Цицерон не мог отрицать, что это действительно произошло. Он искал защиту в том, что заявил: прочтение таблички с текстом [закона] трибуном не есть умаление трибунской власти. И действительно, само чтение [этой речи] обнаружит, с каким мастерством и глубоким знанием искусства красноречия, – так что, с одной стороны, он и не оскорбил достоинства славнейших граждан, против которых говорил, а с другой, не позволил, чтобы их авторитетом был причинён вред подсудимому, – с какой умеренностью он повёл это дело, столь трудное для других. Ему [Цицерону] также помогло то, что, как мы сказали, Корнелий в течение всей жизни, за исключением этого своего

радикального плана, не делал против воли первых людей [государства] ничего, что вызвало бы сильное неодобрение. Кроме того, сам Глобул, который наложил интерцессию, помогал Корнелию; и то обстоятельство, что Корнелий (это мы тоже сказали) был квестором Помпея Великого, послужило в его пользу в глазах двух декурий – римских всадников и эрарных трибунов – и также бóльшей части третьей, senatorской, за исключением тех, кто был близок к первым людям государства. Дело прошло при большом скоплении народа, и все напряжённо ожидали, каков будет исход суда <...> Заметили, что свидетельские показания были даны самыми выдающимися мужами, и подсудимый признал правдивость их слов. Ещё существует речь обвинителя Коминия, которая сто́ит того, чтобы подержать её в руках – [с. 62] не только из-за речей Цицерона за Корнелия, которыми мы располагаем, но также и из-за её собственных достоинств. Цицерон, как он сам отмечает, защищал Корнелия четыре дня; очевидно, что он соединил материалы этих слушаний в две речи. Председательствовал на этом суде претор Квинт Галлий.

<В этом деле выделяются три спорных вопроса. Первое: так как Корнелий был привлечён к суду по закону Корнелия об оскорблении величия, установлены ли какие-либо конкретные действия, подпадающие под действие этого закона, вследствие [совершения] которых [человек] только и может быть признан подсудимым по делу об оскорблении величия, – это отстаивал защитник; или суду будет предоставлено свободное толкование [этого закона], как предлагал обвинитель. Второе: попадает ли то, что совершил Корнелий, под [определение] «оскорбление величия». Третье: имел ли он намерение умалить величие>².

Комментарий

Около 160-й строки от начала

Fr. 8 P *Сначала он привлекается к суду передо мной, претором, по обвинению в вымогательствах денег. Коминий, конечно, ожидает, что*

---

² Выделенный нами фрагмент отсутствует по крайней мере в одной из основных рукописей и в нескольких ранних изданиях Аскония, поэтому он обычно рассматривается исследователями как интерполяция.

произойдёт: он смотрит на соломенных чучел, выставленных у всех на виду для испытания риска.

Было принято делать изображения наподобие людей из сена, которые при устройстве зрелищ выставляли, чтобы раздражить быков.

Fr. 9 P *Что? Метелл, [человек] величайшей знатности и доблести, хотя дважды поклялся, в первый раз частным образом, во второй по требованию закона, частным образом – [с. 63] по желанию отца, в интересах государства – во исполнение закона <...> был принуждён отказаться [от обвинения]? Убеждением или силой? Но и с той, и с другой стороны всякое подозрение во враждебности уничтожают и добродетель и достоинство Гая Куриона, и многообещающая молодость Квинта Метелла, украшенная всеми достоинствами, заслуживающими величайшей похвалы.*

Он [Цицерон] приводит данный пример в этом месте, потому что желает доказать, что он [Коминий] должен отказаться от обвинения – хотя он и не был обвинён, и не заключил соглашения – ведь Метелл и обвинил Куриона, и отказался [от обвинения]. На знатность же Метелла и рвение Гая Куриона оратор ссылается, дабы скрыть то, что их поступок был скорее практичным, нежели благородным. Всё же дело обстоит следующим образом. Во-первых, необходимо разъяснить, о каком Метелле он это говорит. Ведь тогда жили несколько Квинтов Метеллов: из них двое консуляров, Пий и Критский, о которых он [Цицерон], очевидно, не говорит; двое же молодых [людей], Непот и Целер, из которых он имеет в виду именно Непота. Ведь тот Курион, о котором он рассказывает, привлёк к суду его отца Квинта Метелла Непота, сына Балеарийского, внука Македонского, который был консулом вместе с Титом Дидионом; тот Метелл, умирая, потребовал от этого своего сына Метелла, чтобы он обвинил его обвинителя Куриона, и взял [с него] клятву, что это будет сделано. Метелл привлёк Куриона к суду; но когда между тем этот же Метелл силой схватил какого-то гражданина, утверждая, что это его раб, и высек его, Курион нашёл для того заявителя о его свободном статусе. Затем, когда стало ясно, что результатом этого суда будет признание свободным того [человека], которого Метелл (и он не

мог этого отрицать) высек, [с. 64] между Метеллом и Курионом было достигнуто согласие посредством заключения сделки. [Они договорились], чтобы решение по делу о свободном статусе не принималось, однако тот, о ком велось разбирательство, оставался свободным, и чтобы Метелл не продолжал упорствовать в обвинении Куриона. Эта сделка была соблюдена и тем, и другим. Следовательно, вот о чём он [Цицерон] сказал, что тот поклялся в первый раз частным образом <...> во второй по требованию закона – когда, обвиняя Куриона, ложно поклялся в справедливости доноса. С этим же Метеллом Цицерон впоследствии враждовал; ведь Метелл стал плохим и бесчестным гражданином.

Fr. 10 P *Он [т.е. обвинитель] говорит, что закон о голосовании вольноотпущенников Гаю Манилию «дал» Корнелий. Что означает это «дал»? Принёс ему текст? Или предложил проект для обсуждения? Или настоятельно убеждал его [провести закон]? То, что он принёс ему текст, [звучит] смешно, как будто это какой-нибудь закон, который трудно написать или сложно составить: ведь такой закон несколькими годами раньше был не только написан, но и внесён.*

Мы уже отмечали, что Публий Сульпиций в [свой] трибунал внёс тот же самый закон. Внёс же он [его] в консульство Луция Суллы, который впоследствии был прозван Счастливым, и Квинта Помпея за 23 года до того, как это было сказано, когда при помощи силы овладел республикой и двигался от достойных дел к пагубным. Это стало и началом гражданских войн, и причиной, по которой считают, что сам Сульпиций по праву был уничтожен оружием консулов.

[с. 65] **Fr. 11 P** *И хотя в этом [деле] многое заслужило упрёки, но в особенности – быстрота [его] действий.*

Под быстротой действий он подразумевает то обстоятельство, что Манилий (как мы уже показали) всего через несколько дней после того, как приступил к исполнению должности трибуна, немедленно провёл тот самый закон в Компиталии.

Fr. 12 P *Однако претор просил меня с величайшей страстностью, чтобы я защищал дело Манилия.*

Он имеет в виду Гая Аттия Цельса, подобно тому, как уже было сказано раньше.

Около 850-й строки от начала

Говорит о том трибунате Манилия:

Fr. 18 P *Ведь когда тот народный трибун во время своей магистратуры внёс два закона, один пагубный, другой превосходный, то, что повредило благу государства, было отброшено самим этим трибуном, доброе же, что {требовало} благо государства, осталось, и <...> в ваши сословия <...> был <...> богам.*

Выше уже было сказано об этих законах, один из которых – о голосовании вольноотпущенников; он, когда был осуждён сенатусконсультом, потом не отстаивался даже и самим Манилием; другой – о даровании Гнею Помпею чрезвычайного командования в войне с Митридатом. На основании этого закона тогда Помпей Великий и вёл войну.

[с. 66] Говорит об отмеченном беспорядками суде над Манилием:

Fr. 19 P *Он был вовлечён в это безумие по наущению других могущественных людей, которые пожелали, чтобы был подан какой-нибудь пример по организации беспорядков в судах – наиопаснейший для государства, наиболее подходящий для их собственных обстоятельств, в наивысшей степени чуждый моим взглядам.*

Кажется, он имеет в виду Луция Катилину и Гнея Пизона. Катилина был патрицием и в то самое время находился под судом по обвинению в вымогательствах после того, как он управлял провинцией Африкой, и он выдвинул свою кандидатуру в консулы. Обвинителем его был молодой Публий Клодий, сам также порочный, который впоследствии враждовал с Цицероном. Гней Пизон, молодой, на многое способный и сеющий смуту, был также приятелем Катилины, участником всех его замыслов и зачинщиком беспорядков.

Около 1010-й строки

Fr. 20 P *Я могу сказать, что человек, считающийся человеком величайшей мудрости, Гай Котта, сам обратился к сенату [с просьбой] об отмене своих законов.*

Это тот Котта, о котором мы уже часто говорили, известный как великий оратор, равный в этой славе Публию Сульпицию и Гаю Цезарю <...> Те же законы, которые он, хотя [сам их] внёс, предложил сенату отменить, кажется, касались незначительных дел. Ведь ни у Саллюстия, ни у Ливия, ни у Фенестеллы нет упоминания ни о каком другом внесённом им законе [с. 67] за исключением того, который он внёс в своё консульство вопреки желанию знати, но при большой поддержке народа: чтобы тем, кто был народными трибунами, дозволялось занимать также и другие магистратуры. Это запрещал закон, принятый несколькими годами ранее диктатором Луцием Суллой. Конечно, он не имеет в виду, что этот закон Котты был отменён.

[Затем] следует:

Fr. 21 P *Я могу также [назвать] закон того же Котты о судах по гражданским делам, отменённый его братом через год после внесения.*

Он имеет в виду Марка Котту. Было трое братьев: эти двое, Гай и Марк, и третий – Луций Котта, который своим законом разделил суды между тремя сословиями: сенатом, всадниками и эрарными трибунами; и все они достигли консульства.

Тотчас за этим:

Fr. 22 P *По-моему, все единодушны в том, что закон Лициния и Муция о возвращении к прежнему гражданскому статусу, хотя его и внесли два консула, разумнейшие из всех, кого мы только видели, был не только бесполезным, но и пагубным для государства.*

Он имеет в виду оратора Луция Лициния Красса и Квинта Муция Сцеволу, великого понтифика и вместе с тем оратора и юрисконсульта. Ведь они внесли в своё консульство тот закон, о котором он [Цицерон] говорит: о возвращении союзников в свои общины. Ведь в то время как [с. 68] италики были охвачены величайшим стремлением к римскому гражданству и вследствие этого многие из

них вели себя так, как будто они римские граждане, стало казаться, что необходим закон, [предписывающий], чтобы каждый был возвращён в гражданский статус своей общины. Однако из-за этого закона вожди италийских народов оказались настроены так враждебно, что он стал важнейшей причиной Италийской войны, которая началась через три года.

Fr. 24 P *Существуют всего четыре случая, судьи, в которых, по обычаю предков, сенатом выносятся какие-либо постановления о законах. Первый [случай] такого рода – когда решают, что закон должен быть отменён, как в консульство Квинта Цецилия и Марка Юния [109 г.] [решили], чтобы были отменены законы, которые вредили военному делу.*

Квинт Цецилий Метелл Нумидийский и Марк Юний Силан, о которых он упоминает, были консулами во время войны с кимврами, которая в течение долгого времени велась дурно и неудачно; даже и сам этот Юний тоже действовал против кимвров плохо <...> И он отменил многие законы, сокращавшие срок службы для воинов и внесённые в народное собрание в те годы, которые здесь имеются в виду.

[с. 69] **Fr. 25 P** *Третий [случай] касается внесения изменений в законы. И о делах такого рода очень часто принимались сенатусконсульты, как недавно относительно закона Кальпурния, который внёс изменения [в существовавший закон]³.*

Этот закон Кальпурния был [законом] о подкупе. Его внёс за два года [до этого] консул Гай Кальпурний Пизон, и в нём, помимо других наказаний, был также добавлен денежный штраф.

Fr. 26 P *[Четвёртый [случай]: если провозглашается, что закон, который был внесён, кажется необязательным для исполнения народом, как [было сделано] в консульство Луция Марция и Секста Юлия [91 г.] с законами Ливия.*

Полагаю, вы помните те Ливиевы законы, которые при тех консулах внёс народный трибун Марк Ливий Друз. Он, когда взял на себя защиту интересов сената и внёс законы в пользу оптиматов, впоследствии в своеволии зашёл

---

³ Перевод цитаты Цицерона сделан по исправлению, предложенному С. Карсоном.

слишком далеко, так что ничто в них уже не охраняло обычай. Поэтому консул Филипп, который был его врагом, добился от сената, чтобы все его законы были отменены одним сенатусконсультом. Ведь было решено, что они были внесены вопреки ауспициям и необязательны для исполнения народом]⁴.

Fr. 27 P *Как говорят, Публия Африканского Старшего не только порицали разумнейшие люди, которые жили в то время, но даже и он сам себя часто порицал за то, что, когда он был консулом с Тиберием Лонгом [194 г.], позволил в первый раз сенаторские скамьи отделить [на зрелищах] от массы сидевшего народа.*

Это было сделано во второе консульство Сципиона, на седьмой год после того, как был заключён мир во второй войне с карфагенянами. Антиат же сообщает, что это было сделано на Римских играх, которые устроили курульные эдилы Гай Атилий Серран [и] Луций Скрибоний Либон, и что это было сделано ими по приказу цензоров Секста Элия Пета и Гая Корнелия Цетега. И, кажется, в данной речи Цицерон следовал этому автору, когда сказал, [с. 70] что Сципион позволил отделить места сенаторов от остальной массы зрителей. В той же [речи], которую он произнёс несколько лет спустя, «Об ответе гаруспиков», кажется, он подразумевал, что Сципион не [просто] позволил, но сам был инициатором предоставления этого места сенаторам.

Вот эти его слова:

Ведь что же, мне говорить об этих играх, которые наши предки пожелали устраивать и праздновать на Палатине перед храмом Великой Матери? И на этих играх консул во второй раз Публий Африканский Старший впервые предоставил сенату место перед собранием народа...

<Имя испорчено> пишет, что [Сципионом] и его коллегой, Семпронием Лонгом это было предоставлено сенату, но без упоминания Мегалесийских [игр] – ведь эти игры обыкновенно устраивали эдилы; он передаёт, что это было

---

⁴ Перевод выделенного квадратными скобками фрагмента выполнен по изданию Ч. Джиарратано. Ему в данном случае мы отдаём предпочтение перед вариантом А. Кларка, который вместо рукописного «quartum» (четвёртый) предлагает чтение «alterum» (второй) и ставит данный фрагмент перед предыдущим.

сделано на играх по обету, которые устроили консулы Сципион и Лонг. Я же не хочу, дабы от вас ускользнуло то [обстоятельство], что оратору позволено и слукавить: когда нужно, одни и те же вещи толкуют и с той, и с другой стороны, и даже в противоположном смысле. Ведь, хотя в соответствии с мнением Цицерона эдилы по воле консула Сципиона предоставили сенаторам отдельные места на зрелищах впереди всех [остальных], об этом поступке Сципиона в этой речи, так как дело было обращено к народу и он находился под давлением авторитета сената, а вследствие этого для дела было выгодно насколько можно умалить достоинство этого сословия, он говорит, будто Сципион раскаялся, что позволил это сделать. Но в [речи] «Об ответе гаруспиков», так как она произносилась в сенате и должна была ласкать слух сенаторов, он [Цицерон] и весьма хвалит его [Сципиона], и говорит, что он был не инициатором дарования (ведь это менее значительно), а что он сам даровал это [отличие].

[с. 71] Около середины [текста]

В данном месте он перечисляет все возможности для интерцессии [в тот момент], когда вносится закон, прежде чем [магистрат], который вносит закон, прикажет народу разойтись [для голосования].

Fr. 30 P *Существует право «вето», когда он [закон] вносится, пока <...> передают для внесения; есть <...> закон, пока высказываются частные лица, пока ..., пока уносятся урны для голосования, пока голоса разделяются поровну, пока идёт жеребьёвка и если происходит что-либо другое в том же роде.*

<...> так и на сходке. Когда всё это сделано и остаётся только народу вынести своё решение, тот, кто внёс закон, велит ему «разойтись». Это слово означает не то [же самое], что в повседневном употреблении, – [повеление] уйти из того места, где вносится закон; но каждый уходит в свою трибу, в которой будет подавать голос.

Немного после

Fr. 31 P *Однако одна вещь, которая была сделана самим этим народным трибуном, кажется, не должна быть оставлена без внимания. Ведь не больше вины в том, чтобы прочесть текст закона, когда внесена интерцессия, чем на*

глазах человека, внёсшего интерцессию, унести саму урну для голосования; не более тяжкий проступок – начать вносить, чем добиться утверждения; не более несдержанно – выражать готовность внести против воли коллеги, чем самого коллегу отстранить от должности; не более преступно призывать трибы к принятию закона, чем к тому, чтобы сделать коллегу [с. 72] частным лицом; и все это в наилучшем деле совершил его коллега, отважный муж Авл Габиний. Но он, когда принёс римскому народу благо и всем народам – конец длительного бесчестья и рабства, не позволил, чтобы голос и желание одного его коллеги значили больше голоса и желания всего государства.

Очевидно, что теперь Цицерон говорит о том законе Габиния, на основании которого Гнею Помпею была поручена война против пиратов. Народный же трибун, которого он не называет, – это Луций Требеллий; после того, как он упорствовал, налагая интерцессию, – ведь он обещал сенату, что скорее умрёт, чем будет проведен этот закон, – Габиний стал призывать трибы отстранить Требеллия от должности, точно так же, как некогда трибун Тиберий Гракх лишил магистратуры своего коллегу Марка Октавия. И некоторое время Требеллий присутствовал [на собрании], не боясь этого, и упорствовал, налагая интерцессию, так как считал, что в словах Габиния больше угроз, чем намерения довести дело до конца. Но после того, как 17 триб приняли предложение, за исключением одной, и лишь одной недоставало, чтобы обеспечить решение народа, Требеллий отозвал интерцессию; и таким образом Габиний провёл закон о борьбе с пиратами.

Fr. 32 P *Но ведь они внесли предложение об исправлении закона.*

Мы уже сказали в начале, что Корнелий сперва обнародовал закон, чтобы никто не освобождался от действия закона сенатом, [а] потом внёс [закон], чтобы сенатусконсулт по этому вопросу мог приниматься лишь тогда, когда в сенате присутствуют не менее 200 [человек]. Это то, что он называет исправлением.

[с. 73] Fr. 34 P *Те же самые [люди], если бы этот самый закон, который внёс Корнелий, не препятствовал, постановили бы то, за что уже открыто сражались эти «защитники судов»: сенату неуютно, чтобы состоялся этот суд*

по поводу имущества Суллы. Это дело я, будучи претором, защищал на сходке совсем иначе, когда сказал то же самое, что судьи постановили впоследствии, — что суд должен состояться при более благоприятных обстоятельствах.

Так как в казне в прежние времена не хватало денег, против этого долго и многократно искали средства. В числе их было также и такое: потребовать [возвратить] государственные деньги, которые остались у кого-либо [из частных лиц]. Это же [предложение] в наибольшей степени относилось к Фавсту Корнелию, сыну диктатора, потому что Сулла за многие годы, которые он возглавлял войска и держал в своих руках судьбы государства, присвоил деньги из податей и из казны римского народа. Этот вопрос многократно обсуждался, [и] многократно отклонялся частью вследствие влияния сулланской партии, частью потому, что казалось несправедливым, чтобы после того, как кто-либо взял деньги и имущество, он после стольких лет дал отчёт.

Тотчас за этим:

Fr. 36 P *Я, однако, не упомяну, по сколь многим делам судебные разбирательства были приостановлены ранее, потому что вы об этом знаете, и для того, чтобы не казалось, будто моя речь кого-либо снова призывает в суд.*

В Италийскую войну, проходившую в пору молодости тех, которые тогда играли видную роль в государстве, когда многие были несправедливо осуждены по закону Вария, [по обвинению в том], будто бы та война была раздута их стараниями, и сообщалось о следующих друг за другом [с. 74] отпадениях италиков, сенат, воспользовавшись возможностью для закрытия судов, постановил, чтобы, пока продолжается италийский мятеж, ни один суд не действовал; и это их постановление часто обсуждалось на народных сходках. Из тех же [людей], кто опасался этих судов, остался в живых Гай Курион, бывший тогда в самом расцвете сил, отец того молодого Куриона, который в гражданскую войну принадлежал к партии Цезаря.

Немного после

Fr. 37 P *И Гней Долабелла не лишил бы Гая Волькация, почтеннейшего мужа, самого обычного и повседневного права.*

В то время жили два Гнея Долабеллы; из них одного привлёк к суду Гай Цезарь, а другого – Марк Скавр.

Fr. 38 P *Наконец, человек, и образом жизни, и мудростью совсем несхожий с ними, но однако весьма щедрый на оказание благодеяний в суде, Луций Сизенна, не передал бы [право] на владение имуществом Гнея Корнелия своим эдиктом Публию Сципиону, молодому человеку величайшей знатности, одарённому исключительной добродетелью.*

Здесь нужно заметить лишь, что это тот Луций Сизенна, который написал римскую историю.

Fr. 41 P *По этой причине, когда римский народ это увидел и когда [ему] было указано народными трибунами, что, если не будет добавлено наказание для раздатчиков, никак нельзя пресечь подкуп избирателей, он настоятельно требовал [принятия] этого закона Корнелия; тот же [закон], [с. 75] который был внесён согласно сенатусконсульту, он отверг, – и поступил правильно, как мы поняли из несчастья двух избранных консулов,*

и о том же деле немного после:

Fr. 42 P *Так что мы увидели это зрелище, по тем обстоятельствам и времени благотворное и необходимое, а по виду и примеру – жалкое и печальное.*

Он имеет в виду Публия Суллу и Публия Автрония. Из них одного Луций Котта, а другого Луций Торкват, которые были консулами, когда Цицерон произносил эти слова, обвинили в подкупе и были избраны на их место.

Fr. 45 P *Что же, мне теперь тебе ответить доводами, что может случиться, будто существует какой-то другой Корнелий, у которого есть раб Филерот? Имя Филерот широко распространено, Корнелиев же настолько много, что [ими] уже даже была организована коллегия.*

В то время ещё часто случались сходки мятежных людей без официального разрешения во вред государству. Из-за этого впоследствии коллегии были уничтожены и сенатусконсультом, и многими законами, за исключением немногих и известных, [существования] которых требовало благо государства, как, например P, коллегий художников и скульпторов.

Fr. 46 P *Но ведь ты, Гай Корнелий, принудил консула обратиться с этим призывом тяжёлого и наитруднейшего времени: чтобы те, кто желает видеть государство здоровым, содействовали принятию закона.*

Гай Пизон, который был консулом в том же году, в котором Корнелий был народным трибуном, когда на основании сенатусконсульта внёс закон против подкупа более строгий, чем существовал ранее, и вследствие [того], что толпа раздатчиков, которые силой воспротивились [этому], был изгнан с форума, объявил то, [с. 76] что упоминает Цицерон, и, сопровождаемый большим отрядом, спустился на форум для внесения закона.

Он говорит, что плебс из-за неудачи Манилия побеждён и усмирён:

Fr. 48 P *Говорят, вследствие безрассудства этого народного трибуна вас можно настроить так, чтобы одно имя этой власти было для вас ненавистно; из тех же, кто эту власть восстановил, один ничего не может [сделать] в одиночку против многих, а другой – уехал в дальние края.*

Я полагаю, для вас очевидно, что имеются в виду Марк Красс и Гней Помпей, из которых Красс тогда находился в числе судей Корнелия, Помпей вёл в Азии войну с Митридатом.

Fr. 49 P *Тогда в них была такая доблесть, что на шестнадцатый год после изгнания царей из-за не знающего меры владычества власть имущих удалились [из Рима], сами восстановили себе священные законы, избрали двух трибунов. Ту гору за Аниеном, ныне называемую Священной горой, на которой они разместились, вооружённые, они посвятили богам для увековечения в памяти. И таким образом на следующий год, после ауспиций, народные трибуны были избраны куриатными комициями.*

Я скорее склонюсь к тому, что в этом месте ошиблись переписчики, чем поверю, будто Цицерон неверно употребил это слово. Ведь в то время, о котором говорится, что это было через шестнадцать лет после изгнания царей, плебс себе священные законы не «восстановил» – ведь у него никогда не было народных трибунов – но тогда впервые он их «установил». Количество же лет после изгнания царей, когда это было сделано, он называет правильно; это произошло в

консульство Авла Вергиния Трикоста и Луция Ветурия Кикирина [494 г.]. Кроме того, [с. 77] некоторые сообщают, что тогда были избраны не два народных трибуна, как говорит Цицерон, но пять – по одному от каждого разряда. Однако есть и те, которые называют то же самое количество (два), что и Цицерон: среди них Тудитан и Помпоний Атик, и также наш Ливий. Он же [Ливий] и Тудитан прибавляют, что трое были избраны позднее по закону, [внесённому] теми двумя, которые составляли коллегию. Имена двоих, которые были избраны первыми, сообщают следующим образом: Луций Сициний, сын Луция, Велут и Луций Альбиний, сын Гая, Патеркул.

Остальная часть этого отрывка, которая касается второго учреждения трибунов и конца власти децемвиров, коротко и ясно рассказывается [им] самим. Он не добавляет только имён того из децемвиров, кто добился признания девушки рабыней вопреки свободному статусу, и отца, по отношению к дочери которого он это постановил; разумеется, всем прекрасно известно, что этим децемвиром был Аппий Клавдий, отцом же девушки – Луций Вергиний. Нужно разъяснить одно только то место, в котором он сначала о второй сецессии плебеев, а затем о заключённом соглашении, рассказывает так:

Fr. 50 P *Тогда они, вооружённые, возвратились в Рим благодаря клятвенному обещанию трёх послов, мужей, занимавших высшие посты в государстве. Расположились на Авентине; оттуда, вооружённые, двинулись к Капитолию; при помощи понтифика, поскольку не было магистратов, избрали десять народных трибунов.*

Тремя послами, имён которых он не называет, были Спурий Тарпей, Гай Юлий и Публий Сульпиций, все консуляры; великим понтификом был Марк Папирий.

[с. 78] **Fr. 51 P** *Также я не буду говорить о [законах], более близких к нашему времени: Порциеве, источнике основанной на праве свободы; Кассиеве – по этому закону укрепились справедливость и действенность голосования; другом Кассиеве, который придал силу судопроизводству народа.*

Что это за закон Кассия, по которому укрепилась действительность голосования, очевидно; ведь он сам также немного ранее сказал, что закон Кассия установил, чтобы народ голосовал, используя таблички. Что это за другой закон Кассия, который придал силу судопроизводству народа, может вызвать вопрос. [Закон] же этот следующий. Луций Кассий, сын Луция, Лонгин, народный трибун, в консульство Гая Мария и Гая Флавия [104 г.] внёс многие законы, направленные на ослабление власти знати, в числе которых был также и такой, чтобы тот, кого народ осудил или лишил империя, не заседал в сенате. Внёс же его он в наибольшей степени вследствие вражды с Квинтом Сервилием, который за два года до этого был консулом и которого народ лишил империя, потому что он неудачно вёл войну с кимврами.

Говорит о знатных:

Fr. 52 P *И они не только при жизни Суллы, но даже и после его смерти считали необходимым всегда всеми силами сохранить это и наивраждебнейшим образом отнеслись к Гаю Котте, потому что он, будучи консулом, несколько добавил народным трибунам не власти, но достоинства.*

Этот Котта, как, я полагаю, вы помните, внёс закон, чтобы народным трибунам впоследствии дозволялось занимать другие магистратуры, какового права они были лишены по закону Суллы.

Fr. 53 P *Сколь же долго по отношению к вам плебс будет такого мнения, которое он обнаружил, когда не только принял закон Аврелия и [закон] Росция, но даже настоятельно требовал их [принятия].*

По закону Аврелия суды были разделены между сенаторами, сословием всадников и эрарных трибунов. Его поддержал Луций Росций [с. 79] Отон, за два года до этого, [предложив] чтобы в театре римским всадникам на зрелищах были предоставлены 14 рядов.

Fr. 54 P *Я помню, когда в первый раз сенаторы с римскими всадниками вершили суд по закону Плавтия, человек, весьма ненавистный богам и знати, Гней Помпоний, защищался [от обвинения] по закону Вария об оскорблении величия.*

Народный трибун Марк Плавтий Сильван в консульство Гнея Помпея Страбона и Луция Порция Катона [89 г.], на второй год Италийской войны, когда всадническое сословие господствовало в судах, внёс закон при поддержке знати; этот закон имел такую силу, которую имеет в виду Цицерон; ведь по этому закону каждая триба из своего числа голосованием избирала по пятнадцати [человек], которые будут судить в этом году. Благодаря этому получалось, что в их числе оказывались также и сенаторы, и даже кое-кто из самого плебса.

За Корнелия [вторая речь].

Fr. 3 P *Неужели вы пребываете в неведении, кто эти свидетели? Я вам назову их. Двое оставшихся – из консуляров, враги трибунской власти. Далее за ними следуют несколько их приспешников и прихлебателей.*

Он имеет в виду Марка Лукулла и Марка [Мамерка. – В.Х.] Лепида. Ведь, как мы уже сказали, против Корнелия свидетельствовали пять консуляров: Квинт Катул, Квинт Гортензий, Квинт Метелл Пий, великий понтифик, которых он затрагивает этой второй речью, и двое, которые ещё не выступили и которых он здесь упоминает, – Лукулл и Лепид.

Fr. 6 P *Что же? Твой дядя по матери, знаменитейший муж, [имеющий] знаменитейшего отца, деда, предков, при молчании и благосклонности знати [с. 80] и отсутствии интерцессоров даровал римскому народу и отнял у своих коллег, могущественнейших людей, право кооптации жрецов.*

То, что это нуждается в объяснении, так как в этом месте он [Цицерон] не называет имени того, кто это сделал, может показаться лишь тому, кто забыл, что меньше, чем за 20 строк до этого Цицерон о нём же сказал следующее:

Fr. 5 P *Но если я по-дружески пожелал бы спросить у Квинта Катула, мужа умнейшего и образованнейшего: какой же из трибунатов тебе менее приходится по душе, Гая Корнелия либо (я не скажу – Публия Сульпиция, или Луция Сатурнина, или Гая Гракха, или Тиберия Гракха, не назову никого, кого они считают мятежниками) твоего дяди по матери, Квинт Катул, славнейшего и чрезвычайно любившего отечество мужа? Что же ты мне думаешь ответить?*

Следует:

Fr. 7 P *Что же? Каким образом тот же самый Домиций, будучи народным трибуном, напал на консуляра Марка Силана?*

Марк Силан был консулом за пять лет до того, как Домиций стал народным трибуном, и он сам также неудачно вёл войну с кимврами: по этой причине Домиций привлёк его к суду перед народом. Он обвинял его в том, что он начал войну с кимврами без повеления народа, и это стало началом несчастий, которые народ испытал из-за этой войны; и он также выпустил об этом письменный документ. Но Силан был полностью оправдан; ведь только две трибы, Сергия и Квирина, проголосовали за его осуждение.

[с. 81] Fr. 8 P *Это такого рода контроверза, что мне по душе народный трибун Гней Домиций, Катуту – Марк Терполий.*

Очевидно, что [Цицероном] было выбрано самое незначительное имя из тех, кто были народными трибунами после ослабления трибунской власти Суллой и до её восстановления Гнеем Помпеем. Он [Марк Терполий] был народным трибуном за 12 лет [до этого] в консульство Децима Брута и Мамерка Лепида [77 г.]; Гней Домиций был трибуном за 38 лет [до этого] во второе консульство Гая Мария и консульство Гая Фимбрии [104 г.].

Корнелий был оправдан большинством голосов.